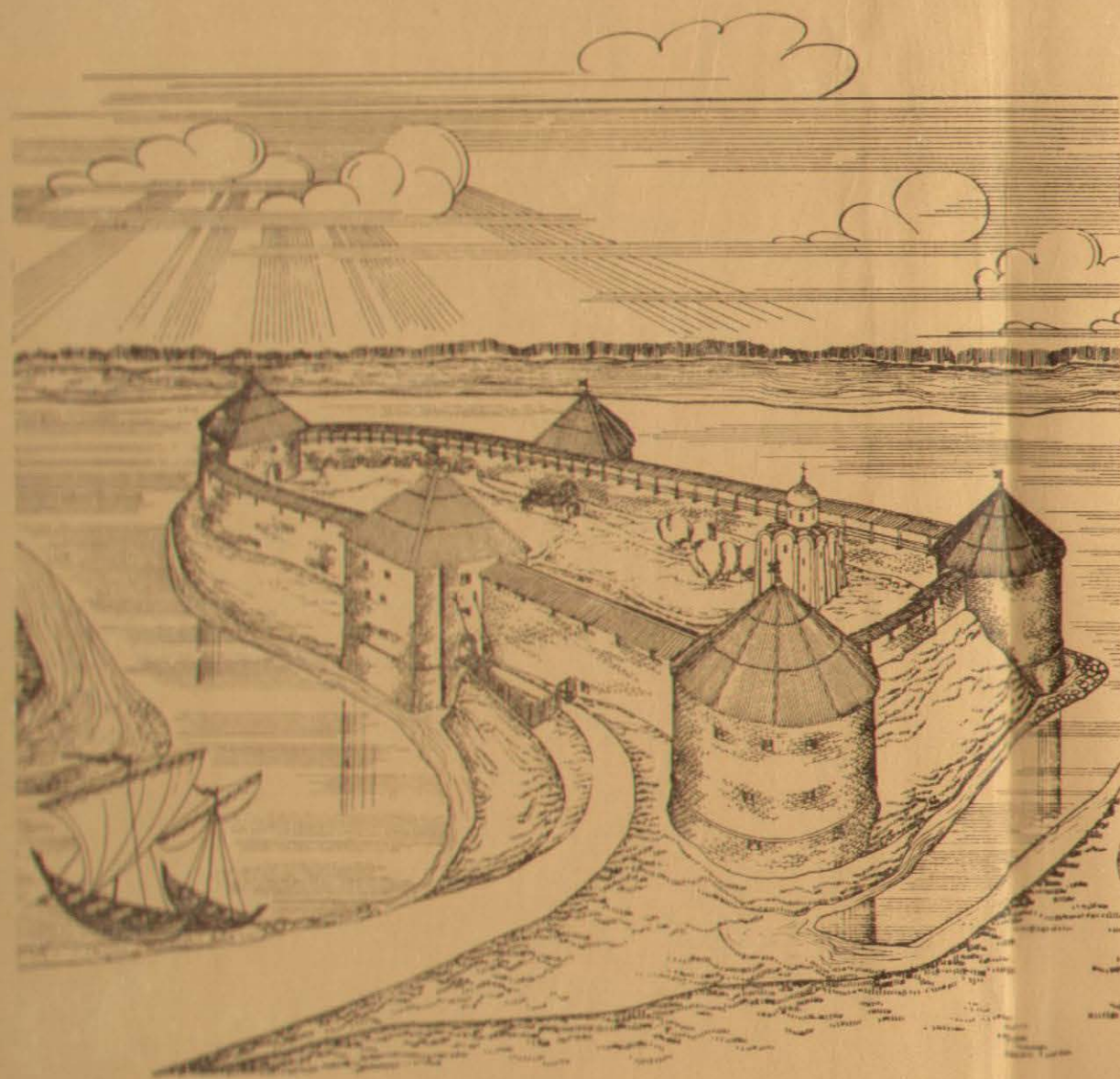

А.Н.КИРПИЧНИКОВ

**КАМЕННЫЕ
КРЕПОСТИ
НОВГОРОДСКОЙ
ЗЕМЛИ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

А. Н. КИРПИЧНИКОВ

КАМЕННЫЕ КРЕПОСТИ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Ответственный редактор
П. А. РАЩОПОРТ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1984

Работа представляет собой историко-археологическое произведение, в котором излагаются результаты новых исследований каменных оборонительных сооружений городов Новгородской земли — Ладоги, Орешка, Корелы, Тиверского городка, Копорья, Ямгорода и Порхова. В каждом из упомянутых городов, оборонявших северные и западные рубежи Северной Руси, открыты и изучены неизвестные ранее военные и гражданские постройки конца IX—XVI в., что позволило по-новому обрисовать развитие каменной фортификации эпохи русского средневековья.

Рецензенты:

Г. С. ЛЕБЕДЕВ, А. Л. ЯКОБСОН

ВСТУПЛЕНИЕ

Каменным щитом Руси можно назвать крепости Новгородской Руси, выстроенные в период зрелого средневековья на ее северо-западных рубежах. Эти сооружения открыли в истории русской фортификации новый период, характеризующийся резким усилением самих крепостных сооружений и увеличением их стратегического значения. Фортификация в то время впервые выдвинулась как действенный фактор борьбы и сопротивления наряду с господствовавшим раньше в системе военного дела полесым боем.

Плавное развитие домонгольского военного зодчества было нарушено катастрофами, обрушившимися на Русь в XIII в. Все последующее время, однако, не было периодом упадка древнерусской фортификации, оно наполнено резкими переменами, напряженными исканиями и неожиданными решениями. Прежние приемы осадного искусства перестали удовлетворять. Развернулось ускоренное развитие осадной техники. От «приступных» боев под стенами городов перешли к прямому штурму, в связи с чем повысилось значение и размах военно-инженерных работ. Наступило время возведения все более мощных укреплений, и во второй половине XIV в. оборона крепостей стала превосходить силу их атаки. Это было достигнуто наращиванием прочности и высоты стен, массовым строительством башен, созданием усложненных входов и труднопреодолимых подступов к крепостям. По умножению новых долговременных устройств, темпу строительства, внедрению новинок, общему безостановочному усилению укреплений русская фортификация зрелого средневековья пережила крупнейший в своей истории инженерный скачок, который можно назвать эпохальным и который, конечно, занял не один год, а растянулся примерно с середины XIII до середины XV в.

Закономерно, что именно в этот переломный период строительство каменных крепостей стало государственной необходимостью. Не случайно, что тогда же впервые в истории Северной Руси возник пограничный заслон от нападения извне, включающий такие «каменные города»,¹

¹ По древнерусской терминологии слово «город» обозначало прежде всего крепостную ограду. Второе значение города — вообще населенного пункта — вплоть до XVII в. не использовалось как основное (Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. — МИА. 1961. № 105, с. 97).

как Ладога, Орешек, Корела, Копорье, Ямгород и Порхов. Новостроенные укрепления выполняли общегосударственные функции защиты не только собственного городского населения, но и всей округи и проходящих через нее путей сообщения. Это правило, известное и в домонгольское время, в течение XIII в. приобрело новый смысл. Выросла стратегическая и пограничная роль укреплений. Их строительство соответствовало жизненно необходимым устремлениям Новгородской республики: сохранить свою целостность, свободный выход к Балтийскому морю и закрыть за собой финляндские окраины.

Военно-инженерные сооружения, особенно каменные, отличающиеся повышенной по сравнению с деревянными долговечностью и «твердостью», стали постоянно действующим фактором средневековой военной жизни и межгосударственных отношений. Они воплощали жизнестойкость народа не только в дни войны, но и мира.

Каменное военное зодчество концентрировало наивысшие достижения строительного и инженерного дела своего времени. Связь времен и новаторство выступают здесь с особой выразительностью. Для Северной Руси обращение к каменным фортификациям открыло период активного использования общеевропейского технического опыта и в инженерном отношении теснее связало не только мирных соседей, но и противоборствующие стороны. Разрыва с предшествующей строительной традицией не произошло, но впервые были потеснены деревоземляные укрепления, а каменные в условиях ужесточения борьбы и усиления осадной военной техники обнаружили прогрессирующие тактические и технические преимущества. Противопоставление «деревянной Руси» и «каменного Запада» стало утрачивать свою неопровержимость. Не отрицая значения преобладавших у нас в течение большей части средневековья деревоземляных сооружений, следует отметить, что распространение каменных, во-первых, ускорило и усложнило развитие военно-инженерного дела, во-вторых, подготовило и облегчило переход от методов борьбы с помощью самострелов и камнеметов к новым, связанным с наиболее передовым оружием своей эпохи, — огнестрельным. Неудивительно, что преобразования, наступившие под воздействием пороха и пушек, полнее всего проявились именно в каменной фортификации.

Каменные крепости Ладога, Орешек, Корела, Копорье, Ямгород, Порхов, Орлец, Тиверский городок² входили в число приблизительно 30 городов, существовавших, согласно письменным источникам, в Новгородской земле в лучшую пору ее развития. Наряду с Великими Луками, Русой и Торжком (не говоря уже о самом Новгороде) они в большинстве принадлежали к наиболее крупным населенным пунктам с развитыми посадами. Таким образом, военные функции этих городов тесно переплетались с гражданскими.

Каменные крепости русского северо-запада, в том числе и новгородские, давно привлекают исследователей; им посвящено несколько специальных работ. Новый подход к этим памятникам военной старины как

---

² Перечисленные каменные крепости неравноценны: так, Орлец и Тиверский городок имели по сравнению с шестью другими меньшее военное значение. Укрепления Псковской земли, а также Ивангорода здесь не отмечены, ибо не входят в тему нашего исследования.

произведениям со сложной строительной биографией предложен в брошюре В. А. Богусевича.³ «Совершенно очевидно, — писал автор, — что реконструкция военных сооружений, проживших многовековую историю, при коренных изменениях военной техники... вызвала капитальные изменения их первоначального вида и конструкции».⁴ Впрочем, заметки В. А. Богусевича о северных крепостях получились довольно беглыми и имеют лишь историографический интерес, так как ныне полностью преобладают работы П. А. Раппопорта и В. В. Косточкина.⁵ Капитальные труды этих ученых выдвинули историю русской средневековой фортификации в отношении ее изученности на одно из первых мест в советской медиевистике. П. А. Раппопорт и В. В. Косточкин разработали новую методику исследования военно-инженерных сооружений, учитывающую сложные и взаимопереплетающиеся факторы социально-экономической, военной и строительной истории. П. А. Раппопорт в своих очерках о военном зодчестве впервые создал карту новгородских крепостей, обрисовал систему их защиты и рассмотрел планировку, устройство, тактику осады и обороны этих укрепленных пунктов. В. В. Косточкин, углубленно изучавший именно каменные оборонительные объекты, задался целью связать развитие военной архитектуры с эволюцией огнестрельной техники. Не обошел вниманием исследователь и укрепления Новгородской земли; он рассмотрел их с учетом того сдвига, который стал возможен благодаря распространению пороха и пушек. В ряде выводов — относительно планировки и конструкции крепостей, организации огня, периодизации развития оборонительных сооружений — исследователи пришли к сходным заключениям. Имеются и расхождения во мнениях, например по вопросу о сроках и темпах влияния огнестрельного оружия на укрепления, но они правомерны и не затмевают ни общей картины истории фортификации, ни ее отдельных деталей.

Новый цикл исследований каменных крепостей является закономерным продолжением работ, предпринятых П. А. Раппопортом и В. В. Косточкиным. Он основан на специальном археологическом исследовании упомянутых выше крепостей, систематически проведенном экспедицией ЛОИА АН СССР в 1968—1981 гг.⁶

Если раньше изучение ряда северо-западных городов-крепостей ограничивалось визуальным осмотром, то предпринятые здесь археологические изыскания умножили наши знания и привели к существенным открытиям. Достаточно сказать, что почти во всех исследованных восьми

³ Богусевич В. А. Военно-оборонительные сооружения Новгорода, Старой Ладogi, Порхова и Копорья. Новгород, 1940.

⁴ Там же, с. 4.

⁵ Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества... Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII—начала XVI в. М., 1962. Работы этих авторов, посвященные отдельным сюжетам, упомянуты ниже в соответствующих главах.

⁶ Экспедиция под руководством автора этих строк работала в сотрудничестве с кафедрой ЛГУ, ЛООВОПИК, Управлением культуры Леноблсполкома, ГМИИ. В ее составе в разные годы принимали участие научные сотрудники, аспиранты Сектора славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР В. А. Назаренко, Е. А. Рябинин, Е. Н. Носов, В. П. Потрепко, А. И. Сакса, М. М. Казанский, Н. В. Хвоцицкая, В. А. Кольчатов, В. И. Кильдешевский, А. А. Пескова, В. А. Лапшин.

каменных крепостях обнаружены неизвестные ранее части первоначальных строений и раскрыто их устройство и планировка.⁷ Фактически исследованные объекты предстали ныне в новом свете, в особенности что касается доогнестрельной истории этих памятников.

В целях широкого исторического подхода к предмету исследования была реализована комплексная программа научного поиска. Обследовались не только крепостные, но и культовые, жилые, хозяйственные, гидротехнические, дорожные и другие сооружения, выяснялись характер и содержание культурных наслоений, проводилась разведка околорадий и выявлялась территория посадов. Спили от связей и бревен каменных и деревянных построек послужили для дендрохронологических определений, произведенных со всей тщательностью Н. Б. Черных.⁸ Изучение интересующих архитектурных комплексов строилось на использовании исторических, графических, архитектурно-реставрационных и других отечественных и иностранных источников.

Важнейшее значение для нашей темы имеют летописи, описывающие события новгородской истории, — Новгородская первая летопись младшего извода, составленная в 1447 г., летопись Авраамки, созданная на основе новгородских записей в 1495 г., и ряд иных. Ценность этих известий заключается в том, что они современны своей эпохе, достоверны в отношении событий военной и строительной истории. Как бы лаконичными порой кажутся такие сообщения (летописи, например, не упоминают имен зодчих и вообще скуны на детали), они образуют бесценную фактическую основу исследования, без которой медиевист блуждал бы в потемках предположений и догадок.

Новую ценность сведения письменных источников приобретают, когда их удается соотносить с данными археологии. На примере новгородских крепостей летописи и археология сопоставимы и дополняют друг друга: ряд фактов письменности нам удалось соотносить с археологическими объектами, что уменьшило разрыв, существующий между летописным словом и, казалось, навсегда исчезнувшим объектом, которому оно посвящено. Следует также подчеркнуть, что богатство новгородских строительных записей намного превышает отложившийся в эпоху Московского царства запас летописных сообщений о северных крепостях. Эти поздние известия очень отрывочны, что, вероятно, объясняется не только свертыванием местного летописания, но и утратой в силу разных причин самих оригиналов.

Фонд средневековых письменных документов о русских крепостях оказался возможным пополнить привлечением 100 большей частью неопубликованных планов крепостей, бывших в XVII в. под властью шведов (Нотебург-Орешек, Ямгород, Копорье, Кексгольм-Корела, а также Ивангород). Планы получены в фотокопиях при любезном содействии

⁷ Предварительные публикации помещены в АО за 1968—1981 гг. Пользуясь случаем, выражаю признательность архитектору Е. Г. Араповой за ряд выполненных для книги чертежей. О раскопках Орешка см.: Овсянников О. В. Каменный кремль XIV в. в низовьях Северной Двины. — КСИА, 1974, вып. 139, с. 114—117.

⁸ Колчин Б. А., Черных Н. Б. Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977, с. 109 след.

администрации шведских Королевского военного и Государственного архивов. Созданные в XVII в. шведские чертежи являются древнейшими сохранившимися графическими изображениями упомянутых крепостей. Эти листы точно фиксируют постройки русского времени, воспроизводят наименования башен и городских районов, восходящих к XVI в. Шведские планы содержат новую и ценную информацию о внутренней и внешней планировке крепостей, наличии улиц, каналов, мостов, домов и церквей, неукрепленных посадов, подъездных путей. Использование упомянутых чертежей помогло открыть несохранившиеся ныне на поверхности земли отдельные сооружения или их детали, а также и целые военно-инженерные комплексы (например, Ямгород).⁹

В итоге проведенных изысканий историко-архитектурная ценность крепостных ансамблей (насколько применимо здесь это понятие) возросла, что, можно надеяться, скажется на усилении охраны и приспособлении их для музейных целей.¹⁰

Задачи и цели настоящего исследования предопределены новыми данными, полученными в ходе археологических, архивных и иных изысканий. Не повторяя того, что сделано другими специалистами, в этой книге будут последовательно рассмотрены каменные укрепления городов Новгородской земли XIII—XV вв.; их местоположение, история, боевая роль, последовательность строительства, архитектурные особенности, устройство военно-инженерных сооружений. В необходимых случаях затронуты вопросы заселения, внутренней планировки, водоснабжения; характеризуется околорадье, подъездные пути, а также археологические находки. Большинство исследованных крепостей возникло и существовало в до- и раннеогнестрельный период. Сооружения победившей в конце XV в. пушечной фортификации использованы в той мере, в какой это способствует познанию их архитектурных предшественников.

Особое место в книге уделено Ладоге, которая выдвинулась в пору образования русского раннесредневекового государства, т. е. в период, предшествующий сложению Новгородской земли. Однако невозможно было обойтись и без ладожских древностей доновгородского периода — столь велик был вклад этого центра в сокровищницу русского градостроения. Крепости обособившейся в середине XIV в. Псковской земли не рассматриваются. Эта тема заслуживает самостоятельного исследования, тем более что в их строительстве (за исключением Пскова) новгородцы участия не принимали.

Работа выполнена в Секторе славяно-финской археологии ЛОИА АН СССР при дружеской поддержке товарищей по работе.

---

⁹ Все иллюстрации книги, происхождение которых не оговорено, выполнены автором или при его участии.

¹⁰ Некоторые не вызвавшие споров рекомендации такого рода высказаны автором в ряде газетных публикаций. Музеем международного класса мог бы стать Орешек. Ждет приведения в порядок крепость Копорье (при существующих темпах работы там затянутся на многие десятилетия). Целесообразно было бы экспонировать «под открытым небом» законсервированные руины крепости Ямгорода и отдельной башни в Кореле. В 1979 г. по инициативе ЛОИА АН СССР, Ладожской археологической экспедиции и ЛООВОПИК в с. Старая Ладога был создан Историко-архитектурный и археологический музей-заповедник. Надо надеяться, что такой акт положительно скажется на восстановлении памятников ладожской архитектуры и археологии.

ОБОРОНА И ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Сооружение каменных крепостей Новгородской земли разворачивалось в тяжелейший для русской истории период монгольского нашествия и происходило в районе, уцелевшем от прямого Батыева погрома. Воспользовавшись общим ослаблением Руси, ее западные соседи, и прежде всего шведские, немецкие и датские феодалы, подчинив к тому времени часть прибалтийско-финских племен, перешли в 40-х гг. XIII в. в наступление на северорусские территории. Битвы у Невы и на льду Чудского озера приостановили немецко-шведский натиск. Потеряв надежду добиться успеха в полевых сражениях, захватчики прибегли к тактике отторжения земли по частям с помощью пиратских военных десантов и строительства укреплений в глубинных районах. Преследовалась при этом цель захватить побережье Финского залива и отрезать от Новгорода паходившие от него в даннической зависимости земли карел, води и ижоры.¹ Вначале такая тактика принесла успех. В 1293 г. в Западной Карелии был основан Выборг, который новгородцам не удалось отвоевать.² В 1294 г. датский наместник начал ставить «крепостцу»³ на русской стороне р. Наровы, а год спустя шведский острожок появился в устье Вуоксы, но эти предприятия окончились разрушением городков и изгнанием неприятеля.⁴ Однако в 1300 г. в устье Невы шведы возвели еще одну крепость. «утвердиша твердостию несказанною... из великаго Рима от папы мастер принедоша нарочит».⁵ На следующий год новгородцы с помощью низовских полков захватили и разрушили и эту крепость, «и бысть пи во что же премудрость их и градная их крепость».⁶ В предвидении новых вторжений противника новгородцы были вынуждены изменить свою традиционную политику широкого автономизма по отношению к финноязычным окраинам своей земли. Начиная с последней трети

¹ Патута В. Т. Борьба народов Руси и Восточной Прибалтики с агрессивней немецких, шведских и датских феодалов в XIII—XV вв. — ВП, 1969, № 7, с. 109 след.

² Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов. М.; Л., 1950, с. 327.

³ Первая попытка поставить здесь укрепление предпринята датчанами и шведами в союзе с емью и сумью еще в 1256 г. (Новгородская первая летопись..., с. 81).

⁴ Новгородская первая летопись..., с. 328.

⁵ Там же, с. 330.

⁶ Никоповская летопись. — ПСРЛ, 1885, т. 10, с. 173.

XIII в. эти районы были включены в состав «всей волости Новгородской».⁷ В центре Водской земли и Приладожской Карелии были сооружены в 1297 г. и примерно в 1300 г. русские форпосты, ставшие опорой новгородской власти.

Новгород не смог вернуть захваченные шведами земли Западной Карелии, но создание им новых городов предотвратило дальнейшее продвижение западных противников, закрепило за русскими часть побережья Финского залива и обеспечило (особенно после основания в 1323 г. Орешка) свободный выход к Балтийскому морю. Так, с помощью аврельных военно-инженерных предприятий была остановлена сильнейшая волна «натиска на восток». В дальнейшем военная обстановка на северо-западных рубежах несколько стабилизировалась. Ливонские немцы вплоть до середины XV в. не предпринимали здесь сколько-нибудь широких захватнических военных операций. Более беспокойным оказалось для Новгорода соседство шведов, в середине XIV в. вновь перешедших в наступление. Крупные столкновения с противником происходили примерно каждые 30—50 лет. Шведский рубеж рассматривался как наиболее опасный. Подтверждают это и военные объединения северо-западных городов под единым командованием. С начала XIV в. в практику вошла передача «в кормление» и, следовательно, в защиту провинциальных центров наемному князю-военачальнику. Словами присяги одного из приглашенных князей, «которые иноплеменницы пойдут к Новугороду ратью, боронитися от них князю (имя рек, — А. К.), съединого с новгородчи».⁸ Характерен перечень населенных пунктов, выделяемых время от времени в состав военно-служебного княжения. В 1333 г. князь Наримонт Гедимирович получил во владение Ладогу, Ореховый, Корельский, Корельскую землю, пол Копорья.⁹ Так едва ли не впервые на земле Новгородской республики был организован заслон, включавший цепочку северных крепостей. По замыслу властей противника еще до подхода главных сил могли встретить и задержать городские ополчения, что действительно и происходило. В течение всего XIV в. новгородцы направляли служебных князей в свои северные форпосты,¹⁰ а с XV в. еще и в южные города; в некоторые из последних, впрочем, стал посылаться особый военачальник.¹¹ Северо-западная граница Новгорода разделялась на два отрезка¹² (рис. 1). Первый, длиной 20 км, пролегал по р. Нарове до впадения

⁷ Новгородская первая летопись..., с. 89; ср.: Куза А. В. Новгородская земля. — В кн.: Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975, с. 184.

⁸ Летопись Авраамки. — ПСРЛ, 1889, т. 16, с. 149.

⁹ Новгородская первая летопись..., с. 340.

¹⁰ Такого рода сведения в летописи помещены под 1383 и 1389 гг. (Новгородская первая летопись..., с. 379 след.).

¹¹ Так, в 1407 г. князь Семен Ольгердович получил северо-западные крепости, а князьям Даниле и Юрию Александровичам был дан Порхов. (Никоповская летопись. — ПСРЛ, 1897, т. 15, с. 198; Новгородская первая летопись..., с. 400). Полагают, что не позже 1384 г. Новгород знал две параллельно существующие системы княжеских кормлений (Янин В. Л. Князья Копорские. — Вестн. ЛГУ, 1978, № 6, с. 17, 18.)

¹² Предлагаемая карта укреплений Новгородской земли составлена с учетом границ, какими они были в XIV—первой половине XV в., включая и те районы (Вологда, Бежецкий Верх, Волок Ламский), которые первоначально были за Новгородом, но в дальнейшем в ходе столкновений с Литвой и Москвой оказались

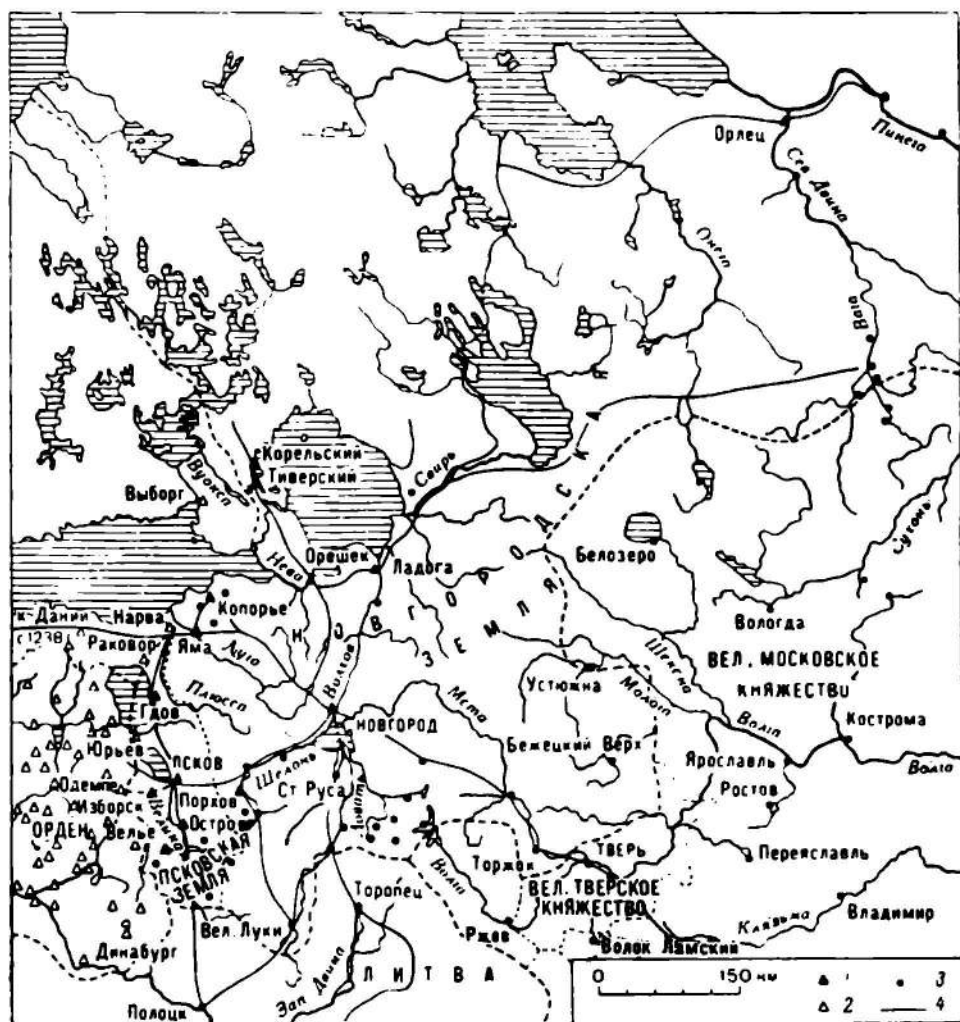

Рис. 1. Укрепления Новгородской земли.

1 — каменные; 2 — деревоземляные.

в нее р. Плюсы, второй, утвержденный по Ореховскому договору 1323 г., начинался от р. Сестры на юге и упирался в северную оконечность Ботнического залива. Установился северо-западный рубеж в первой четверти

спорными. За рубежами Новгородской земли показаны лишь основные деревоземляные крепости; отмечены также и каменные ливонские замки, построенные до середины XV в. При нанесении на карту сухопутных и речных дорог использована работа: Голубцов И. А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI—XVII века и отражение их на русской карте середины XVII века. — Вопр. геогр. М., 1950. сб. 20, с. 271 след.

XIV в., а его военное укрепление городами завершилось в 1384 г. постройкой Ямгорода и в 1492 г. — Ивангорода. Вплоть до конца XVI в. эта линия определяла в очерченном регионе разграничение соседящих государств (правда, русское правительство неоднократно указывало Швеции на незаконность констатированного в Ореховском договоре отторжения Западной Карелии). Северо-западный рубеж (пожалуй, точнее — фронт) требовал использования как каменных крепостей, так и тяжело-вооруженных отрядов «кованой рати», которая могла бы противостоять облаченным в железо орденским рыцарям и шведским квестам.

Иное положение сложилось на юго-востоке Новгородского государства, где оно граничило со Смоленском, Литвой, Тверским и Московским княжествами. На этих рубежах располагались более редкие, чем на северо-западе, деревянные крепости, из них сильнейшими были Торжок, Руса, Великие Луки и построенный в 1239 г. деревоземляной Порхов. До середины XIV в. эта полоса казалась новгородцам не слишком опасной. Зачастую военные события здесь были обычными междоусобными войнами «с победой на час», так хорошо знакомыми человеку средневековья. Однако со второй половины XIV в. все большее беспокойство новгородцев вызывало давление Литвы, в начале XV в. захватившей Смоленское княжество. Ответом явилось строительство второго, на этот раз каменного, Порхова. Нововозведенная крепость оказалась единственной, защищающей как южные, так и юго-западные подступы к Новгороду. Действительно, западная граница была слабо укреплена. Здесь новгородцы полагались на защиту сильных псковских крепостей, принимавших главные удары орденских немцев.

Возвращаясь к характеристике южной границы, отметим ее особенность. Вплоть до 1440-х гг. борьба Новгорода с великими московскими князьями не стала еще борьбой против создания объединенного Русского государства. Существовало определенное общерусское единство некоторых политических и культурных интересов. Новгород, словно выжидая наступления мирных времен, не укреплял московской и тверской границы. Наоборот, «борьба Новгорода с западными врагами за самостоятельность и сохранение своей территории была важным делом для всей Великороссии»,¹³ и в этом отношении его оборонительные мероприятия отличались последовательностью. Обращает внимание также природная труднопроходимость южной границы. Нескопые болота, леса и топи мешали продвижению сколько-нибудь крупных конных армий. Рассказывая о походе на Новгород Ивана III, летописец отметил, что «земля же их быше Новгородская озеры и болоты велики наводнеца, и того ради в летней године рать на них копая николи же не бывала ни от которых прежних господарей великих князей... в лето без опасы живуще наводнения ради земли их».¹⁴ Это высказывание летописца не вполне точно. Походы на Новгород случались и раньше (например, великих князей Ярослава Ярославича в 1270 г. и Дмитрия Ивановича в 1386 г.), однако они были редки. Укрытость Новгорода с юга была известна пи-

¹³ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л. 1961, с. 235.

¹⁴ Софийская I летопись. — ПСРЛ, 1853, т. 6, с. 11.

зовским ратям и в немалой степени «ублюде» город от монгольских погромов в 1238 и 1327 гг.¹⁵

Территория Новгородской земли кажется условно поделенной на две несхожие зоны военных действий: северо-западную, требовавшую тяжелого, в том числе осадного, вооружения и каменных укреплений, и юго-восточную, рассчитанную на легковооруженного противника и подвижную копьную рать, часто не имевших достаточной «приступной» техники и не штурмовавших городов.¹⁶

Разделение фронтов Руси в связи с особенностями боя с южным и западным противниками сложилось еще в домонгольское время. В период зрелого средневековья подобное разделение не было забыто, но сдвинулось к северу и стало присуще Новгородской и Псковской землям. Сказались эти особенности и на военно-инженерном деле, обусловив разную направленность каменного и деревоземляного строительства. Таким образом, сама концентрация каменных крепостей точно отражала географию обороны, сложившуюся на северо-западе Руси в период зрелого средневековья.

Организация обороны Новгородского государства строилась на географическом моноцентризме. Срединное место земли, удаленное от границ не менее чем на 180—210 км, занимала столица. От нее веерообразно расходились сухопутные и речные пути, защищенные провинциальными городами. Крупнейшие из них, во-первых, являлись административно-хозяйственными центрами своих округов-волостей, во-вторых, были расположены на магистральных путях. Пользуясь, в частности, данными «Выписи из Новгородских изгонных книг», можно схематически представить следующие основные охраняемые пути сообщения Новгорода Великого. Водскую дорогу защищало Копорье. В дальнейшем с усилением западных связей (как сухопутных, так и речных) эти функции перешли к Ямгороду. Путь в Карелию, Каянскую землю и к Выборгу прикрывали Корела и Орешек. Последний вместе с Ладогой господствовал на Невско-Ладожско-Волховском озерно-речном пути. На Яжелбицкой дороге к Москве и Твери паходился Торжок. Смоленская дорога через Торопец вела к Русс. Порхов и Великие Луки охраняли сообщение с югом Псковской земли, а также с Полоцком. Приведенный перечень показывает, что, прежде чем добраться до Новгорода, наступающие в большинстве случаев неминуемо должны были пройти через волостные столицы. Эти населенные пункты, как правило, нельзя было миновать или обойти, оставив в тылу. Хотя областные города Новгородской земли были редки и нигде не образовывали сплошной пограничной линии, они в случае необходимости становились теми заставами, которые блокировали основные дальние подступы к Новгороду и первыми принимали на себя удар неприятеля. Таким образом, военные действия обычно начинались на окраинах государства, а Господин Великий Новгород получал необходимую паузу для мобилизации и выставления объединенных главных сил.

¹⁵ Новгородская первая летопись... с. 76. 341.

¹⁶ Исключением здесь был Торжок, с 1312 г. переходивший от новгородцев в руки тверичей, то московичей. Однако осад города летопись не описывает.

Сущность новгородской военно-оборонительной стратегии заключалась в максимальном укреплении провинциальных городов, чтобы сковать действия потенциального врага уже на рубежах своей земли. Эта доктрина себя полностью оправдала. Трудно в Восточной Европе найти другой город, который в течение целых столетий не подвергался непосредственному нападению и оставался в такой поразительной по средневековым меркам недосыгаемости и безопасности. Достаточно сказать, что между 1066 (когда город был взят Всеславом Полоцким) и 1478 гг. (когда произошла сдача войскам Ивана III) Новгород лишь однажды в 1169 г. подвергся 4-дневной осаде коалиции князей и за все это время никем не был захвачен. Бывали, правда, нечастые случаи, когда вражеские рати приближались к городу на Ильмене и даже подходили к его близким окрестностям,¹⁷ но до штурма или изнурительной защиты дело не доходило. Войны обычно полыхали на границах республики, вынуждая ее на стратегически уязвимых направлениях строить форпосты, лихорадочно их укреплять, посылать в опасные места рати, устанавливать сторожевую (в том числе и береговую) службу.

Размах и темп оборонительного строительства определялись в первую очередь военными обстоятельствами, особенно готовящейся или уже разразившейся войной. Сопоставим ряд фактов 1380—1390-х гг. Эти два десятилетия были одними из самых тревожных в истории боярской республики и характеризовались небывалыми по напряженности защитными приготовлениями.

В 1368 и 1370 гг. следуют опустошительные походы литовского князя Ольгерда на Москву. Тверичи в 1372 г. сжигают Торжок. «Того же лета копаша ров около Людина конца и Загородья и Неревьского конца».¹⁸ В этих словах описаны первые работы по созданию постоянных укреплений Новгородского посада-ostroга.

В 1381 г. литовско-немецким войском осажден Полоцк, в 1382 г. орда Тохтамыша сжигает Москву («колико хрестьян мечем иссекоша, аще бы мощно те вси убетке исчести, число не может»)¹⁹. «В 1383 г. копаша ров около Софейской стороне, к старому валу»,²⁰ а год спустя основан Ямгород.

В 1386 г. великий князь Дмитрий Иванович ведет к Новгороду большое войско из 29 отрядов. Год спустя, откупившись от грозной рати, новгородцы «копаша вал»²¹ около Торговой стороны. Тогда же строится каменный Порхов.

В 1392—1397 гг. следует серия немецких и шведских рейдов к городам Орехову, Яме и в Карелию.²² В 1393 и 1394 гг. происходят столкновения с Москвой и Псковом. В 1395 г. литовскому князю Витовту удастся захватить Смоленск. В Новгороде в 1391 г. впервые строят «костры камешные по обе стороне острога у всякой улицы»,²³ а на некоторых участ-

¹⁷ Эпизоды такого рода отмечены летописцем под 1069, 1270, 1281, 1317, 1327, 1386, 1456, 1471 гг. (Новгородская первая летопись... с. 17 след.).

¹⁸ Новгородская первая летопись... с. 372.

¹⁹ Летопись Авраамки, с. 130.

²⁰ Новгородская первая летопись... с. 379.

²¹ Там же, с. 381.

²² Там же, с. 385 след.

²³ Новгородская IV летопись. — ПСРЛ. 1848. т. 4, с. 98.

ках протягивают не вал, а каменные стены. Так, посад укрепляется примерно 38 воротными и глухими башнями.²⁴ Уделяется внимание и земляным пряслам: «Копаша вал около Торговой стороне».²⁵

Под 1399 г. летописец записывает о литовском князе Витовте, что «хотел пленити Рускую землю, и Новгород и Псков».²⁶ По Салипскому договору 1398 г. немцы должны были оказать литовцам поддержку в завоевании Новгорода. В 1400 г. «заложил владыка Иоан дитицеи город камен от святого Бориса и Глеба».²⁷ Иными словами, в камне начала отстраиваться вся южная сторона кремля.

Параллелизм приведенных фактов военной и строительной истории не случаен и убеждает в том, как чутко реагировали новгородцы на ухудшение обстановки на рубежах своей земли и за ее ближайшими пределами. Защитные предприятия развертывались в большинстве случаев будто рывками, аврально, что, однако, не исключает превентивных замыслов, получавших ускоренное воплощение под давлением внешних обстоятельств.

Укрытый со всех сторон естественными и искусственными преградами Новгород в отношении собственных военно-инженерных работ был, как выясняется, не всегда «самым первым». Здесь временами больше заботились о парадной престижности оборонных начинаний. Так, по сообщению летописи между 1195 и 1311 гг. в детинце было построено шесть надвратных храмов.²⁸ Совмещали ли они функции храма и башни (как это известно по домонгольским примерам Киева, Переяславля-Русского и Владимира-на-Клязьме) или высились за боевыми башнями (как фиксируется в перестроенном при Иване III детинце) — еще предстоит выяснить.²⁹

По-видимому, до конца XIII в. Новгородский детинец был деревокаменным. Иными словами, его валы, насыпанные в 1044 и 1114 гг., примыкали к каменным проездам. Что касается каменных укреплений, то они создавались и перестраивались по частям не менее 130 лет, начиная с 1302 г. К сожалению, летописи обрисовывают фортификационные работы слишком общо. Например, при описании закладки стен летописцы в течение XIV—XV вв. упоминали в качестве ориентиров не башни, а близлежащие храмы. Такое умолчание, разумеется, не означает, что боевых башен в составе стен вовсе не существовало.

При всей лаконичности новгородских летописных известий можно уловить несколько периодов особо интенсивного каменного строительства детинца, когда, очевидно, сооружались целые участки оборонительной ли-

---

²⁴ Алешковский М. Х., Красноречьев Л. Е. О датировке вала и рва Новгородского острога. — СА, 1970, № 4, рис. 1.

²⁵ Новгородская первая летопись..., с. 385.

²⁶ Там же, с. 395.

²⁷ Там же, с. 396.

²⁸ Подобного рода постройки отмечены под 1195, 1233, 1296, 1297, 1305 и 1311 гг. (Новгородская первая летопись..., с. 41 след.). Хронология этих сооружений как будто свидетельствует о создании каменных въездов в детинец, начиная с 1195 г.

²⁹ Сообщения летописи о новом «постановлении» четырех надвратных церквей между 1389 и 1426 гг. (Новгородская первая летопись..., с. 383 след.), возможно, указывают на переоборудование ворот, включавших отдельную наружную башню и примыкающую к ней изнутри церковь.

нии. Так, под 1302 г. отмечено заложение «города камня». В 1331—1334 гг. производилось возведение каменных стен в прибрежной к Волхову части («от святого Владимира до Бориса и Глеба»). В 1361 и 1373 гг. стены детинца надстраиваются, и он опоясывается рвом. Какие-то работы, возможно связанные с перестройкой первоначальных стен и возведением глухих башен, записаны под 1400, 1424 и 1430 гг. В 1450 г. имел место капитальный ремонт детинца, а в 1484—1499 гг. он был радикально перестроен в целях приспособления к огнестрельной обороне.³⁰

Поиски бесспорных кладок XIV—XV вв. увенчались пока обнаружением стены 1331—1334 гг., отходящей от Владимирской башни в южном направлении.³¹ В 1981 г. эту стену (ее ширина 2,4—2,7 м) удалось проследить на трассе 60 м. Далее она обрывалась, так как еще в 1437 г., как сообщает летописец, «оползевала земля от стены и падеся стена и колокольница от Волхова». Несомненно, однако, что укрепление имело линейное притяжение вдоль берега Волхова вплоть до церкви Бориса и Глеба. От существующей ныне стена 1331—1334 гг. была удалена в сторону реки на 19—22 м. Близость к воде оказалась для преграды архиепископа Василия губительной — она простояла лишь 103 года. Инженерный просчет был учтен. Строители, ставившие кремль в 1484—1499 гг., вновь отнесли береговую стену на прежнее, более высокое и безопасное от оползней место, где пролегал вал 1044 г.

Иным образом происходило в Новгороде развитие посадских укреплений. Вплоть до XIV в. город не имел постоянных сооружений острога. К тому же границы последнего менялись под давлением расширяющейся городской застройки. Так, строительство каменной острожной стены, начатое в 1335 г., вскоре забросили, потому что эта преграда оказалась внутри посадской территории.³² В XII—XIII вв. ограждения острога устраивали лишь в тревожные времена, аврально, очевидно, в виде рубленой стены или частокола. Только во второй половине XIV в. достигшая своего максимума посадская территория ограждается кольцевым валом с деревянной стеной и рвом. В 1391 г. по периметру этого кольца сооружаются первые каменные башни, которые были расставлены в зависимости от расположения улиц, а не фортификационной необходимости. Первые этажи башен не имели бойниц, а фланкирующая функция ослаблялась примыкавшим к ним и примерно в 3 раза превосходившим их по толщине основанием вала. При таких размерах вал в своих нижних частях значительно выступал за линию фасадного фронта башен. Недаром один иностранный путешественник сдержанно отозвался о виденных им в 1413 г. укреплениях острога, сообщив, что «город окружен плохими стенами из плетня и земли, тогда как башни каменные».³³ Характерно,

³⁰ Янин В. Л. О продолжительности строительства Новгородского кремля XV в. — СА, 1978, № 1, с. 259, 260.

³¹ Алешковский М. Х. Новгородский детинец в 1044—1430 гг. — Архит. наследство, 1962, № 14, с. 21, рис. 16.

³² Арпиховский А. В. Раскопки на Славне в Новгороде. — МИА, 1949, № 11, с. 135.

³³ Монгайт А. Л. Оборонительные сооружения Новгорода Великого. — МИА, 1932, № 31, с. 29, 30.

что в 1502 г. каменные башни острога даже без попытки их как-то модернизировать сломали, заменив деревянными стрельницами.³⁴ Эти стрельницы, конечно, были менее долговечны, чем каменные, но зато, очевидно, лучше отвечали нуждам огнестрельной защиты и более равномерно располагались по кольцу вала.

Разумеется, громадные размеры Новгорода затрудняли и удорожали возведение укреплений, которое вообще происходило очень неравномерно. Однако такое положение не было вызвано недостатком сил, беслечностью или инженерной отсталостью, а объяснялось трезвым расчетом, связанным с укрепленностью земли и природной укрытостью столицы от неожиданных военных нападений. Что же касается окраинных крепостей, то они строились и усовершенствовались по инициативе государства мобильно и энергично, с учетом передовых инженерных знаний своего времени. Последнее прежде всего касалось создания заграждений, лучше противостоящих прямому штурму. В Новгородском государстве несомненно следили за крепостным строительством, особенно на балтийско-орденском западе, и, возможно, пользовались услугами пришедших мастеров. При всем своеобразии местного городского дела оно, как показывают отдельные отчетливо выступающие технические особенности, не могло успешно развиваться, будучи в вековой изоляции. Действительно, при сооружении северорусских защитных устройств была использована общепалтийская техника полубутовой кладки и восприняты некоторые элементы орденской замковой архитектуры (имею в виду планировку и конструктивные детали). Синхронно с Западом происходила модернизация крепостей, например повышение стен во второй половине XIV в. и их утолщение в первой трети XV в.³⁵ Заботясь об обороне земли, новгородцы обнаружили не только техническую компетентность, но и опережающую века политическую и стратегическую дальновидность. Они заперли крепостями опасные направления, и поэтому ряд жизненно важных районов не был отторгнут от Новгородской земли.

При известной медлительности укрепления детинца и острога некоторые фортификационные новации (насколько можно уловить) необычно рано использовались в самом городе на Ильмене; в 1361 г. в детинце «город каменный учиниша выш». ³⁶ Аналогичные работы в Таллине и Висби имели место несколько позже.³⁷ Планировка новгородского детинца доогнестрельной поры, видимо, показалась инженерам Ивана III настолько удачной, что при успешной реконструкции в 1484—1499 гг. осталась неизменной. В период московской перестройки детинца, по мнению М. Х. Алешковского, была сохранена и старая основа некоторых башен.³⁸ Наши работы 1979 и 1981 гг. не подтвердили этого заключения. Эталонной в отношении изучения кладок кремля явилась новообнаруженная стена 1331—1334 гг. По размерам, материалу и технике она характерна только для своего времени. Стало ясно, что плитняковая кладка нижних частей башен (например, Дворцовой и Княжой) относится не

³⁴ Никоновская летопись. — ИСРЛ, 1901, т. 12, с. 266.

³⁵ См. главы об Орешке, Копорье и Порхове.

³⁶ Летопись Авраамки. с. 90.

³⁷ См. главу Копорье.

³⁸ Алешковский М. Х. Новгородский детинец 1044—1430 гг., с. 23.

к XIV в., как считали, а к концу XV в. Иными словами, сами башни и выкладки нижних частей создавались одновременно в относительно позднюю пору. Однако весь облик большинства прямоугольных башен датируется свидетельствует о явном влиянии до- и раннеогнестрельных архитектурных форм. Строители кремля, уничтожив предшествующую постройку, видимо, в какой-то мере ей подражали.

Сколько-нибудь значительные фортификационные работы являлись прерогативой государства. На территории Новгородской земли были также городки владыки и бояр, по опи в подавляющем большинстве не имели каменных стен. Построенное в 1280 г. посадником Михаилом и «большими мужами» камешное Копорье было разрушено самими же новгородцами, как только это укрепление перешло под контроль неугодного им князя.³⁹ В частновладельческих каменных крепостях новгородская «госпо́да» усматривала, и, видимо, справедливо угрозу своему властвованию. Новгород «не благословил» боярина Луку Варфоломеевича, когда тот в 1342 г., «скопив с собою холопов збоев», поставил в Нижнем Подвинье замок Орлец.⁴⁰ В конце концов в 1398 г. городок, основанный своевольным боярином, был взят и разрушен новгородцами во время карательного похода⁴¹ в Двинскую землю, «отложившуюся» за великого князя московского.

Особенность государственного руководства строительством укреплений раскрывается на примере организации самих работ. Решение об их проведении принималось в столице руководителями боярской республики, а иногда и по общегородскому челобитью «бояр и черных людей».⁴² Затем мобилизовывалось сельское население волостей. По одному известию 1430 г. мы узнаем, что каждые четыре человека, очевидно сельских дворовладельца, снаряжали пятого.⁴³

Источники подчеркивают, что фортификационные работы предпринимались всей «Новгородской волостью» и «егда ставити град ино воставляху всею областью Новгородской земли, волостями елико их есть во всей Новгородской земле и области».⁴⁴ Об этой повинности помнили еще в XVII в. Например, ладожане в 1649 г. писали царю Алексею Михайловичу, что «изстари делали тот город Ладогу всем новгородским присудом и иными многими городами».⁴⁵ Жители Новгорода, однако, вплоть до 1534 г. посылались на такого рода работы выборочно, «только, кто пригоже с торговых рядов».⁴⁶ Когда в 1534 г. по распоряжению московского правительства принятый распорядок нарушили, «того, — поясняет летописец, — не бывало при старых великих князях: ставили город доселе всеми новгородскими волостями, а городовые люди нарядчики были».⁴⁷ Из этого известия следует, что новгородцы являлись лишь

³⁹ Новгородская первая летопись... с. 323.

⁴⁰ Там же, с. 355.

⁴¹ Там же, с. 392.

⁴² Новгородская первая летопись... с. 100.

⁴³ «Того же лета пригон был крестьяном к Новгороду город ставити, а покручил 4-й 5-го» (Новгородская первая летопись... с. 416).

⁴⁴ Отрывок из русской летописи. — ПСРЛ, 1853, т. 6, с. 293.

⁴⁵ Браунбург Н. Е. Старая Ладога. СПб., 1896, с. 250.

⁴⁶ Отрывок... с. 293.

⁴⁷ Новгородская IV летопись. — ПСРЛ, 1929, т. 4, ч. 1, вып. 3, с. 567.

распорядителями работ, т. е. в массе строителей занимали привилегированное положение.

Стройка крепостей проводилась при большом стечении приезжего народа: «охочих» горожан и использовавшихся на черновых работах крестьян. О мастерах-каменщиках источники, к сожалению, не сообщают. Правда, псковские летописи однажды называют от 200 до 300 «мужей», участвовавших в постройке псковского кремля и Гдова,⁴⁸ но в это число входили, видимо, все строители, включая и неквалифицированных. Что касается каменщиков, то на основании практики XVII в. следует предположить, что они могли составлять артель под руководством опытного градодельца (возможно, и нескольких). Военными администраторами стройки выступали кончанские воеводы. В случаях особой авральности, как это было при основании крепости Ямгорода в 1384 г., их было пять, т. е. по числу концов Новгорода,⁴⁹ что в свою очередь подразумевает использование рабочей силы, собранной со всей земли.

По старой, еще домонгольской традиции новгородцы ставили крепости не на самой границе, а несколько в глубине от нее, избегая открытых морских побережий и устьев рек. Выбор места будущей крепости был точно рассчитан. При этом принимались во внимание две контрастные особенности: с одной стороны, близость дорог и воды, с другой — тяготение к укрытым местам и естественным препятствиям.

Сооружение «городков» требовало знаний и опыта. С правилами городского дела в какой-то мере можно познакомиться, обратившись к единственному в своем роде источнику — Воинской книге, законченной универсальным военным специалистом Анисимом Михайловичем Родосhevским в 1620 г.⁵⁰ Книга писалась в пору пушечной фортификации, но восходит к доогнестрельной практике. Источник этот имеет общерусское значение, но приложим и к градоделу Северной Руси.

При выборе места укрепления прежде всего следовало осмотреть окрестности, заметить, есть ли вода и такие искусственные препятствия, как мхи, болота, реки и озера, — «с такие стороны бывають грады крепки без крепкие стены». Далее следовало избегать близости высоких гор и холмов, с которых «город» мог бы просматриваться и обстреливаться. Полагалось также выяснить, имеются ли в избранном месте камень и земля, пригодные для устройства валов и стен. «И того досмотрети, добро ли место и подошва на чем стена вести, и надобно ли чтоб сван бити». Отметив особую необходимость устройства подошвенных боев, автор Воинской книги далее предписывает «сметити, мочно ли ворота делати, чтоб их стрельбою не утеснити, и во время приходу мочно ли без вреда выезжати и въезжати» и ... «мочно ли роскаты (здесь башни, — А. К.)... устроити... чтоб с тех роскатов стены очистити на все стороны».⁵¹ Затем А. М. Родосhevский касается крепостей, состоящих из

⁴⁸ Псковские летописи. 1941, вып. 1, с. 35. 39.

⁴⁹ Рабинович М. Г. Военная организация городских концов в Новгороде Великом в XII—XV вв. — КСИМК, 1949, вып. 30, с. 56 след.

⁵⁰ Михайлов О. (А. М. Родосhevский). Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. СПб., 1777, ч. 1, с. 90 след. Текст сверен с подлинником (Арх. ЛОИИ АН СССР, ф. 238, оп. 1, № 526, л. 82 след.).

⁵¹ Там же.

детища-вышгорода и посада. Вышгород и окольный город полагалось укреплять, но так, чтобы последний со стороны вышгорода преград не имел. Немаловажным казалось и обеспечение крепости гарнизоном и снаряжением: «Да подобает ведати, сколько людей в малом или в большом городе в осаде и что с ними всяких запасов... да доведетца всякие запасы, которые к такому градцкому делу згожаются на перед дела за-пасти и изготовить, чтоб во время дела ни в чем скудости не было».⁵² В заключение А. М. Родошевский призывает градодельцев к осмотри-тельным решениям, чтобы «которому граду быти крепку и вечну и па том надобет изыскати и розсудити и розмышляти».⁵³ На основании при-веденных данных можно представить, из чего складывались обязанности городских мастеров, когда они на местности делали разбивку плана бу-дущего укрепления и задавали программу работ камешникам и чернора-бочим, по терминологии XVII в. — подымщикам.

---

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

ЛАДОГА

Ладога входит в число десяти древнейших упомянутых летописью русских городов. Ладожская археология полна непреходящего интереса, так как фокусирует ряд узловых моментов первых веков русской истории, в том числе и тех, о которых молчат письменные источники. Кроме общерусского, изучение Ладоги имеет и общеевропейское значение, так как охватывает не только древности славян, но и пормашпов, финнов, балтов, фризов и других племен и народов.

Чтобы лучше понять военно-строительную биографию города в низовьях р. Волхова, конспективно наметим отдельные этапы его начального развития, какими они представляются по новым материалам, включая и дендрохронологические работы Староладожской археологической экспедиции (воссозданной ЛОИА АН СССР в 1972 г.).¹

В середине VIII в. славяне достигают Нижнего Поволжья и заселяют узкую каемку приречной земли, расположив свои поселения на ключевых местах водного пути у порогов, переправ и пунктов перегрузки товаров с морских на речные суда. С самого начала эти поселения приобрели торгово-ремесленные функции, образовав волость, вовлеченную в сферу межплеменной торговли. Возможности земледельческого освоения района были ограничены неблагоприятными природными условиями, поэтому на первый план выдвигаются интересы судоходства и обмена некоторыми популярными изделиями. Планировка поселений была мозаичной и включала дворохозяйства, по-видимому, равноправных расширенных семей, обладавших своим жилищем и несколькими подсобными помещениями. Домостроительство, сохранив отдельные приемы, принесенные из более южных лесных областей, отличалось особенностями, связанными с проживанием относительно крупных (10 и более человек), в том числе купеческих, коллективов. Так называемые большие дома в среднем достигали 60—80 м² и обладали некоторыми общеевропейскими чертами, такими как срубно-столбовая конструкция, разбивка пространства на нефы, прямоугольный очаг (или печь) в центре помещения, пристройка по длинной оси основного объема. Материальная культура первых поселенцев, с одной стороны, унаследовала изделия их родины и районов странствования (вещи, знакомые по длинным курганам),

¹ В составе экспедиции под руководством автора этих строк работали отряды, которые возглавляли Е. А. Рябинин, В. П. Петренко, Е. Н. Носов, Е. А. Назаренко.

с другой — включала образцы общевропейских, особенно общевосточных, форм (кузнечные инструменты, оружие, гребни, застёжки, некоторые формы бус). Образование в Нижнем Поволжье гнезда соседских поселков совпало или даже несколько опередило начало проходящей через р. Волхов евразийской торговли. Ладожская волость становится международной пристанью и важнейшим пунктом караванной торговли и сама выступает в роли организатора этой торговли. Последнее проявилось в создании службы прохождения водного транспорта по рр. Неве и Волхову. По темпам и срокам градообразования Ладожское Поволжье — одно из передовых мест Восточной и Северной Европы.

В 800—850 гг. Ладога, существовавшая наряду с другими поселками, становится центром округа (связанные с ней поселения или хиреют, или превращаются в спутников); она формируется в значительное открытое торгово-ремесленное поселение раннегородского облика, вероятнее всего погост, языческое молибище и пункт привоза дани, собранной в Юго-Восточном Приладожье. Выделяются дома-усадебные, огороженные плетнем, а также постройки — места зимовок купцов. Создается устойчивый внутренний и внешний рынок. Для 825—850 гг. угадывается появление в Ладоге жителей Восточной Балтики, скандинавов, фриз, возможно, поморских славян. В низовья Волхова поступают северные культовые вещи — след приезжего сезонного купеческого и флотоводческого сословия. С развитием евразийской серебряной и пушной торговли внешнеторговое значение Ладоги резко возрастает. В середине IX в. она становится крупнейшим портом и транзитным пунктом на пути из «варяг в арабы», а ее торговые представители, по-видимому, селятся в болгарских городах и Хедобу. В Ладоге основываются мастерские, работающие на вывоз, и торжище международного характера.

В 860-х гг. Ладога (впервые упомянута в летописи под 862 г.) развилась настолько, что кратковременно становится столицей образующейся империи Рюриковичей — «Внешней или Верхней Руси». Она превращается в княжеский город, в котором строятся первые укрепления. Территория Ладоги отныне подразделяется на детинец и посад. Тогда в низовьях Волхова поселяется группа скандинавских пришельцев — двор конунга и его стража. Наступает время феодальных порядков, но прежние формы домостроительства и обычая еще сохраняются.

Конец IX — начало X в. — время крутых перемен. Ладога выступает как крупный общерусский и международный центр и главный северный въезд в страну и далее на Восток. Возрастает контрольно-пропускная роль речных станций ладожского околоградья. Вероятно существование корпораций как приезжих, так и русских купцов, лодочников и лопманов, а также договорных правил, регулирующих торговую деятельность. В этот же период происходит перепланировка города, прокладывается уличная сеть, отражающая фасадную рядность тесной застройки. Обособляются, видимо, ремесленный и торговый кварталы, гостиный двор. Уходят в прошлое пережиточные родовые и общегородские порядки. На смену большим домам приходят обычного размера избы с печью-каменкой в одном из углов. Бурно развиваются городские ремесла, особенно гончарное. Ремесленники-универсалы (занятые обработкой кости, рога, янтаря, бронзы, стекла) образуют единый, очевидно корпоративный,

Рис. 2. Ладожская крепость. Вид с Волхова.

Рис. 3. Ладожская крепость. Вид со стороны мысовой стрелки.

ряд. Городская территория составляет не менее 10—12 га. Перемены коснулись и защитных устройств Ладоги. До последнего времени наши знания о них ограничивались летописной записью о постройке здесь деревянной крепости в 862 г. Теперь этот недостаток информации удалось в значительной степени восполнить и благодаря тому яснее представить градообразующее развитие поселения в низовьях р. Волхова.

Ладога относится к средневековым поселениям веерного типа. Ее территория привязана к речным магистралям и формировалась в километровой полосе левого берега р. Волхова, в месте впадения р. Ладожки, служившей естественной гаванью. На мысу, образованном упомянутыми реками, ныне высится крепость 1490-х гг. (рис. 2, 3), с юга к ней примыкает еще один укрепленный в 1585—1586 гг. район — так называемое земляное городище, точнее — «земляной город».² Ладожский посад в течение всего средневековья не был огражден. Наши археологические исследования развернулись на мысу — на месте фортификации огнестрельной поры (рис. 4).

Укрепление Олега Вещего

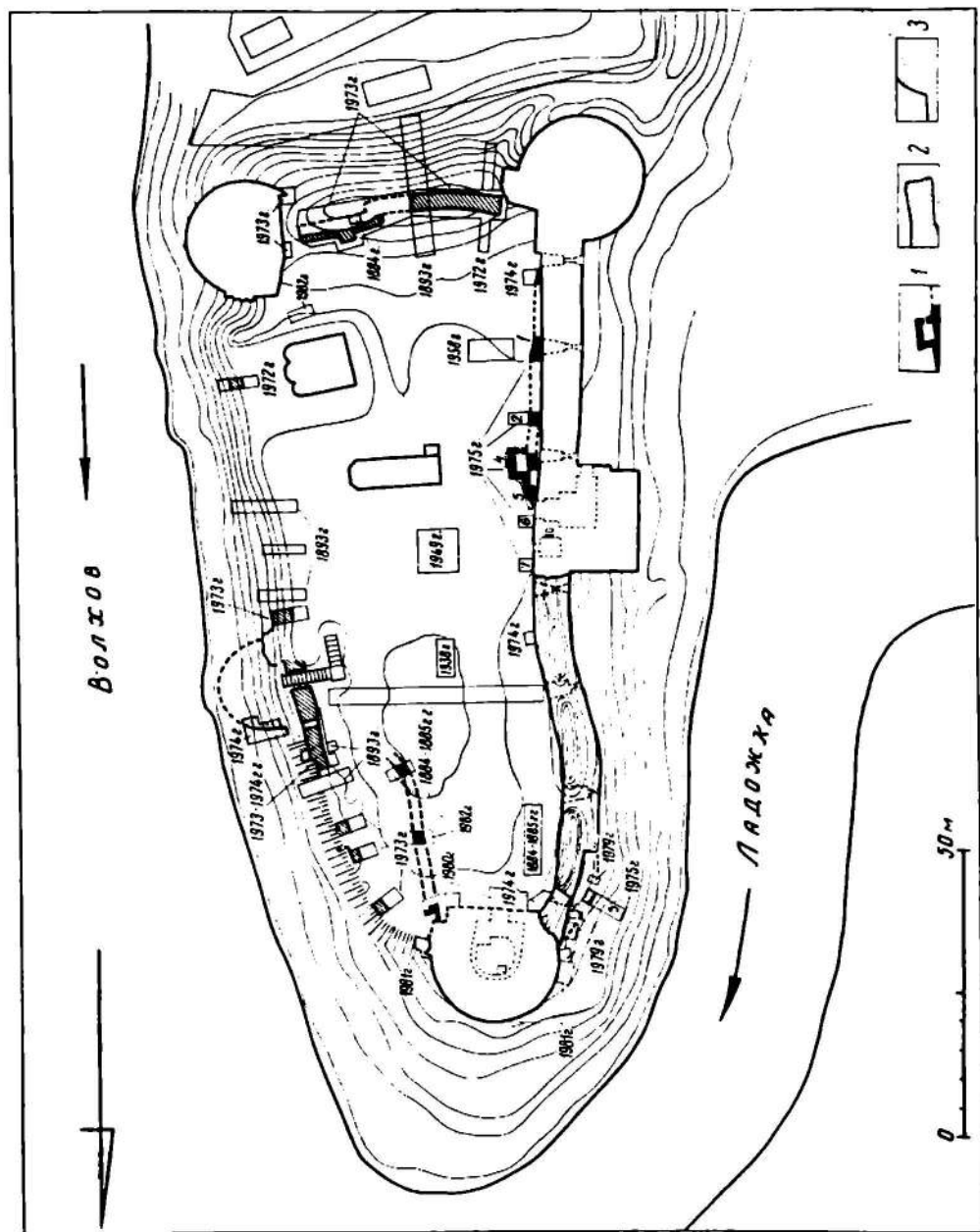
В 1974 г. на месте крепости московского времени у Климентовской башни на глубине 2.7—3.3 м был обнаружен массив из плит, уложенных насухо (рис. 5). Сооружение сохранилось на высоту 0.6 м и уходило под основание стен более поздней поры (в подобе высота кладки равнялась 1 м). Его проследованная длина 3 м, ширина 1.5 м, следовательно, не были предельными. Предварительная дата стены определялась по прилегающему и частично ее перекрывающему культурному слою, содержащему два бронзовых иглодержателя кольцевидных фибул, заклепку от обшивки ладьи, черепки лепной и раннегончарной глиняной посуды (из 23 фрагментов лепных было 19). Стратиграфически эти находки относятся к IX—X вв. и извлечены из частью не потревоженного культурного слоя (в данном месте толщиной до 1.2 м),³ залегавшего непосредственно на материковой глине. Исследователи, проводившие археологические изыскания на территории Ладожской крепости, несколько раз наткнулись на этот же самый слой, синхронный горизонту *Д* так называемого ладожского земляного городища, и отмечали в нем среди прочих находок фрагменты лепной и гончарной посуды.⁴ Однако если горизонт *Д* отложился на месте напластований более ранней поры,⁵ то

² О ладожских фортификациях конца XV—XVI в.: Кирпичников А. Н. Крепости бастионного типа в средневековой России. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1978. Л., 1979, с. 471 след.

³ В своей верхней части слой, состоящий из черной земли с угольками и булыжными камнями, видимо, потревожен во время каких-то нивелировочных подсыпок. В нижних частях этого слоя булыжных камней нет. Ясная граница между верхней и нижней частями рассматриваемого слоя, однако, не улавливается.

⁴ Корзухина Г. Ф. О времени появления укрепленного поселения в Ладоге. — СА, 1961, № 3, с. 78, 79; Орлов С. Н. Раскопки на территории каменной крепости в Старой Ладоге. — СА, 1973, № 4, с. 262.

⁵ На основании дендрохронологических исследований, проведенных Н. Б. Черных, старейшие горизонты Ладожского земляного городища, обозначенные лите-

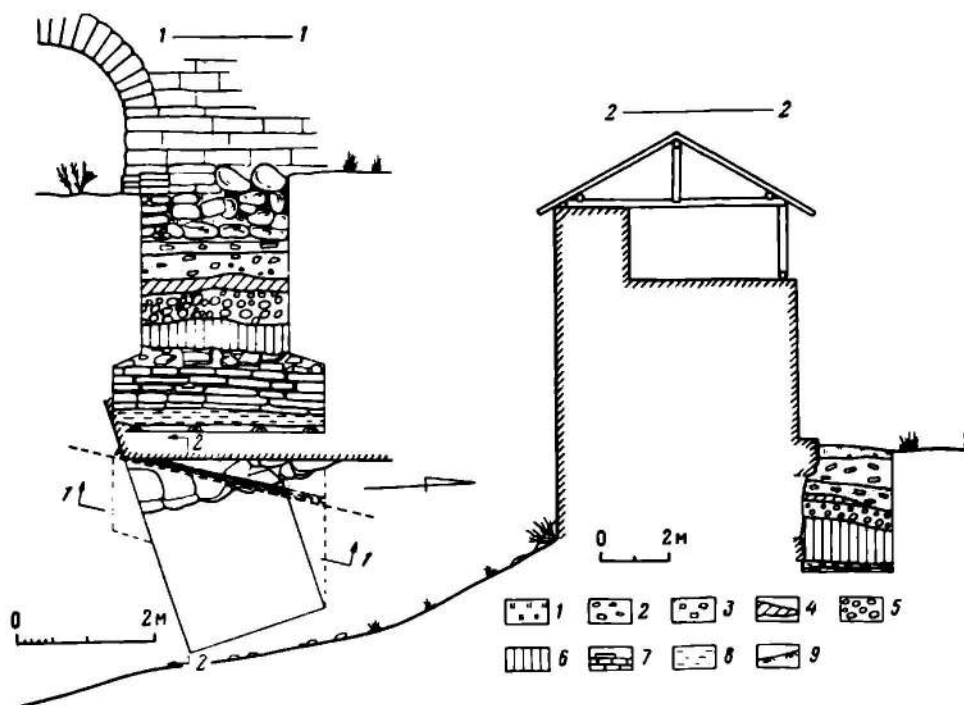

Рис. 5. Ладожская крепость. Кладка около 900 г., обнаруженная в шурфе у Климентовской башни в 1974 г. План и разрез.

1—5 — слои XII—XIX вв.; 6 — черная земля с камнями и угольками (слой конца IX—начала X в.; 7 — кладка пазух; 8, 9 — материковые слои.

слой в крепости возник так сказать на пустом месте, т. е. отмечал начало заселения ладожского мыса. Точности ради отметим, что древнейший слой (его толщина от 0.2 до 1.2 м) ладожского мыса сохранился в первоначальном виде в нижней части, а в верхней — местами задет поздними перекопами, связанными с захоронениями XVIII—XIX вв. и нивелировочными подсыпками.

В 1974 г. в продолжение поисков древнейшей ладожской стены и уточнения ее даты между Климентовской и Воротной башнями вплотную к стенам конца XV в. заложили семь шурфов (рис. 4, 6, 7). Искомая

рами Д и Е (в последовательности снизу вверх), датируются следующим образом: E_3 — 750—830 гг., E_2 — 840—850 гг., E_1 — 860—890 гг., Д — 890—980 гг. Эти даты получены при анализе спиллов дерева из раскопок в 1972—1975 гг. отряда Старо-ладожской археологической экспедиции под руководством Е. А. Рябшина, что само по себе является важным вкладом в изучение хронологии средневекового древнерусского города.

Рис. 4. План Ладожской крепости с обозначением раскопок 1884—1982 гг.

1 — кладка конца IX—начала X в.; 2 — кладка 1114 г.; 3 — кладка Тайничной башни 1490-х гг.

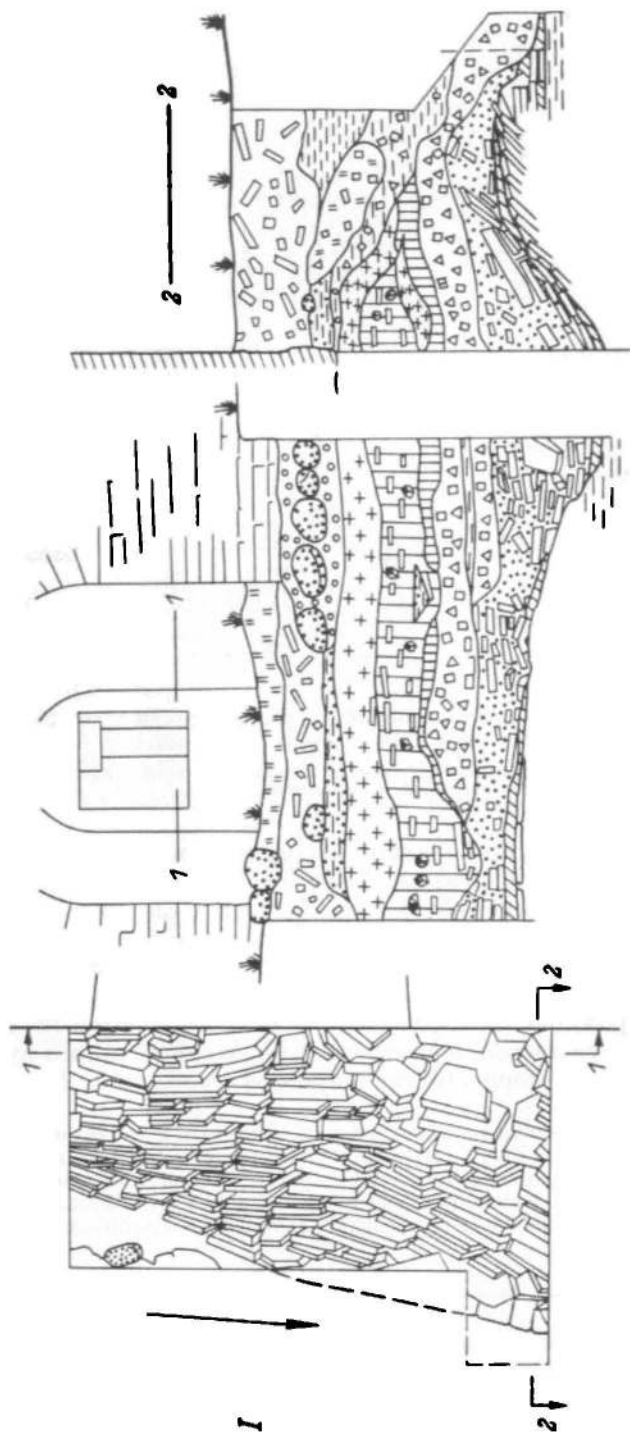

рис. 6. Части укрепления конца IX—начала X в., обнаруженные в шурфах I и II в 1975 г. Планы и профили.
 1—II, 14, 16 — слои XII—XIX вв.; 12 — развал стены конца IX—начала X в.; 13 — черная земля с угольками (слой конца IX—X в.);
 15 — материковая глина.

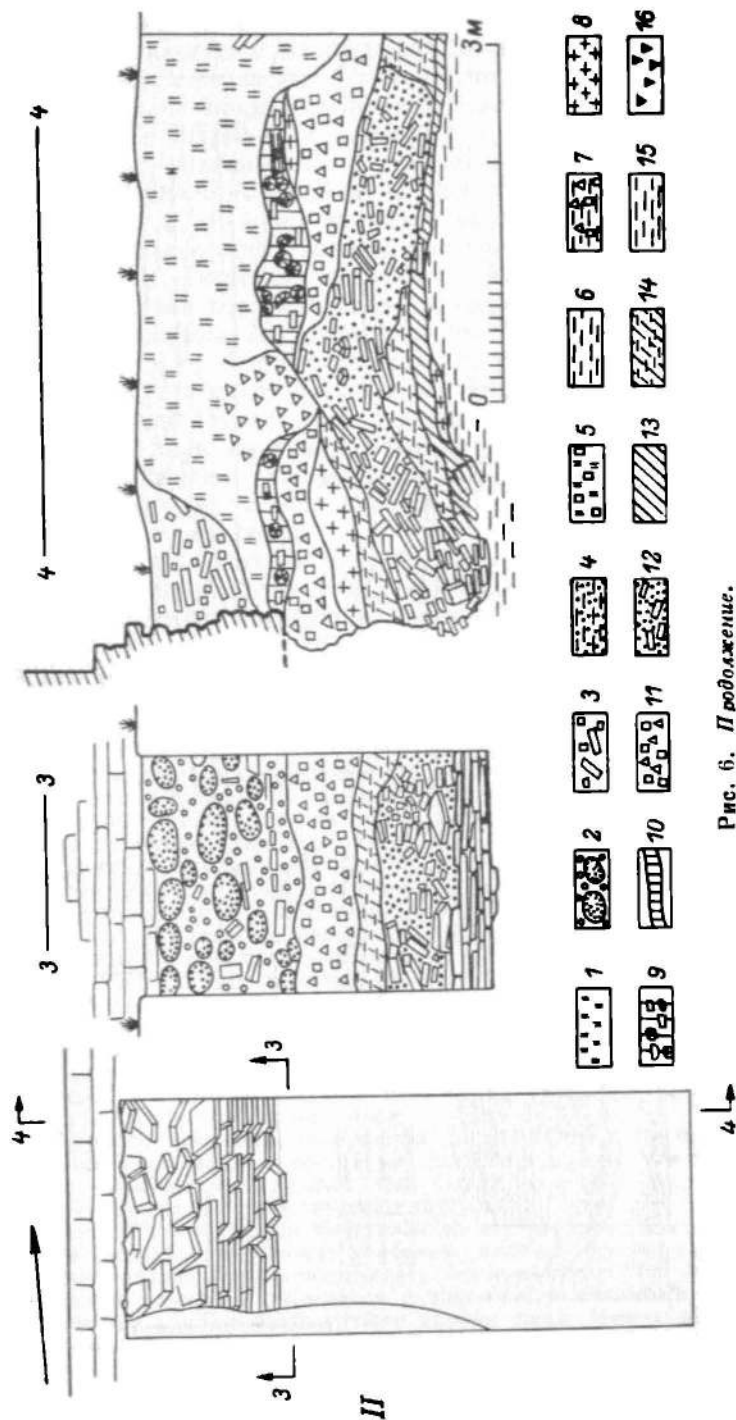

Рис. 6. Продолжение.

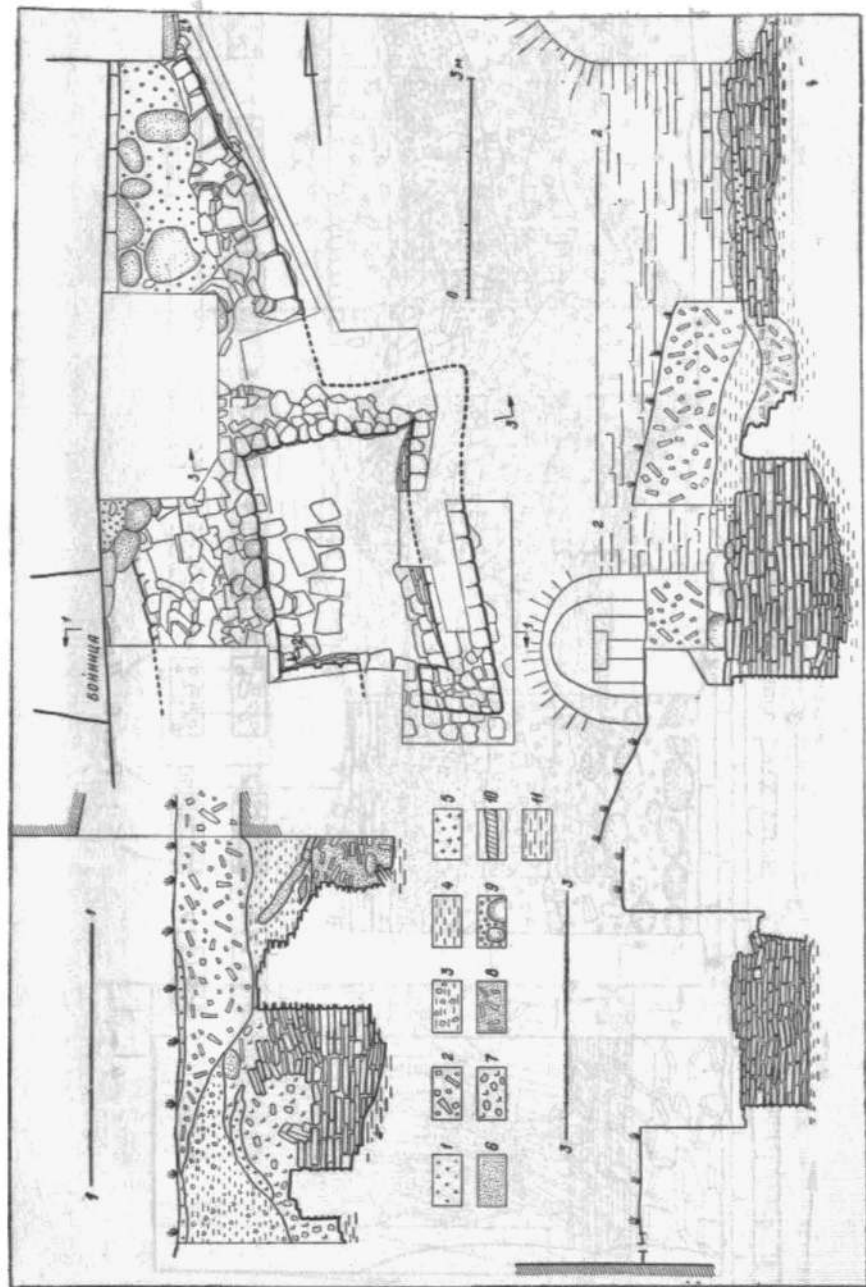

Рис. 7. Башня конца IX—начала X в., обнаруженная в шурфах 4 и 5 в 1975 г. План и профили.

1—7, 9 — слои XII—XIX вв.; 8 — развал стены конца IX—начала X в.; 10 — слой конца IX—X в.; 11 — материковая глина.

кладка была обнаружена в четырех шурфах на глубине 0.2—3 м; она состояла из известняковых плит размером 5—12×12—75 см, сложенных на глине. Стена была заложена без фундамента прямо на материке и не отличалась в плане прямолинейностью, так как точно следовала изгибу края мыса. Ее ширина не менее 1.8 м, сохранившаяся высота — до 1.55 м. Судя по упавшим частям и линзе развала, первоначальная высота стены составляла 2.5—2.8 м, кладка прослежена в общей сложности на трассе 42 м.⁶ В месте изгиба к внутренней стороне преграды примыкала башня, размер внутреннего пространства которой равен 2.1×3 м (рис. 7, 8, 9). Вовнутрь крепостного двора башня выступала на 1.8—2.9 м, а ее тыловая восточная сторона, насколько можно судить, тянулась на 4.8 м.⁷ Толщина внутренней стены этой постройки равнялась 0.6 м. В южной стене башни открылся вход шириной 0.8 м. Фронтальная сторона башни высотой 1.55 м совпала с периметральной стеной укрепления,⁸ и можно думать, что с внешней стороны башня не была обозначена какими-либо выступами. Помимо возможного боевого и наблюдательного назначения, рассматриваемое сооружение могло использоваться для лестничного восхода на верх преграды и несколько возвышаться над боевым ходом стены.

Во время раскопок обратили на себя внимание детали, указывающие на преднамеренное разрушение этой стены еще в древности. В шурфе 1, ближайшем к Климентовской башне, части стены обнаружены в 1975 г. в упавшем виде (рис. 10). Плиты лежали наклонно, но при обрушении в известной мере сохранили свой порядок. В стене насчитывалось не менее 16 рядов кладки, что составляло около 160 см высоты. В северо-

⁶ В своей южной части стена уходит под Климентовскую башню, в северной — перебита фундаментом Воротной башни. Полагаем, что данная постройка находится и в основании вала XI—начала XII в., отгородившего ладожский мыс с западной стороны. В 1972 г. при частичной прорезке этого вала в его основании найдены плотно лежащие наклонно плиты. — возможно, след разрушения предшествующей каменной конструкции. Поиск стены под валом мы считаем пока невозможным, так как он нанесет вред и валу, и находящейся на нем в законсервированном виде стене 1114 г. (Более подробно о последней скажем ниже, см. также: Кирпичников А. И. Ладога и Переславль-Южный — древнейшие каменные крепости средневековой Руси. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1977. М., 1977). Следует добавить, что в 1980 и 1982 гг. продолжение нашей стены было обнаружено археологом Н. К. Степенко в нескольких шурфах, заложенных между Стрелочной и Тайничной башнями (рис. 4). Ширина кладки не менее 2 м, высота местами 20 рядов плит (правда, большей частью сдвинутых с первоначального места). Стена на данном участке заметно удалена от берега и глубь крепостного двора. Упомянутая походка даст повод утверждать, что крепостной мыс был полностью закрыт обводной стеной.

⁷ Наружная часть северной стены башни до основания разрушена поздними захоронениями, которые заделали и восточную стену башни, сохранившуюся поэтому только на высоту 0.5—0.8 м. Северный стык башни со стеной разрушен, южный определен гипотетически по направлению внутреннего края стены, выявленного в шурфе. 2. Таким образом, башня выступала во внутрь крепостного двора неравномерно, что объясняется достаточно заметным изгибом преграды в том месте.

⁸ Кладка фронтальной башни сохранилась без нарушений. Ее внутренняя лицевая стенка почти отвесна и выполнена с тщательной подгонкой порядки одинаковых по толщине обработанных грубым сколом плит. Между облицовочными плитами находится забутовка из таких же плит, только более мелких. Северная, южная и западная стены башни вследствие вековых деформаций выпучились вовнутрь.

Рис. 8. Западная внутренняя стена башни. Вид с запада. Фото Ю. А. Алейникова.

восточном углу шурфа найден край стены, из чего можно заключить, что стена, а точнее — ее внутренний фасадный фронт из облицовочных плит был опрокинут в западную сторону, что могло произойти только после разборки наружных частей этой преграды. Обрушенную стену не пытались даже разобрать, а с территории крепостного двора на лежащие наклонно плиты постепенно съехал прилегающий культурный слой. Далее, в соседнем шурфе 2 зафиксирована линза развала стены, простиравшаяся на 3.3 м от ее подножия. Судя по наклону упавших камней

Рис. 9. Юго-западный внутренний угол башни. Виден проем входа.

(в профильном разрезе), удалось заметить, что верхняя часть стены была, очевидно, преднамеренно завалена внутрь крепостного двора, а нижняя — наружу, по склону холма к р. Ладожке. Лишь основание стены высотой 0,4 м в данном месте сохранилось в нетронутом виде (рис. 11), ибо к этому основанию прилегал культурный слой толщиной до 25 см. Здесь, так же как и в других местах стыка слоя и стены, видно, что последняя не была врезана в культурный слой. Земля постепенно нарастала у подножия стены, заложенной без фундамента прямо на материке. Только после возведения каменной конструкции похоже создались условия для накопления в данном месте культурных остатков. Все эти наблюдения позволяют использовать находки, найденные возле стены, для суждений о периоде ее возникновения.

Дата исследованного сооружения (в подтверждение результатов, достигнутых в 1974 г.) определялась и стратиграфически (искомые руины стены залегали под слоями с черепками XII—XV вв.), и археологически по находкам прилегающего к подножию и частично перекрывающему ее слою (толщиной до 0,3 м; рис. 5, 6). Здесь обнаружены ладейные заклепки, наконечники стрел, обоймы с кольцами — разделители ремней, свинцовая гирька, голубоватого и фиолетового цвета стеклянные бусины, бронзовое височное кольцо (второе славянское височное кольцо со спиральным завитком, найденное в Ладоге),⁹ шило, медный бубенчик

⁹ Равдопикас В. И. Старая Ладога. — СА. 1950, т. 12, рис. 32; Кирпичников А. П. Новооткрытая Ладожская каменная крепость IX—X вв. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979. Л., 1980, с. 452, 453.

(рис. 12, 12—25). Все эти вещи не противоречат принадлежности их концу IX—X в. Однако особое значение для датировки имеют происходящие из исследуемого слоя черепки лентной, подправленной на гончарном круге и гончарной посуды. В данном случае речь идет о типологически последовательных формах бытовой керамики, оказавшихся в едином археологическом комплексе. Обычно исследователи, занимающиеся материальной культурой эпохи возникновения Древнерусского государства, выделяют лепную и гончарную посуду. Раскопки 1975 г. в Ладого позволили сделать следующий шаг в интересующем направлении и установить среди керамического материала обломки горшков, подправленных на круге. Опишем эти изделия. Лепные образцы (25 экз.; рис. 12, 1—3) характеризуются наклонным вовнутрь горлом, сглаженными плечиками и отсутствием орнамента. В тесте типична примесь биотита (слюды) и зерен пекотатных кварца и полевого шпата. Что касается фрагментов сосудов, подправленных на круге (шесть обломков; они выделены по регулярным горизонтальным бороздкам, прочерченным по бугристой поверхности; рис. 12, 4, 5), то по форме горла и примесям в тесте они близки лепным, по обильно украшены линейным и волнистым орнаментом. Такая же интенсивная орнаментация присуща и обломкам гончарных горшков (9 экз.; рис. 12, 6—11), которые снабжены уже выработанным, отогнутым, кососрезающим по краю венчиком. Все три описанные группы посуды объединяет несомненно местного происхождения примесь слюды — биотита.

Отмеченные разновидности глиняной посуды демонстрируют археологически редкий и выразительный эволюционный ряд, обязанный своим появлением развитию гончарного ремесла, которое завершилось вытеснением лепных форм. Судя по тому, что соседство рассматриваемых образцов отмечается лишь в пределах горизонта *Д* упомянутого выше земляного городища, а в более ранних слоях встречаются только сосуды, изготовленные лепным способом, процесс становления кружального производства в Ладого поддается выяснению, в том числе и хронологическому. По подсчету Я. В. Сташкевич, 25% всей керамики, извлеченной из нижних частей горизонта *Д* земляного городища, отпосились к сосудам, изготовленным лепным способом, зато в верхних частях этого горизонта лепных образцов встретилось только 5%.¹⁰ Е. А. Рябинин, производивший раскопки того же участка в 1972—1975 гг., установил, что в нижнем слое упомянутого горизонта лепные формы преобладали. По данным В. П. Петренко, изучавшего ладожский посад по соседству с земляным городищем, в верхних частях толщи, синхронной горизонту *Д*, лепные образцы составляли лишь 5% всех находок, но в нижних они господствовали.¹¹ На территории крепости исследованный слой не подразделяется на более дробные напластования, однако наличие в нем (в разных раскопах) от 63 до 83% обломков лепной керамики сближает его с упомянутыми выше нижними частями горизонта *Д*. Из приведенных сопоставлений с отчетливостью следует, что появление гончарных образцов и их соседство с лепными имело место в рамках нижней части

¹⁰ Сташкевич Я. В. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладого. — СЛ. 1951, т. 15, с. 238—242.

¹¹ Любезное сообщение Е. А. Рябинина и В. П. Петренко.

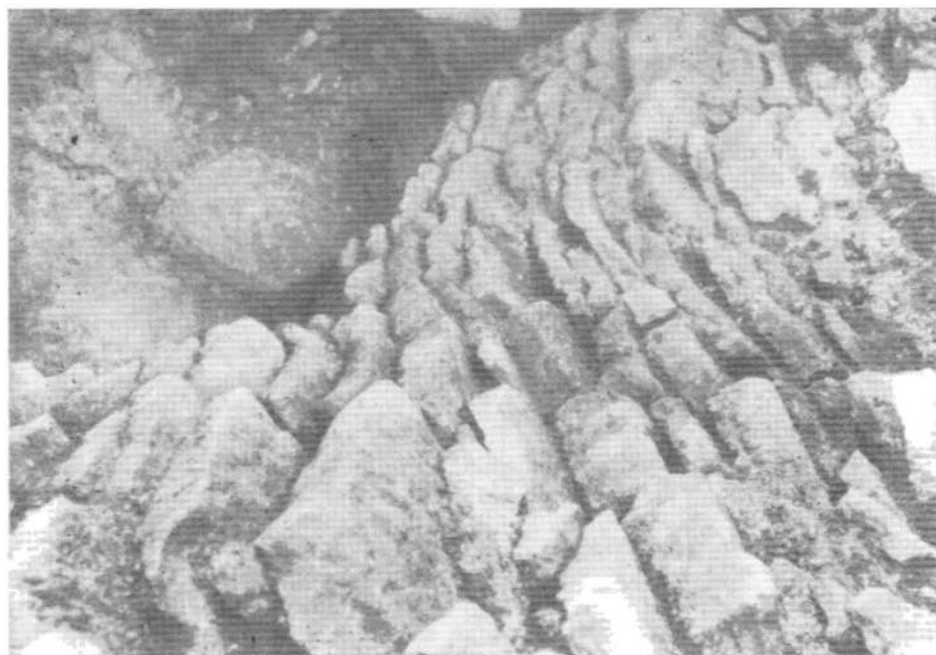

Рис. 10. Кладка упавшей стены в шурфе 1.

Рис. 11. Основание стены в шурфе 2. Вид с востока.

горизонта *Д* и синхронных ему напластований крепости и посада. По данным дендрохронологии, горизонт *Д* датируется примерно 890—980 гг., а его толща, где зафиксированы две техники гончарства, приходится на 890—930/940-е гг. В верхней части горизонта *Д* посуда, изготовленная на гончарном круге, получает явное преобладание, следовательно, победа более совершенного способа производства довольно решительно наступает в 930—940-е гг. (если не раньше).

Относительно непродолжительное сосуществование лепной и гончарной техники выделки сосудов городскими ремесленниками в последнее время отчетливо установлено на новгородских материалах. Как показали Г. П. Смирнова и особенно Е. Н. Носов (привлекший данные ладожской дендрохронологии), отмеченный симбиоз имел место в первой половине X в. и в середине того же столетия завершился полным принятием гончарного круга.¹² Следует заключить, что преобразование техники гончарства в Ладоге и Новгороде (точнее, новгородском так называемом Рюриковом городище) происходило одновременно в 890—930/940-х гг. В итоге керамический материал изучаемого рода может быть использован в качестве более или менее надежного хронологического определителя как слоя у подножия ладожской стены, так и ее самой. При этом необходимо учесть, что установленный по керамике интересующий нас культурный слой не только примыкал к основанию стены, но и местами перекрывал развалившуюся кладку. Таким образом, становится ясным, что существование повонайденного сооружения было сопряжено с периодом, переходным от лепной керамики к гончарной. Поскольку ладожская преграда была заложена на материковой глине и смежный с ней культурный слой образовался лишь в процессе ее функционирования, сама эта постройка была возведена еще до начала образования рассматриваемого слоя, т. е. вряд ли позже конца IX—начала X в.¹³

В итоге раскопки в Ладоге раскрыли, видимо, классическую для своего времени, по археологически редкую ситуацию, отражающую становление городского, в данном случае гончарного ремесла и строительство специального укрепления — детинца. Ладожская стена, очевидно, знаменует тот этап в жизни поселения, когда оно превращается в раннефеодальный город в социально-экономическом смысле этого слова.

Историческая ценность обнаруженного сооружения заключается в том, что оно относится к древнейшим из до сих пор известных русских военно-оборонительных каменных сооружений. Речь, возможно, идет об одном из первых каменных детинцев средневековой Руси. Тем самым на 100—200 лет удревняется начало каменного, в том числе военного, строительства Киевской державы. Техника сухой кладки, разумеется, не равноценна соединению конструкций с помощью известкового раствора, од-

¹² Смирнова Г. П. Лепная керамика древнего Новгорода. — КСИА. 1976. вып. 146, с. 9, 10; Носов Е. Н. Поселения Приильменя и Поволжья в конце I тысячелетия н. э.: Автореф. канд. дис. М., 1977, с. 11, 12.

¹³ Возможно, что постройка крепости несколько опередила строительные работы на посаде. Однако между датировкой начала посадского слоя *Д* (конец IX в.) и основания крепости (конец IX—начало X в.) практически не уловить хронологического расхождения, которое, впрочем, если и было, то вполне объяснимо первоочередностью оборонных работ.

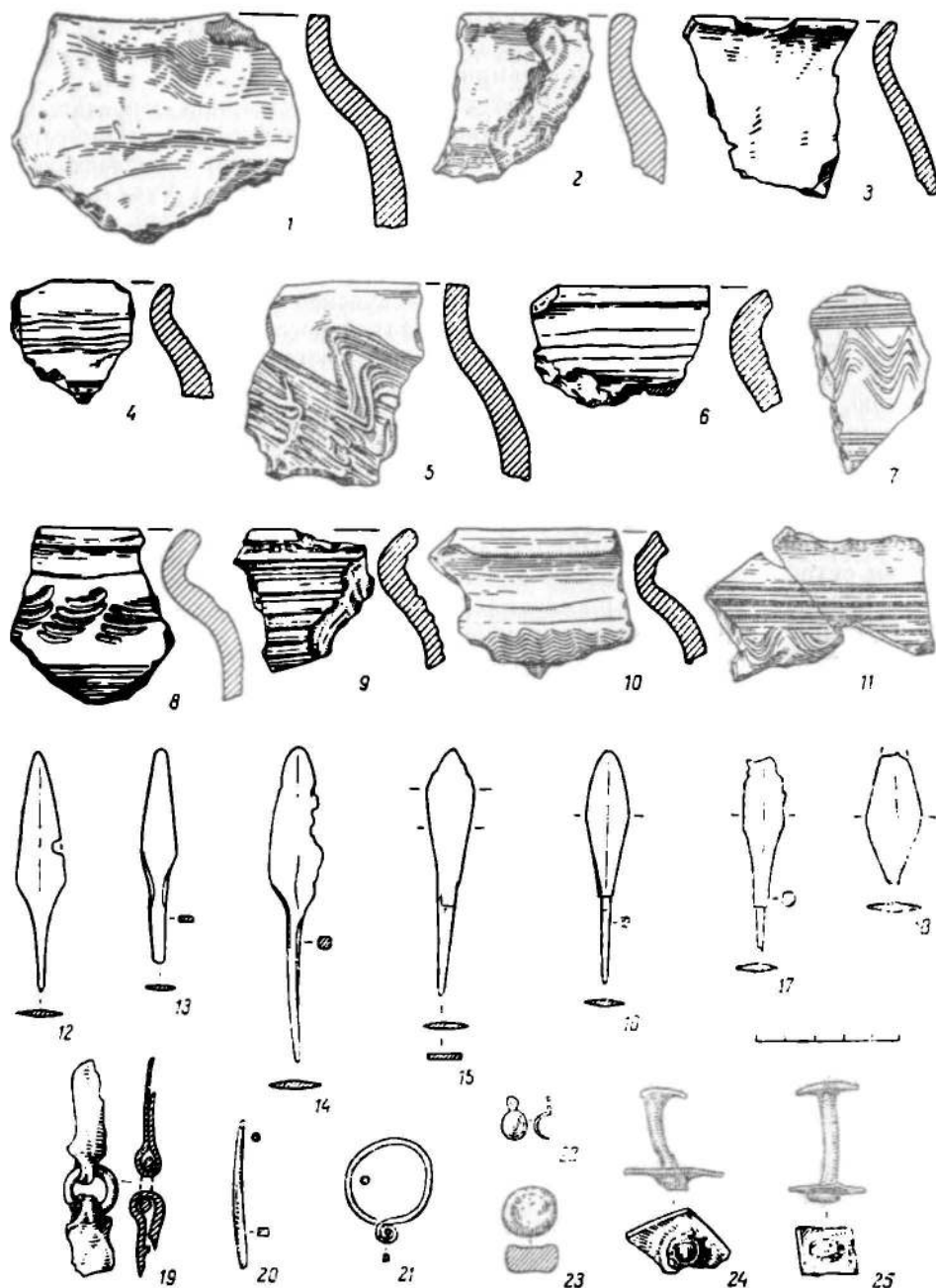

Рис. 12. Находки IX—X вв. из слоя у подножия стены около 900 г.

1—3;— обломки лепной керамики, 4, 5 — подправленной на круге, 6—11 — гончарной; 12—18 — наконечники стрел; 19 — разделитель ремня, 20 — пило; 21 — бронзовое височное кольцо, 22 — бубенчик; 23 — свинцовая гирица; 24, 25 — лапчатые заклепки.

нако сам факт ее применения свидетельствует об использовании принципиально новых строительных приемов, связанных с добычей, обработкой и укладкой известнякового камня.

Ладожское открытие обогащает историю отечественной строительной культуры и меняет прежние представления о сложении и возможностях древнерусского градостроения. Новонайденное укрепление предвосхитило строительство цельнокаменных крепостей, начавшееся на Руси в конце XI в. Показательно, что расположение древнейшей ладожской твердыни предопределило планировку каменных крепостных сооружений, возведенных на этом месте в начале XII и в конце XV в.

Ладожская находка является археологической неожиданностью. Ни в Восточной Европе, ни на побережье Балтийского моря мы для конца IX в. не находим похожих архитектурных сооружений. И столетием позже такие крупные центры, как Киев, Новгород, а также Гамбург, Хедебю, Бирка,¹⁴ Волип, Колобжег, укреплялись деревоземляными конструкциями. В поисках аналогий можно было бы назвать некоторые оборонительные сооружения Великой Моравии, однако стены этих поселений имели несколько иную, чем в Ладоге, конструкцию — они состояли, как правило, из брустверной каменной стены и присыпанной к ней с тыла земляной насыпи.¹⁵ Наиболее близкие по устройству сооружения сухой кладки строились на территории Каролингской империи.¹⁶ Речь идет о небольших поселениях, подчиненных рельефу местности, окомуренных периметральными каменными стенами с несколькими входами и в дополнение к этому еще валами и рвами.¹⁷ Первоначальная высота стен (увенчанных деревянным бруствером) иногда доходила до 5—7 м. Что касается башен, то редкие в меровингскую эпоху они распространяются на западе Европы лишь в каролингское время (около 750—900-х гг.). Эти башни (в ФРГ подобных сооружений времени Каролингов насчитывается около 10) глухие; они регулярно возводились изнутри стен и служили отнюдь не для фланкирующей, а для фронтальной высотной стрельбы. Описанная выше ладожская башня — древнейшая на Руси. По своему прямоугольному плану она напоминает такие же каролингские и оттоновские постройки (датированные из них относятся к 900—950 гг.).¹⁸ Каким образом на востоке Европы был осуществлен столь смелый эксперимент, равноценный передовым западноевропейским строительным образцам?¹⁹ Конкретно ответить на этот вопрос затруднительно, однако полагаем, что положение Ладоги на важнейшем европейско-азиатском торговом пути облегчило подобное фортификационное заимствование, как только оно стало необходимым.

¹⁴ Ср.: Vor- und Frühformen der europäischen Stadt im Mittelalter, Göttingen, 1974, T. 2, S. 311.

¹⁵ Ср.: Vaňha Z. Přemyslovský Libušín. Praha, 1973, p. 30 sq., obr. VII, VIII.

¹⁶ Uslar R. Studien zu frühgeschichtlichen Befestigungen zwischen Nordsee und Alpen. — In: Beiheft, Jb. 11. Bonn, 1964, S. 202 sq.

¹⁷ Ibid., Abb. 50, 55.

¹⁸ Ibid., Abb. 37, 75.

¹⁹ Отметим, что в новооткрытом сооружении нет скандинавских черт. Впрочем, в самой Швеции произведения военной каменной архитектуры до середины XII в. отсутствовали.

В связи с беспрецедентными по их новизне оборонными работами в Ладоге коснемся событий ее летописной истории, не сопоставлявшихся до сих пор с фактами археологических наблюдений. Разумеется, в такого рода сопоставлениях следует быть осторожным. В данном случае речь пойдет о предположениях, к которым автора подтолкнула описанная выше находка. В 1118 г. (или 1119 г.) в состав «Повести временных лет», как установлено по инициативе князя Мстислава Владимировича, было включено «Сказание о призвании варягов», содержавшее ладожские предания.²⁰ Согласно сказанию, скандинавский выходец Рюрик в 862 г. (или, возможно, в 866/67 г.)²¹ «придоша к словеном первое и срубиша город Ладогу и седе в Ладозе».²² Существует и иная, новгородская, версия, по которой Рюрик вокняжился не в Ладоге, а в Новгороде. Эта версия, как доказал А. Г. Кузьмин, вторична, она возникла в начале XIII в. под влиянием амбиций новгородского старейшинства и являлась переработкой первоначальной записи.²³ Как бы ни трактовать это сказание, оно в своем наиболее достоверном варианте отражало, видимо, реальные события, связанные с появлением в Ладоге одного из норманских конунгов. В противоположность новгородской ладожская версия сказания указывала на большую по сравнению с Новгородом древность Ладоги, что не расходится с данными археологии. Ладога, как теперь выяснено, возникла не позднее середины VIII в. Что касается Новгорода, то его зафиксированный в настоящее время древнейший слой может относиться к 930—940 гг.,²⁴ а, по-видимому, предшествующее ему так называемое Рюриково городище датируется, как полагает Е. Н. Носов, последними десятилетиями IX в.²⁵ Вероятно, поселения на месте Новгорода или по соседству с ним существовали и в более раннюю пору, по археологическим это еще предстоит установить. Далее, из сказания явствует, что Рюрик (он назван то князем, то старейшиной) прибыл в уже существовавшее до него славянское поселение, где не знали княжеской власти (то же обстоятельство отмечено и для Новгорода).²⁶ Действительно, судя по исследованиям нижнего слоя, поселение на Волхове рисуется открытым ремесленно-торговым протогородским центром со свободной редкой застройкой без признаков существования развитой феодальной администрации и княжеской дружины.

Первое, что, согласно сказанию, сделал новый властитель, — это построил деревянную крепость, тем самым создав и обособив свою резиденцию. Местонахождение упомянутой постройки еще не обнаружено, что, разумеется, не значит, что ее не было. Судя по распространению

²⁰ Шахматов А. А. Повесть временных лет. — ЛЗСК, 1917, т. 1, вып. 29, с. XXXIX.

²¹ Рыбаков Б. А. Древняя Русь. Сказания. Былны. Летописи. М., 1963, с. 166, 170.

²² ПСРЛ, 1962, т. 1, с. 20, примеч. 38, 39. Первоначальный вариант варяжской легенды читается в Ипатьевской и Радзивиловской летописях.

²³ Кузьмин А. Г. К вопросу о происхождении варяжской легенды. — В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967, с. 42—53.

²⁴ Смирнова Г. П. Лепная керамика..., с. 10.

²⁵ Носов Е. Н. Поселения Приильменья..., с. 12.

²⁶ Янин В. Л., Алексеевский М. Х. Происхождение Новгорода. — Ист. СССР, 1971, № 2, с. 47 след.

культурного слоя VIII—XI вв., «пятно» ладожского поселения составляло не менее 10—12 га. Сомнительно, чтобы вся эта территория в третьей четверти IX в. была окружена стенами. Скорее всего, в приведенном выше известии речь идет о создании детинца, что предполагает вычлениение его из городской застройки. Если это заключение верно, ладожский прото-город претерпевает этапный поворот своей истории — превращается в град с делением на княжескую и посадскую части. Однако из-за ставших вскоре очевидными военно-политических причин результаты этого нововведения в полную силу проявились несколько позже. Как утверждает сказание, Рюрик спустя два года после вокняжения у славян переменил столицу и «сруби городок над Волховом, и прозва и Новгород».²⁷ Объединив под единой властью ряд северных племен, он разделил в управление «мужам своим» подчиненные ему грады.²⁸ Умер глава северорусского государства, если доверять летописной, видимо сбивчивой, хронологии, в 879 г. Рюриково время (еще раз подчеркиваем гипотетичность и условность нашей попытки) в какой-то мере угадывается в Ладоге по данным археологии.

Около 860 г. в Ладоге произошел тотальный пожар (рубеж микрогоризонтов E_1 и E_2).²⁹ Микрогоризонт E_1 , перекрывающий пожарище, незначителен и прослежен лишь на отдельных участках.³⁰ Не связан ли этот пожар с событиями, предшествовавшими приглашению варяжских правителей, когда северные славянские и финские племена находились в междоусобной войне: «И бысть межн ими рать велика и усобица».³¹ Пребывание в Ладоге старшего представителя княжеской династии было, как уже подчеркивалось, кратковременным, что, возможно, и нашло отражение в упомянутом микрогоризонте E_1 . Время на сей раз более основательных и глубоких, чем прежде, перемен наступает в развитии Ладоги в 880-х гг., когда, очевидно, при преемнике Рюрика Олеге и была построена описанная выше каменная крепость, сменявшая прежнюю деревянную. Этот период источниковедчески, как известно, более достоверен, чем предшествующий. Нас привлек здесь следующий факт.

Воссоединив Северную и Южную Русь, новый глава государства в 882 г. «нача города ставити» и обязал Новгород платить дань варягам «мира деля»,³² что подразумевает постоянные до той поры столкновения со скандинавскими находниками. По справедливому замечанию Б. А. Рыбакова, Новгород откупается от варягов, оберегая себя от неожиданных нападений.³³ С учетом всех этих обстоятельств ладожская каменная крепость и могла быть построена после 882 г., но в пределах княжения Олега Вещего (882—912 или 922 гг.), как общегосударственный форпост против возможных разбойничьих набегов со стороны заморских варягов и в целях охранения места сбора дани, а также и усиления контроля

²⁷ ПСРЛ, 1962, т. 1, с. 19, 20, примеч. 49.

²⁸ Там же, с. 20.

²⁹ По данным дендрохронологии, этот рубеж датируется между 855 и 861 гг.

³⁰ Корзухина Г. Ф. О времени появления укрепленного поселения..., с. 82.

³¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 106.

³² Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, 1962, т. 1, с. 23, 24.

³³ Рыбаков Б. А. Древняя Русь..., с. 200.

за волховским торговым путем. Не исключено, что норманы, вероятно, находившиеся в ту пору в составе гарнизона, призваны были выступать против своих же соплеменников, если последние являлись с пиратскими целями. Характерно, что по времени постройки ладожская твердыня соответствует укреплениям, которые в 870—890-х гг. под влиянием походов викингов в массовом порядке сооружались в странах Западной Европы.³⁴

Отмеченная выше примерная летописная дата Ладожской крепости совпадает с археологической. В таком случае новооткрытое архитектурное произведение относится к первой отмеченной в летописи общерусской волне строительства государственных укреплений. До сих пор возведение оборонительных форпостов по единому государственному замыслу, как о том и сообщает летопись, связывалось с деятельностью Владимира Святославича. Предшествующее этому строительство, начавшееся в 882 г., оставалось в тени, ибо в источнике не перечислены названия новообразованных «городов». На примере Ладоги этот список начинает расшифровываться; тем самым конкретизируется едва ли не первый стратегический план укрепления земли, который в масштабе всей страны выдвинуло молодое государство, как только были объединены его северная и южная части.

Итак, надо думать, что Ладога была укреплена в связи с опасностью варяжских вторжений. В этом усилении уже сказалась государственная забота о защите северных рубежей Руси и ее главного неовско-балтийского порта. Косвенно указанное обстоятельство подтверждается известием Начального свода (повторенным Новгородской первой летописью) о том, что Олег Вещий вскоре после похода на Константинополь «иде к Новгороду и оттуда в Ладогу».³⁵ Ладога, таким образом, оказалась местом, где в последний раз видели ушедшего из Киева князя. Конец его жизни уже для древнекиевских летописцев окружен неясностями. Одни писали, что он похоронен в Ладоге, другие — что могила князя находилась в Киеве.³⁶ Северная версия признана более правдоподобной.³⁷ Действительно, если Олег Вещий являлся, как утверждалось, инициатором строительства ладожской каменной крепости, то его пребывание или остановка под защитой надежных стен в знакомом месте не кажется случайной. Вообще вплоть до середины XI в. источники подчеркивают вполне самостоятельное (по сравнению, например, с Новгородом) значение Ладоги, связанной непосредственно с киевским правящим княжеским домом.³⁸ Так, по сообщению К. Багрянородного (между 948 и 952 гг.), во Внешней Руси в Невогарде «сидел Святослав сын русского князя Игоря».³⁹

³⁴ Anderson W. *Burgen Europas von der Zeit Karls des Großen bis Renaissance*. München, 1971, S. 39, 40.

³⁵ Новгородская первая летопись..., с. 109.

³⁶ Согласно Лаврентьевской летописи, Олег Вещий умер в 912 г.; Новгородской первой — в 922 г.

³⁷ Рыбаков Б. А. *Древняя Русь...*, с. 179, 199.

³⁸ В то время, как справедливо замечает А. Н. Насонов, Ладога более зависела от Киева, чем от Новгорода (см.: Русская земля и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, с. 79).

³⁹ Багрянородный К. *Об управлении государством*. — ИГАИМК, 1934, вып. 91, с. 8, 52. В тексте Невогард, что, по мнению издателей, вероятно, ошибка.

Княжепше Святослава, как известно, началось в Кивсе в 946 г. Если он и был во Внешней Руси (подразумевалась Новгородская и Смоленская земли),⁴⁰ то в очень юном возрасте, до смерти своего отца князя Игоря. Нас привлекло название резиденции молодого княжича, которую обычно считают Новгородом. Однако в имени города запечатлено тогдашнее название оз. Ладоги — Нево. Иными словами, речь, вероятнее всего, идет о приозерном городе Ладоге — домепе киевского князя, центре так называемой Внешней Руси, речном порте, занимавшем ключевые позиции на торговом пути из «варяг в греки» и из «варяг в арабы».

Ладожская каменная твердыня, как упоминалось выше, была разрушена вследствие, по-видимому, военной катастрофы. Полагаем, что имеется в виду набег на Ладогу в 997 г. то ли в целях грабежа, то ли мести норвежского ярла Эйрика. Как гласит исландская сага, он «подошел к Альдейгьюборгу (скандинавское название Ладоги, — А. К.) и осаждал его, пока не взял город (stad) тот, убил там много народа, а крепость (borg) ту всю разрушил и сжег».⁴¹ Слово «борг» в этом известии несомненно соответствует укрепленному детинцу, «штад» — посаду. Приведенное известие еще раз показывает, против кого была выстроена крепость на мысу, образованном р. Ладожкой и Волховом, более чем за столетие перед нападением Эйрика. Вероятнее всего, в самом начале XI в. ладожский детинец был снова укреплен, но на этот раз не камнем, а деревянной стеной и мощным валом, отрезавшим мыс с напольной стороны.

Варяжский погром не снизил особого значения Ладоги, которое она продолжала сохранять в течение большей части XI в. Несмотря на затухание восточной торговли, роль города на Волхове как главнейшего на севере Европы порта и северного въезда в пределы Киевской державы удержалась на достаточно высоком уровне.⁴² К этому времени (точнее — 997—1043 гг.) относятся достоверные известия скандинавских саг о Ладоге или Альдейгьюборге. Здесь образовалось около 1020 г. своеобразное русско-скандинавское ярлство, где останавливались и снаряжали свои корабли знатные викинги, укрывались политические изгнанники, происходили (как и раньше) перегрузка и сезонная зимовка купеческих караванов груженых русскими и заморскими товарами. Речь идет об участке долины Волхова, компактно заселенной по обеим сторонам реки на протяжении не меньше чем 13 км (от сел. Старые Дубовики до д. Велеша). Это пространство — ядро прежней Ладожской волости — опознается по цепочке сопков и поселений, одновременных древнейшей Ладоге.⁴³ К тому же ядру относились и досмотровые речные станции, расположен-

⁴⁰ Ср.: Ипатьевская летопись под 1148. — ПСРЛ, 1908, т. 2, с. 359. Деление на Верхнюю и Нижнюю Русь было, таким образом, известно в XII в. и восходит к X в. или к еще более раннему периоду.

⁴¹ Рыдзевская Е. А. Сведения о Старой Ладоге в древнесеверной литературе. — КСИИМК, М.; Л., 1945, вып. 11, с. 55.

⁴² По сообщению А. Бременского (1075 г.), переход на парусах от Волина до первого русского города Острограда занимал 14 дней. Можно думать, что здесь подразумевается Ладога (Гильфердинг А. История балтийских славян. СПб., 1874, с. 58, 59).

⁴³ Более подробно см.: Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья. — В кн.: Славяне и Русь. Киев, 1979, с. 92 след. с. 94 (рис.).

ные по Волхову у оконечностей Гостиннопольских и Пчевских порогов. Ладожская область была территориально весьма ограничена в силу природных условий; вокруг простирались незаселенные леса и громадные болота. Однако прежняя оторванность Нижнего Поволховья от смежных территорий, занятых финским населением, постепенно преодолевалась. Перед шведами — наместниками Ладogi — была поставлена новая государственная задача — оборонять, как гласит скандинавский источник, землю конунга (в данном случае — Ярослава Мудрого) от язычников.⁴⁴ Под язычниками в тот период понимались не только шведские викинги (как известно, их христианизация заняла большую часть XI в.), но и поднимавшиеся к самостоятельности финские племена вроде воинственной еми или приладожской чуди. Мирные отношения с соседними племенами не всегда определяли северную политику Киевского государства. Приладожские финны, судя по их мужским погребениям, находились в числе наиболее разнообразно вооруженных языческих контингентов Восточной Европы, немногим уступая в этом отношении лишь жителям Смоленского Поднепровья и Суздальского Ополя.⁴⁵ «Замирение» ближайших к Ладогe соседей, видимо, шло с переменным успехом и продолжалось в течение всего XI в. (о чем еще скажем ниже). Напомним о судьбе веси. Отмеченная в событиях IX в. она в дальнейшем исчезает со страниц летописи. Возможно, что такие «сильные» города, как Белозеро и Ладога, парализовали ее политическую активность. Показателем еще один пример. В первой половине или середине XI в. на восточных границах Ладожского наместничества создается крупнейший в стране судебно-податной округ — Обонежский ряд.⁴⁶ Археологически это подтверждается исчезновением со второй половины XI в. приладожских финских курганов. Христианизация упомянутого края свидетельствует и о том, что приладожская чуда, очевидно через посредство Ладogi, попала по отношению к Руси во все более растущую податную зависимость.

Где-то в последней трети XI в. управление городом в низовьях р. Волхова перешло в руки новгородской администрации.⁴⁷ XII век принес Ладогe строительный подъем, самый блистательный в ее средневековой истории. Территория города расширяется до 14—15 га. Начинается возведение каменных кончанских церквей⁴⁸ и оформляются в качестве самоуправляющихся единиц сами концы (их не меньше пяти), как-то связанные с подвластной провинцией.⁴⁹ Ширящееся освоение угодий вы-

⁴⁴ Рыдзевская Е. А. Сведения..., с. 60.

⁴⁵ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех, комплекс боевых средств. Л., 1971, с. 43 след.

⁴⁶ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. с. 74, 95.

⁴⁷ Об этом прямо или косвенно свидетельствуют найденные в Ладогe печати 70—90-х гг. XI в. (Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. М., 1970, т. 1, № 37, 38, 78).

⁴⁸ Сооружение каменных церквей само по себе является признаком растущего местного благосостояния, в притом незаурядного. К примеру, даже такой крупнейший новгородский пригород, как Псков, насчитывал в XII в. четыре каменные церкви.

⁴⁹ При раскопке (одноименной своему концу) Спасской церкви на ее полу найдено несколько многобрусных височных колец. Они связываются с поселениями Ижорской возвышенности. По остроумному замечанию Н. Е. Бранденбурга,

ходит за пределы низовьев р. Волхова. Возникает дальняя сельскохозяйственная округа. Новую ценность приобретают сухопутные пути, вдоль которых располагаются починки и деревни. Ближе к устью Волхова основывается пристань Исады (первое летописное упоминание под 1228 г.).⁵⁰ Времена, когда Ладожская волость казалась удаленным островком, затерянным в море болот и лесов, остались позади. При ее посредстве происходит экономическая и культурная интеграция ряда финноязычных районов в рамках Новгородской земли. Город в низовьях р. Волхова в XII в. рисуется с надежным детинцем, развитым посадом и стабильным населением. Не замирает и внешняя торговля через Ладогу, однако теперь она обслуживает не восточный транзит, а потребности самой великокняжеской Руси. Подъем Ладоги в XII в. объясняется не только стремительным ростом экономического благосостояния русских городов того времени, но и особым положением, которое отводилось этому центру в стратегических планах Киевского государства.

Крепость Мстислава Великого

В 1114 г. ладожский посадник Павел, как сообщает «Повесть временных лет», заложил в Ладоге крепость «каменнем на приспе», т. е. на насыпи.⁵¹ Это известие (киевское по месту первоначальной записи) contemporaneo событию и достоверно, так как принадлежит составителю третьей редакции «Повести временных лет».⁵² Летописец сообщил о начале работ, окупание их осталось неотмеченным, но вряд ли они растянулись более чем на несколько лет.⁵³ Важность приведенного известия заключается в том, что оно является единственным надежным свидетельством о строительстве на севере Руси в начале XII в. каменной крепости. Недаром на закладке стен присутствовал новгородский князь Мстислав, впоследствии последний монарх раннефеодальной Руси, сын Владимира Мономаха. В передаче В. Н. Татищева именно новгородский князь был инициатором строительства крепости и делал распоряжения посаднику Павлу о ее новом местоположении.⁵⁴ Чрезвычайность укрепления Ладоги подчеркивалась тем, что Новгородский детинец, сооруженный с ней одновременно тем же князем Мстиславом Владимировичем, был деревянным. Деревянным, а точнее деревоземляным, были в тот период и

обнаруженные вещи обитые или поминальные и попали в церковь в период ее функционирования (см.: Старая Ладога, СПб., 1896, с. 46, 127, табл. XIII, 4). Не указывают ли названные находки зону властвования Спасского копца или по меньшей мере направление, по которому надо искать эту зону.

⁵⁰ Новгородская первая летопись... с. 65.

⁵¹ Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, 1908, т. 2, с. 277.

⁵² Шахматов А. А. Повесть временных лет, 1916, ч. 1, с. XXXIX—XL.

⁵³ Известие о заложении «города камяна» содержится также в древнейшей Новгородской первой летописи и некоторых других сводах, однако оно, как выяснено, восходит к упомянутой выше третьей редакции «Повести временных лет» и неточно помечено 1116 годом. Возможно, что последняя дата обозначает окончание каменного строительства (ср.: Новгородская первая летопись... с. 20).

⁵⁴ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1963, т. 2, с. 130.

сотни других крепостей не только в русских землях, но и за их ближайшими пределами.⁵⁵

Чем же объяснить создание приволховского каменного «феномена», до самой последней поры не имевшего исследованных восточноевропейских аналогий? В военно-инженерном деле Руси вплоть до XIII в., как полагают, каменные оборонительные сооружения не могли обладать никакими военными преимуществами перед деревянными.⁵⁶ Было бы, однако, неверным считать, что и в домонгольский период не велись поиски различных способов долговременной защиты городов, особенно пограничных. Строительство каменной Ладоги, места по своему значению вовсе не второстепенного, это подтверждает. Стремлись ли в данном случае градодельцы к эксперименту с противопожарным устройством, осознали ли большую экономичность эксплуатации каменных сооружений по сравнению с деревянными, оценили ли богатство и доступность выработки местного плитняка, наследовали ли они, наконец, разрушенному сооружению около 900 г.? Как бы то ни было, ладожский замок не был случайной затеей или «архитектурным капризом». В осуществлении строительства была определенная необходимость, раз его развернули в городе, где до той поры, видимо, не имелось своей постоянной артели каменщиков и ломщиков плит. В укреплении города на Волхове сказалась государственная инициатива, проявленная по отношению к одному из опорных пунктов, основанному на иноплеменной территории. Некоторые из такого рода городов фактически превращались в пограничные крепости и первыми принимали удары противника (например, Белая Вежа в Подонье, Юрьев в Эстонии). В усилении Ладоги следует видеть попытку укрепить окраинную область Руси и защитить от возможных нападений клин выдвинутых на север земель. Помимо оборонительных функций новая крепость на берегах Волхова, вероятно, рассматривалась как главный опорный узел и база для ширящегося освоения финноязычных земель. Насколько можно судить, военное строительство в низовьях Волхова явилось звеном в осуществлении общерусского военного плана, предложить который могли лишь последние единовластцы Киевской державы. Как бы дополняя дело отца Владимира Мономаха, организовавшего в 1103—1111 гг. сокрушительные походы на половцев, его сын Мстислав, по В. Н. Татищеву, «в воинстве храбр и доблоразпорядочен», предпринял на севере не менее пяти походов на чуди. Исходным пунктом для первого из них в 1105 г. послужила Ладога.⁵⁷ Эти походы имели «всерное» направление, они затронули огромное пространство от Восточного Приладожья до Эстонии и, очевидно, явились самыми крупными после операций Ярослава Мудрого против чуди и еми в 1030 и 1042 гг.

Мстислав выступил против чуди, находясь второй раз на новгородском княжении (1096—1116 гг.). Однако, и заняв киевский престол, он в 1130 г. послал сыновей на чуди и «взяша и».

⁵⁵ Например, в Скандинавии строительство каменных замков началось около середины XII в. (См.: Tuulise A. Burgen des Abendlandes. Wien; München, 1958, S. 53).

⁵⁶ Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. — МИА, 1961, № 105, с. 222.

⁵⁷ Новгородская первая летопись..., с. 19.

Как полководец князь Мстислав, прозванный великим, не знал поражений, удачно побеждал соперников, воевал с половцами, ходил на Литву, а организованная им в 1128 г. карательная операция против полоцких князей, охватившая 0,5 млн. кв², поражает размахом и стратегическим расчетом.⁵⁸ Летописец записал о Мстиславе, что он «наследи» отца своего путь «и тако избави бог Рускую землю от поганых».⁵⁹ Военное могущество Руси того времени действительно окрепло: была отбита жесточайшая волна половецкого нашествия, «замирены» чудские племена, утихли междоусобицы. Военная передышка, наступившая вслед за этим, по средневековым меркам на удивление продолжительна — она принесла целому поколению людей мир, длившийся примерно 40 лет. Создалась благоприятная обстановка для расцвета городов и исполнения самых смелых проектов. И вот на беспокойной окраине государства, как уже говорилось, по указанию князя Мстислава — приверженца сильной державы и организатора ее северной военной политики, в престижных целях украсившего Новгород рядом монументальных каменных зданий, и было возведено в большой мере необычное для своего времени сооружение, укрепившее славу Ладоги как северных ворот страны.

Военно-политическая значимость и дальновидность укрепления центра «Порожской земли» со всей очевидностью проявились в свете последующих событий. Подошедшие в 1164 г. к Ладоге уже не чужд, а шведы, несмотря на прямой приступ каменной цитадели (посад горожане сожгли сами), «не успеха ничтоже к граду, нь большую рану въсприяхи».⁶⁰ Каменные стены спасли ладожан и в 1338 г., когда немцы сожгли посад, «города не взяша».⁶¹ Эти нападения подтверждают, кстати, что и в XII и XIV вв. укрепления Ладожского кремля не поддавались огню, т. е. были каменными.

Оборонительно-наступательное назначение, завещанное Ладоге руководителями великокняжеской Руси, с годами не только не уменьшалось, но и все более возрастало. Ладожане во главе с посадником, образовавшие самостоятельный отряд новгородского войска, успешно отбили нападение еми (в 1142 и 1228 гг.), в составе русской рати сражались с пемцами (в 1241 и 1268 гг.), шведами (в 1240, 1283 и 1348 гг.), освобождали захваченные ими города (Копорье, Орешек) и штурмовали Лапскрону (в 1301 г.).⁶² В условиях растущей немецкой и шведской агрессии «ладожский город» сыграл важную роль в защите северорусских земель, и только строительство в 1323 г. крепости на Ореховом острове несколько обезопасило до той поры единственный форпост в низовьях Волхова.

Начиная с момента постройки и вплоть до конца XV в. Мстиславова крепость была практически неуязвимой для всех нападавших, что свидетельствует о таких инженерных решениях, которые, будучи примененными в начале XII в., намного опередили свое время. Только единствен-

⁵⁸ Рыбаков Б. А. Военное дело. История культуры Древней Руси. М.: Л., 1948. т. 1, с. 415, рис. 236.

⁵⁹ Ипатьевская летопись, с. 304.

⁶⁰ Новгородская первая летопись..., с. 31.

⁶¹ Там же, с. 348.

⁶² Новгородская первая летопись..., с. 26 след.

ный раз отмечен ремонт самих степ. В 1445 г. повгородский архиепископ Евфимий II «в Ладогę стену камену попови». ⁶³ Судя по контексту, совершенно очевидно, что здесь идет речь лишь о починке или определенном усилении крепости, но не о капитальной перестройке. Одновременно с укреплениями Евфимием была «поновлена» и крепостная церковь св. Георгия, возведенная в XII в., что соответствовало программе новгородского владыки по восстановлению старых новгородских святынь — «в бысть хрестьяном прибежище». Когда же Евфимию II приходилось осуществлять новую постройку, то летописец, как в случае с Ямгородом, писал не «понови», а «заложиха городок нов». ⁶⁴

Поиски летописной каменной крепости 1114 г. привлекали исследователей нескольких поколений. Однако найти эту постройку оказалось не просто, так как на ее месте — на мысу (размером 175×85 м; рис. 4), образованном рр. Ладожской и Волховом, в 1490-х гг. ⁶⁵ было сооружено новое укрепление с пятью мощными башнями, рассчитанными на артиллерийскую стрельбу. ⁶⁶

Первый исследователь ладожского мыса — горный инженер Д. Сабанеев. В 1884 г. он провел небольшие раскопки и представл реконструкцию крепости до и после 1500 г. Основным различием построек этих двух периодов Д. Сабанеев считал деревянные увенчания стен, действительно возведенные в поврежденных местах в XVII в. При всей непритязательности подхода автора к воссозданию архитектурного сооружения его отдельные рисунки и предложенная дата постройки крепости — 1500 г. — не так далеки от истины. Описание и альбом Д. Сабанеева не увидели света и только недавно мной обнаружены в архиве ЛОИА АН СССР. ⁶⁷

Глубокие и обширные изыскания были проведены на ладожском мысу в 1884—1885 и 1893 гг. Н. Е. Бранденбургом и академиком архитектуры В. В. Сусловым. Оба исследователя отнесли раскопанные, описанные и зачерченные ими остатки Ладожской крепости к постройке XII в., сохранившейся, по их суждению, «почти в первоначальном виде». ⁶⁸ Монография Н. Е. Бранденбурга по обилию сведений, безупречной документации и поныне не утратила своего значения. Автор, в частности, объективно воспроизвел в ней то, что сам никак не истолковал, а именно — разностильные и, видимо, разновременные кладки. Только в наши дни удалось придать новый смысл этим тщательно зафиксированным данным, при-

⁶³ Летопись Авраамки, с. 186. Это же событие в Новгородской IV летописи помещено под 1446 г. (ПСРЛ, 1848, т. 4, с. 123).

⁶⁴ Летопись Авраамки, с. 192.

⁶⁵ Письменные свидетельства отсутствуют. Дата постройки выведена теоретически и ныне доказана дендрохронологическим анализом спила связи, вынутой из Раскатной башни. Дата спила, по определению Н. Б. Черных, — конец 1480-х—1490-е гг. (наружные колец нет).

⁶⁶ К началу XIX в. эта Ладожская крепость лежала в развалинах, которые романтики прозвали «Рюриковой крепостью».

⁶⁷ Сабанеев Д. 1) Старо-Ладожская крепость, 1884. — Арх. ЛОИА АН СССР, ф. 3, № 727; 2) Старо-Ладожская Рюрикова крепость в чертежах и фотографиях с приложением реставрации крепости до и после 1500 года (далее — Альбом). — Там же, № 728. Акварельные таблицы Д. Сабанеева испещрены критическими пометами Н. Е. Бранденбурга, который в своем труде о Старой Ладогę анонимно назвал автора этих таблиц «одним из интеллигентных обозревателей городища».

⁶⁸ Бранденбург Н. Е. Старая Ладога, с. 131.

влеченным в ходе нового цикла археологических раскопок на крепостном мысу.

Раскопки Н. Е. Бранденбурга обнажили значительные части сооружения, что ускорило их разрушение. Не помогли и деревянные подпорки, сделанные для поддержки сводов и арок, впрочем, вскоре выломанные на дрова. В предреволюционные годы велось много разговоров о защите «гибнущего памятника военной старины» на Волкове. В этих выступлениях принял участие археолог Н. И. Репников. Он первым, между прочим, обратил внимание на артиллерийские приспособления Ладужской крепости и в противоположность Н. Е. Бранденбургу заявил, что «перед нами не сооружение посадника Павла, а лишь более позднее по времени видоизменение постройки XII в.».⁶⁹

Следующий исследовательский шаг был сделан в 1936 г. В. А. Богусевичем, который доказал отнесение Ладужской крепости к эпохе развитого огнестрельного боя. «Рушится, — писал он, — научная легенда о ее принадлежности к XII в.»⁷⁰ При этом В. А. Богусевич пытался разобраться в разновременных кладках, замеченных им в осыпавшемся торце стены у лестницы несохранившейся ныне Тайничной башни конца XV в. Именно здесь он усмотрел стенку XII в. (толщиной около 1 м) с последовательными прикладками, которые датировал 1445 и 1500 гг.⁷¹ Предложенная В. А. Богусевичем «архитектурная стратиграфия» была в 1948 г. с помощью расчистки того же торца стены у Тайничной башни проверена П. А. Раппопортом и отвергнута на том основании, что выделенные в этом месте несколько стенок в действительности самостоятельно не могли стоять в силу своей малой толщины и составляли единую, практически не подвергавшуюся утолщению конструкцию.⁷² Как исследовательная стена, так и вся крепость на ладужском мысу были признаны П. А. Раппопортом целиком одновременными, построенными в конце XV—начале XVI в. «Таким образом, — писал упомянутый автор, — заключение Н. Е. Бранденбурга об одновременности постройки всей Ладужской крепости оказывается совершенно обоснованным, только дату постройки следует с XII в. перенести на время более позднее».⁷³

По-своему решал вопрос об устройстве стены у Тайничной башни архитектор-реставратор А. А. Драги. В 1958 г. место, неоднократно привлекавшее ученых, было раскопано. При этом выяснилось, что сердцевина стены, принятая В. А. Богусевичем за основу XII в., была лишь рыхлым заполнением, расположенным между двумя отвесными плитняковыми стенками. Руководителю раскопок показалось, что он открыл некий коридорный ход. Его прокопали на несколько метров, а, убедившись в том, что конца «коридора» не предвидется, работы забросили; стена, лишенная

⁶⁹ Репников Н. И. Гибнущий памятник военной старины. — Журн. Военно-ист. о-ва, 1913, с. 416.

⁷⁰ Богусевич В. А. Порховская крепость. — Новгород. ист. сб., Л., 1936, вып. 1, с. 18.

⁷¹ Богусевич В. А. Стены Старолужской крепости. — Там же, 1937, вып. 2, с. 124, 125.

⁷² Раппопорт П. А. Из истории военно-исторического искусства Древней Руси. — МИА, 1952, № 31, с. 146.

⁷³ Там же, с. 148.

своей забутовки, простояла до 1972 г., когда в четвертый раз была изучена и затем законсервирована.

Остановимся еще на одном «подозрительном» месте ладожского комплекса, которое как-то не вяжется с обликом укрепления, рассчитанного «на огненный бой». Речь идет о земляном вале, с юга ограждавшем территорию крепости. Еще Ф. Ласковский предполагал, что каменная ограда, заложенная, судя по летописи, в 1114 г. «на приспе», располагалась на вершине земляного вала.⁷⁴ Впервые эту стену на небольшом отрезке раскопал Д. Сабанеев, указавший, что она по толщине «существенно отличается от прочих и характеризуется большей доступностью в боевом отношении».⁷⁵ Наличие стены подтвердил В. В. Суслов, выявивший ее в 1893 г. в нескольких поперечных траншеях.⁷⁶ Тогда же выяснилось, что на месте этой стены, по данным описи 1655 г., высилась деревянная преграда, «а преж сего то прясло было каменное и обрушилось без остатку до подшвы».⁷⁷

В 1948 г. нижние части этой же стены зачистил П. А. Раппопорт и констатировал, что она состоит из двух плитняных стенок с забутовкой. Толщина сооружения была меньшей (3,2 м), чем прилегающих с запада и востока прясел. «Это вполне естественно, — заключил исследователь, — если считать, что южная стена строилась тогда, когда по ее другую сторону уже существовал деревянный город».⁷⁸ Однако тот же отрезок павальной стены В. В. Косточкин связывал не со второй половиной или концом XV в., а с XII в. Возможно также, писал он, что оборонительные сооружения крепости XII в. состояли только из этой стены и не были замкнутыми.⁷⁹ Наконец, по мнению архитектора Г. Я. Мокеева, поиски стены XII в. в Старой Ладоге вообще вряд ли необходимы, так как известие 1114 г. сообщает не о строительстве, а об облицовке земляного вала с приступной стороны, чтобы придать ему большую крутизну.⁸⁰

В итоге всех приведенных работ и наблюдений была надежно установлена поздняя, так сказать московская, дата постройки сохранившихся ныне частей Ладожской крепости. Что касается предшественницы XII в., то гадательность ее местонахождения лишь усилилась. Выходом из создавшегося положения могли быть только новые архитектурно-археологические исследования.

В 1972 г. уже подвергавшийся раскопкам южный вал был снова избран для закладки сначала поперечной траншеи, а затем, в 1973 г., и более широкого раскопа.⁸¹ При этом преследовалась цель отыскать и

⁷⁴ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1858, ч. 1, с. 110.

⁷⁵ Сабанеев Д. 1) Старо-Ладожская крепость, л. 25 об.; 2) Альбом, табл. VI, 2; VII, 2, 4.

⁷⁶ Бранденбург Н. Е. Старая Ладога, с. 306, 307, табл. XX, XLI.

⁷⁷ Там же, с. 204.

⁷⁸ Раппопорт П. А. Из истории..., с. 147. — Деревянный город был пристроен к каменному, как теперь выяснилось, не в XV в., а в 1585 г.

⁷⁹ Косточкин В. В. Древние русские крепости. М., 1964, с. 56, 57.

⁸⁰ Мокеев Г. Я. Столичный центр ветевого Пскова. М., 1971, с. 26.

⁸¹ Раскопки произведены Староладожской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР при участии Управления культуры Леноблсполкома и ЛООВОПИИ. Работы велись в сотрудничестве с архитектором Ленинградской специальной

Рис. 13. Южный фасад стены 1114 г.

опознать кладки как конца XV в., так и более древние. На гребне вала сразу же под дерном была обнаружена кладка из известняковых плит, уложенных на плотном светло-сером известково-песчаном растворе с примесью стеклообразного вулканического вещества и толченого плитняка. По данным химико-петрографического анализа, этот раствор отличается высокой культурой приготовления и прочностью.⁸² Открытые остатки

научно-производственной мастерской А. Д. Эком, успешно воссоздавшим значительную часть Надоевской крепости конца XV в.

⁸² Анализ раствора любезно пропаведен Ю. Н. Стриленко в лаборатории Украинского специального научно-реставрационного производственного управления и Н. Б. Селюпановой в химической лаборатории ЛОИА АН СССР. По заключению Ю. Н. Стриленко в качестве вяжущего компонента использована сильно гидравлическая известь (ее гидравлический модуль 2,7), которая содержит 2,83% активной кремнекислоты и 6% окислов железа и алюминия. В том и есть причина высокой прочности, так как при составлении подобного раствора использовано свойство извести вступать в реакцию с активной кремнекислотой, образуя прочный камнеобразный состав включающий гидросиликаты кальция, гидроалюминаты и ферриты. Характерно, что встреченный в заполнении горный песок был чистым без малейших следов загрязнений, глинистых или карбонатных примесей. В растворе замечена незначительная примесь толченого кирпича, что отличает этот раствор от растворов, насыщенных пемзой, применявшихся в культовых постройках XII—XIII вв., например Новгородской земли. Вообще крепостные стены не только на Руси, но в Крыму и Болгарии нередко сооружались без применения пемзы в растворе (ср.: Цончев в Д. К. Изучению особенностей строительства болгарских и византийских крепостей эпохи развитого феодализма. — ВВ. 1961, т. 18, с. 207).

Рис. 14. Стена 1114 г. на южном валу (вид после раскопок 1973 г.).

представляли две наружные лицевые стенки, между которыми залегала рыхлая забутовка из щебня, обломков плиты и раскрошившегося раствора (рис. 13). Стена сооружена трехчастной, вероятно, в предвидении неравномерной осадки, оползания или других деформаций, часто угрожающих подобной конструкции. Даже в нарушенном виде участки стены долгое время могли существовать самостоятельно.

Общая толщина исследованной стены 3,1 м, высота 1,1—1,3 м (рис. 14). Кладка выполнена из грубо отколотых камней в форме параллелепипеда, только местами с подбором рядов приблизительно на одну высоту. Толщина блоков 8—11 см, длина до 40—60 см, толщина швов 2—4 см. Стена сохранилась до 11 рядов камней; ее напольная сторона откосна,⁸³ и здесь ясно видно, что наружная поверхность плит обработана грубым сколом (без киярной обработки) с тщательной расшивкой швов. Поверхность стены, обращенная внутрь крепости, отвесна. Описанные особенности кладки совершенно отличают ее от существующей рядом кладки крепости около 1500 г. с мощными валунами, прикрытыми слоем квадратной плитняковой облицовки (рис. 15).

В результате работ 1973 г. вся находившаяся на южном валу стена была полностью открыта. В плане это сооружение, достигающее 35-метровой длины, плавно изгибается, следуя направлению несущего ступу земляного вала (рис. 16). Примерно в середине длины прясла обнаружен коленчатый уступ, подпертый с внутренней стороны крепости контрфорсом. Интересно, что подобная особенность не встречена у военно-инже-

⁸³ На каждый 1 м высоты стена отклоняется на 20 см.

верных сооружений зрелого русского средневековья, но присуща, например, крепостным постройкам Греции начиная с римского времени вплоть до первой четверти XIII в.⁸⁴

Изнутри и снаружи к описанной стене примыкали слои, содержащие развал ее рухнувшей верхней части и обломки керамики XIII—XVI вв. Из этого можно заключить, что обнаруженная на гребне вала кладка представляла собой нижнюю часть некогда существовавшей здесь более высокой стены, которая, как уже отмечалось, рухнула до 1655 г., скорее всего где-то в первой четверти XVII в.⁸⁵

Прорезка «земляной» части вала выявила, что описанная выше каменная конструкция была возведена на слое (толщиной 1,2 м) розоватого песка с плитой. Стена заложена без фундамента, непосредственно на песчаное основание, легко пропускающее воду и, следовательно, не подверженное трансформации в связи, например, с промерзанием грунта. В нижней части этой подстилающей песчано-каменной подсыпки найдены венчики керамики, относящиеся, по определению М. В. Малевской, к XI в.

В свою очередь слой из песка и плитняка был сооружен на поверхности насыпного вала (на его поверхности встречены угли и зола — несомненные следы сгоревшей деревянной стены), состоящего из наклонно уложенной рядами плиты с землей. Высота вала по центральной оси 3,6 м, располагался он на прослойке белого кварцевого песка, а ниже до материка шел уже знакомый по преграде 900-х гг. культурный слой (высотой около 1 м), судя по обломкам лепной керамики и бронзовой иглы от кольцевидной скандинавской фибулы, возникший до середины X в.

Раскопки позволили определить время и последовательность возведения, а также примерные размеры всего сооружения. Защищавший ладожский мыс первоначальный вал был создан, по-видимому, около 1000 г., а в начале XII в. его надстроили песчано-каменной насыпкой (возможно, она и есть летописная «приспа», если только это слово не относится ко всему валу) и увенчивающей ее стеной, которая представляла в сущности брустверное завершение гребня вала. Напольные укрепления усилили, судя по керамике XI в., оказавшейся в нижних частях подсыпки под стеной, скорее всего в начале XII в., а поводом тому послужил пожар деревянных стен, находившихся наверху первоначального вала.

Полученные данные, в том числе учет откосности наружной поверхности стены, позволили с большей или меньшей приближенностью представить ее несохранившуюся верхнюю часть в виде бруствера (средней толщиной 0,8 м и высотой 1,8 м; рис. 17), ограждавшего 2-метровый по ширине боевой ход. Подножие рассматриваемого сооружения возвышается ныне над уровнем дна прилегающего с напольной стороны рва на 11 м. В древности это измерение составляло не менее 13 м, что, видимо, обеспечивало достаточную обороноспособность и побудило строителей не

⁸⁴ Полевой В. М. Искусство Греции. М., 1973, с. 140; ср. с. 258 (рис.), 259.

⁸⁵ В 1629—1630 гг., по донесению ладожского воеводы, на гребне вала был «тын стоячий», позже здесь возникнут «рубленные стены» (Раппопорт П. А. Из истории..., с. 136).

Рис. 15. Раскатная башня. Вид с севера.

выкладывать на гребне вала стену с бруствром по высоте большую, чем 3,6—3,8 м.

Ближайшей аналогией описанной оборонительной преграде является стена княжеского Боголюбовского замка, заложенная в 1158 г.⁸⁶ Как и в Ладоге, это сооружение состояло из вала (7-метрового по высоте) и увенчивающей его каменной стены шириной 2,5 м (рис. 18).⁸⁷ Верх степы не сохранился, но вряд ли отличался от ладожского. Подобное сопоставление устанавливает проточку связи в строительстве каменных навалых стен домонгольской Руси.

Следовательно, датировка обнаруженной на ладожском валу стены началом XII в. обосновывается всей совокупностью технических (система кладки с грубым отколом камня), плановочных (криволинейность изгиба с коленчатым уступом примерно на середине прясла), стратиграфических (последовательное строительство напольного вала начиная с конца X в.), летописных описательных («каменiem на приспе») и сравнительных (Боголюбово) данных. Такие приемы постройки ладожской стены, как значительная откосность наружной части, наличие рыхлой забутовки, плавный изгиб по контуру вала, уступ на его перегибе, расположение на гребне вала, наконец, косая верхняя подрезка швов кладки, явно не применялись в XIV—XV вв. и должны быть отнесены к более раннему времени. Предложенная выше датировка сооружения подтвердилась всеми последующими работами, во время которых не было обнаружено никаких других остатков, претендующих называться Мстиславовой крепостью, кроме как описанных выше.

Возвышавшаяся на мощном (20-метровом в основании) валу «брустверная» стена оказалась настолько практичной и долговечной, что без изменений была включена в систему укреплений огнестрельного периода. При этом совершенно совпали и уровни боевого хода стен XII и конца XV в. Московские строители «третьей» каменной Ладоги лишь усилили огневое обеспечение доставшейся им преграды — устроили в небольшом выступе, отходящем к востоку от Климентовской башни, фланкирующую южное прясло бойницы. Таким образом, сооружение 1114 г. использовалось в течение почти всего средневековья и дошло до нашего времени, даже в разрушенном виде оставаясь все время на поверхности земли.

Стена и вал отрезали мыс с напольной стороны. Естественно, что именно на этом наиболее опасном для нападения участке в соответствии с описаниями летописца и произошла закладка нового укрепления. Следующий вопрос заключался в том, продолжалось ли сохранилось ли отысканное на гребне вала сооружение за его пределами. Проведение поиска осложнялось тем, что на большей части интересующего периметра городищенского мыса располагались уже частично реставрированные крепостные стены и башни московского времени. На первых порах по-

⁸⁶ Воронин П. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XV вв. М., 1961, т. 2, с. 261, рис. 84, 86—88. — Стены замка расположены на валу, а частью на склоне замкового плато. На этом плато обнаружены остатки треугольного выступа стены или башни, выдвинутого за линию предполагаемых укреплений. Последняя особенность находит параллели в романских замках Западной Европы (ср.: Tüulse A. Burgen des Abendlandes, fig. 59).

⁸⁷ Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества..., с. 130, рис. 107.

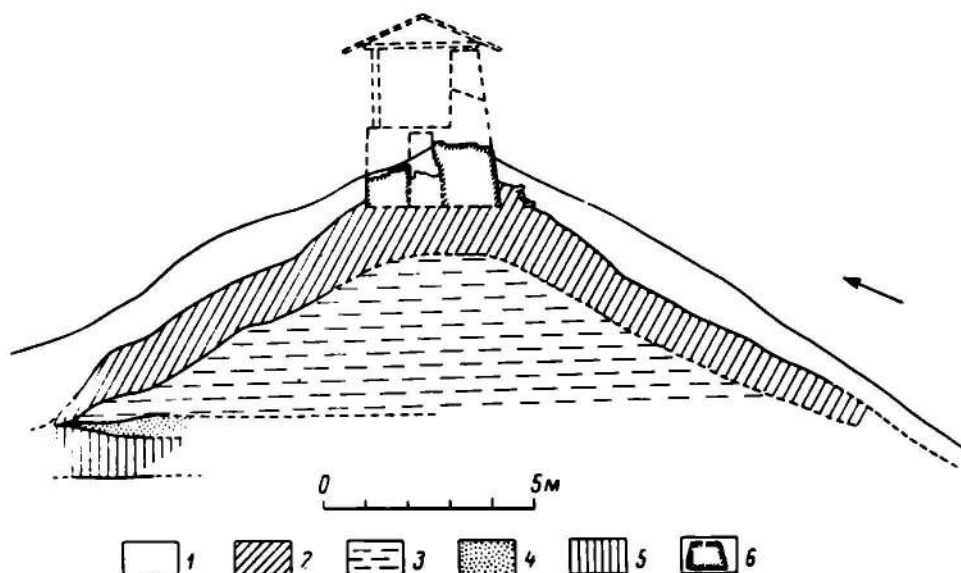

Рис. 17. Разрез вала и стены 1114 г. с реконструкцией ее верхней части.

1 — слой, образовавшийся после разрушения стены в XVII в.; 2 — розовый песок с плитой (начало XII в.); 3 — черная земля с плитой (конец X—начало XII в.); 4 — кварцевый песок; 5 — культурный слой IX—X вв.; 6 — кладка 1114 г. на растворе.

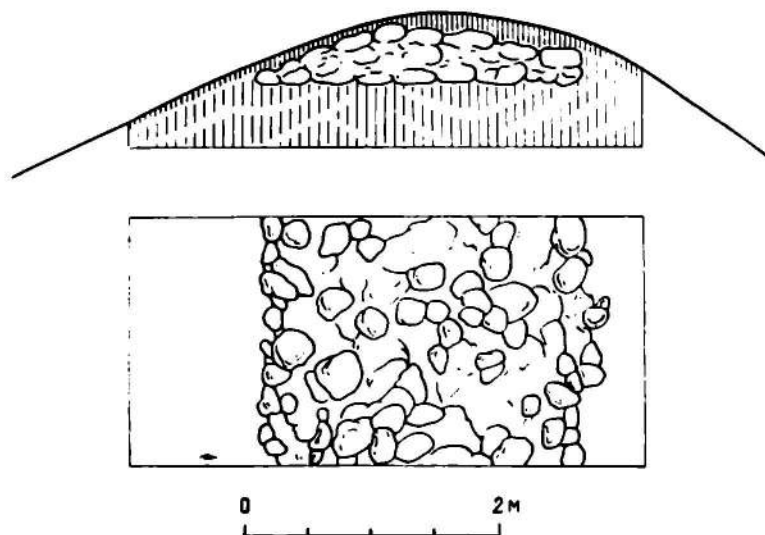

Рис. 18. Вал и стена Боголюбовского замка 1158—1165 гг. (по П. А. Раппопорту).

Рис. 19. Основание бруствера и часть площадки боевого хода стены 1114 г.

могли данные раскопок 1893 г. После опознания стены на южном валу стало совершенно очевидно, что П. Е. Бранденбург и В. В. Суслов в береговой к р. Волхову части городища не менее четырех раз натыкались на кладку начала XII в.; они ее описали, зачертили, однажды даже пытались пробить,⁸⁸ но не придали никакого значения особенному факту.⁸⁹ Настало время проверить и по-новому осмыслить прежние наблюдения.

В шурфе, заложенном напротив центральной апсиды церкви св. Георгия,⁹⁰ была открыта кладка шириной и высотой 1 м, к которой со стороны крепостного двора примыкала булыжная на растворе вымостка, очевидно сооруженная одновременно с церковью св. Георгия во второй половине XII в. По всем техническим и стратиграфическим⁹¹ признакам упомянутая кладка является продолжением стены начала XII в., обнаруженной на южном валу. Однако в отличие от последней береговая сохранилась только в своей внутренней облицовочной трети и была заложена на краю склона берега на 1 м ниже мостовой второй половины XII в. На месте исчезнувшей первоначальной наружной облицовочной стенки обнару-

⁸⁸ Бранденбург Н. Е. Старая Ладога, с. 299.

⁸⁹ Части стены, по нашему мнению, начала XII в. открыты, см.: Бранденбург Н. Е. Старая Ладога, с. 298, 299, табл. XXXVI (разведочный раскоп А1); с. 301, табл. XXXV (разведочный раскоп В1); с. 301, 302, табл. VII, XV (низ) (окопка восточной стены городища против алтаря церкви св. Георгия).

⁹⁰ Поверхность земли здесь в недавнее время понижена до уровня основания церкви, что примерно соответствует горизонту середины XII в.

⁹¹ В слое под вымосткой и по соседству с ней были найдены обломки керамики XI—XII вв.

жена прикладка толщиной 0.8—2.2 м, сложенная из регулярных блоков (12—17×35—65 см) на известковом растворе кремового оттенка. Эта прикладка (прослеженная на глубину 4.5 м от древней мостовой) начиналась примерно от подножия городищенского мыса. Судя по тому, что она прилежала к остаткам стены начала XII в., оказалась выполненной без применения валунов и с наружной стороны была закрыта осыпавшейся ныне валунной кладкой конца XV в., ее можно связать с ремонтом крепости новгородским архиепископом Евфимием II в 1445 или 1446 г.

«Ремонтная» стена XV в. протянулась на 22.5 м от Раскатной башни конца XV в. Что же касается оставшейся 90-метровой, обращенной к Волхову полосы крепости, то, как показали два раскопа 1893 г. и шесть — 1973—1974 гг., стена 1114 г. сохранилась здесь повсюду и на значительную высоту. К северу от бывшей Тайничной башни конца XV в., т. е. в том «спорном месте», где проводили расчистки В. А. Богусевич, П. А. Раппопорт и А. А. Драги, искомое сооружение тоже сохранилось (что было совершенной неожиданностью) почти на полную высоту от 6 до 7 м, включая остатки площадки боевого хода и основание бруствера, равного по ширине 0.9—1 м (рис. 19). Боевой ход занимал примерно $\frac{2}{3}$ ширины стены (т. е. около 2 м), располагаясь под ее внутренней лицевой выкладкой и забутовочной сердцевинной. При

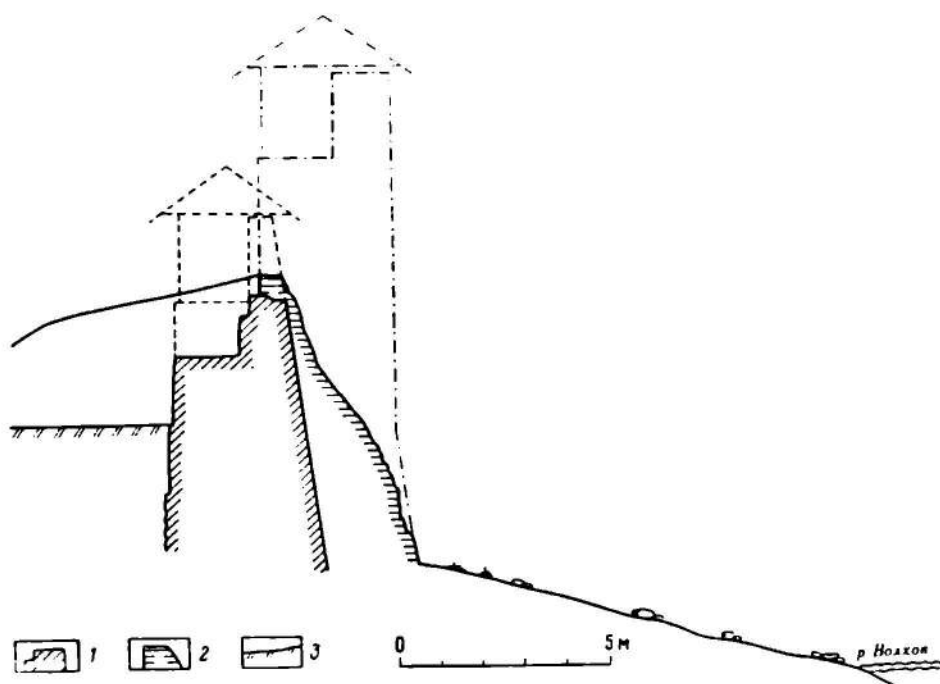

Рис. 20. Разрез стены (к северу от разрушенной Тайничной башни) с обозначением кладки начала XII в. (1), конца XV в. (2) и горизонта жизни XII в. (3). Чертеж с элементами реконструкции.

Рис. 21. Торговый люк в верхней части стены 1114 г. Вид от р. Волхова.

такой сохранности верхняя часть стены достоверно реконструируется (общая высота от подошвы составляла не менее 8 м; рис. 20).

Полученные исчисления проверяются на примере построенных в 1158—1164 гг. Золотых ворот Владимира-на-Клязьме. Арка ворот некогда была перекрыта деревянным настилом, несомненно имевшим назначение боевой площадки. К помосту вели внутристенная лестница и арочный проход, порог которого (находившийся на одной высоте с деревянным настилом) возвышался от уровня дневной поверхности XII в. на 7,2 м. В стене, противоположной проходу на помост боевой площадки, имеется кирпичная закладка в форме арки. Ясно, что здесь была вторая дверь, через которую выходили за пределы Воротной башни на вал⁹² или на боевой ход прилегавшей стены. Определеннее сказать трудно, так как первоначальная высота вала точно неизвестна; по Н. Н. Воронину, она равна 9 м, а ныне достигает 6 м. Не связала ли «вторая дверь» с выходом на стену или вал изначальной постройки? Позднее примыкавшие к Золотым воротам вал и стена были, возможно, надстроены, что и привело к закладке двери. Как бы то ни было, имеющиеся данные устанавливают два достоверных уровня расположения боевых площадок ворот во Владимире, отстоящих от дневной поверхности XII в. на 7,2 и 13,13 м.⁹³ Для нас важна первая цифра, близкая той (6,8 м, без бруствера), которая определена в Ладоге.

⁹² Воронин Н. Н. Оборонительные сооружения Владимира XII в. — МИА. 1949. № 11, с. 208.

⁹³ Там же, рис. 4, 5; Высоцкий С. А. Золотые ворота в Киеве. Киев, 1982, с. 111 (рис.), 113.

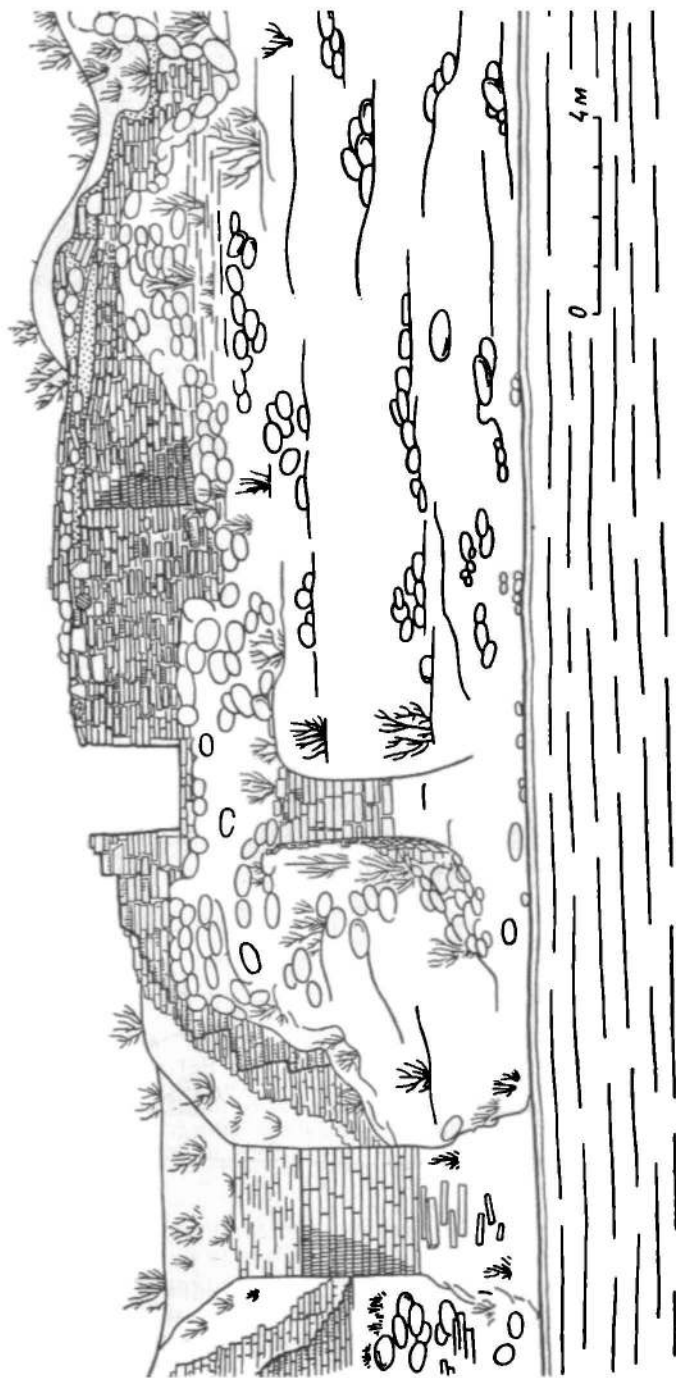
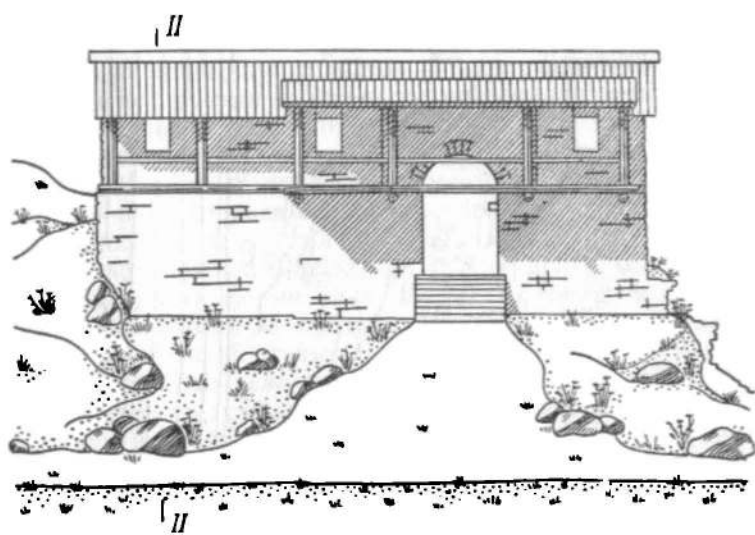
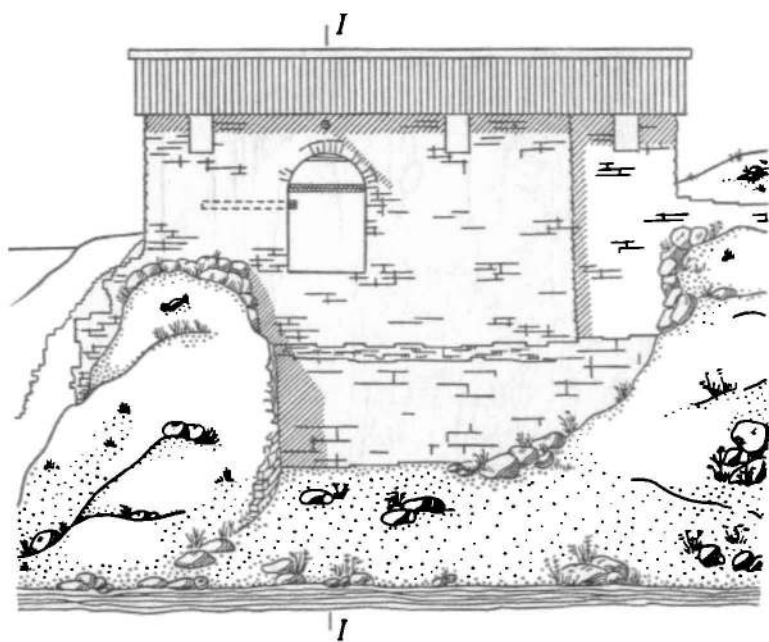

Рис. 22. Восточный фасад стены Ладжонской крепости с обозначением кладок 1114 (серг стены) и 1490-х гг. (ниж).

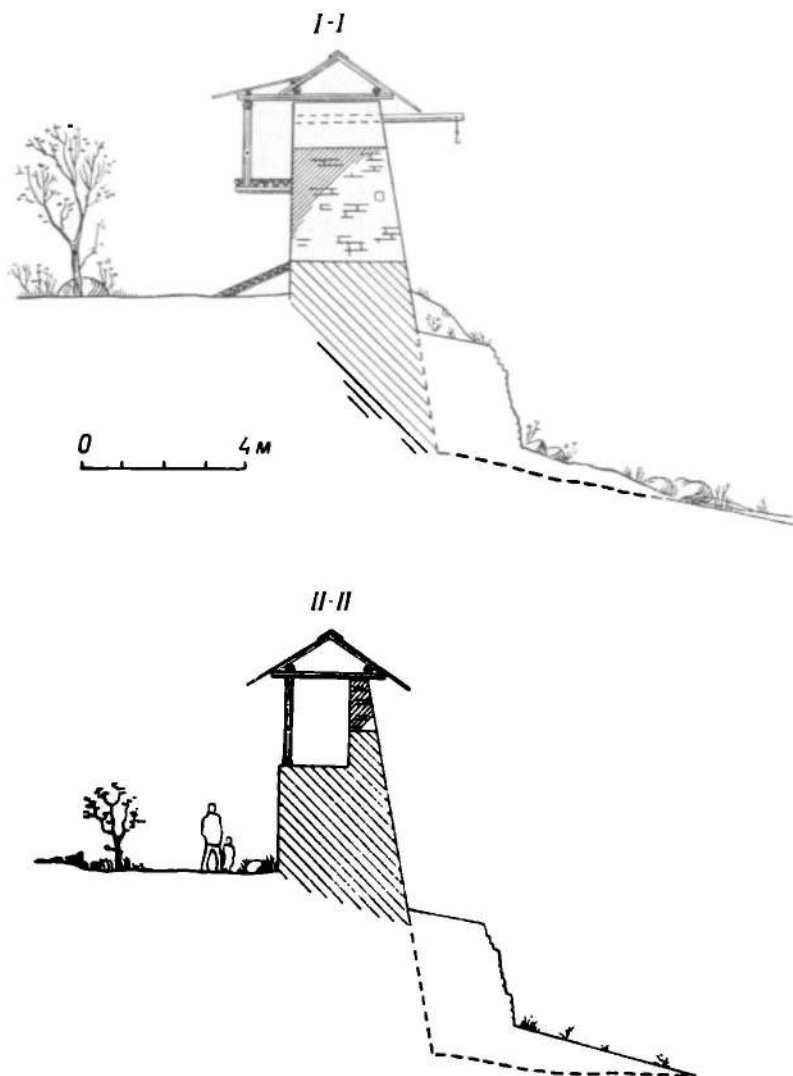

Рис. 23. Участок стены 1114 г. с торговым люком. Фасады и разрезы. Показаны при-
мыкающие с наружной стороны части стены и Тайничной башни конца XV в. Проект
реставрации А. Э. Эка, О. А. Мокоева и автора.

Преграда была заложена на уровне береговой кромки, что, в част-
ности, хорошо видно по торцу сооружения у лестницы бывшей Тайничной
башни. Толщина стены в этом месте у основания 3,7 м, на уровне
боевого хода — 2,7 м. До высоты 3 м преграда как бы облицовала
откос поселения и еще на 5 м возвышалась над его площадкой. Данные
отметки указаны по состоянию для XII в., так как в прилегающих

к стене слоев удалось обнаружить «горизонт жизни», соответствовавший времени возведения всего укрепления.⁹⁴

В непосредственной близости к северу от Тайпичной башни в верхних частях стены открыт первоначальный, заложенный в конце XV в. проем шириной 1,7, сохранившийся на высоту 1,9 м (рис. 21, 22). На одной из стенок проема уцелел наклонно положенный камень основания свода, что даст возможность его реконструкции. Чуть ниже уровня пята свода обнаружены гнезда от деревянного засова, отодвигавшегося в правую сторону. С помощью засова держался деревянный щит, некогда закрывавший обнаруженный проем с внешней стороны. Порог проема расположен на 7-метровой высоте от уровня реки и на 0,8 м над уровнем крепостного двора (на отметку XII в.). Никаких следов, указывающих на боевое использование описанного устройства, не обнаружено. Скорее всего этот ныне «никуда не ведущий» проход использовался для подъема речных грузов, а может быть, и воды.

Требовалось, однако, объяснить, почему обнаруженный проем в своей верхней части располагался поперек боевого хода, хотя это нарушало прямой путь сообщения вдоль стены. Чтобы преодолеть такое неудобство, строители пристроили к арке с внутренней стороны деревянный обходной помост на консолях (рис. 23). Гнезда двух из них, вначале ошибочно отнесенных к связям, были открыты в прилегающей с севера стене почти на уровне боевого хода. Несомненно, что такие же консоли существовали и по другую сторону арки (здесь гнезда не сохранились). Вся эта дополнительная конструкция была построена специально для того, чтобы сохранить единый горизонтальный уровень боевого хода, не поднимая его в данном месте выше линии верхнего обреза бруствера. В свою очередь надарочный массив, как показывают сохранившиеся средневековые верхнестенные арки — так называемые торговые люки XII—XV вв. (они делались в башнях, домах, амбарах), предназначался для пропуска и закрепления подъемной деревянной консоли, на конце которой имелось вращающееся устройство для пропуска веревки с крюком. Подтягивалась веревка с помощью ворота.⁹⁵ Таким образом, несмотря на утрату верхних частей, ладожский средистенный проем можно не без основания принять за торговый люк и представить его отдельные недостающие детали (рис. 23). Подобное устройство характерно для верхних этажей рыцарских башен и купеческих домов Северной и Центральной Европы,⁹⁶ у нас фиксируется впервые.

Отметим некоторые особенности, выявленные в ходе изучения восточной стены. Щит, затворявший некогда проем (торговый люк), не имел пазов в каменной кладке (так пазываемой «четверти») и, очевидно,

⁹⁴ У подземной части стены со стороны крепостного двора были два фундаментных уступа. Верхний из них соответствовал уровню дневной поверхности XII в., нижний был сложен не только из плит, но из крупных пролитых раствором баднулов. Во всех исследованных частях стена не имела поперечных трещин и, видимо, благодаря трехслойной структуре выдержала некие деформации.

⁹⁵ Благодаря архитектора Р. Цобеля, продемонстрировавшего мне подземное устройство одной из таллинских средневековых башен.

⁹⁶ Mrusek H. J. Gestalt und Entwicklung der feudalen Eigenbefestigung im Mittelalter. Berlin, 1973, Taf. I.LXXXII, 34; I.LXXXIII, 38; XCI, 59. В Таллинне и Риге торговые люки сохранились в постройках второй половины XIII—XV в.

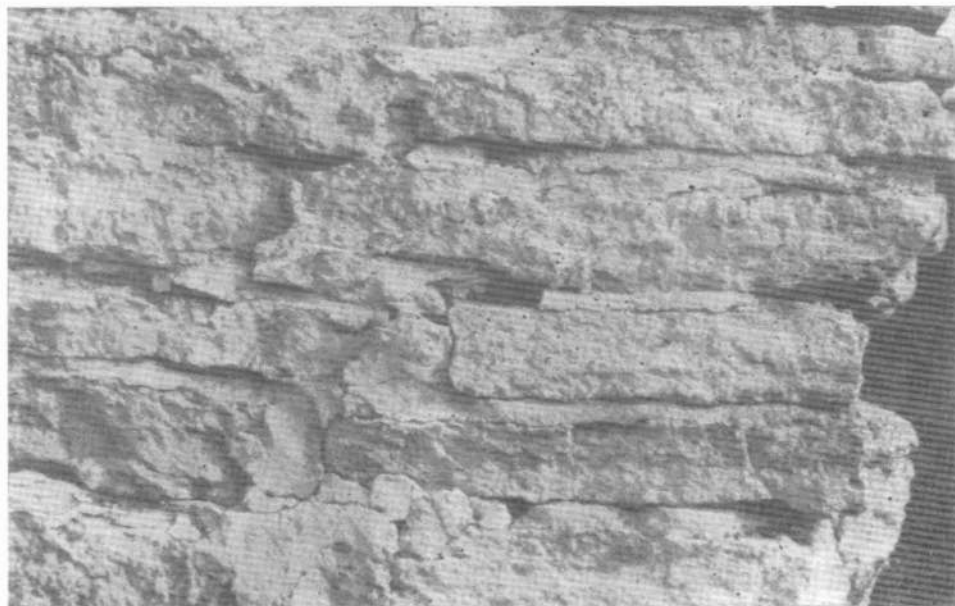

Рис. 24. Фрагмент кладки 1114 г. в боковой стене торгового люка.

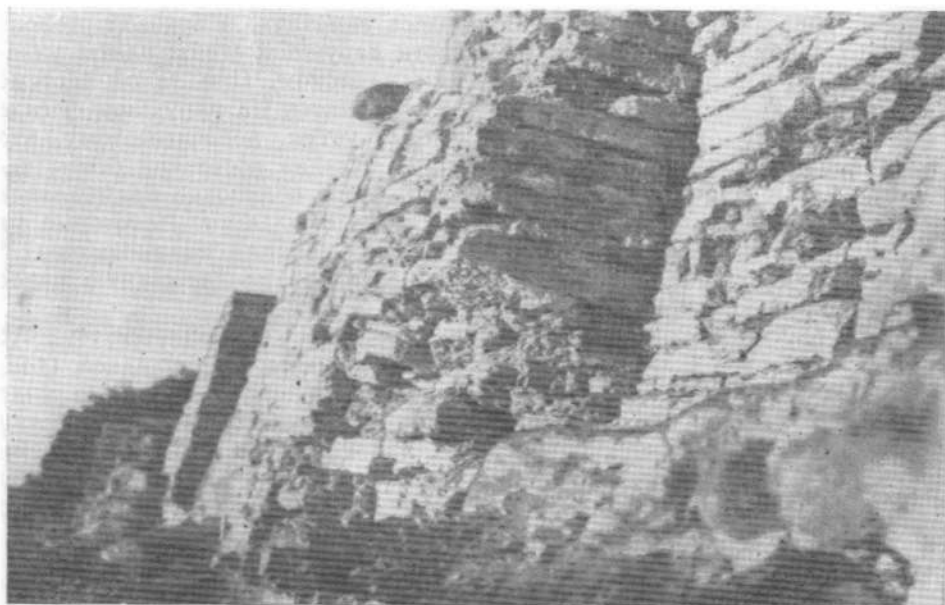

Рис. 25. Уступ восточного приела стены 1114 г.

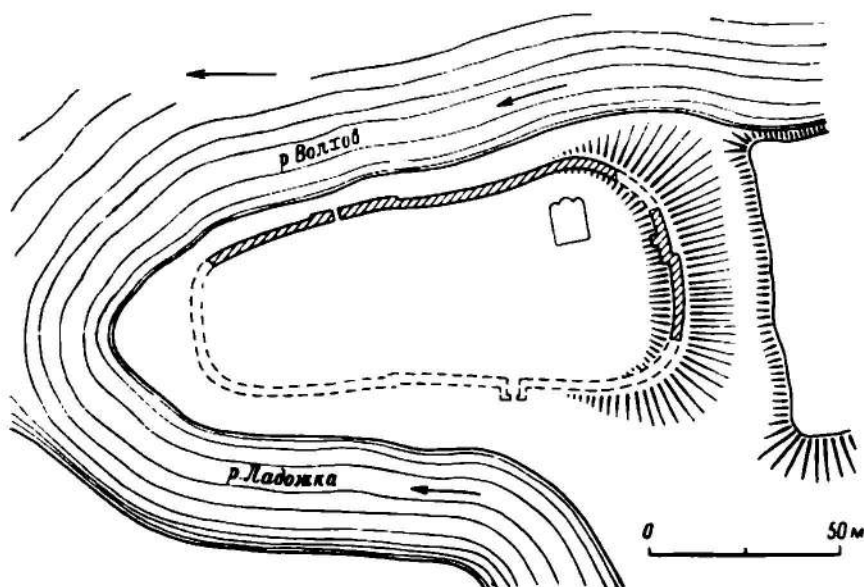

Рис. 26. План Ладожской крепости 1114 г. Реконструкция. Штриховкой обозначена кладка, обнаруженная (или трассированная по натурным остаткам) в 1972—1974 гг.

прилегал к деревянной раме. На поверхности проема и на фасадах стены кое-где сохранились обмазка и швы толщиной 2 см с характерной косой верхней подрезкой (рис. 24). Как удалось заметить, в боковой стороне арочного проема для придания откосности наружной стены плиты укладывались не горизонтально, а с легким наклоном. При такой системе не требовалось для скоса подтесывать торец плиты. На наружном фасаде стены, к северу от торговой арки, открыт уступ, подобный тому, что был выявлен на южном прясле (рис. 25). Кладка восточной стены такая же, как и южной, но с той разницей, что в облицовке применялись плиты, выходящие не торцом, а прислоненные плашмя. Некоторые из подмеченных выше деталей (например, косая верхняя подрезка шва)⁹⁷ имеют значение для хронологии и подтверждают предложенную ранее датировку всего сооружения.

Удивительная сохранность стены начала XII в. объясняется тем, что в 1490-х гг. она с наружной стороны была прикрыта прикладкой (толщиной 2—2,6 м; рис. 19). Достаточно было отодвинуть один-два ряда еще не осыпавшихся валунов, чтобы почти в потревоженном состоянии увидеть наружную поверхность стены 1114 г. (рис. 21, 22). Во время московской перестройки Ладоги укрепления начала XII в. были не только частично сохранены, но и повлияли на конструкцию нового сооружения, обусловив его криволинейный план и индивидуальную высоту ряда прясел.

⁹⁷ Холостенко Н. В. Ильинская церковь в Чернигове. — В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972. с. 98 след.

Рис. 27. Стена на южном валу (консервация 1973 г.).

В период перестройки сооружение 1114 г. пострадало в своих верхних частях — почти до основания был уничтожен бруствер и срублена обращенная внутрь кладка бокового хода. Московские строители не стали полностью разрушать прежнюю кладку, оставив ее в качестве цокольной облицовки мыса и использовав как опору при возведении новой стены, на 3,5 м превышавшей прежнюю. В кладке начала XII в. созданы также простенки огнестрельных печур, устроенных в конце XV в. в северной (примыкающей к Стрелочной башне) половине восточного прясла.

Таким образом, на ладожском мысу открыты бесспорные части стен пачала XII в., выявленные вдоль южного и всего восточного прясел крепости. Что касается западного и северного, то их обнаружить не удалось; они, как показали раскопки, полностью покрыты почти 7-метровой по толщине стеной конца XV в.⁹⁸ Трассы первоначальной преграды устанавливаются здесь приблизительно по завороту исследованных частей кладки, ее развалу, открытому в шурфах и у подножия поздних Климентовской, Воротной и Стрелочной башен, наконец, благодаря криволинейному изгибу московской постройки, повторяющей контур более ранней. Все это позволяет предложить вариант воссоздания плана крепости 1114 г. (рис. 26).

Открытые части кладок XII в. сразу же после окончания раскопок были оперативно, что, к сожалению, пока бывает редко, законсервиро-

⁹⁸ Более подробно о западном прясле ныне существующей стены см. настоящ. изд., с. 74 (примеч. 133), 76, 77.

напы группой реставраторов под руководством архитектора А. Э. Экка. Древние остатки стены на южном валу были вычищены в некоторых лицевых частях и примерно на 0,5 м надложены (рис. 27). Стена в районе Тайпичной башни восстановлена до уровня боевого хода, выложена арка торгового люка и устроены консоли обходного помоста. При всем этом была обеспечена максимальная точность и тщательность работ с тем, чтобы можно было распознать участки старой кладки и поновления.⁹⁹

Ладожская паходка позволяет судить об устройстве многих не сохранившихся деревянных крепостей первых веков русской истории. Теперь представляется возможность говорить о высоте стены, равной 8 м, ширине бруствера, достигавшей 0,8—1 м, высоте стрельбы,¹⁰⁰ составлявшей у подпожия укрепления 12—14 м. Размеры и устройство боевого хода позволяли осажденным свободно передвигаться и вести активную защитную стрельбу, по-видимому, во всех фронтальных направлениях. Обнаруженный в стене арочный проем неожиданно раскрыл и торговую функцию военного сооружения. Следует отметить свободу и расчет, с каким ставилась стена на краю откоса мыса и на гребне вала. Соответственно разной оказалась и высота прясел (от 3,6 до 8 м). Мы сталкиваемся с инженерным прищипом, при котором важна была не вообще высота стен, а высота расположения бруствера по отношению к окружающей местности. Наземные части крепости могут быть разноразмерными. При таком подходе можно более реально представить внешний облик крепостей, особенно тех, что расположены с учетом защитных свойств рельефа местности. Представляем здесь вариант реконструкции наружного вида Мстиславовой крепости (рис. 28). Ладьям, плывущим из Ладожского озера, открывалось богатырское строение, словно крутой утес выступающее из воды и увенчанное по верху грозной чередой стрелковых амбразур.

Открытие Ладожской крепости времени Мстислава Великого (не говоря уже о ее предшественнице) расширяет представления о возможностях и путях каменного строительства у наших далеких предков. Пример Ладоги показывает, что на Руси могли сооружать настоящие боевые каменные крепости задолго до второй половины XIII в., когда это стало общей необходимостью. По-видимому, уже во времена Киевской державы началась складываться военная обстановка, стимулировавшая подобные начинания.

Встает вопрос о прототипе Мстиславовой крепости. Местные каменные укрепления конца X в. вряд ли входили в число такого рода образцов, в частности, слишком была велика разница между кладкой пашуха и на известковом растворе. Известно, что, кроме Ладоги, каменные защитные сооружения с использованием известкового раствора были возведены в домонгольский период в Переяславле-Южном (до 1089 г.), Боголюбове (1158—1165 гг.), Владимире-на-Клязьме (1194—1196 гг.), Киево-Печерской лавре (1182—1197 гг.), Гродно (XII в.).¹⁰¹ Можно про-

⁹⁹ По замыслу безвременно скончавшегося архитектора А. Э. Экка зоны заосервированных кладок планировалось расширить.

¹⁰⁰ Понимается расстояние от бойницы до кромки берега или дна рва.

¹⁰¹ В этот список не включены каменные ворота с падающими церквями, которые, судя по Золотым воротам в Киеве, начали строить с 1037 г.

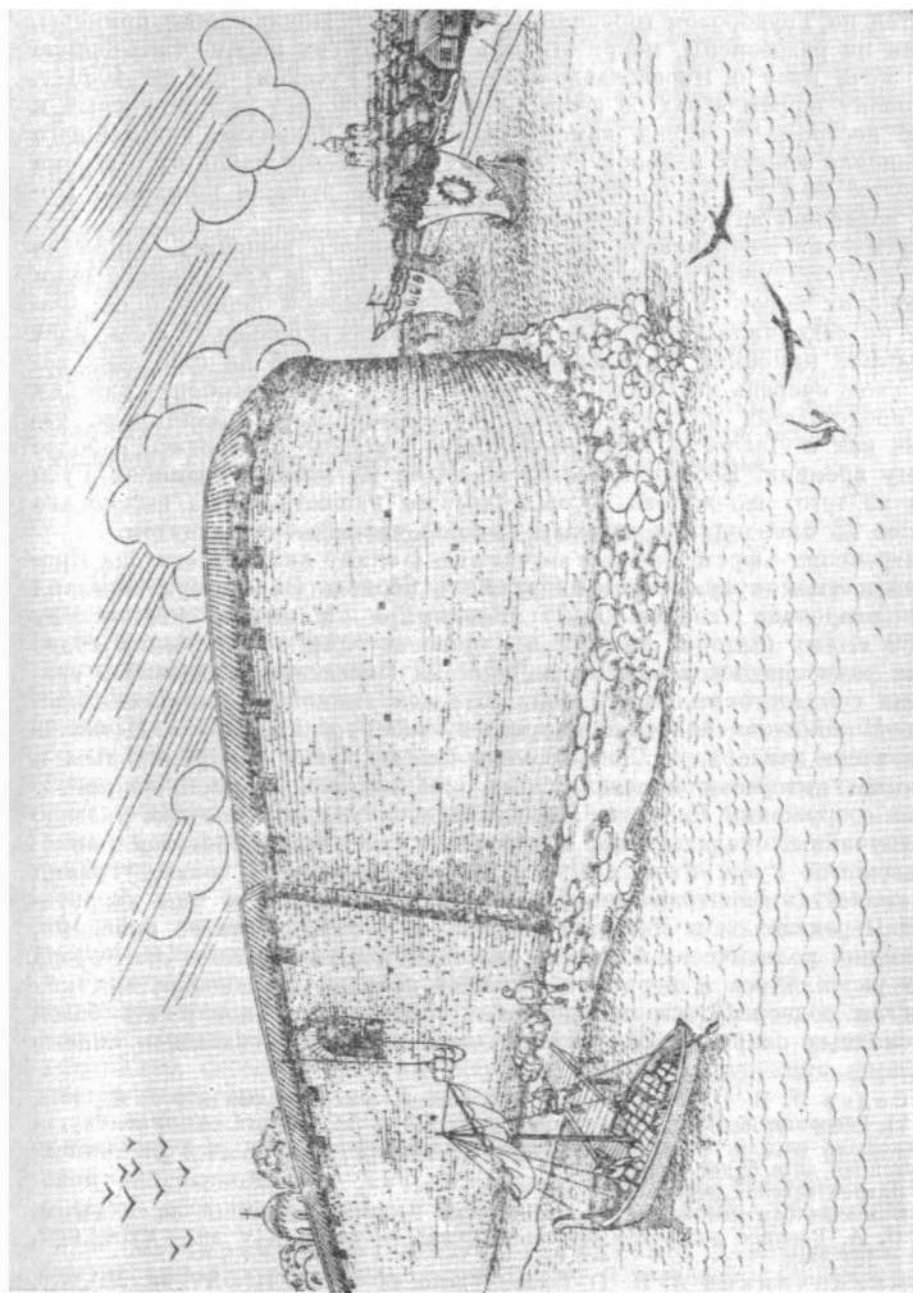

Рис. 28. Ладожская крепость в XII в. Реконструкция автора Е. Г. Араповой.

гпозировать новые паходки, особенно из тех, что не упомянуты в летописи. В 1974 г. в их число вошла степа (конец XI—начало XII в.), открытая на Труворовом городище в Изборске.¹⁰² Приведенные примеры, как они ни разрознены, могут открыть одну, до сих пор не замеченную связь. Речь идет о Переяславле-Южном, или Русском, где до 1089 г. митрополит Ефрем «град бе заложил камен» и возвел ряд церковных и других построек.¹⁰³ «Град камен» был создан накануне сильнейшего опустошения южных районов Руси, что спасло Переяславль от разгрома в тяжелые 90-е гг. XI в., когда половцы, смяв русские поселения Посуля, ворвались внутрь Переяславской земли.¹⁰⁴

Укрепление митрополита Ефрема, как удалось выяснить, занимало территорию будущего переяславского детинца. Оно, за исключением руин Епископских ворот (некогда увенчанных надвратной церковью св. Федора), не сохранилось, но может быть реконструировано.¹⁰⁵ Речь идет о кольцевой каменной брустевой стене, построенной на городских валах, в свою очередь насыпанных в конце X в. Устройство переяславских стен, пролежавших по гребню вала, возможно, было однотипным, таким же как в Ладоге и Боголюбове, только первые относились к более раннему времени. Боевые качества крепости на южных границах Руси видны из того, что вплоть до монгольского нашествия она выдержала не менее 25 нападений и ни разу не была взята военным путем.

Митрополит Ефрем укрепил вотчинную столицу князя Всеволода Ярославича и упомянутую выше надвратную церковь св. Федора посвятил внуку владельца города сыну Владимира Мономаха — Мстиславу (в 1089 г. ему было 13 лет). Так в переплетении политических судеб городов раннесредневековой Руси Ладога и Переяславль оказались связанными с представителями одной правящей династии дома Всеволодовичей — Мономаховичей. «Вскормленный» новгородский князь Мстислав скорее всего повторил в Ладоге опыт близкого ему по фамильным и вотчинным интересам переяславского «градоделия». Сопоставление защитных сооружений Ладоги и Переяславля, по нашему мнению, указало на неслучайный параллелизм в создании каменных форпостов раннесредневековой Руси. Речь идет о защите северных и южных границ Руси крепостями-центрами определенных, тяготеющих к ним территорий. И Переяславль, и Ладога строились не непосредственно князьями, а, очевидно, политически близкими им единомышленниками. Эти города заново укреплялись в период обострения военной обстановки, так как оба могли подвергнуться нападению и одновременно послужить базой для походных операций. В усилении того и другого сказались смелые

¹⁰² Седов В. В. 1) Исследования в Изборске. — В кн.: АО 1974 г. М., 1975, с. 38; 2) Раскопки в Изборске. — В кн.: АО 1975 г. М., 1976, с. 43. Упомянутая стена сложена васухо. Не исключено, что в ходе исследования ее первоначально предложенная дата будет удревлена.

¹⁰³ Лаврентьевская летопись, с. 209.

¹⁰⁴ О масштабах половецкого нашествия на Русь в конце XI в. см.: Раппопорт П. А. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. — МНА, 1967, № 140, с. 167 след.

¹⁰⁵ Кирпичников А. П. 1) Военное дело на Руси XIII—XV вв. Л., 1976, с. 52, 53; 2) Ладога и Переяславль-Южный — древнейшие каменные крепости на Руси, с. 417 след.

поиски способов долговременной защиты пограничных мест; необходимость этого снова и снова становилась очевидной после сожжения таких окраинных городов, как Юрьев в Эстонской земле (1061 г.), Торческ (1093 г.) и Юрьев (1095 г.) в Поросье. Оба пункта, наконец, находились на важных торговых путях и имели самостоятельное хозяйственное и областное значение. Во всем этом отразилось глубокое понимание стратегической роли крупных пограничных опорных пунктов, которое проявили наиболее дальновидные духовные и светские владыки Руси задолго до того, как каменные стены и башни стали непреложной необходимостью в защите страны. Итак, создание каменных Переяславля и Ладоги объясняется общерусской военной потребностью; исследование их расширяет наши представления о возможностях и масштабах государственного каменного строительства на Руси XI—XII вв. Эти сооружения свидетельствовали о повышении роли настенной защиты и знаменовали переход к преградам с выраженными контрштурмующими свойствами. Для русской фортификации эти каменные форпосты были этапными, они открыли новый период инженерных исканий, предвосхитивших «градоделание» зрелого русского средневековья.

Фортификация времен Ивана III

Примечательна судьба Мстиславовой крепости: на ее месте, на том же мысу, омываемом рр. Ладожкой и Волховом, как упоминалось, в 1490-х гг. было построено новое сооружение. Мощные стены и башни, занимающие пространство 75×150 м, сложены из крупных валунов, облицованных плитами. Весь облик постройки не оставляет сомнения в том, что перед нами произведение огнестрельной поры. По сравнению со стеной 1114 г. новая достигала толщины 7 м, т. е. по меньшей мере была удвоена. Что же касается высоты новопостроенных стен, то они по сравнению со старыми поднялись еще на 4 м и составляли 7,2—12 м. Главное нововведение — пять более или менее регулярно расставленных мощных пушечных башен высотой 16—19 м, шириной в основании 16—24,5 м. При всей новизне постройка оказалась тесно взаимосвязанной со своей предшественницей. Чтобы обосновать эту мысль, мы попытались в полном виде воссоздать план, облик и объем лежащей ныне в руинах твердыни времен Московского государства.¹⁰⁶ В ходе принятого поиска задачи несколько расширились. Как ни подробно изучалась Ладожская крепость эпохи огнестрельного боя, ее инженерное устройство, своеобразие архитектурных форм, конструкция утраченных частей выяснены неполно.

В течение всего XVI в. новопостроенная крепость избежала нападений, ее боевая роль проявилась в начале XVII в. — в период шведской интервенции. От XVII в. дошли и первые подробные сведения о самой постройке, описывавшейся с 1617 по 1702 г. более 20 раз.¹⁰⁷

¹⁰⁶ См.: Кирпичников А. Н., Овсянников О. В. Историческое и архитектурно-археологическое исследование Ладожской каменной и земляной крепости. 1975—1976 гг. — Арх. Леп. фил. Ин-та «Спецпроектреставрация».

¹⁰⁷ Бранденбург Н. Е. Старая Ладога, с. 246 след.; Раппопорт П. А. Из истории..., с. 195—197; БАИ, Рукоп. отд., Ф, № 30; ЦГАДА, ф. 396, оп. 3, № 54,

Эти описи могут служить достаточно надежным источником для изучения и воссоздания основных частей сооружения.

Методика использования переписных книг при исследовании архитектурного сооружения не разработана, поэтому позволительно предположить дальнейшему изложению несколько имеющих прямое отношение к нашей теме общих замечаний. При оперировании документами XVI—XVII вв. необходимо, на мой взгляд, привлекать весь комплекс этих источников. Нам могут встретиться разпоречивые показания, нуждающиеся в обязательном сопоставлении между собой и с самим натурным объектом или его уцелевшими частями. Что касается Ладожской крепости, то обращает внимание содержащееся в описях XVII в. не только сходство зафиксированных измерений здания, но и отдельные частные их различия. Такой «разнобой» можно, например, объяснить разными мерами, которыми иногда пользовались в позднесредневековой России. Однако имеются и другие объяснения — меняющиеся (вследствие ее разрушения, ремонта, перестройки) размеры сооружения, трудности обмеров руинированной постройки (именно так и было в Ладоге). Здание мерилось последовательно, включая башни и стены, «от угла до угла». Так как основные объемы укрепления лучше всего распознаются не изнутри крепостного двора, а снаружи, то писцы (если они, что тоже встречалось, не копировали без проверки какой-то предшествующий список) обходили объект с внешней стороны. Во время кругового обхода попадались неровности — обвалившаяся или деформированная кладка, бугры строительного мусора и т. п., что естественно влияло на точность обмеров. При исчислении вертикалей писцы нередко упоминали о подошве сооружения. Не всегда, однако, можно определить, где пролегал та условная нулевая линия, от которой откладывались высотные измерения.

Все эти обстоятельства вынуждают к проверке «писцовых» цифр, а также выработке определенных поправок. В Ладоге такого рода уточнения оказались возможными при сравнении с сохранившимися частями постройки и сверке с фиксационными чертежами памятника. Гадательность нахождения ряда нулевых точек отсчета по вертикалям восполнена тем, что был определен уровень боевого хода стен. Установление этого уровня связало воедино основные объемы сооружения.

В подавляющем большинстве ладожских описей применена принятая в официальном делопроизводстве XVII в. трехаршинная казенная сажень, равная 2,16 м.¹⁰⁸ Она прямо названа в описи 1676—1677 гг., а в других документах, как само собой разумеющееся, даже не пояснялась. Приведу несколько подтверждений.

л. 379—381; ф. 96, оп. 1, № 7, л. 505—507 (благодарен В. Л. Япину за предоставление описи Ладоги 1617 г., обнаруженной в ЦГАДА в фонде 96 — Сношения России и Швеции). Основополагающее значение для исследований имеют подробные описи, составленные в 1655, 1665—1667, 1660-х, 1676—1677 и 1685—1687 гг.

¹⁰⁸ В государственных делах сажень, равную 2,16 м. все шире стали употреблять с середины XVI в. (Постыпкин П. А. Очерки русской метрологии XI—XIX вв., М., 1975, с. 55, 56). В 1649 г. трехаршинная сажень принята как единственная официальная общегосударственная мера длины, но ее широкое использование началось еще в 30-х гг. XVII в. (ср.: Романова Г. Я. Наименование мер длины в русском языке. М., 1975, с. 54 след.).

Согласно всем имеющимся описям, прысло между Воротной и Климентовской башнями равно 18.5 саженей,¹⁰⁹ а при натурном измерении — 40 м. Сравнение двух цифр подсказывает сажень в 2.16 м в качестве единицы измерения. Далее, в нескольких описях прысло между Климентовской и Раскатной башнями определяется в 19.5 саженей, что при трехаршинной сажени составляет 42.12 м. Между тем натурные измерения устанавливают длину прысла 41.6 м, что точно соответствует промеру 19.25 саженей, приведенному в описи 1655 г. Таким образом, сведения документа 1655 г. оказались наиболее достоверными. Теперь о высотных измерениях. Высота стены между Воротной и Стрелочной башнями по описи 1665—1667 гг. равна $3\frac{1}{3}$ сажням. Отмечено, что измеренная стена цела, т. е. с зубцами. При использовании сажени в 2.16 м получаем высоту 7.2 м (5 м — стена, 2.2 м — бруствер с зубцами), что полностью подтверждается уровнем обнаруженной нами вымостки боевого хода стены и находящегося на той же горизонтали порога дверного проема третьего яруса Стрелочной башни, зафиксированного В. В. Суловым.¹¹⁰ Следовательно, данные описи 1665—1667 гг., хотя в нашем конкретном случае и отличаются от аналогичных показаний других описей, видимо, наиболее приемлемы. Наконец, высота стены до зубцов в прысле между Воротной и Климентовской башнями в описи 1655 г. указана в 4.5 саженей, что при использовании меры в 2.16 м составляет 9.7 м.¹¹¹ Эта высота выверяется находящимися на одной горизонтали уцелевшими порогом и уступом третьего яруса Воротной и Климентовской башен. Приведенные примеры относятся к сохранившимся измеряемым частям Ладожской крепости; сопоставления можно продолжить, но и сказанного достаточно, чтобы признать трехаршинную казенную сажень обычной мерой длины рассматриваемых описей XVII в.¹¹²

Перейдем теперь к последовательному описанию крепости, какой она представляется по данным документов XVII в. Общая протяженность фортификации достигала 154 саженей. В эту боевую линию входили три круглые башни — Климентовская, Стрелочная и Раскатная, полукруглая Тайпичная (снабженная в первом ярусе колодцем) и прямоугольная — Воротная (рис. 29). Все башни были трехъярусными, в поперечнике по измерениям XVII в. достигали 6—10 саженей, немногие превышали по высоте смежные участки стен и располагались более или менее равномерно по периметру крепостного мыса на расстоянии 18.5—30 саженей.¹¹³ Входы в башни (за исключением Воротной) находились во вторых

¹⁰⁹ Это и приведенные ниже измерения в сажнях заимствованы из описей Ладоги 1655—1687 гг., опубликованных Н. Е. Бранденбургом (см.: Бранденбург Н. Е. Старая Ладога, с. 255 след.).

¹¹⁰ Пороги и уступы третьих ярусов некоторых башен были обмерены в конце XIX в. По уровню они соответствовали прилегающему боевому ходу стен.

¹¹¹ Измерение произведено вблизи Воротной башни.

¹¹² В документах, особенно первой четверти XVII в., в порядке исключения, конечно, возможно применение нестандартных изживавшихся единиц измерения, однако в описях середины и второй половины XVII в. трехаршинная сажень была использована как единственная.

¹¹³ Поперечник башен определяли в XVII в. без учета докового расширения; ширина основания башен с учетом докола по современным обмерам составляет $7\frac{1}{3}$ — $11\frac{1}{3}$ саженей.

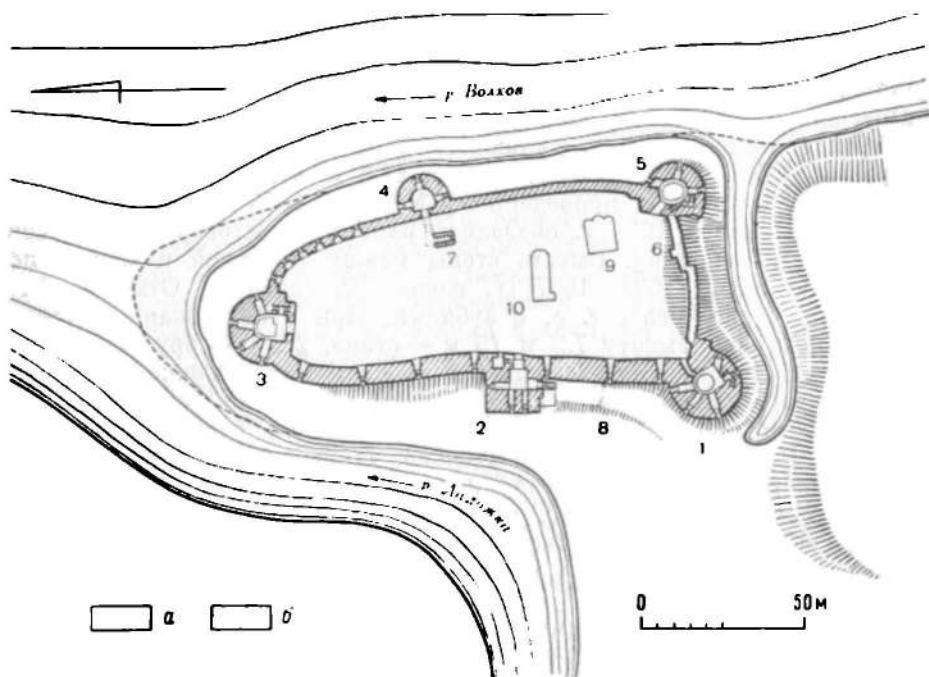

Рис. 29. Ладужская крепость 1490-х гг. План-реконструкция автора с обозначением кладок конца XV (а) и начала XII в. (б).

1 — Климентовская башня; 2 — Воротная башня; 3 — Стрелочная башня; 4 — Тайничная башня; 5 — Раскатная башня; 6 — отрезок стены 1114 г.; 7 — вход в тайник; 8 — отводной острог; 9 — церковь св. Георгия; 10 — церковь св. Дмитрия Солунского.

ярусах, совпадавших по уровню с поверхностью крепостного двора. Сообщение осуществлялось по внутрибашенным лестницам. Самостоятельные входы на стены отсутствовали. Высота башен составляла 5.5—7²/₃ сажень, стен — 4.5—5.5 сажень. С юга укрепление ограничивала не стена, а земляной вал высотой 5.5 сажень и ров глубиной 2 сажени.

Таковы общие размеры ладожской фортификации, на состоянии которой тяжело отразилась шведская оккупация города в 1610—1611 и 1612—1617 гг. В Ладоге, по данным переписной книги 1617 г., были разорены все восемь церквей и монастырей, осталось лишь 23 «живущих» двора (12% прежней застройки). Кроме Климентовской и Тайничной, остальные башни крепости стояли еще под кровлями,¹¹⁴ но их некому было чинить. С течением времени ветхость военных построек увеличилась, однако с какими-либо военными событиями это уже не связано. Описи XVII в. полны сетований на то, что «тот каменный город весь стоит без кровли и починки многие лета и в башнях мосты от мокроты, от дождю и от снегу все сгнили и провалились».¹¹⁵ Помимо

¹¹⁴ ЦГАДА, ф. 96, оп. 1. № 7. л. 503.

¹¹⁵ Бранденбург П. Е. Старая Ладога, с. 150.

разрушений и запустения отмечались и серьезные деформации нижних частей укрепления.

Упадок фортификации вызывал постоянную тревогу военных властей, ибо, как писалось в 1655 г., «от пемецкого свейского рубежа город Ладуга всего 30 верст, и ездят в государеву сторогу мимо Ладуги немецкие посланники и гонцы, и торговые люди приезжают почасту, и городовое пестроение видят».¹¹⁶ Правительство, однако, несмотря на тревожные сигналы воевод и военных специалистов, не спешило с ремонтными работами. Оно пошло по пути экономии: вместо каменных работ проводились плотницкие — нарушенные части крепости восстапавливались деревом; на башнях и стенах местами появились рубленые тарасы. Должно быть каменное военно-инженерное сооружение, «зарубленное» деревом, выглядело довольно нелепо. К тому же деревянные части гнили, а объем восстановительных работ постоянно увеличивался. Вплоть до конца XVII столетия крепость так и не была капитально отремонтирована, а отдельные редкие чинки лишь ненадолго приостапавливали дальнейшие утраты.

Для выяснения инженерного устройства Ладужской крепости следует сопоставить данные XVII в. (в особенности описанные и измеренные тогда, а позднее исчезнувшие детали) с натурными архитектурно-археологическими наблюдениями. Рассмотрим последовательно отдельные части крепости в порядке, предложенном в документах позднего средневековья.¹¹⁷

Климентовская башня. Была разрушена на $\frac{2}{3}$ своей высоты, к 1975 г. достоверно восстановлена.¹¹⁸ Речь идет о самой мощной башне крепости, диаметр ее основания 11,3 сажени (включая обычный у всех башен кольчатый откос). Расположение трех ярусов, 14 бойниц, внутренней лестницы, входа со второго яруса и прохода на смежное крыло с третьего яруса зафиксировано на чертежах В. В. Суслова.¹¹⁹ По данным XVII в., толщина первого яруса башни 4 сажени, второго — 3 сажени, третьего — «в окнах по сажени, да около окон быки по сажени».¹²⁰ Современные натурные обмеры дают близкие цифры, соответственно 4, 3,5, 2 сажени. Из чего можно установить типичное для башен крепости уменьшение толщины стен по мере подъема ярусов, а также стандартную толщину наружной амбразурной перегородки, равную сажени и толщину межбойничьего пространства третьего яруса, равную 2 сажени. В описи 1665—1667 гг. отмечено, что «верхний бой» башни осыпался на 1 сажень, сле-

¹¹⁶ Там же, с. 258.

¹¹⁷ В задачу работы не входит полная характеристика состояния стен и башен. Мы акцентируем описание только деталей, которые важны для реконструкции тех или иных частей сооружений.

¹¹⁸ Автор проекта восстановления — архитектор Ленинградских специальных научно-производственных реставрационных мастерских А. Э. Эрк. Надо отдать должное Альберту Эрпестовичу, являвшемуся душой ладожской реставрации и использовавшему для этого все имеющиеся в его распоряжении материалы. При реставрации объемы башен и стен воспроизводились довольно точно. А. Э. Эрк допускал, что некоторые детали, такие, например, как бойницы стены, могут быть уточнены. Он намеревался составить проект реставрации всего комплекса с учетом появившихся новых данных.

¹¹⁹ Бранденбург Н. Е. Старая Ладуга, табл. XLII—XLVI.

¹²⁰ Там же, с. 262.

довательно, в целом виде ее высота от подошвы равнялась $7\frac{1}{3}$ саженьей.¹²¹ Приведенная цифра, по-видимому, наиболее точна. В первом ярусе башни расположен и соединенный с лестницей выход наружу, и сводчатые бойницы в одной из печур. Судя по тому, что упомянутые бойницы и выход, а также ведущий к нему лестничный спуск облицованы плинфой XII в.,¹²² эти детали — следствие поздней переделки материалом, взятым из какой-либо разрушавшейся ладожской церкви, что было осуществлено, видимо, в XVI в. На месте выхода из башни, равного по ширине и высоте обычной печуре, первоначально несомненно находилась бойница, направленная в юго-западную сторону. Все бойницы башни, кроме верхних, однотипны и приспособлены для пушек легкого и среднего калибра (по указанию описей XVII в. от 0.25 до 6 весовых гривенков). По мере подъема от яруса к ярусу количество бойниц нарастает с четырех до семи,¹²³ что обусловлено расширением кругового обстрела, ограниченного в первом ярусе близостью земляного вала. Третий ярус башни соединялся проходом с прясом стены, примыкающим с севера. Проход на южное прясо отсутствовал, а на его месте расположена фланкирующая этот отрезок стены бойница. Можно предположить, что проход на стену южного вала осуществлялся с внешней стороны башни по консольному переходу. Для прохода использовался также специальный выступ, с востока пристроенный к Климентовской башне.

Прясо стены между Климентовской и Воротной башнями. Приведенные описями XVII в. длина 18.5 саженьей и ширина $2\frac{2}{3}$ саженьей соответствуют современным размерам.¹²⁴ Наиболее детальные описи 1655 и 1665—1667 гг. определяют высоту стены до зубцов в 4—4.5 саженьей. Общая же высота стены с учетом надстройки ее деревянными тарасами достигала тогда 5.5 саженьей, что также соответствует современному размеру.¹²⁵ Настенный бруствер состоял из зубцов «вышиною и толстотою по сажени» и примерно в 1 сажень по ширине промежутков между ними, вмещавших оконные бойницы. Эти стрелковые «башни» не сохранились, но реконструируются по образцу таковых же в Орешке или Порхове.¹²⁶ Боевой ход стены занимал примерно $\frac{2}{3}$ ее толщины, т. е. по ширине приближался к 2 сажням. Такой размер хода для передвижения защитников крепости был явно избыточным, поэтому полагаем, что внутренний край стены был обрамлен галерейной аркадой, например, как в крепостях Орешек и Копорье. Описанное устройство стрелкового верха стены с некоторыми различиями в размерах приложимо и к другим участкам крепости. Попасть на стену можно было только через третий ярус при-

¹²¹ Бранденбург П. Е. Там же, с. 262 (в описях XVII в. приводится также и другая, но близкая цифра — $7\frac{2}{3}$ сажень).

¹²² Раппопорт П. А. Из истории..., с. 146.

¹²³ В третьем ярусе обнаружено шесть бойниц. Существовала может быть еще одна бойница, помещавшаяся около площадки лестничного хода.

¹²⁴ К 1974 г. данная стена была полностью реставрирована. По нашему мнению, спорными являются воссозданные стрелковые бойницы. Более оправданными были бы бойницы, расположенные в специальной нише и имеющие оконное очертание. Боевой ход стены, по-видимому, должна ограждать не деревянная, а каменная конструкция.

¹²⁵ В южной части стены была менее высокой, чем в северной.

¹²⁶ Консультация архитектора В. М. Савкова.

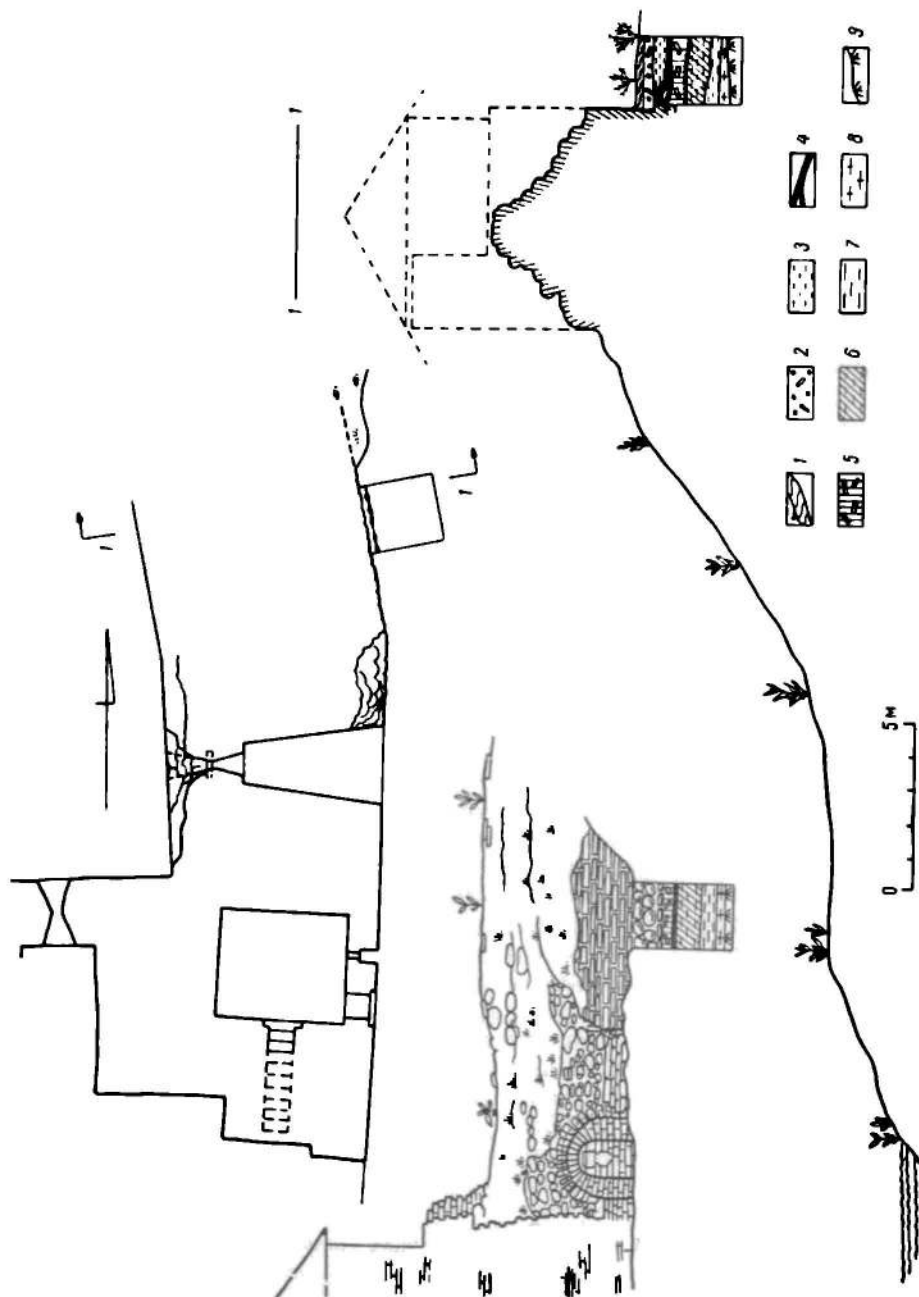
Рис. 30. Бойница подошвенного боя в стене у Воротной башни. Вид с востока.

легающих башен, в данном случае — Климентовской и Воротной. Рассматриваемое прясло было снабжено и тремя бойницами подошвенного боя, их пещеры находились на уровне крепостного двора. Устройство последних напоминает башенное, за тем исключением, что раковина подошвенных пещур сужается до 0,5 сажени (а не на 1 сажень, как в башне). Данные бойницы одновременны со стеной; к примеру, ближайшая к Воротной башне обеспечивала оборону подступов к воротам. Раскопками 1974—1975 гг. вскрыт фундамент рассматриваемой стены, состоящей из двух рядов валунов, пролитых известковым раствором¹²⁷ (его высота 0,7—0,8 м). Фундаментные камни были заложены на развале стены 1114 г. и частично непосредственно на культурном слое XIV—XV вв.

Воротная башня. Это единственная квадратная в плане башня крепости. В связи с тем, что первый ярус постройки приспособлен для Г-образного в плане въезда с пониженной прибрежной части на более высокую мысовую, названная башня, во-первых, самая низкая по глубине своего заложения,¹²⁸ во-вторых, плавный подъем имеется и в проходной части первого яруса, а подножие арки внутренних ворот заложено на 1 м выше, чем наружных. Последние были снабжены герсой (ей соответствовал специальный выступ кладки) и, вероятно, предвратным рвом и

¹²⁷ Кирпичников А. Н. Отчет о раскопках Ладожской крепости в 1974 г. — Арх. ИА АН СССР.

¹²⁸ Бранденбург Н. Е. Старая Ладога, табл. VI.

подъемным мостом. Эти детали конструкции не сохранились, и их можно представить по аналогии с Государевой башней Орешка.¹²⁹ В XVII в. подступы к воротам прикрывал стоячий отводной острог длиной 15 сажень «с решеткой». В настоящее время башня реставрирована;¹³⁰ ее подлинные части, включая устройство первого и второго ярусов, местоположение семи (из 11 или 12) бойниц, ворот, палатки для хранения воинских запасов и внутренней лестницы, зафиксированы на чертежах В. В. Суслова.¹³¹ Там же показан проем, соединявший третий ярус башни с боевым ходом прилегающей с севера стены. Верх сооружения в XVII в. «поосыпался», а поэтому его высота (7—7,5 сажень) указывалась приблизительно и не от подошвы, а от «почвы». Действительная высота башни по современным исчислениям была равна (или несколько больше) ее ширине — $8\frac{3}{4}$ сажень. При таком возвышении Воротная башня практически равновелика с Климентовской; этим обеспечивалась строгая горизонтальность уровня соединяющего их боевого хода.

Прясло стены между Воротной и Стрелочной башнями. По данным XVII в., длина прясла составляла 28—29 сажень, ширина приближалась к 3 сажням, что подтверждается и на чертежах В. В. Суслова. На этих же листах показано расположение четырех подошвенных бойниц (рис. 30).¹³² Стена увеличивалась зубцами толщиной и высотой по 1 сажени, между которыми размещены стрелковые амбразуры. Наиболее точное, как подчеркивалось выше, описание данного отрезка стены произведено в 1665—1667 гг.; тогда было замечено, что «вышипа» стены с загородной стороны $3\frac{1}{2}$ сажень, «да того же прясла к Стрелочной башни 13 сажень обвалилось за город по валу и в реку Ладожку... и над тем обрушенным местом поставлены были деревянные тарасы».¹³³ Показание источников о малой высоте стены при ее сходстве по всем другим размерам с такой же преградой между Климентовской и Воротной башнями побудило к археологической проверке, которая, впрочем, подтвер-

¹²⁹ Кирпичников А. П., Савков В. М. Крепость Орешек. Л., 1979, с. 32 (рис.).

¹³⁰ В настоящее время башня достоверно реставрирована по проекту архитектора А. Э. Экка. Есть несущественные замечания к деталям. С нашей точки зрения, башня должна быть на 1,2 м выше своего нынешнего среза; арка въездных ворот поднята выше, чем нужно. Желательно было бы восстановить герсу, щель от которой намечена в кладке. Перед башней были, очевидно, подъемный мост и предмостная «волчья яма».

¹³¹ Брампденбург Н. Е. Старая Ладога, табл. XXIV—XXIX.

¹³² Там же, табл. IV. XXIX.

¹³³ Там же, с. 263. Отметим, что в описях 1650—1680 гг. приводятся и другие более значительные высоты (4— $4\frac{1}{2}$ сажень) прясла стены между Воротной и Стрелочной башнями. Это, возможно, объясняется тем, что место измерения могло быть выбрано поблизости от Стрелочной башни, где подошва стены была более обнажена, чем в других местах, к тому же частично засыпанная обвалом этой преграды, имевшим место где-то в первой половине XVII в.

Рис. 31. Стена конца XV в., с севера примыкающая к Воротной башне (с обозначением шурфа 1974 г.). План, фасад и разрез.

1 — дерн; 2 — обломки плиты, щебень (разрушение стены конца XV в.); 3 — черный гумус (слой XVI в.); 4 — прослойка пожара; 5 — черная земля с плитой (слой XIV—XV вв.); 6 — серая земля с глиной и угольками (слой X—XIV вв.); 7, 8 — серап и коричневая глина; 9 — глинистый песок с галькой.

Рис. 32. Стена (не позже 1445—1446 гг.) в прясле между Воротной и Стрелочной башнями (справа видна прикладка 1490-х гг.).

дила правильность цифр описей XVII в. При раскопках 1974—1975 гг., проведенных под руководством автора этих строк, неожиданно выяснилось, что рассматриваемая стена сохранилась в значительной части до уровня боевого хода (но без брустверных зубцов; рис. 31), отмеченного вымосткой из двух рядов известняковых плит. Установленный уровень не совпал с горизонтом пола третьего яруса Воротной башни, а был ниже последнего на 1 сажень, что можно объяснить только существованием лестницы на стыке стены и башни. Найденный более низкий уровень боевого хода крепости подтвержден в ходе дальнейших исследований; он точно совпал с горизонтом третьих ярусов Стрелочной и Раскатной башен. Иными словами, речь идет о двух разновременных, ступенчато расположенных уровнях брустверного фронта крепости. Раскопками 1974—1975 гг. был также вскрыт и фундамент стены, по устройству не отличающийся от описанного выше — в прясле между Климентовской и Воротной башнями. Тогда же была заложена траншея поперек стены у Стрелочной башни и установлено, что вся паружная часть этой стены еще в древности рухнула под откос и частично в р. Ладожку из-за оползания по склону глинистого грунта. Фундамент ее в данном месте оказался заложением недостаточно глубоко, к тому же не на материке, а на развале стены XII в. и частично на культурном слое средневековой поры.¹³⁴

¹³⁴ Во время реставрационных работ в Старой Ладоге в 1977—1978 гг. выяснилось, что в основе стены конца XV в., расположенной между Воротной и Стрелоч-

Стрелочная башня. Находилась на оконечности мыса. Устройство нижнего и среднего ярусов, внутренней лестницы, входа со второго яруса и восемь бойниц запечатлено на чертежах В. В. Суслова.¹³⁵ От третьего этажа к 1893 г. уцелел только кусок плитняной кладки амбразуры¹³⁶ или дверного проема, он точно определяет уровень яруса, совпавший с уровнем боевого хода, прилегавшего с северо-запада стены. На этом третьем ярусе башни, видимо, были оборудованы четыре бойницы. Как и в других башнях, поэтажное расположение бойниц подчинялось необходимости создания направленного во внешнюю сторону верного обстрела и не было связано с регулярным шахматным порядком. Писцы XVII в. отмечали, что башня стояла без кровли («поосыналась»), и приводили разные цифры высоты постройки — от 5,5 до 7 саженьей. Последняя цифра, указанная в документе 1655 г., близка к истинной. Сопоставления показали, что Стрелочная башня по высоте (7 1/3 саженьей) была равновелика Климентовской, только заложена на 3 1/4 сажени ниже последней. Стрелочная башня замыкала опасный и поэтому наиболее мощно укрепленный фронт крепости «с приходу от немецкого свейского рубежа».¹³⁷

Прясло стены от Стрелочной до Тайничной башни. В большинстве описей XVII в. указанные длина, высота и толщина стены, равные соответственно 23,5, 5,5 и 1,5 саженьей, примерно совпали с натурными измерениями. Обнаруженные здесь шесть подошвенных бойниц, расположенных друг от друга на 1,5 сажени, показаны на чертежах В. В. Суслова.¹³⁸ Ритм бойниц, по-видимому, подсказывает, какой была частота настенных амбразур, помещавшихся в пилах между зубцами. При этом ширина ниши принимается равной 1 сажени, а не отмеченная в описях XVII в. ширина зубцов — 1,5 сажени.¹³⁹

Стена прясла была в 2 раза тоньше западных — это указание на то, что боевой ход, вероятно, был устроен как в толще стены, так и на выпосных консолях. Отличие этого прясла от ранее описанных западных заключалось также в том, что оно было заложено почти на одном уровне

ной башнями, находится преграда более раннего времени. Она сложена из грубообработанного плитняка (8—18×50—70 см) на известковом растворе кремоватого цвета. Толщина стены около 2,5 м (внешний край большей частью разрушен), сохранившаяся высота 2 м, прослеженная длина около 40 м. Выведенная стена покоилась не на материке, а на земле с глиной, что несомненно и вызвало ее использование вместе с прикладкой 1490-х гг. Прикладка и закрывала свою предшественницу со всех сторон (снаружи на толщину 1,6 м; рис. 32). Отнесение новонабранной стены именно к XII в. я бы отстаивать не стал. В отличие от достоверно опознанных частей преграды 1114 г. выведенная стена не имеет откосности, сухой забутовки в середине, сложена на льном растворе; по технике кладки она напоминает выкладку в прясле между Тайничной и Раскатной башнями (см. с. 55) и, возможно, построена, точнее переложена, по трассе укрепления 1114 г. не позже 1445—1446 гг., т. е. связана с обновлением Ладожской крепости при архиепископе Евфимии II.

¹³⁵ Бранденбург Н. Е. Старая Ладога, табл. XXX—XXXIII.

¹³⁶ Там же, с. 294.

¹³⁷ См.: Опись Ладоги 1702 г. — ЦГАДА. ф. 396, оп. 3, № 54, л. 380.

¹³⁸ Бранденбург Н. Е. Старая Ладога, табл. IV.

¹³⁹ Насыщенные стены стрелковыми бойницами записано, видимо, от протяженности прясла. Так, в Копорье бойницы располагались друг от друга на расстоянии 1,5 сажени, в Орешке — на 2, в Новгородском детинце — в 4 сажнях (ср.: Монагайт А. Л. Оборонительные сооружения Новгорода Великого. — МИА, 1952, № 31, с. 113 след.).

со Стрелочной и Тайничной башнями, тогда как западные стены сооружались с более высокого уровня. В XVII в. прясло было деформированным; по данным 1665—1667 гг. оно «все обвисло в р. Волхов» и «подошвенные бой у той стене землею засыпались, заросли».¹⁴⁰

Раскопками 1974—1975 гг. выяснено, что всюду в основании рассматриваемой стены находится ее предшественница 1114 г. (рис. 33). Стена московской поры с внешней стороны утолстила старую преграду на 2.2—3.5 м¹⁴¹ (рис. 20). Более позднее сооружение частично опирается на кладку XII в. (рис. 22). Толщина стен восточного фасада крепости была установлена во время раскопок 1973—1974 гг.; она различна в цокольной и наземной частях стен. В цокольной части, как показали археологические изыскания, преграда состоит из стены 1114 г., усиленной с наружной стороны прикладкой 1490-х гг. (вместе около 6 м). В наземной части возвышалась только стена 1490-х гг., толщиной равная (в точном соответствии с описаниями XVII в.) 1.5 саженим. Сохранились местами внутренняя и наружная облицовка этих стен, а также «устья» печур подошвенного боя. Что касается стены 1114 г., то она при строительстве сооружения конца XV в. была вверху срублена на уровень крепостного двора. Причина ломки, видимо, в том, что в стене с рыхлой срединной забутовкой было трудно проделать подошвенные бойницы, которые к тому же еще должны проходить толщу кладки московской поры. Срубленная стена XII в. пошла на устройство подходов площадок упомянутых подошвенных бойниц. Восточный фронт крепости был обращен в сторону р. Волхова и считался, наверное, более безопасным, поэтому он и был в наземной части сделан более тонким. Ныне его максимальная высота 7 м, т. е. по сравнению с первоначальной высотой она понизилась на 5 м.

Тайничная башня. К настоящему времени почти полностью исчезла. Судя по описаниям XVII в., отличалась специфическим устройством — в первом ярусе башни помещался колодец, соединенный трубами с р. Волховом. Первый ярус не имел бойниц и был отделен от вышележащих ярусов каменным сводом. К колодцу из крепостного двора вела специальная каменная двухмаршевая лестница, местоположение которой, а также план и разрез колодца, фрагмент наружной кладки башни и пяты свода первого яруса зафиксированы на чертежах В. В. Суслова.¹⁴² В 1974 г. северная часть башни была раскопана, что позволило выяснить ее план, наружные размеры, а также и то, что своей тыльной частью сооружение как бы прислонялось к стене 1114 г. Диаметр сооружения 16 м, максимальная высота сохранившейся кладки 1 м. Полукружие, обращенное к Волхову, полностью разрушено. Фундамент башни начинался непосредственно от воды и еще в древности был поврежден. По данным описи 1665—1667 гг., башня отделилась от прилегающей стены и осела. В 1672 г. она была разобрана по верхний свод, на котором воздвигнута деревянная надстройка. Толщина стены башни определялась в 2 сажени,

¹⁴⁰ Бранденбург Н. Е. Старая Ладога, с. 263.

¹⁴¹ На чертеже В. В. Суслова показан разрез рассматриваемой стены, но без разделения составляющих ее кладок на два разных строительных периода. (Бранденбург Н. Е. Старая Ладога, табл. XXXVI).

¹⁴² Бранденбург Н. Е. Старая Ладога, табл. XIV, XXXIV и XXXV.

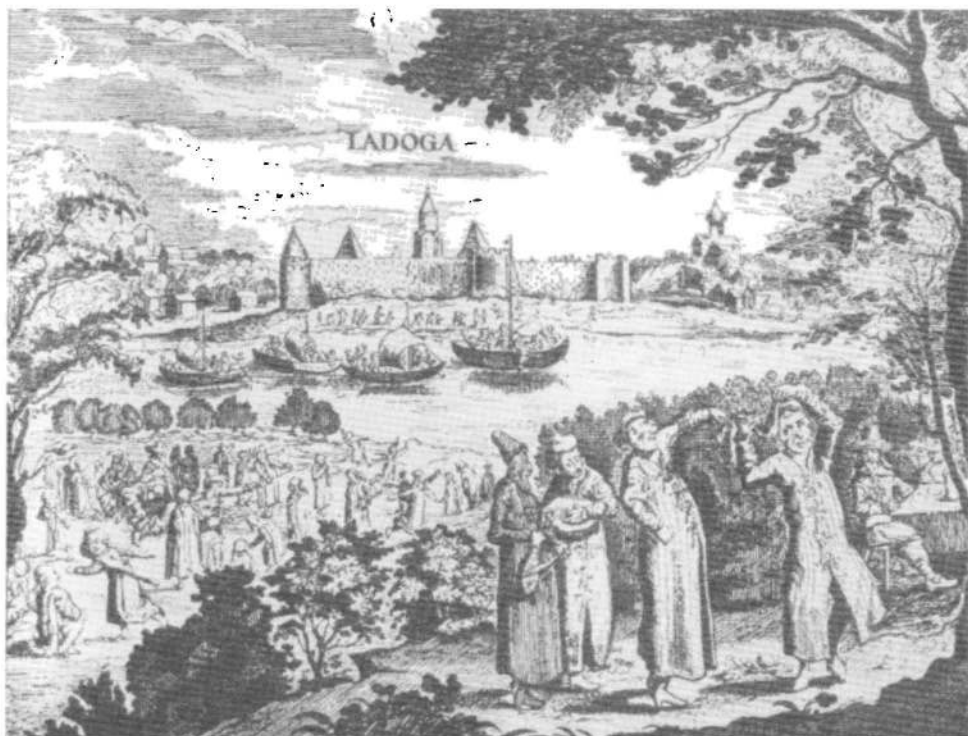

Рис. 34. Ладога в 1634 г. Гравюра из книги А. Олеария.

высота — до 5,5 саженьей. Таким образом, получается, что башня была равновелика прилегающим стенам. Полагаем, что сооружение имело два босвых яруса и отдельный вход на втором этаже. Существование верхнего яруса с зубчатыми бойницами, возвышавшимися над прилегающими стенами, удостоверяется рисунком А. Олеария, проезжавшего мимо Ладоги в 1634 г.¹⁴³ (рис. 34). Исходя из изображенного на гравюре, первоначальная высота башни была выше, чем та, которую измеряли писцы в середине XVII в. По нашим расчетным данным, рассматриваемая башня до разрушения возвышалась так же, как Стрелочная и Раскатная, — но менее чем на $7\frac{1}{3}$ саженьей.

Стена от Тайничной до Раскатной башни. Длинна прясла в XVII в. определялась в записях в 28—29 саженьей, а ширина — 1,5 саженьей. Впрочем, на месте стены уже тогда поднимались новопостроенные рубленые стены, но размеры каменной предшественницы еще можно было установить. Очевидец в 1655 г. записал, что «каменная подшва у той стены цела, а с подшвы вверх та каменная стена была вышиною и с зубци

¹⁴³ Олеарий А. Описание путешествия в Московию. СПб., 1906, с. 19 (рис.). — Возможно, что видимая на рисунке зубчатость башни объясняется нарушением ее верха; ведь еще в 1617 г. сооружение стояло без кровли.

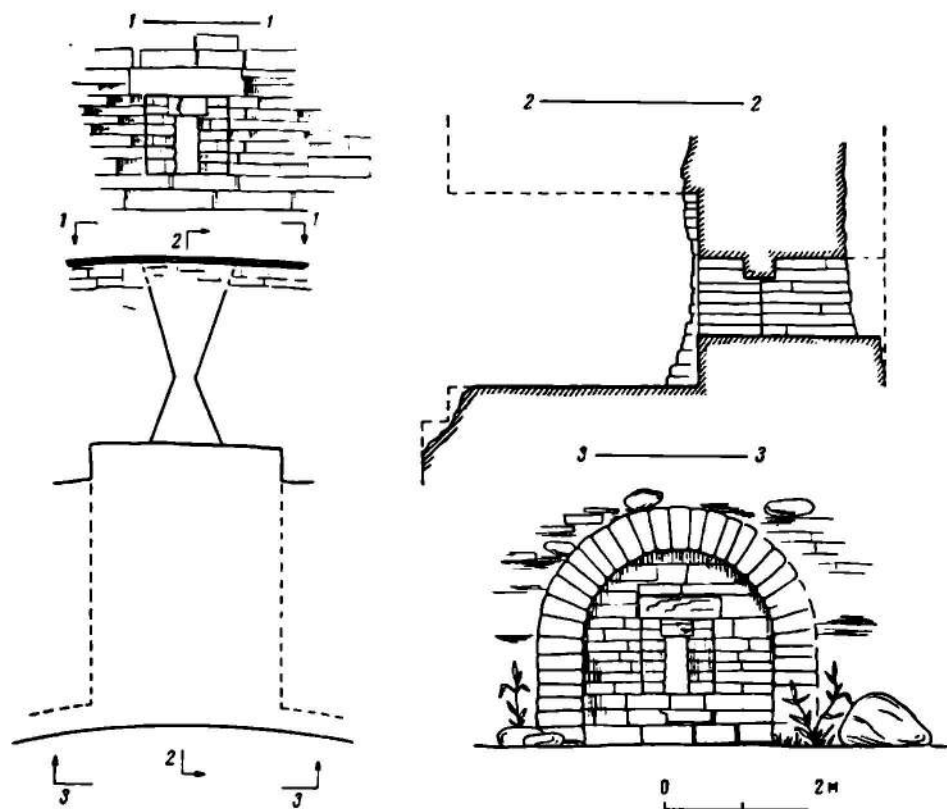

Рис. 35. Бойница второго яруса Раскатной башни. План, фасады и разрез. Чертеж с элементами реконструкции.

5¼ саж».¹⁴⁴ Подошвенные бойницы источники XVII в. здесь не отмечают. В остальном эта стена по размерам и конструкциям была сходна (если не тождественна) с описанной выше преградой между Тайничной и Стрелочной башнями. В 1972 г. в шурфе напротив апсид церкви Георгия была открыта (как упоминалось выше) кладка, вероятно, 1445—1446 гг. (шириной 0,8—2,2 м, высотой не менее 4,5 м), вплотную приложенная к сохранившемуся здесь основанию стены XII в.¹⁴⁵ Данный отрезок стены впервые раскопан еще в конце XIX в., при этом были открыты контрфорс и непонятная тогда основа преграды 1114 г.¹⁴⁶

Раскатная башня (рис. 15). Подробности устройства башни, включая нижний, средний и часть верхнего яруса, все 11 бойниц, лестницу в толще стены, вход из крепостного двора и проход с третьего яруса на восточное

¹⁴⁴ Бранденбург Н. Е. Старая Ладога, с. 256, 257.

¹⁴⁵ Кирпичников А. Н., Петренко В. П. Отчет о раскопках в поселке Старая Ладога и ее окрестностях в 1972 г. — Арх. ИА АН СССР.

¹⁴⁶ Бранденбург Н. Е. Старая Ладога, с. 187, табл. XV (ниж), XXXV (ниж). Контрфорс автором был ошибочно истолкован как некий «ступенчатый вход снаружи стены со стороны р. Волхова».

Рис. 36. Бойница второго яруса Раскатной башни. Вид изнутри башни.

прясло, отображены на чертежах В. В. Суслова.¹⁴⁷ Верхняя часть сооружения полностью не сохранилась, но его общая высота устанавливается довольно точно. По данным 1655 г., башня возвышалась на 6 саженей, да «на верху тое Раскатной башни пые вместо зубцов стоят деревянные тарасы... на сажень».¹⁴⁸ Следовательно, общая высота постройки была равна 7 сажням (по нашим вычислениям — $7\frac{1}{3}$ сажени). Бойницы башни, фланкирующие прибрежное прясло, обращены в сторону р. Волхова, а одна из верхних — к югу, в папольшую сторону. Ныне эти бойницы одни из лучших по сохранности. Размеры их следующие. Ширина и высота печуры около 1 сажени, а глубина — от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ толщи стены. Ширина просвета бойницы 22—25 см, высота 70 см, угол поворота оружия 40° , толщина ее лицевой стенки приблизительно 1 сажень (рис. 35, 36). Приведенные размеры, насколько можно судить, оказались типичными для башенных пушечных амбразур крепости.

Вал между Раскатной и Климентовской башнями. Длина вала в большинстве описей XVII в. 19.25—19.5 саженей; гребень его первоначально был увенчан стеной. В 1629 г. на месте стены уже стоял тын,¹⁴⁹ а позже — рубленые тарасы. О размерах вала в описи 1665—1667 гг. сказано, что он был с Раскатной башней (к тому времени осыпавшейся на сажень)

¹⁴⁷ Там же, табл. XXXVII—IХ.

¹⁴⁸ Там же, с. 257. В Описи 1617 г. Раскатная башня названа Прохожей и прибавлено, что в ней есть раскат «от земляного города» (ЦГАДА, ф. 96, оп. 1, № 7, л. 506).

¹⁴⁹ Раппопорт П. А. Из истории... с. 195.

Таблица 1

Размеры башен Ладожской крепости 1490-х гг. и число пушечных бойниц *

Размеры башен и число бойниц	Воротная	Климентовская	Стрелочная	Тайничная	Раскатная
Ширина оснований **	19	24.5	22.5	16	19.5
Высота с зубцами	19	16	16	16	16
Толщина стен первого яруса	7—8—5.5 ***	9	8	5	6.5
Толщина стен второго яруса	6—7.5—5	8	7	5 ****	5
Толщина стен третьего яруса	4.5—4.5—4 ****	5	4.5 ****	2 ****	4.5
Высота первого яруса *****	5	5	4	6	5
Высота второго яруса *****	3	5	5.5	5	4
Высота третьего яруса *****	4.5	4.5	4.5	4.5	4.5
Бойницы первого яруса	3	3	4	—	3
Бойницы второго яруса	4	5	4	3	4
Бойницы третьего яруса	4 (?)	6	5	3	4

* Здесь и в табл. 2 все измерения даны в метрах, соответствующих в пересчете саженей в 2.18 м.

** Дана по наибольшей оси.

*** Дана по осям.

**** Размеры гипотетичны.

***** Измерялась от пола нижнего яруса до пола верхнего.

«паровню»; высота вала равнялась 5.5 саженям. С напольной стороны был устроен ров глубиной 2 саженей.¹⁵⁰ Отложив 7.5 саженей от гребня вала (по сравнению с XVII в. выше практически не изменившего своей высоты), получим, что дно рва по крайней мере на 1.5 саженей находилось ниже современного уровня р. Волхова.

Раскопки прояснили сообщение описей XVII в. о том, что на гребне вала находилась каменная стена. В 1972—1973 гг. ее полностью раскопали и выяснилось, что преграда была возведена в 1114 г. и без изменений включена в боевую линию укреплений более поздней поры. Высота этой стены в полном виде составляла 3.6—3.8 м, а ширина — около 3 м. Уровень боевого хода был несколько выше пола третьего яруса Раскатной башни, но точно соответствовал таковому же Климентовской. Полагая, что навальная стена сообщалась с обеими башнями: один такой переход со стороны Климентовской башни упоминался выше (см. с. 72). Возможно, что нечто похожее существовало на стыке рассматриваемой стены и Раскатной башни. Бойницы же стены 1114 г. можно представить по аналогии с порховскими настенными боями 1387 г. (высота последних 1 м, ширина 0.5 м, расстояние друг от друга 3.5—4 м).

Исследование описей крепости и сопоставление указанных в них измерений позволяют составить табл. 1 и 2 с данными важнейших параметров крепостной конструкции.

¹⁵⁰ Бранденбург Н. Е. Старая Ладога, с. 264.

Таблица 2

Размеры прясел стен Ладожской крепости 1490-х гг. и число пушечных бойниц

Размеры прясел и число бойниц	Расположение прясел				
	Климентов- ская — Ворот- ная башни	Воротная — Стрелочная башни	Стрелочная — Тайничная башни	Тайничная — Раскатная башни	Раскатная — Климентов- ская башня
Длина прясла	40	60.5—62.6 *	50	60.5—62.6 *	41.6
Высота стены от по- дшвы с зубцами	10.8—11.9	7.2	12	11.4—12	3.6
Толщина стены	7	7	3.5	3.5	3
Подшвенные бойни- цы	3	4	6	—	—
Настенные бойни- цы **	7	10	8	11	9

* Измерения приблизительны.

** Цифры предположительны.

В результате, во-первых, выясняются устройство и основные размеры отдельных объектов крепости (табл. 1 и 2), во-вторых, создается возможность инженерной и архитектурной реконструкции всей постройки. Детали, конечно, можно уточнять и спорить о них, однако в целом качество исходного материала таково, что обеспечивает, на наш взгляд, достаточную обоснованность и достоверность подобного рода попыток (рис. 37—40).

Приведенная выше типологическая характеристика объектов крепости позволила установить их высотные решения. На пряслах высота определена совершенно точно по сохранившемуся основанию третьих ярусов башен. Найденную в данном случае горизонталь следует увеличить саженным по величине зубцами. Что касается уровня верхнего обреза башен, то расхождения здесь с показаниями описей и графических построений составляют всего $\frac{1}{3}$ сажени (это относится к Климентовской, Стрелочной и Раскатной башням). Предложенная в нашей схеме высота башен установлена не только по измерениям XVII в., но и по определенной повторяемости деталей и архитектурных объемов. Так, например, высота боевых ярусов башен в большинстве случаев приблизительно равна 2 саженям (причем половина приходится на печуры бойниц). Эта мера без особого риска может быть принята и для реконструкции третьего, не сохранившегося яруса всех башен крепости; увенчание верхним этажом высотой в 2 сажени и приводит к восстановлению первоначальной высоты укрепления.

Относительно установления этажности башен следует также учесть то важнейшее обстоятельство, что стень верхнего стрелкового яруса боя были обычно заметно тоньше нижележащих. Такой отступ (по чертежам В. В. Суслова $\frac{2}{3}$ сажени и более) фиксируется на удаленных остатках третьего яруса Климентовской и Раскатной башен (был присущ и некоторым другим башням). Таким образом, в ладожской, как и в других древнерусских крепостях, верхний увенчанный зубцами ярус башен был выделен конструктивно и опознается бесспорно.

Итак, башни Ладоги представляются трехъярусными¹⁵¹ со стрелковыми бойницами наверху, расположенными между зубцами. О последних говорится в описи 1655 г.; по-видимому, они по своим размерам и устройству не отличались от таких же на стенах. Стрелковые бойницы могли быть сверху открытыми или окнообразными. Очевидно, своды над печами отсутствовали.

Для реконструкции верха башен важна уже упоминавшаяся гравюра (рис. 34) из книги А. Олеария.¹⁵² Изображение несколько схематично, но крепость (со стороны р. Волхова) передана реалистически. Видна соченность башен и стен. Первые лишь цемного возвышаются над вторыми. Стрелочная и Тайничная башни показаны без кровли, но еще в полную высоту (напомню, что по описи 1617 г. Раскатная, Воротная и Стрелочная находились под кровлями и, следовательно, не разрушались). Верхние обрезы обращенных к Волхову башен зубчаты, что, вероятно, объясняется разрушенностью перемычек над бойницами (если первоначально они были окнообразными).

Трехъярусность башен Ладоги не являлась недостатком и вовсе не уникальна. Подобные сооружения строились на Руси с XIV в., не забыли о них и в XVI столетии,¹⁵³ что всякий раз диктовалось условиями защиты, близостью таких естественных преград, как реки, насыщенностью фронта обороны близко стоящими башнями, индивидуально избранным сочетанием пушечного и ружейного огня. Учитывались возможности вооружения крепости. Так, в Ладоге в XVII в. значилось девять орудий калибром от $\frac{1}{4}$ до 6 весовых гривенок. В разное время в каждой башне помещалось от одной до четырех пушек. В составе «городовой» артиллерии находились затинные пищали, а также дробовые тюфяки, установленные с приступных сторон на Воротной и Раскатной башнях. В военное время наряд крепости могли увеличить, для чего в степах и башнях, по нашим подсчетам, имелось примерно 70 пушечных и 45 стрелковых амбразур. Пушечная защита фортификации, следовательно, явно преобладала.

При рассмотрении деталей конструкции крепости бросается в глаза стремление к созданию определенных уровней передвижения и защиты, в соответствии с которыми определялись высота стен, башен и глубина заложения их фундамента. В ладожской фортификации фиксируются два горизонта настепного хода, и каждый из них простирается в строго горизонтальной плоскости, как бы подчиняясь правилу сообщающихся сосудов. Это правило закономерно и составляет твердую основу для разного рода реконструкций. Например, горизонт верхнего яруса боя, найденный в одном месте, должен совпадать с отстоящим от него на много десятков метров. Таким образом, горизонтальная соединенность всех или нескольких оборонительных компонентов крепости является непреодолимой. Ее защитники без труда могли обойти по верху весь периметр

¹⁵¹ Отметим, что нет никаких намеков на то, что камешные внутрибашенные лестницы продолжались бы выше третьих ярусов.

¹⁵² Олеарий А. Описание... с. 19 (рис.).

¹⁵³ Подобные башни в то время строились, например, во Пскове и Орешке (Клпчиников А. Н. Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе крепости в истоке Невы. Л., 1980, с. 61).

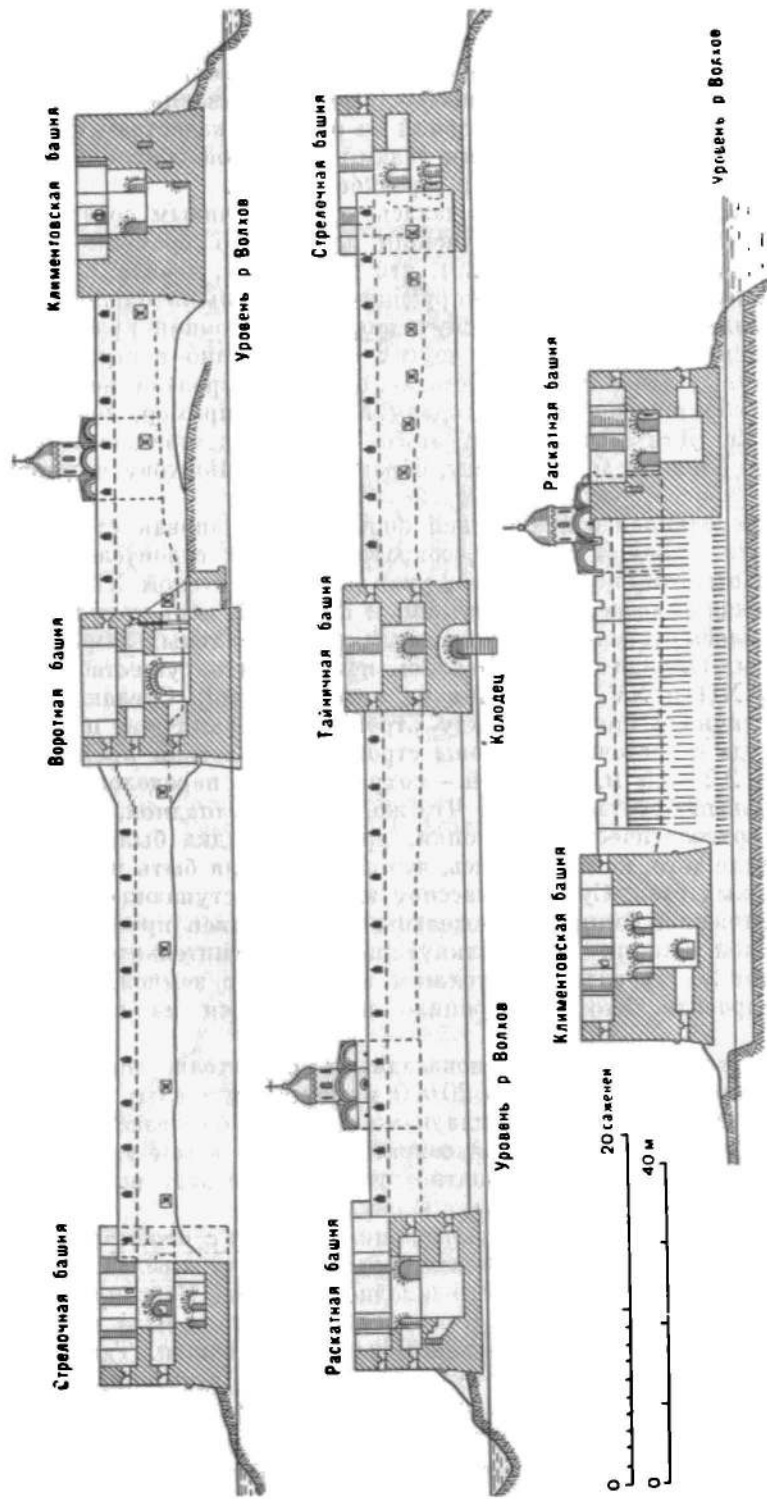

Рис. 37. Инженерная схема Ладожской крепости конца XV в. Реконструкция автора.

сооружения, что создавало необходимые возможности для переноса и сосредоточения огня в любом необходимом направлении. Что касается Ладоги, то речь идет о внушительной по огневым качествам фортификации с регулярно расположенными узлами пушечной обороны, с взаимосвязанной системой орудийного и стрелкового огня.

Крепость на р. Волхове отличалась противоречивым сочетанием инженерных качеств. Планировка сооружения для своего времени архаична, прясла не прямолинейны (рис. 29). Эти недостатки, правда, в значительной мере компенсированы фланкирующими пушечными башнями. Башни были поставлены относительно скученно, на расстоянии приблизительно в 2 раза меньшем, чем в ряде других одновременно построенных крепостях. Однако даже такая «частота» не ликвидировала мертвого пространства, образовавшегося благодаря изгибу, например, северо-восточного прясла. Для преодоления этого недостатка пришлось устроить здесь шесть близких друг к другу, обращенных к Волхovu подошвенных бойниц.

Предопределенная более ранней постройкой плановая структура новой крепости, с одной стороны, сократила усилия строителей по облицовке, в частности, поколя мыса, уже закрытого стеной XII в., с другой — осложнила возведение задуманной преграды, ибо, очевидно, в ходе работ пришлось отступить от некоторых первоначальных замыслов. Так, градодельцы, по-видимому, надеялись использовать существовавшие до них стены XII и XV вв., усилив их новой кладкой. Сделано это было только частично в пряслах между Стрелочной, Тайничной и Раскатной башнями, где с восточной стороны строители утолстили прежние стены 1114 г. на 2,2—3,5 м, с южной — сохранили без переделок навалы заградительный бруствер XII в. Что же касается западной, то здесь, как показали археологические раскопки, древняя кладка была частью разобрана после того, как убедились, что она не могла быть надежной опорой для новых стен. Судя по массиву кладки, выступающему с востока от Климентовской башни, градодельцы намеревались протянуть прясло до Раскатной башни, но, столкнувшись с внушительным (шириной в основании 20 м) валом, состоящим из плиты с землей, отступились от своего проекта. Это и сохранило находящуюся на валу преграду 1114 г.

Приблизительные подсчеты показали, что строители уложили в стены и башни сооружения не менее 20 000 м³ камня и плиты; воспользовавшись существовавшими ранее кладками и валом, они сэкономили около 4200 м³ кладки, иными словами, сократили на 1/6 объем укладочной породы и при начале работ, вероятно, считали, что этот выигрыш будет еще большим.

При перестройке прежнего укрепления мастера с необычным для той поры старанием стремились максимально использовать рельеф местности, постепенно повышающейся к юго-западной стороне. Поэтому возникшая на самом высоком месте мыса Климентовская башня была заложена на 3/4 сажени выше основания большинства других башен. Такая разница горизонтов отразилась на высоте стен крепости, устроенных на двух разных уровнях. Подобное решение было подсказано постройкой XII в.; оно обусловило не только криволинейность прясел, но и индивидуальную

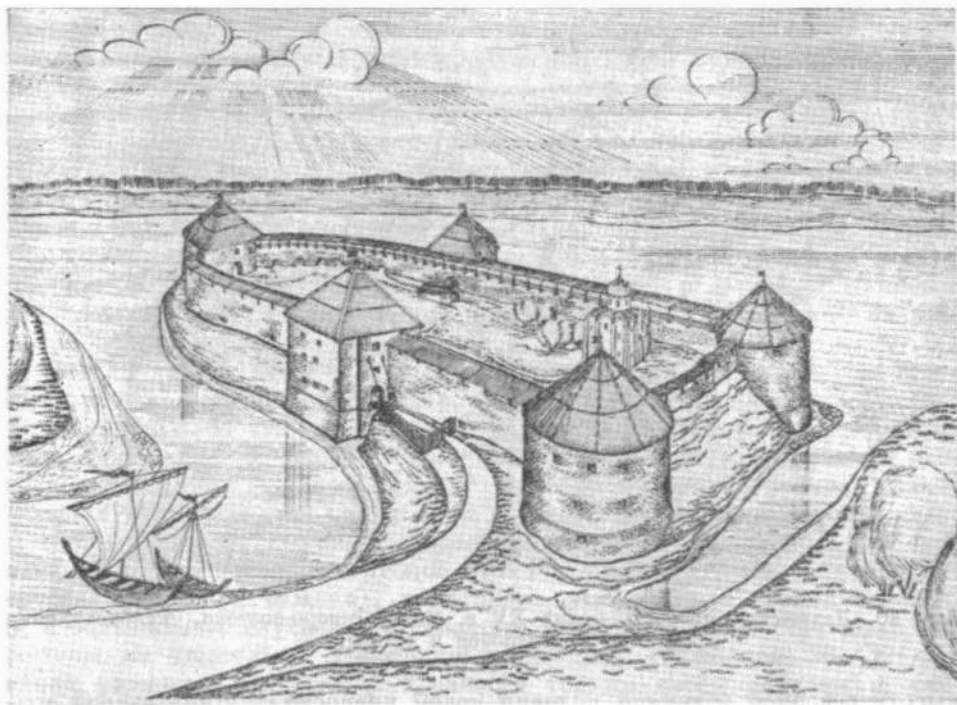

Рис. 38. Ладожская крепость конца XV в. Вид с юго-запада.
Реконструкция Е. Г. Араповой и автора.

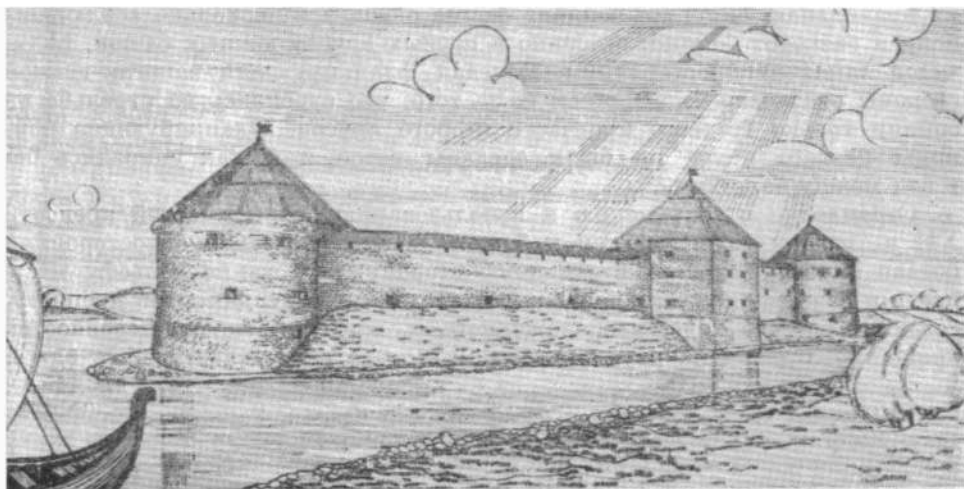

Рис. 39. Ладожская крепость конца XV в. Вид с северо-запада.
Реконструкция Е. Г. Араповой и автора.

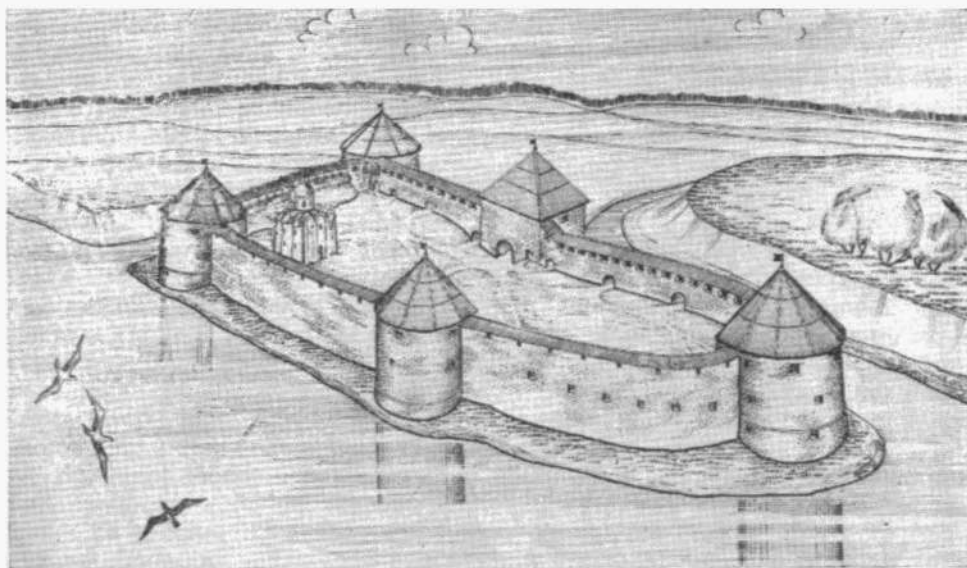

Рис. 40. Ладожская крепость конца XV в. Вид с северо-востока. Реконструкция Е. Г. Арановой и автора.

высоту северной и южной половины новой крепости.¹⁵⁴ Дать старой традиции заметна и в усилении мощи сооружения только с одной считавшейся «приступной» западной стороны.

Пытаясь приспособить «новую форму к старому содержанию», строители столкнулись с трудностями, которые не смогли полностью преодолеть. Например, при закладке башен, заглубленных до подножия мыса, их правильная, округлая в плане форма оказалась несколько «сплюсненной» и разворот бойниц, особенно в первых ярусах южных башен, получился заметно односторонним. Огневая фланкирующая защита южной стороны оказалась ослабленной из-за того, что строилась на стрельбе из бойниц только третьего и отчасти второго ярусов. Фланкирующие бойницы первого яруса не были сделаны вовсе, так как упирались бы в вал между башнями.¹⁵⁵

Стремление к сохранению и использованию старых частей крепости XII в., разная толщина стен и башен, преимущественно односторонняя боевая ориентация стен в западную сторону, следование рельефу местности и связанная с этим неравномерная закладка фундаментов крепости, создание боевого хода, расположенного в зависимости от неровностей крепостного двора на двух уровнях, — все это свидетельствует, с одной

¹⁵⁴ Перепад уровней площадки боевого хода в приделах Раскатная—Климентовская—Воротная и Воротная—Стрелочная—Тайничная—Раскатная башни по моему подсчету составляет около 2 м. т. е. 1 сажень.

¹⁵⁵ О схеме организации стрельбы Ладожской крепости и недостатках обороны ее южной стороны см.: Раппопорт П. А. Очерки истории военного зодчества... с. 123.

сторон, о тесной преемственности военно-инженерных строительных традиций, с другой — об определенной ограниченности масштабов реконструкции, проявившихся при сооружении новой приволховской твердыни.

Все выше сказанное побуждает рассматривать Ладожскую крепость как компромиссное гибридное произведение, в котором старая плаповая структура была использована для возведения преграды с пушечными узлами обороны. Следует подчеркнуть, что отдельные детали данной постройки не несли в себе архаических признаков. Иными словами, устройство бойниц и ярусов боя, размеры стен и башен соответствовали своему времени. Предназначенные для небольших орудий и затинных пищалей подожженные бойницы укрепления являются одними из наиболее ранних в истории русской фортификации.

Детали конструкции отличаются типичным для фортификации огнестрельной поры стандартным характером и высоким качеством камнетесной работы. Почти одинаковыми делали пушечные амбразуры, лестницы внутри башен, входы в башни, зубцы прясел стен. Амбразуры располагались в определенном ритме.¹⁵⁶ Глубина пушечных печур сорамерялась с толщиной стен башен, а их ширина, высота и толщина наружных стенок равнялась примерно 1 сажени. Единообразие проявилось и в одинаковой высоте и толщине зубцов (1 × 1 сажень), толщине стен верхних ярусов башен (2 сажени), высотности этих ярусов, приближающей ее в большинстве случаев к 2 сажням. Наружные части стен были выложены из тщательно подогнанных квадров (толщиной 20—30 см) одной рядности, затертых в древности тонким слоем обмазки и, очевидно, побеленных. Мощные пушечные башни, взаимосвязанная система кругового огня, стремление к использованию сходных по размерам деталей, повторяющиеся по величине конструкции, видимо, создававшиеся с помощью определенного модуля, — все выдает руку несомненно опытного инженера и квалифицированных каменщиков.

Однако при возведении нового укрепления был допущен некоторый просчет, заключавшийся в неглубокой (0,8—1 м) закладке фундамента. Такое упущение, возможно, вызванное поспешностью работ, привело уже в XVII в. к сползанию к реке северо-западного и северо-восточного прясел крепости и ускорило разрушение Тайпичной башни, отделавшейся от прилегающих стен вследствие ее оседания.

Выражаясь словами летописца, строительство приволховской твердыни велось «по старой основе». Можно даже предложить следующий вариант подожженного летописного текста о таком начинании: «Повелением Великого князя Ивана Васильевича поставиша град камен в Ладоге на старой основе». Подобные перестройки характерны для конца XV в. и отмечены источниками для Новгорода (в 1484—1499 гг.) и Великих Лук (1492 г.).¹⁵⁷ Вероятнее всего, реконструкция Ладоги была

¹⁵⁶ Расстояние между амбразурами подожженного боя составляло по осям 3 и 8 сажней (соответственно на северо-восточном и северо-западном пряслах).

¹⁵⁷ Новгородская IV летопись. — ПСРЛ, 1848, т. 4, с. 160, 163; Львовская летопись. — ПСРЛ, 1910, т. 20, с. 357; Московский летописный свод конца XV в. — ПСРЛ, 1949, т. 25, с. 333; Янин В. Л. О продолжительности строительства Новгородского Кремля конца XV в. — СА, 1978. № 1, с. 259, 260.

также произведена в 90-х гг. XV в., что, в частности, устанавливается и дендрохронологической датой спила связи Раскатной башни — конец 80-х—90-е гг. XV в. (определение Н. Б. Черных). Время строительства в Ладоге каменной фортификации косвенно подтверждается расширением в 1480—1490 гг. на 20% ее посадской застройки,¹⁵⁸ что, возможно, вызвано приездом в город на Волхове новых поселенцев, в том числе и рабочих людей. Действительно, стройка крепости, видимо, была многотрудной и велась энергично. Еще в середине XVII в. горожане помнили, что «делали тот город Ладогу всем новгородским присудом и иными многими городами».¹⁵⁹

Рекопструкция старой новгородской твердыни в низовьях р. Волхова несомненно была продиктована и подстегнута военно-политическими обстоятельствами. В 1495 г. правительство России начало войну со Швецией за возврат отторгнутой по Ореховскому договору 1323 г. Западной Карелии. Поход к Выборгу не принес ожидаемой удачи и в 1497 г. в Новгороде между Иваном III и правителем Швеции Степом Стуре было заключено очередное 6-летнее перемирие. Вплоть до 1540-х гг. «ореховский рубеж», как называлась северо-западная русско-шведская граница, считался, несмотря на внешнее спокойствие, «варывоопасным». Военные приготовления на Неве имели место в 1497 и 1502 гг., а в 1509 г. шведский наместник Выборга — Эрик Турессон, отказавшись возвратить русским земли Западной Карелии, едва избежал военных действий. Готовясь к новым схваткам с северным соседом, русское правительство начиная со строительства в 1492 г. Ивангорода предприняло беспрецедентную по своим масштабам перестройку новгородских балтийско-невских городов — Ямы, Копорья, Орешка и Ладоги. Процесс был осложнен тем, что в последней четверти XV в. огнестрельная техника достигла такого уровня развития, что оказала существенное влияние на военную архитектуру, способы атаки и обороны укрепленных пунктов. Строительство пушечных фортификаций осуществлялось по-разному. При этом Ладога (а также Копорье и Ямгород; см. с. 162) переделывалась с учетом некоторого сохранения унаследованных от новгородских времен инженерных традиций. На примере Ладоги выясняется, как и каким путем происходила подобного рода перестройка.

Я попытался раскрыть творческую лабораторию ладожских градодельцев. При этом выяснилось противоречивое сочетание традиции и но-

¹⁵⁸ Новгородские писцовые книги. СПб., 1868, т. 3, с. 959, 960.

¹⁵⁹ Бранденбург Н. Е. Старая Ладога, с. 250. — Стрельцы и посадские старожилцы Ладоги во время расспросов в 1646 г. говорили по памяти, что каменную крепость сперва делали посошные люди, собранные из Повгорода Великого, его пригородов и уезда, из «московских городов», Суздаля, Галича, Вологды, Ярославля, Углича, Костромы, Белоозера, а также Заопечских погостов. На другое лето постройку доделывали «государевой казной» пламенные люди (ЦГАДА, ф. 141, оп. 2, № 37, л. 87, 95) — Я благодарю архитектора М. И. Коляду, любезно познакомившего меня с этим документом, хранящимся в копии в архиве Лен. филиала Института «Спецпроектреставрация». Указание на 2-летний срок постройки крепости и районов мобилизации рабочей силы проясняет вопрос о том, какими авральными методами велась в конце XV—XVI в. модернизация государственных укреплений. Достоверность приведенного сообщения не уменьшается ссылкой на «рассказы отцов». Видимо, возведение крупнейшей для своего времени крепости надолго осталось в народной памяти.

вых исканий, которые, видимо, отличали эпоху коренных преобразований, развернувшихся в военно-инженерном деле страны (как, впрочем, и за ее рубежами) ¹⁶⁰ в период торжества огнестрельного оружия.

---

¹⁶⁰ В этом отношении обращает внимание замок Олавилинна (Олофсборг, Нейшлот), построенный в 1475—начале 90-х гг. XV в., который А. Туульзе не без оснований признал постройкой (кроме галлиских и готландских) греческих и итальянских мастеров, прибывших в Финляндию через Россию и знакомых с московским оборонным зодчеством (известно, что в 1477 г. эту крепость делали 16 иностранных мастеров — см.: Tuulise A. Burgen des Abendlandes, S. 225). Олавилинна считается первым укреплением Скандинавии и Финляндии, возведенным с полным учетом действия огнестрельного оружия. Южная, восточная и западная стены сооружения (в дальнейшем сильно перестроенного) в плане криволинейны и не позволяли осуществить полное фланкирование из близлежащих башен. Эта особенность сближает их с ладожскими (ср.: Sinisalo A. Piirteitä keskiaikaisen Olavinlinnan rakennushistoriallisesta asemasta. — In: Taidehistoriallisia Tutkimuksia — Konsthistoriska Studier 4. Helsinki, 1978, p. 245—254).

Природа создала в истоке Невы небольшой остров, как бы предназначенный сторожить проход из Ладожского озера в Неву (рис. 41). На этом участке средиречной суши (площадью около 3 га) и существовал средневековый Орешек.¹ История города и крепости Орешка насыщена фактами общерусского значения. В XIV—XV вв. этот населенный пункт являлся пригородом Новгорода, в 1478—1612 гг. был торговым и военным центром Московского государства. В 1612—1702 гг. им владели шведы (называвшие его Нотебургом). То было время превращения некогда цветущего центра и пограничный гарнизонный лагерь. После освобождения в 1702 г. войсками Петра I старая крепость не только сохранила, но и (будучи реконструирована) преумножила свои боевые качества.² Таким образом, в течение всего средневековья и в начале нового времени Орешек, занимая стратегически ключевое положение на северных рубежах страны, был «фронтовым городом», «горячей точкой» Северной Европы. Характерные особенности боевого форпоста сформировались уже в период его новгородской истории, о чем и пойдет речь в предложенной главе.

Впервые историко-архитектурное обследование древнего Орешка в 1953 г. провел В. В. Косточкин.³ Он точно установил, что существующая ныне на острове крепость относится к началу XVI в. С ней соседствуют и другие каменные строения, но все они созданы в XVIII—XX вв.⁴ В поисках, казалось, полностью исчезнувшего Орешка древнейшей новгородской поры на острове в 1968—1970 гг. были проведены достаточно широкие археологические работы.⁵ Было раскопано

¹ Упомянутый остров в течение всего средневековья был единственной укрепленной частью города, примерно с XV в. распространившегося на близлежащие берега р. Невы.

² Погансон М. В., Кирпичников А. Н., Петровский Шлисслбург (по новооткрытым архивным материалам). — В кн.: Русское искусство первой четверти XVIII века. М., 1974.

³ Косточкин В. В. К характеристике памятников военного зодчества Московской Руси конца XV—начала XVI в. — МИА. 1958, № 77, с. 120—134.

⁴ Во время Великой Отечественной войны постройки острова были частично или полностью разрушены; ныне их реставрируют.

⁵ В работах экспедиции принимали участие сотрудники ГМИЛ, студенты истфака ЛГУ, реставраторы института «Ленпроект» (под руководством архитек-

Рис. 41. Крепость Орешек. Вид с западной стороны.

около 2000 м², что составляет 17% всей археологически доступной территории острова⁶ (рис. 42). Натурные исследования в Орешке сопровождались поисками новых архивных, в том числе графических, документов. Отметим полученные из Королевского военного архива в Стокгольме 13 фотокопий большей частью неопубликованных чертежей Нотебурга, выполненных во второй половине XVII в., а также соответствующие им описания.⁷ Эти редчайшие графические листы не только запечатлели состояние Орешка в конце средневековья, но и сохранили черты его древней планировки.

Новгородский форпост

Остров в пстике Невы, кажется, впервые упомянут летописью под 1228 г., когда новгородцы во время похода на финское племя емлян «отступиша в островълец».⁸ На островке размером 200×300 м (современные измерения), отстоящем от обоих берегов Невы примерно на 400 м, действительно можно было удобно укрыться, особенно в виду вражеского войска («а емь на брезе с полоном»). Этот кусочек суши, вероятно, издревле использовался для стоянки торговых караванов, остановки и ночевки ратей и был, так сказать, ничейной землей.

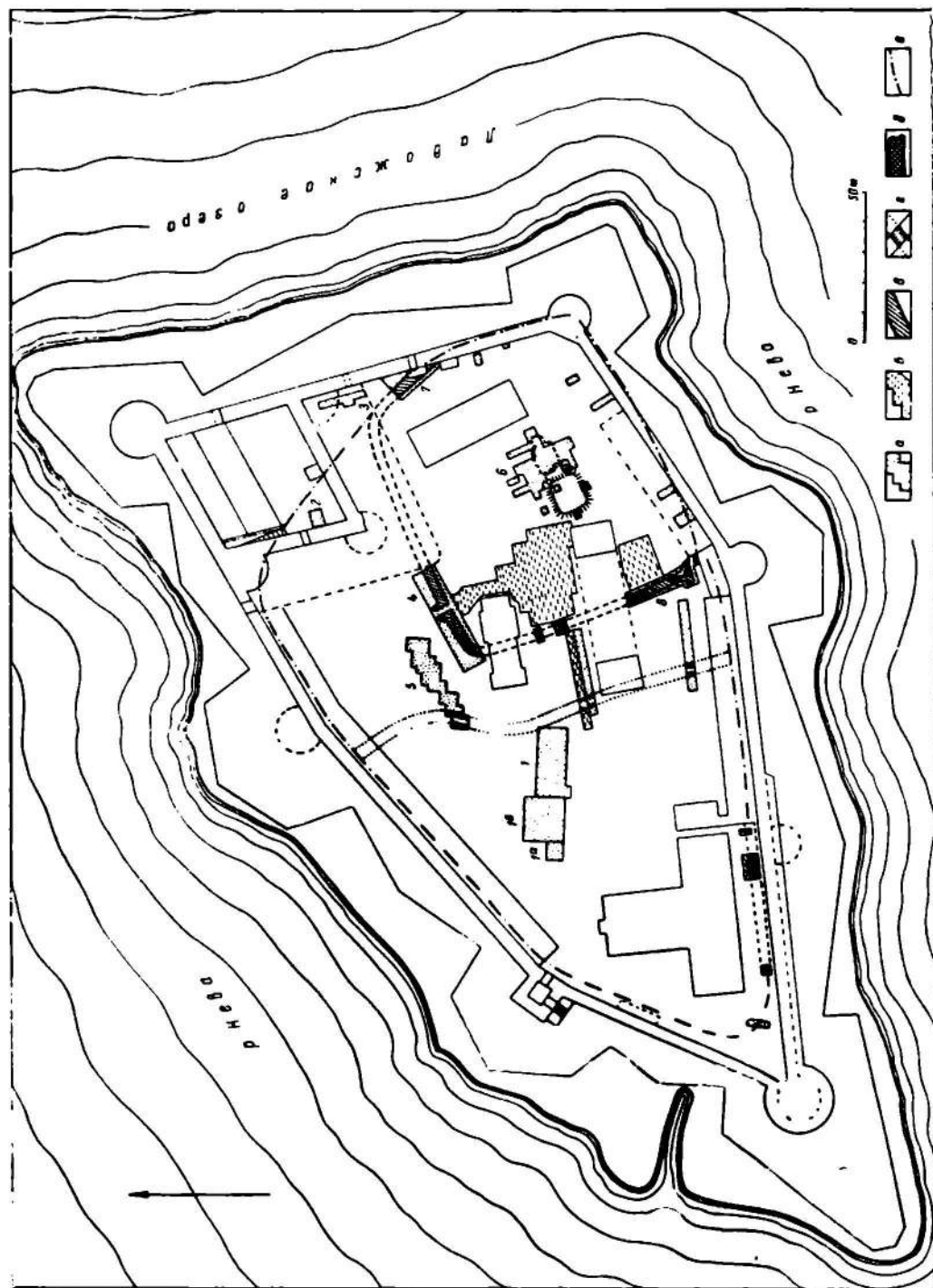
В течение всего XIII в. на острове не было постоянного поселения. При первом упоминании он еще не имеет названия. Остров использовали как наблюдательный пункт, естественное убежище, безопасную

тора В. М. Савкова). В. М. Савковым и Е. Г. Араповой создан проект восстановления Орешка, в котором нашел отражение и показ археологических объектов (Кирпичников А. Н., Савков В. М. Крепость Орешек. М., 1979).

⁶ Раскопки Орешка в 1971—1975 гг. были продолжены под руководством В. И. Кильдюшевского. Приносим ему благодарность за информацию об его исследованиях.

⁷ Кирпичников А. Н. Древний Орешек. — Ист. СССР, 1970, № 3, с. 186—196.

⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 65.

стапцию и уходили с него «без боя» так же легко, как и приходили. Несомненно, что во время летучих посещений были оценены географические преимущества острова. Так, в 1284 г., по-видимому, в этом месте новгородцы и ладожане, «сташа на усть Невы», разбили шведов, памевавшпхся «па кореле дашь взяти».⁹

Морские вторжения шведов в Приладожье 1283 и 1284 гг. были предвещипкамп новой (после 1240-х гг.) волпы военной экспансии на исходе XIII в., охватившей северо-запад Новгородской земли. Шведские отряды, подчинив Финляндию, торглись в Карелию. В 1300 г. они в устье Невы основали Ландскропу. В связи с последним обстоятельством до нас дошло первое «именное» упоминание острова. По сообщению шведской рифмованной хроникп (написана между 1322 и 1332 гг.), место, названное по-фински Пехкинесаар, т. е. Ореховый,¹⁰ было использовано для остановки передового сторожевого шведского отряда, следившего за русскими, приближавшимися к повосозданной Ландскроне. «Однажды. — сообщается в хронике, — когда они (т. е. шведы) стояли там (на Ореховом — А. К.) и смотрели на берег, они увидели, что идет более 1000 готовых к бою людей. Дольше ждать не годилось, всякий знает, что ему следует делать, когда придется трудно. И они двинулись вниз по реке (по направлению к Ландскроне)».¹¹ Последняя вскоре пала, а новгородцы обратили особое внимание на пустынный, по удобный в военных целях островок в истоке Невы.

В 1323 г. «ходиша новгородцы с князем Юрьем и поставиша город на усть¹² Невы, на Ореховом острове, туто же прихавше послы велпкы от свейского короля и докопаша мир вечный с князем и с Новымъгородом по старой пошлпше».¹³ Из этого сообщения видно, что заложение внуком Александра Невского великим московским князем Юрием Даниловичем новой крепости мыслплось как важная политическая акция, связанная с заключением Ореховского мира. Так, в эпоху могущества Великого Новгорода на берегах Невы появился порубежный форпост. Возникновение новой крепости было вызвано рядом причин, причем основными были военно-стратегические и торговые. Новгородцы, равно как и их противники, понимали, что «крепость проход из Ладоги в Неву и из Невы в Ладогу содержит в своей власти».¹⁴ В 1323 г. послы шведского короля впер-

⁹ Там же, с. 325. — Исток Невы летописец называл устьем.

¹⁰ Наименование острова, вероятно, было связано либо с его формой, либо с растущим на нем кустарником.

¹¹ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978, с. 115.

¹² Речь идет не об устье, а об истоке Невы.

¹³ Новгородская первая летопись... с. 339. — О заложении Орехова под 1302 г. сообщает летопись Авраамки (ПСРЛ, 1889, т. 16, с. 57), по это явная ошибка.

¹⁴ Туманский Ф. Опыт повествования о деяниях, положениях, состояниях и разделении Санкт-Петербургской губернии, 1789—1790 гг. — ГПБ, Рукоп. отд., Эрмитаж. собр., № 558, б. л.

Рис. 42. Крепостные сооружения средневекового Орешка. План с обозначением раскопов 1968—1975 гг. (1—8).

а — раскопки 1968—1970 гг.; б — раскопки 1971—1975 гг.; в — стена 1352 г.; г — канал-ров; д — стена 1410 г.; е — предполагаемая трасса стен 1352 и 1410 гг.

вые увидели новую крепость, которая отныне стала центром большой пограничной округи, пачинавшейся на р. Сестре и включавшей устье Невы.

Договор 1323 г. был подписан в тяжелое для Новгорода время, он фиксировал потерю Западной Карелии. Однако в нем была установлена русско-шведская граница, что приостановило шведскую агрессию вглубь страны. Договор предусматривал свободу торговли: «Гости гостити бес пакости из всеи Немьцпой земле... по Неве в Новгород гороу и водою (по суше и по воде, — А. К.). Также и нашему гостю чист путь в море».¹⁵ Ряд статей договора имел вынужденный характер. Еще Иван III добивался восстановления утраченных, согласно договору, областей Карелии. Недолговечной была и статья о том, что ни шведы, ни русские не должны были ставить в Карельской земле новых крепостей. При всем этом юридическая и правовая сила договора 1323 г. действовала в течение почти трех последующих столетий. Ореховский мир явился своевременной и дальновидной дипломатической акцией, закрепившей за Новгородской республикой бассейн р. Невы. Своеобразным гарантом договора стала новая крепость в истоке Невы.

Летописец отметил, что мир 1323 г. был заключен «по старой пошлине», что предполагает существование более ранних двухсторонних соглашений. О их времени можно предположительно судить по двум примечательным находкам, обнаруженным В. И. Кильдюшевским при раскопках остатков построек первоначальной Ореховской крепости.¹⁶ Речь идет о печатах князей Ярослава Всеволодовича и Андрея Александровича.¹⁷ Печати, а точнее — скрепленные ими документы, попали в крепость на берегах Невы не в XIII в. (слоя данного периода на острове нет), а, очевидно, по ранее основания крепости в 1323 г. Эти акты скорее всего были привезены из Новгорода в составе посольских документов, необходимых в период мирных переговоров со шведами.¹⁸ Могли требоваться они и позднее. Вероятность высказанного предположения подкрепляется тем, что оба упомянутых князя, находясь на службе Новгорода, проводили активную северную внешнюю политику. Первый из них в 1227 г. совершил крупный поход на сев., а в 1234 г. заключил мир с ливонскими немцами по «всей правде своей»; второй в 1301 г. разрушил шведскую Ландскрону, а два года спустя заключил мир с Данией.¹⁹ Летопись, правда, не упоминает прямых мирных акций Новгорода со Шведией князей Ярослава и Андрея, но это не должно смущать.²⁰ Ведь о первом русско-норвежском договоре 1251 г. стало известно из скандинавского источника. Сохранилось, далее, известие 1268 г. относительно торгового места Бьерке

¹⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.: Л., 1949, № 38, с. 67, 68.

¹⁶ Кильдюшевский В. И. Раскопки древнего Орешка. — В кн.: АО 1973 г. М., 1974, с. 12; то же 1975 г. М., 1976, с. 17. — Печати найдены в слое 1323—1346 гг.

¹⁷ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. М., 1970, т. 2, табл. 1, 371; 3, 395.

¹⁸ Отнесение печатей к недипломатическим актам представляется маловероятным. Так сказать, внутренняя деятельность ореховцев в период их поселения на Неве не требовала, очевидно, каких-либо документальных обоснований столетней давности.

¹⁹ Новгородская первая летопись... с. 65 след.

²⁰ Договорные отношения между Новгородом и Швецией установились со времен Олега Всеволодовича. Мир с «варягами» в очередной раз заключался еще в 1201 г. (Новгородская первая летопись..., с. 240).

(б. Койвисто, ныне г. Приморск Ленинградской области), что оно находилось «под миром и защитой короля (шведского, — А. К.) и Новгорода».²¹ Договор, предусматривающий такое совместное владение балтийской гаванью, до нас, к сожалению, не дошел. Возвращаясь к ореховским находкам, полагаем, что они намекают на существование в городе на берегах Невы своеобразного, привезенного из Новгорода дипломатического архива, включавшего документы, восходящие к 1220—1230 гг.

Что представлял собой новосозданный новгородский форпост? Его площадь, как показали археологические исследования, составляла 8500 м² и была тесно застроена однокамерными деревянными жилищами²² (раскопками В. И. Кильдюшевского вскрыто 17 срубов). Исходя из того, что площадь каждого из таких домов (включая проходы и пристройки) составляла 50—55 м², а в острожке были две взаимно перпендикулярные улицы шириной 4 м и, очевидно, какие-то общественные здания, число одновременно построенных жилищ приближалось к 130, а численность их обитателей — к 400. Варослые 100—130 хозяев жилищ и образовывали гарнизон острова. Таким образом, речь идет о новооснованном по единому плану новгородскими колонистами (видимо, из свободных людей) военном поселении.

О составе населения можно судить используя показания писцовой книги Орешка примерно 1500 г. Тогда в городе насчитывалось 202 двора, хозяевами которых являлся 251 человек. Из числа горожан в 31 дворе проживало не менее 47 (20%) мелких вотчинников-своеземцев.²³ Они имели городские дворы, но в момент работы писцов часть из них находилась в своих «подгородных» деревнях. Эта социальная группа потомственно существовала в Орешке с новгородской поры, возможно с момента основания города (правда, их численность в 1500 г. была, вероятно, большей, чем раньше). Своеземцы наделялись землей в ближайшей к городу округе, за что должны были нести войсковую службу, по словам, например, документа 1555 г. о присылке земцев в Новгород, «с людьми, конями и з доспехом» (в этом смысле они были в какой-то степени предшественники служилых помещиков XVI в.). Таким путем новгородское правительство осваивало пограничные территории, заселяя их полувоенными поселенцами из числа свободных крестьян и вообще «охочих» людей. Другую часть населения и одновременно городского полка составляли городчане, также, по-видимому, привлеченные какими-то льготами, но в отличие от своеземцев не связанные с сельским хозяйством и не имевшие загородных угодий.

О «служебных» обязанностях жителей ореховского поселения поведали археологические находки. При расчистке жилищ, относящихся

²¹ Niitemaa V. Die frühen Städte Finnlands. — In: Acta Visbyensia. Visby. 1963, Bd 1, S. 199.

²² Используя предоставленные мной данные о точном местонахождении второй по счету ореховской крепости, возведенной в 1352 г. (об этом см. ниже), В. И. Кильдюшевский произвел исследование ее культурного слоя и обнаружил не менее трех строительных горизонтов, относящихся к XIV—XV вв. Стало очевидным, что укрепление 1323 г. располагалось на том же месте, что и построенное в 1352 г., и, вероятно, предопределяло размеры последнего.

²³ Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины 7008 года. — Временник МОИДР, 1851, кн. 11, с. 111 след.

к 1323—1346 гг., по сведениям В. И. Кильдюшевского, найдены не только предметы быта, но и наконечники копий и стрел, самострельные болты, фрагменты мечей, боевой топор, булава, части кольчужных и чешуйчатых доспехов. Все эти данные конкретизируют представление о том, как возникали созданные в период монгольского ига укрепленные города Северной Руси (аналогичным образом основывались, о чем пойдет речь ниже, Корельский городок на р. Вуоксе и Яма на р. Луге).

Черты жизни приневского форпоста до некоторой степени можно проследить на основании современных событиям, но отрывочных летописных свидетельств. Прежде всего о самом наименовании. С 1323 по 1352 г. городок назывался по имени острова — Орехов, Ореховый, Ореховен. С 1352 по 1404 г. существовавшие названия Орехов, Ореховый употребляются наряду с новым — Орешек. С 1404 г. в источниках безраздельно господствует последнее. Понадобилось, таким образом, более сотни лет, чтобы поселение обрело собственное имя, но не совпадающее с названием острова. Новое имя городка свидетельствовало, вероятно, о том, что его границы постепенно расширились и включили в себя прилегающие берега Невы.

По летописным сведениям 1333—1462 гг. Орешек вместе с другими северными городами часто доставался «в кормление» литовским феодалам Гедиминовичам, а в дальнейшем его владельцами выступали русские князья-изгой. В отдельных случаях власть держали или на нее претендовали сами новгородские бояре. Бывали случаи, когда князья нарушали присягу верности Новгороду, вызывали неудовольствие горожан и в конце концов смещались и заменялись другими. Пограничная служба на Неве была связана с риском, и некоторые владельцы города этим явно тяготились. Так, в 1338 г. новый хозяин Орешка Наримонт оказался в Литве и «много посылаша по него, и не поеха нь, и сыпа своего выведе из Орехового именем Александра, токмо наместник свои остави». ²⁴ «Неустойчивое» поведение князя объяснялось обострением положения на границе. «Той же весне (т. е. в 1338 г., — А. К.) ездиха новгородци с посадником Федором в Неву и стояша под Ореховым, съсылающеся послы с воеводою немецким, с Стенем, и не бысть миру». ²⁵

Весьма драматические в истории новгородского Орехова события разразились в 1348 г. Они привлекли особое внимание летописца и породили в начале XV в. особое литературное произведение — «Рукописание Магнуша, короля швейкаго», благодаря которому до нас дошли ценные подробности о первоначальном Орехове. В упомянутом году шведский король Магнус Эриксон предпринял крестовый поход на Русь. Первая цель его — взять давно мешавший шведам Орехов. Воспользовавшись отсутствием Наримонта, шведское войско «со многими кораблями и людьми» хитростью овладело крепостью. Осада, по-видимому, была недолгой, а сопротивление сломлено «лестивыми» обещаниями: «И затворися ореховцы во граде, а король оступи град, и еликих изыма крестн во свою веру, а прочее воинство розпусти в загопы... крамолюю взя град Орехов». ²⁶ Был пленен весь посольский корпус, участвовавший в предшествовавших пере-

²⁴ Новгородская первая летопись..., с. 349.

²⁵ Там же, с. 348.

²⁶ Никоновская летопись. — ПСРЛ. 1885, т. 10, с. 220.

говорах со скандинавским соседом, — новгородские бояре во главе с тысяцким Авраамом. Горожане и Наримонтов наместник были отпущены за выкуп.²⁷ Шведы оставили в городе гарнизон из 800 человек «и окрепи». Это был крупный успех противника — под угрозу попал весь район Невы. В том же 1348 г. после 7,5-месячной осады новгородцы, подступившие со стороны Ладоги, пошли на штурм.²⁸ «Приступиша к нему (городу, — А. К.)... прикидав примет... загореся примет и город, а немцы в костер (башню, — А. К.) вбегоша, и новгородцы войдоша в городок, и взяша его... а немец изсекоша, а иных поймаша».²⁹ В пламени штурма сгорела крепость 1323 г.; нетронутой, очевидно, осталась лишь каменная башня-костер, послужившая последним прибежищем осажденным.

Теперь мы в состоянии представить первоначальный Орехов, обнесенный деревянной круговой стеной с одной каменной башней. По своей функции это сооружение являлось и командно-наблюдательным пунктом, и опорой для борьбы. Крепости с одной каменной центральной или средистенной башней появились в Юго-Западной и Западной Руси в период, когда резко возросло использование круговой высотной стрельбы. Во второй половине XIII в. таких в плане круглых или четырехугольных сооружений там было воздвигнуто не менее 15.³⁰ Все известия о русских башнях убеждают в том, что в отличие от рыцарских дожонов и бергфридов они предназначались не для жилья, а в первую очередь для обороны. Строительство одиночных каменных башен распространилось на Северную Русь в первой половине XIV в. Подобного рода постройки, кроме Орехова, известны в Изборске (между 1303 и 1330 гг.), Острове (середина XIV в.), Кореле (1364 г.). Ореховская по времени стоит одной из первых. Внедрение данных сооружений на севере страны было, очевидно, подстегнуто возведением аналогичных башен у границ Новгородской земли, например в Выборге и Нарве.³¹ В связи с этим обратим внимание на примененный к ореховской башне и впервые зафиксированный в летописи термин «костер». К. Вилкуна справедливо отметил, что это слово,

²⁷ По словам шведских источников, большая часть пленных крестилась, не захотевшие этого сделать были изрублены на куски (Далин О. История шведского государства. СПб., 1805, ч. 2, кн. 1, с. 613). Организатора похода Магнуса упрекали в том, что он напрасно даровал жизнь язычникам, польстившись на их серебро и золото (Головинский М., Ярышев Н. История финского народа. СПб., 1901, с. 28).

²⁸ Словами Никоновской летописи (под 1348 г.): «Немцы же во граде начаша слабети, не бе бо у них запасу хлебного, бысть в них скорбь велия» (ПСРЛ, 1885, т. 10, с. 220).

²⁹ Новгородская IV летопись. — ПСРЛ, 1848, т. 4, с. 59.

³⁰ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII—XV вв. Л., 1976, с. 61.

³¹ Kaljundi J. Narva kindlustused. Restaureerimisalaste artiklite kogumik. Tallin, 1976, p. 26, 27. joon 1. По изысканиям К. Вилкуна три башни существовали в какой-то период средневековья на речных путях на территории Новгородской Карелии и смежных с ней областей, плавивших дань Новгороду. Примером устройства заградительной башни XI в., по наблюдению того же автора, является Ваа Кастре (нем. Ольденторн) на р. Эмайыги. По одному немецкому известию деревянную башню здесь построили русские в период основания Юрьева, т. е. около 1030 г. (Vilkuna K. Über mittelalterliche Sperrschlösser an Handelswegen im Baltikum und Finnland. — Acta Visbyensia. Visby, 1976, Bd 5, S. 192—194). В Скандинавии одиночные боевые каменные башни стали устраиваться не позднее XII в., в Западной Европе они прослеживаются с IX в. (cp.: Kjellberg S. T. Skånska medeltidsfästern. — In: Kulturen. 1969, Lund 1969, p. 148 sq.).

употреблявшееся в Новгородской и особенно в Псковской землях вплоть до конца XV в., произошло не непосредственно от латинского *castrum* (как обычно считалось), а от посредников, как греческое *kastron*.³² Сходные понятия имелись также во французском — *castro*, английском — *castle*, шведском — *kastale*, эстонском — *kastre*, финском — *kastari* (в последних двух случаях допускают русское заимствование) языках. Важно отметить, что северозападные «кастре-костры» первоначально обозначали не вообще укрепление, а или одиночную башню, или такой объект, где башня доминировала.³³ По-видимому, и новгородско-псковский термин «костер» изначально скорее всего обозначал однобашенное укрепление вроде, например, ливонского костра Варбек (эст. *Uue-Kastre*) на р. Омовже—Эмайыги (нем. Эмбах), упомянутого в летописи по поводу его взятия псковичами,³⁴ и лишь позже в середине XIV в. стал прилагаться вообще к башням. Таким образом, появление нового слова отмечает начало строительства в Северной Руси однобашенных каменных крепостей, что, как упоминалось в случае с Орешком и Изборском, имело место в первые десятилетия XIV в. Получается, что этот фортификационный термин обладал, как видим, определенным хронологическим и конструктивным адресом, позволяющим в отношении Новгородской Руси допустить кроме южнорусского и балтийско-скандинавское архитектурное воздействие.

В какой степени первая ореховская крепость следовала южнорусской или новгородско-орденско-балтийской традиции, об этом из-за недостатка данных судить трудно. Установлено лишь, что пятно застройки поселения не покрывало весь остров. Подтверждение видим в таких летописных терминах, связанных со штурмом Орехова, как «оступи», «приступиша», «прикидав примет», словно речь идет о сухопутной осаде высадившегося на пустующую часть острова войска.

События, разыгравшиеся на Ореховом острове в 1348 г., имели свои последствия. В 1350 г. состоялся обмен пленными и тогда же «ореховским серебром была поповлена церковь Бориса и Глеба в Новгороде». Так как Орехов только что пережил бедствия войны, правдоподобна версия М. Н. Карамзина, что серебро, пошедшее на украшение крупнейшей новгородской церкви, отнято ореховцами у шведов.³⁵ В связи с пожаром крепости возникла необходимость нового срочного укрепления города. И вот в 1352 г. «новгородцы заложиша город Орехов камен».³⁶ Новое строительство было вызвано общенародным наказом и, видимо, быстро осуществлялось. «Добиша челом новгородци, бояре и черные люди архиепископу новгородьскому, владыце Василию, чтобы еси,

³² Vilkuņa K. Über mittelalterliche Sperrschlösser, S. 192; ср.: Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. — МИА, М.; Л., 1961, № 105, с. 144.

³³ Olsson M. En grupp ruunda kastaler från romansk tid på Sveriges östkust. — *Förnvännen*, Stockholm, 1932, t. 27, p. 273 sq. — На Готланде небольшие башни-кастале в конце XII—XIII вв. использовались как убежище, склады товаров, маяки.

³⁴ Псковские летописи. Л., 1941, вып. 1, с. 77. — В Эстонской земле, судя по ливонским источникам, существовали и другие однобашенные замки (ср.: Tuulse A. Die Burgen in Lettland und Estland. Dorpat, 1942, S. 96—98).

³⁵ ПСРЛ, 1913, т. 18, с. 96.

³⁶ Новгородская IV летопись, с. 60.

господине, ехал, нарядил костры во Орехове, — и он ехав, костры нарядил». ³⁷

Обращает внимание некоторое различие двух приведенных сообщений. В первом упомянут «город», как обычно называли тогда укрепления вообще, во втором — костры-башни. При комментировании второго сообщения было высказано предположение о поэтапном строительстве города в виде отдельных башен, присоединенных к уже существовавшим деревянным или каменным степам. ³⁸ По-моему, здесь правильное иная расшифровка источника, отражающая необычность события. Запись Новгородской IV летописи (а также Летописи Авраамки и Псковской I летописи) о заложении города традиционна. В отличие от нее сообщение Новгородской первой летописи подчеркивает ряд особенных фортификационных моментов: чрезвычайность ореховского крепостного строительства (сопровождаясь просьбой новгородцев и участием в нем фактического главы Новгородской республики) и устройства («нарядить» — устроить, научить) каменных башен. Упоминание источником только башен, кстати сказать, вовсе не противоречит тому, что они сооружались одновременно со стенами. И отметили их потому, что возведение сразу нескольких каменных башен было для того времени в диковинку и сопровождалось присутствием государственного руководителя, каким и являлся архиепископ Василий. С его именем связаны также основные работы по строительству каменных укреплений Новгорода (в 1331—1335 гг.). ³⁹

Сопоставляя известия письменных источников, можно убедиться, что к середине XIV в. возведение каменных укреплений на севере Руси только набирало силу. Орешек после Ладоги (1114 г.; здесь и далее указан год постройки каменных стен), Копорья (1297 г.), Новгорода (1302 г.) Пскова (1309 г.), Изборска (1330 г.) был шестым на северо-западе Руси цельнокаменным укреплением. К тому же Орешек, если сравнить летописные сообщения, явился первой крепостью, получившей при сооружении, очевидно, фланкирующие каменные башни-костры. ⁴⁰ Похоже, что именно события 1348—1352 гг. ускорили рождение и распространение на Руси нового типа многобашенных каменных сооружений. На приневских берегах был, таким образом, опробован новый фортификационный прием, который через два-три десятилетия стал общей необходимостью и позволил резко активизировать всю систему обороны городов. Итак, в истоке Невы в 1352 г. на месте уязвимого городка возникла технически передовая для своего времени многобашенная ка-

³⁷ Новгородская первая летопись... с. 100.

³⁸ Аleshковский М. Х. Новгородский детинец 1044—1430 гг. — Архит. наследство, 1962, № 14, с. 26.

³⁹ Монгайт А. Л. Оборонительные сооружения Новгорода Великого. — МИА, 1952, № 31, с. 26 след.

⁴⁰ Ср.: Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII—начала XVI в. М., 1962, с. 108. — Распространение каменных башен, как показал П. А. Раппопорт, было подготовлено деревянными постройками аналогичного назначения (см.: Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества..., с. 50 след.: рис. 39, 47). Что касается принципа фланкирования стрельбы, то он стал применяться при устройстве балтийских средневековых крепостей в последней четверти XIII в. (Tuulise A. Borgar i västerlandet. Stockholm, 1952, p. 193).

менная твердыня. Враги серьезно не покушались на нее в течение не менее чем 150 последующих лет.

Об ореховской островной крепости новгородской поры сохранились немногие свидетельства. В 1386 г. «погоре все внутри во Орешке и сам город попортися и новгородци прислаша Василья Кузмина Ореховскаго города починивати и костров». ⁴¹ Речь, следовательно, идет о ремонте стен и башен, поврежденных пожаром. В 1447 г. шведы и ливонцы при нападении на Новгородскую область договаривались о захвате привеской твердыни. По наказу Великого Новгорода в 1460 г. князь Василий Васильевич «покрепил Орешка городка». ⁴² Это «покрепление» скорее всего было связано с приспособлением крепости (включая посад, о чем скажем ниже) к растущему воздействию огнестрельного оружия. Упомянутый князь-военачальник через два года собрал рать против шведов (в которую входили «ореховские сельники»), но до столкновения дело не дошло.

Оборонительные постройки

Крепость 1352 г. на поверхности земли не сохранилась. Представлялось, что ее остатки надо искать в основании более поздних оборонительных построек. Молва, записанная в формуляре Шлиссельбургской крепости (рукопись 1874 г.), утверждала, что эти стены и башни были сложены из булыжного камня, одетого с обеих сторон плитой. ⁴³ Найти исчезнувшую крепость казалось маловероятным. И вдруг у стен церкви XIX в., в центре крепостного двора, почти непосредственно под современной мостовой (на глубине 0.3—0.5 м), во время раскопок 1969 г. показался ряд валунов. Их расчистили, и стало ясно, что это не отдельные камни, а необычная для данных мест кладка, состоящая из крупных (в поперечнике до 0.5—0.7 м) и мелких валунов на известковом растворе, с лицевыми выравнивающими прокладками серого, коричневатого и зеленоватого плитняка ⁴⁴ (рис. 43).

Направлялось предположение о дворце, тереме, церкви, отдельно стоящей башне. Из земли между тем открылась внушительная стена толщиной 2.7—3.3 м. Верх ее оказался срезанным примерно на один уровень (рис. 44). Кладка связана известковым раствором кремового оттенка с примесью кварцевого песка и глинистых включений (обычная ширина швов 2—4 см). Камни, пролитые раствором, возвышались на высоту 1.3 м: ниже видны пустоты от торцов сгнивших бревен-лежней, располагавшихся перпендикулярно к наружной плоскости стены на расстоянии 1.5—2 м друг от друга. Еще ниже ряда лежней (на глубине от 1—1.3 до 2.3—2.6 м от верхнего среза стены) начиналась кладка из трех-четырех рядов крупных валунов (без плиты), уложенных не на рас-

⁴¹ Новгородская IV летопись, с. 93.

⁴² Летопись Авраамки, с. 202.

⁴³ ЦГВИА, ф. 802, оп. № 43, л. 2 об.

⁴⁴ Определенной системы чередования плиты и валунов на лицевых поверхностях стены нет. Крупные валуны находились на наружных поверхностях кладки, мелкие образовали ее забутовку.

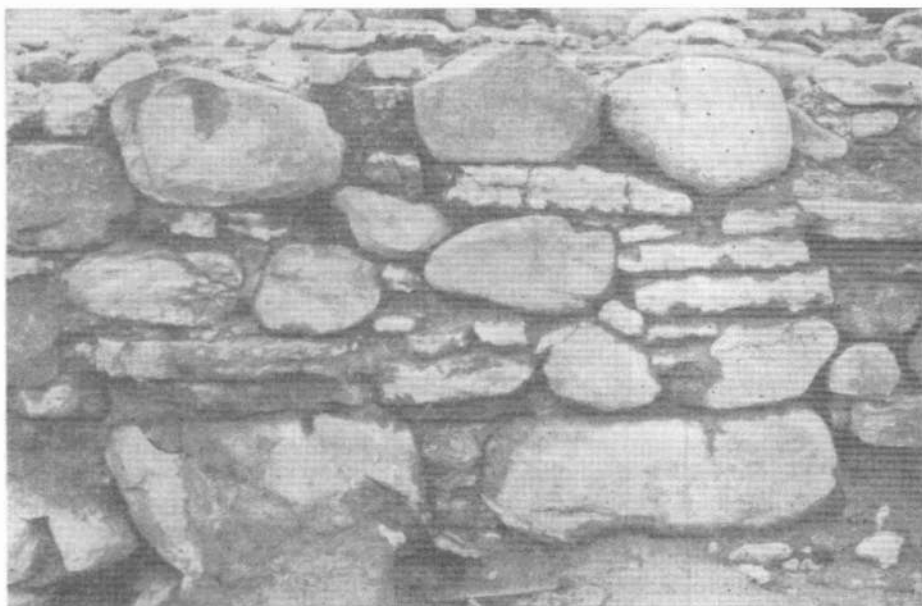

Рис. 43. Участок фронтальной стороны стены 1352 г.

Рис. 44. Северная стена крепости 1352 г. (в процессе раскопок).

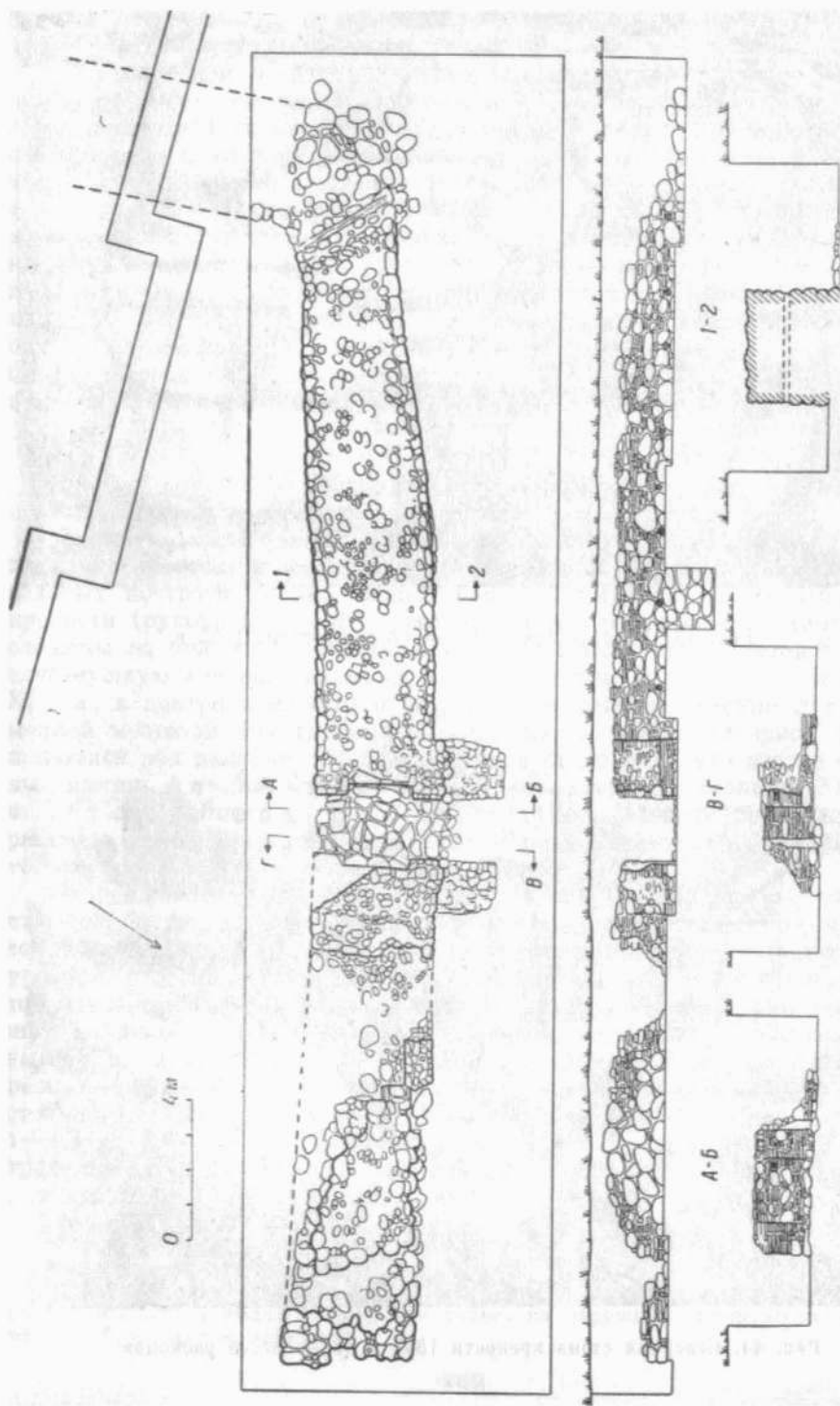

Рис. 45. Северное прясо стены 1352 г. План, фасады и разрез.

творе, а на глине. Сухая кладка являлась «подземной» фундаментной частью стены и, судя по примыканию тонкого культурного слоя с черепками XIV—XV вв., в древности большей частью прикрывалась землей. Подошва стены заложена прямо на материковую глину.

Обнаруженный в 1969 г. 35-метровый по длине участок оказался лучшим по сохранности северным пряслем стены четырехугольного укрепления (рис. 45), в ходе работ последующего года вскрытого почти по всему доступному периметру.

Части западного прясла стены были открыты на глубине 0.1—1.5 м.⁴⁵ Кладку частично перекрывал слой с черепками XVI в. Крупные и мелкие валуны лежали в один-два ряда без раствора, достигая по высоте (от подошвы) 1 м. Ширина стены, сохранившейся здесь в основном только в фундаментальной части, — 3.1—3.5 м.

17-метровый по протяженности массив кладки восточного прясла был обнаружен в районе стены крепости московского периода у ворот, выходящих к Ладожскому озеру (рис. 46). Его конструкция не отличалась от описанных выше. Этот участок кладки был использован в качестве уступа лестницы крепости конца XV—начала XVI в.

Южное прясло стены не сохранилось, так как попало в трассу более поздних стен крепости московского периода и было уничтожено. Местоположение этой преграды, однако, угадывается по завороту западного прясла. Поисковые шурфы в данном районе обнаружили сплошную каменную вымостку внутри описанных стен. Речь, очевидно, идет о замощении части двора в пределах ограждения 1352 г.

Все выявленные в 1969—1970 гг. участки стен общей протяженностью около 200 м (стена в ряде мест разрушена постройками XVIII—XX вв.) позволили достоверно воссоздать три прясла сооружения, охватывавших самую высокую, юго-восточную часть острова площадью 90×100 м. Восстанавливается длина северной, восточной и западной стен этого ограждения (соответственно 90, 83, 83 м) и предположительно южной (около 95 м); следовательно, по своему плану укрепление приближалось к прямоугольнику (или трапеции) и общая длина его стен достигала 351 м (рис. 42).

Прясла стен имеют местами некоторый выгиб и свидетельствуют, что разбивка плана была осуществлена без идеальной угломерной точности. Имел отношение к этому и рельеф местности: так, например, изгиб участка восточной стены следует изгибу береговой линии. При этом почти соблюден бросающийся в глаза регулярный принцип размещения стен — все прясла относительно прямолинейны, что несомненно связано с желанием создать замкнутое ограждение с приблизительно равномерной протяженностью всех четырех фронтов.

Примерно на середине длины вскрытой северной стены укрепления был обнаружен проездной проем, снабженный парными боковыми пилонами (рис. 47). Ширина прохода 1.6—2.3 м; сохранилась и его вымостка. Ворота (это видно на пилонах) уцелели (на высоту 1.45 м от вымостки прохода) до пяти арочного свода. Наружные части ворот усилены двумя боковыми выступами, и в их толще открыты гнезда двух

⁴⁵ Местами кладка западного прясла стены выступала прямо на поверхность земли.

вертикальных бревен, приспособленных, очевидно, в качестве пазов для движения опускающей решетки — герсы. Воротное полотнище находилось за герсой. Его местоположение определяется двумя пазами для пропуска воротного засова (рис. 48). Этот засов мог полностью утапливаться в западной половине ворот, где глубина паза составляла 3 м. В отделке ворот (в отличие от прилегающей стены) плит больше, чем валунов, что обусловлено наличием выступов и соединением плоскостей под прямым углом. Толщина плит 6 см и более, ширина 32—62 см; швы раствора между ними равны 1—2 см. Общий размер ворот (в плане 5,1 × 4,5 м), наличие остатков арочного свода и двух наружных пилонов-выступов дают возможность представить Воротную башню по меньшей мере с одним ярусом боя, расположенным над проходом (рис. 49).

В кладке, прилегающей к башне с востока, обнаружен угол ниши, возможно бойницы или камеры для прохода во второй этаж башни (толщина наружной стенки ниши 0,8 м). Таким образом, северное прясло включало двух- или трехъярусную Воротную башню, снабженную опускающей решеткой.

Остатки второй, теперь уже угловой, башни обнаружены в юго-западной части укрепления. Здесь сухая валунная кладка сохранилась очень плохо, но видно, что она выходит за пределы линии стены (рис. 50). В этом же месте улавливается также поворот стены в восточном направлении. Продолжение стены, т. е. южное прясло, в данном месте «перебито» фундаментом монетного двора, построенного в первой четверти XVIII в. Весьма вероятно, что укрепление имело и другие башни, которые до нашего времени не сохранились.

Стены и башни, раскопанные в 1969—1970 гг., судя по всему были не разрушены во время какой-либо осады, а преднамеренно сломаны примерно на один уровень при строительстве в начале XVI в. фортификации, приспособленной к пушечному бою,⁴⁶ и местами перекрыты слоем с находками XVI—XVII вв. При расчистке кладки оказалось, что развал ее разрушенной части тянется в напольную сторону на 30—40 м. Камень свесенных частей постройки, видимо, не предназначался для дальнейшего использования — его просто рассыпали по поверхности. В районе же восточного прясла он лежал сплошной 2-метровой по высоте массой. Под развалом с наружной стороны вокруг уцелевших частей стен открылась древняя поверхность, которая по направлению к напольной части острова через каждые 5 м падала на 0,4 м. Она была плотно утрамбована по известковой подсыпке. Речь, очевидно, идет о специально подготовленной 25-метровой по ширине площадке перед укреплением — эспланаде, насколько мне известно, археологически прослеживаемой впервые.

Полное выявление стен, башен и границ сооружения, а также воссоздание его плана явилось одним из главнейших достижений работы экспедиции по изучению древнего Орешка (рис. 51, 52). Сразу возник вопрос об интерпретации найденного бесспорно военно-инженерного со-

⁴⁶ Возраст постройки в определенной мере устанавливается дендрохронологически по срубам бревен строительного ограждения стены, извлеченной при раскопках пятадели. Даты этих срубов — 1514—1525 гг. (Колчин Б. А., Черных Н. Б. Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977, с. 109).

Рис. 46. Отрезок восточного прясла стены 1352 г.

Рис. 47. Нижняя часть Воротной башни.

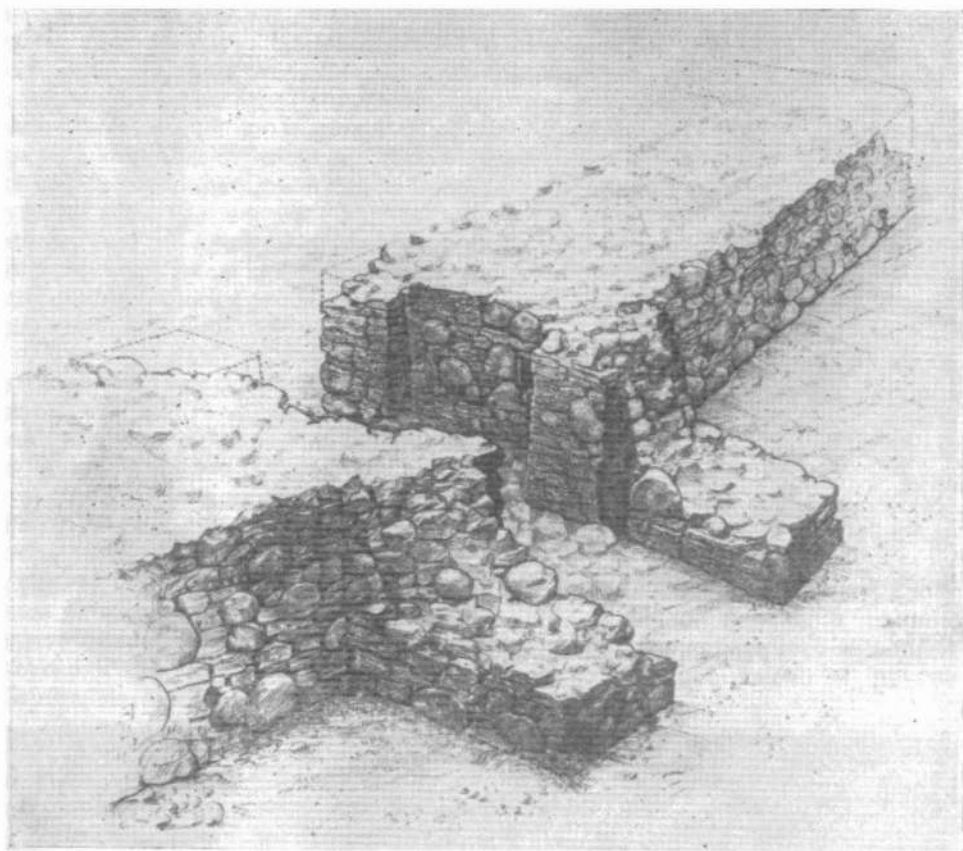

Рис. 48. Сохранившиеся части Воротной башни. Рисунок В. М. Савкова.

оружения. Идентичность техники кладки, отсутствие всюду каких-либо разъединяющих швов, единство в размерах, одинаковость строительного материала и раствора на исследованных участках убеждали, что перед нами одновременно построенное укрепление. Причем характер и приемы кладки, детали устройства, стратиграфия, находки — все указывало на XIV в. как время его создания.

Именно в этот век общего усиления крепостных сооружений преграды, возведенные на фундаменте из диких камней и состоящие по внешней поверхности из валунов и плитняка, все шире применяются во псковской и новгородской военной архитектуре, причем самые близкие аналогии оказались в Новгороде (стены детинца 1331—1334 гг.)⁴⁷

⁴⁷ Такие особенности стены Новгородского детинца, как ширина, равная 3,3—3,5 м, устройство ее фундамента из дикого камня не на известковом растворе, а на глине, напоминают конструкцию ореховского укрепления (ср.: Алешковский М. Х. Новгородский детинец 1044—1430 гг., с. 21).

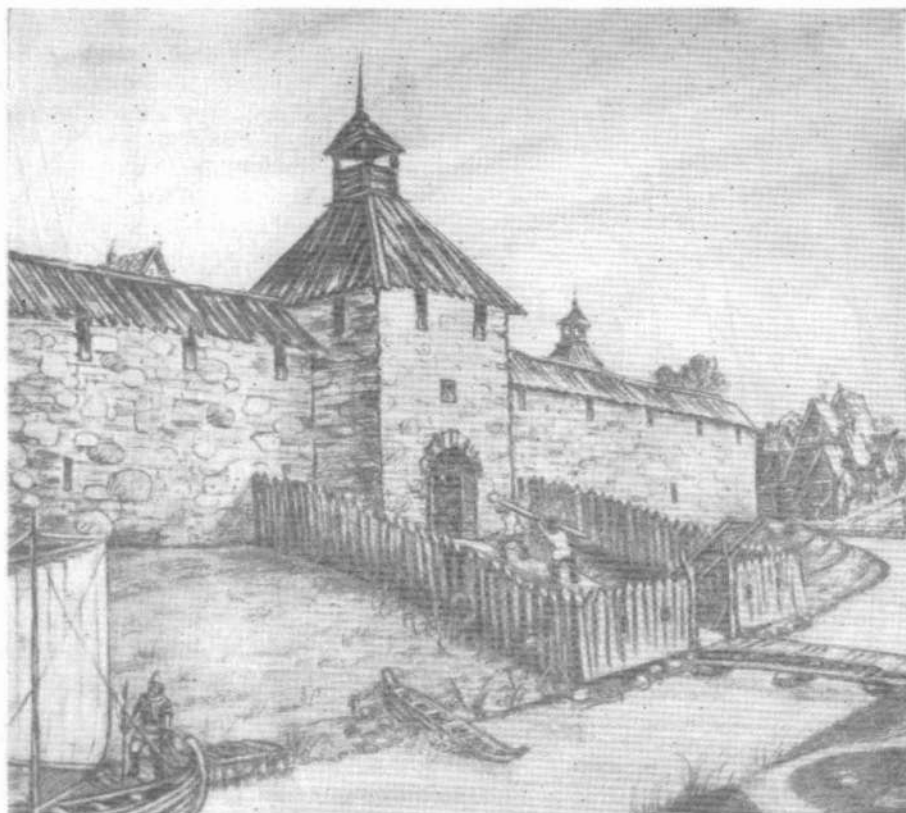

Рис. 49. Воротная башня. Реконструкция В. М. Савкова.

и Пскове (остатки стены 1309 г.).⁴⁵ В Новгороде же А. В. Ардиховским открыта стена 1335 г., прослеженная с перерывами на 196 м.⁴⁹ Ширина ее, так же как и ореховской, 3 м. но сложена она из плит (валунный только фундамент) и в плане гораздо более криволинейна.

Ореховская Воротная башня своим устройством несколько напоминает такие же сооружения Новгородского острога конца XIV в.; правда, она меньше последних.⁵⁰

⁴⁵ Эти остатки, археологически выявленные в 1976 г., представлены фундаментом из двух рядов валунов шириной до 3,5 м. На валунах покоилась плитняковая кладка (Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Щапова Ю. Л. Раскопки в Пскове. — В кн.: АО 1976 г. М., 1977, с. 23).

⁴⁹ Ардиховский А. В. Раскопки на Славне в Новгороде. — МИА, 1949, № 11, с. 132—135.

⁵⁰ Косточкин В. В., Орлов С. Н., Раппопорт П. А. Новые данные об укреплениях Новгородского острога. — В кн.: Памятники культуры. М., 1961, вып. 3, с. 73 след.; Алешковский М. Х., Красноречьев Л. Е. О датировке вала и рва Новгородского острога — СА, 1970, № 4, с. 62, 63, рис. 2 на с. 61.

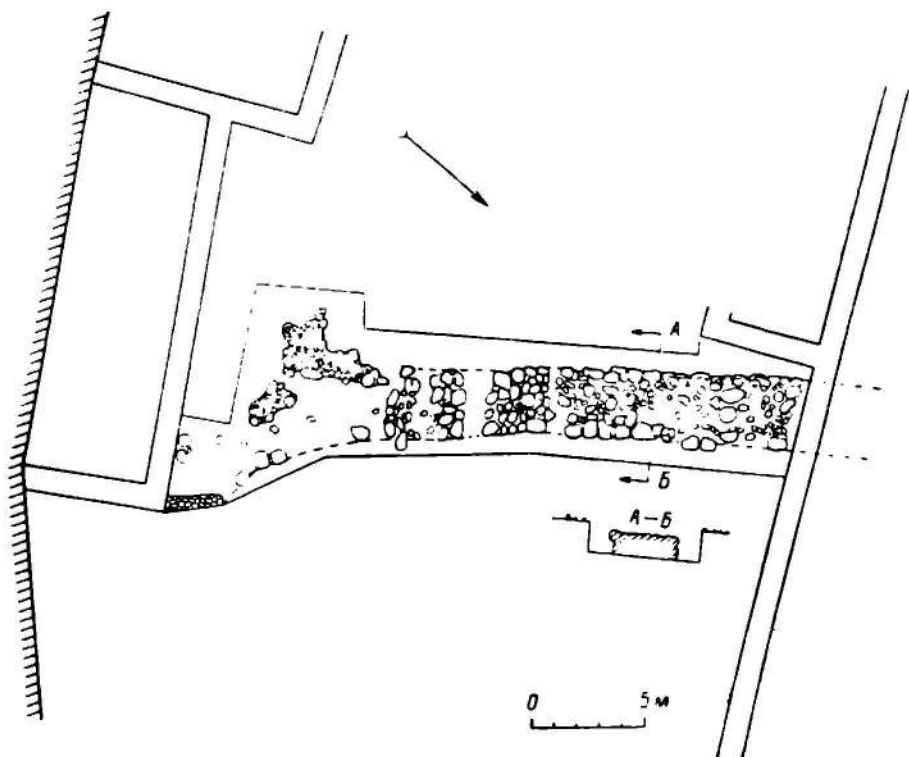

Рис. 50. Отрезок западного прясла стены 1352 г.

При всех сравнениях крепость 1352 г. во многих деталях явилась объектом новым и редким. Речь идет о памятнике архитектуры общерусского класса, сооружении, новаторском для своего времени.⁵¹ Из всех дошедших построек доогнестрельного периода ореховская стена — одна из лучших по сохранности и обилию деталей, а Воротная башня — ныне древнейшая из всех дошедших на северо-западе Руси средневековых башен. Древнейшей является и ее герса (появление герс относили к XV в.).⁵² Вынос Воротной башни, равный 2 м, предполагает некоторую возможность фланкирования с верхнего яруса боя. Такой же или даже большей возможностью обладали, очевидно, и другие башни. Думаем, что расстановка башен была в данном случае подчинена принципу сплошного околостенного фланкирующего прострела. Обращают, далее, внимание прямоугольное построение плана и заданная длина прясел

⁵¹ Остатки древнейшей русской каменной твердыни решено экспонировать в специальном музейном павильоне. Предназначенный для этого участок стены ныне закрыт временным деревянным колаком.

⁵² Косточкин В. В. Оборонительные сооружения древней Тулы. — В кн.: Памятники культуры. М., 1960, вып. 2, с. 76.

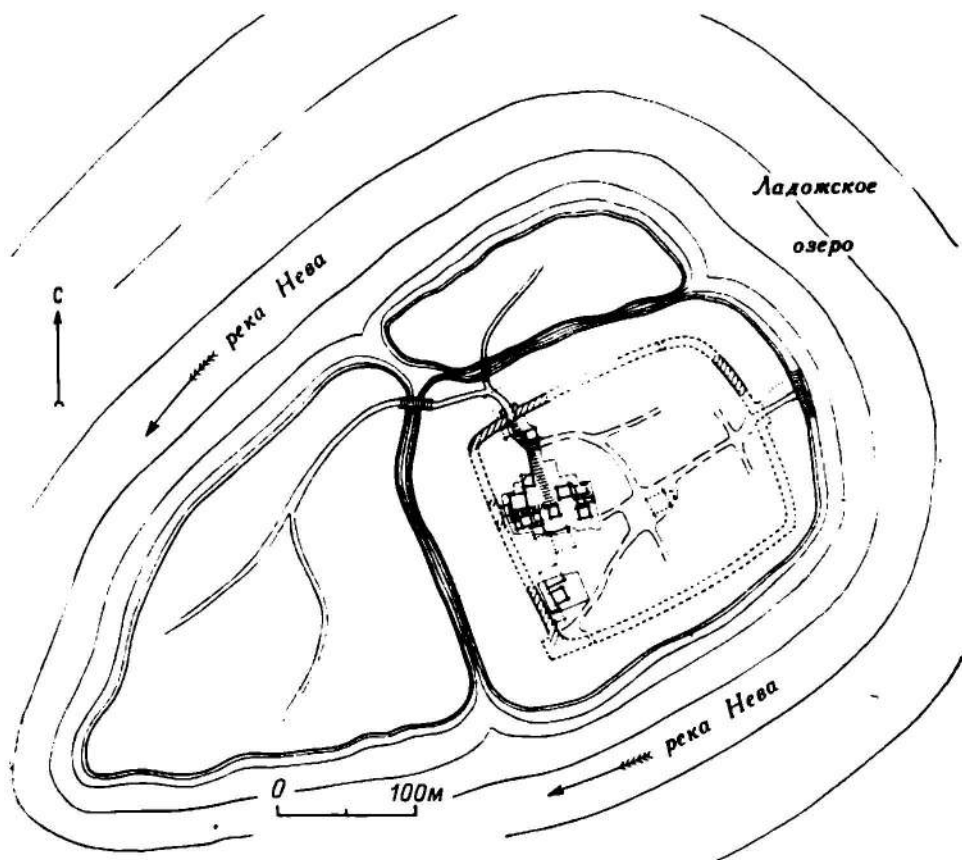

Рис. 51. Орехов 1352 г. План-реконструкция. Показана одновременная стенам раскопанная часть застройки. Чертеж Е. Г. Араповой, В. И. Кильдюшевского и автора.

(83—95 м), сопоставляя с обычным средним перестрелом из лука или арбалета.

Трапециевидные и прямоугольные по плану крепости спорадически строились на Руси в X—начале XVI в. Постоянство, с которым возводились сооружения этого типа в разных районах и в разное время, наводит на мысль, что их использование не было таким эпизодическим и разрозненным, как может показаться с первого взгляда. До сих пор, в частности, считали, что крепости подобных очертаний (с прямолинейными пряслами стен) появились на северорусской территории лишь с середины XV в. прежде всего в Псковской земле (Володимирец, Кобыла, Красный Городок и др.).⁵³ На примере Орехова (возможно, уже четырехугольного в 1323 г.), а также Орлеца, построенного в 1342 г.⁵⁴ и

⁵³ Раппопорт П. А. 1) Очерки по истории военного зодчества..., с. 86 след., рис. 71—74; 2) Военное зодчество Западнорусских земель X—XIV вв. — МИА, 1967, № 140, с. 45 след.

⁵⁴ Овсянников О. В. Орлецкое городище. — КСИА, 1963, вып. 96, с. 116—119.

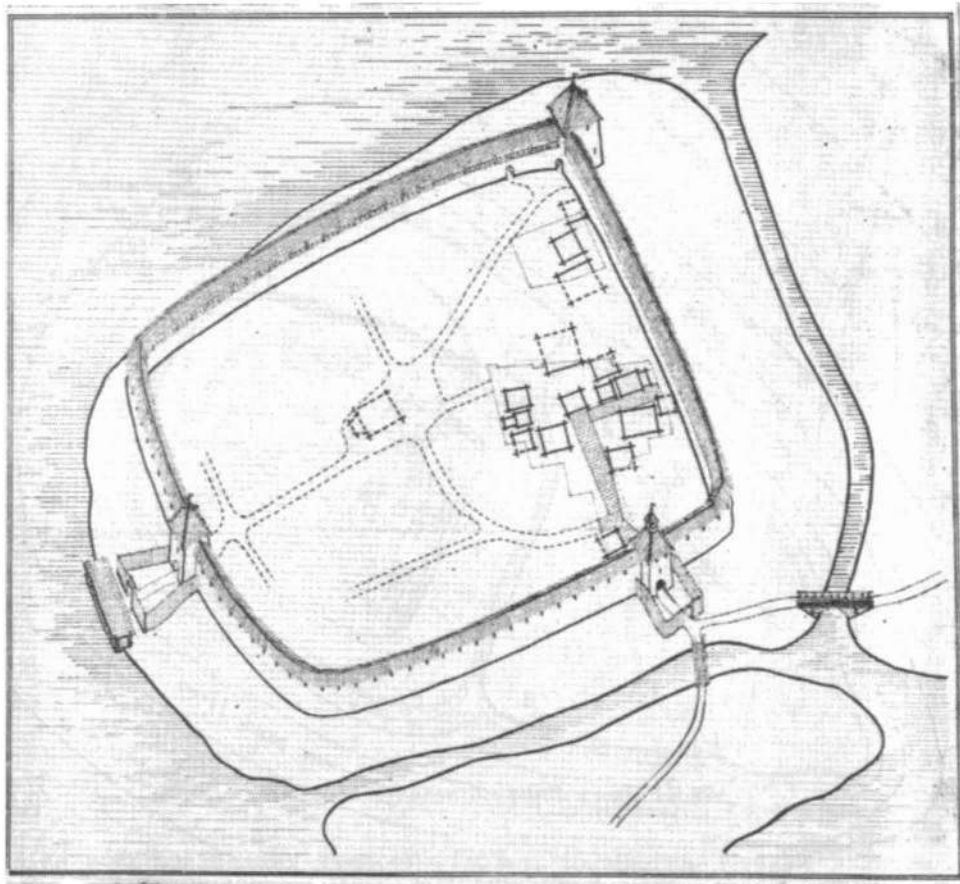

Рис. 52. Ореховская крепость 1352 г. Реконструкция Е. Г. Араповой, В. И. Кильдюшевского и А. Н. Кирпичникова.

Ямы (о ней см. ниже) видно, что военные объекты упомянутой формы сооружались на севере веком раньше и в свою очередь могли отражать еще более глубинные традиции древнерусского градостроения. Общая особенность таких крепостей X—XV вв. в том, что их длинная сторона обычно обращена к наиболее безопасной зоне (обрыву, реке, озеру, болотистой низине), а короткая (одна или две) расположена с приступа. Плановая структура рассматриваемых крепостей отличается выраженной регулярностью — их стороны, даже если они несколько скруглены, имеют прямолинейный характер. При этом длина прясел определялась размером, кратным наиболее эффективной дистанции прицельной стрельбы из лука или арбалета (около 75 м). Перед нами, следовательно, сооружение, пригодные как для периметральной, так и для сосредоточенной обороны, а также удобные для ликвидирующего мертвые пространства размещения башен и въездов.

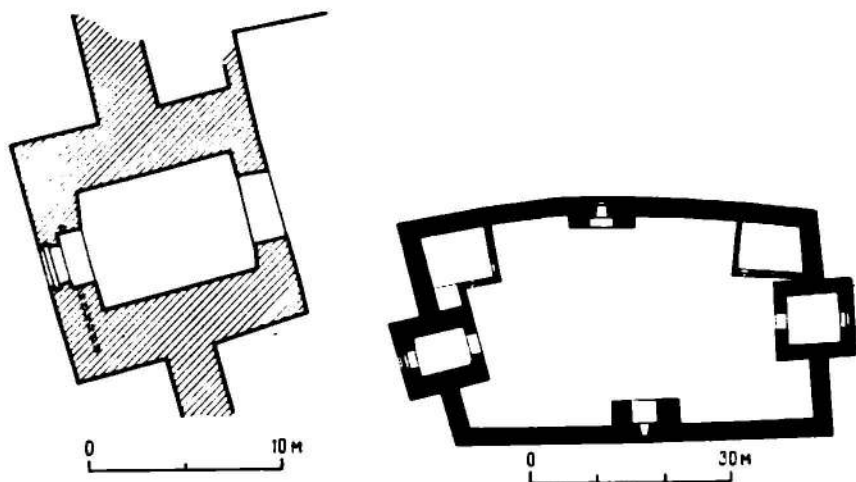

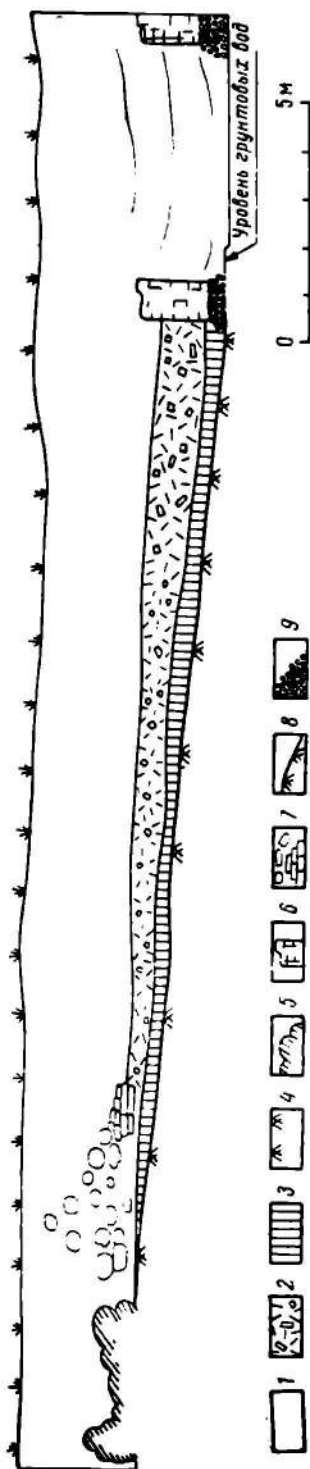
Рис. 53. Замок Або. План крепости и одной из башен (по Н. Гардбергу).

Наиболее сопоставим с Орешком 1352 г. упомянутый выше Орлец, построенный в низовьях р. Двины. Система обороны этой крепости базировалась на использовании нескольких рядов валов и рвов, что напоминает восточноевропейские укрепления второй половины XII—XIII в. Примечательной, однако, является главная напольная каменная стена (сохранилась в остатках), состоящая из двух прямоугольных отрезков, сходящихся под тупым углом. В плане Орлец был первоначально, как выяснил О. В. Овсянников, трапециевидным или скошенно-четыреугольным. Все эти признаки свидетельствуют о некоторой регулярности.⁵⁵ В отличие от Орешка в Орлеце еще не было фланкирующих башен, а Воротная, будучи угловой, находилась в линии стен, т. е. не выступала в сторону поля. Крепость на Двине можно поставить в ряд близких не только хронологических, но и типологических предшественников более сложного укрепления на р. Неве.

Здесь встает в значительной мере новый для отечественной историко-фортификационной науки вопрос: откуда появился на Руси тип каменного многобашенного укрепления. Новейшие исследования подчеркивают резкое различие путей развития (начиная с XIII в.) оборонительных сооружений Руси и граничащих с ней с запада стран. По-видимому, теперь можно смягчить такое императивное суждение, обратившись, в частности, к архитектуре прибалтийских средневековых бургов. Речь идет о крепостях так называемого кастельного типа, в плане прямоугольных или квадратных и, как правило, снабженных одной или несколькими башнями.⁵⁶ В Прибалтике подобные укрепления появляются

⁵⁵ Овсянников О. В. Каменный кремль XIV в. в низовьях Северной Двины. — КСИА, 1976, вып. 139, с. 114—117, рис. 1. 2.

⁵⁶ В узком смысле под кастеллом (от латин. *castellum*) понимают римский укрепленный военный лагерь регулярной четырехугольной формы (Tullise A. *Burgen des Abendlandes*. Wien; München, 1958, S. 63 sq.).

еще в XII в. и во второй половине следующего столетия принимают характерную форму, сочетающую признаки бурга и монастыря. Не случайно многие замки кастельного типа служили пристанищем или были приспособлены для нужд рыцарских орденов. Постройки этого образца развились на севере Европы под влиянием рейнской военной архитектуры, в свою очередь унаследовавшей античные (точнее — римские) традиции сооружения полевых военных лагерей.⁵⁷

На востоке Европы замки-кастеллы строились там, где проходили железные когорты датчан, шведов и немцев. Бурги крестоносцев как на Ближнем Востоке, так и у границ Новгородской Руси и Литвы предвещали угрозу порабощения и захвата земли. В этих новых обстоятельствах новгородцы (а затем и псковичи), до конца XIII в. (за исключением Ладоги) не имевшие каменных крепостей, при укреплении своей северо-западной границы не могли не обратить внимание на фортификацию ближайших западных соседей. По внутреннему устройству, обычно небольшому размеру и плановой структуре ордено-балтийские замки резко отличались от русских государственных крепостей. Объектом подражания в данном случае могла послужить не вся постройка, а ее отдельные конструктивные узлы. Действительно, по устройству своих башен, расположению и конфигурации примыкающих стен замок Або (1280—1290 гг.),⁵⁸ (рис. 53) королевская

⁵⁷ Drake K. Die Hämeenlinna im Mittelalter. — SMYA. 1968, Bd 68, S. 37.

⁵⁸ Cardberg C. J. Turun linnan vanhin rakennusvaihe ja sen kulttuurihistoriallinen tausta. — In: Eripainos Turun kaupungin historiallisen museon Vuosijulkaisusta 30—31, 1966—1967. Turku, 1967. — Близкой аналогией Орехова 1352 г. являются также литовские крепости Медвинкай и Креве, возведенные в 1320—1350 гг. (Абрамаускас С. К вопросу генеза крепостных сооружений типа кастель в Литве. — Науч. тр. высш. учеб. завед. Лит. ССР. Стр-во и архитектура, III, 1963, № 1, с. 73 след.).

Рис. 54. Предполье крепости 1352 г. Профиль зоны между стеной и каналом.

1 — слой XVI—XIX вв.; 2 — развал стены 1352 г.; 3 — слой XIV—XV вв.; 4 — материк; 5 — стена 1352 г.; 6 — стенки канала XVI в.; 7 — кладка XVIII в.; 8 — утрамбованная поверхность перед стеной — аспланада; 9 — щебень.

резиденция Кальмар (конец XIII в. или несколько позже),⁵⁹ первоначальные башни и стены Нижнего города Таллина (1330—1340 гг.)⁶⁰ близко напоминают Орешек 1352 г. Подысканные соответствия настолько очевидны, что с их помощью можно представить несохранившиеся верхние части крепости в истоке Невы. Ее стены достигали, видимо, 5—6 м высоты, а башни, учитывая островное положение укрепления, лишь немногим возвышались над стеной⁶¹ (рис. 49, 52). К числу вероятных общих северобалтийских архитектурных элементов Орешка относятся способ полубутовой кладки из плиты и дикого камня, наличие в прямоугольном прясле средистенной воротной башни, устройство въезда с герсой. Как бы ни оценивать ореховское укрепление, при его объяснении нельзя обойтись без привлечения широких европейских аналогий. Речь, по-видимому, идет об естественном усвоении и использовании на севере Руси в период активизации каменного военно-инженерного строительства некоторых общепалтийских форм оборонного зодчества.

При всех сравнениях несомненно и своеобразие ореховского укрепления, выразившееся в отсутствии донжона и примыкавших к стенам каменных жилых построек. В целом крепость 1352 г. явилась оригинальным произведением инженерно-гибридом, в котором объединились местные и иноземные инженерно-строительные достижения и традиции.

Открытие каменного кремля 1352 г. дало ключ к разгадке всей исторической топографии острова. На расстоянии 25 м перед крепостью архиепископа Василия был обнаружен погребенный 3-метровый толщей земли канал, разрезавший остров пополам (рис. 42). В 1969 г. трассу канала удалось проследить более чем на 110 м. Боковые стенки протоки были облицованы в 1435 г. трехстенными срубами (как показал дендрохронологический анализ спилов бревен), а местами каменными подпорами высотой 1.35—1.4 м (устроены в XVI в.). Площадка вдоль берегов представляла мостовую с перилами. Эта редчайшая для городской средневековой Руси деревянная набережная трассирована раскопками на протяжении около 25 м. Канал достигал ширины 3.3—4.8 м, в своей половинной части функционировал еще в XVI в. (рис. 54). В таком виде он и зафиксирован на шведских чертежах и описаниях XVII в., когда его стали засыпать. Если канал частично действовал в XVI в., а столетием раньше был благоустроен по всей длине, то не исключено, что он возник еще в XIV в. и выполнял роль гавани и рва перед крепостью 1352 г. Такой ров затруднял бы подступы к укреплению и отрезал крепость от западной части острова, служившей плацдармом для наступающего врага. От этого опасного «пятка» ореховцы избавились после того, как он стал городским районом.

Оборудование канала связано с тем временем, когда это сооружение стало внутренней водной магистралью города, занявшего весь остров.

⁵⁹ Tuulse A. Borgan... Abb., p. 195.

⁶⁰ Zobel R. Tallina linnamüür. Tallin, 1966, p. 17 sq., joon 30 (башня Нупня-вярав).

⁶¹ Для сравнения отметим, что стены Стокгольма (1248—1266 гг.) были равны по высоте 6.6 м, по толщине 2.3 м, крепости Хяме (1260—1290 гг.) — 5—6×2.5 м. Або (1280—1290 гг.) — 9×2.7 м, Висби (конец XIII в.) — 5.5×1.3 и 6×2 м, Ревеля — 5.9—6.3×1.3—2.3 м.

На западной, противоположной укреплению 1352 г., стороне острова раскопками были открыты остатки спланированных по определенной системе деревянных построек, по показанию дендрохронологии существовавших со второго десятилетия XV в.⁶² Формирование данного повозаселенного района отражено в одном летописном известии: в 1410 г. «заложиша город камен у Орешка около посада».⁶³ Сам по себе приведенный факт свидетельствовал об относительном подъеме городского строя, ибо немногие города Русь того времени имели каменные кремни, сочетавшиеся с каменными же посадами. Таким городом, к примеру, был Псков. Что представлял собой этот посад и где пролегал его ныне не сохранившаяся каменная стена?

Поначалу нам казалось, что остров мал для посада и местонахождение последнего следует искать на близлежащих берегах Невы. Археологическая разведка, проведенная в 1968—1969 гг., обнаружила на обеих сторонах р. Невы керамику XVI в., т. е. впервые удостоверяла следы заселения берегов Орешка. Эти части города отрезаны от крепости водным пространством, пожалуй, наиболее широким (около 400 м), чем где-либо в другом городе средневековой Руси. В дальнейшем названное обстоятельство неблагоприятно скажется на росте Орешка — уж слишком были разобщены и беззащитны его разрезанные водой части. Тогда же выяснилось, что невские берега в районе острова приобрели значение посадов не позднее второй половины XV в. и при этом не были укреплены ни каменными, ни деревянными заграждениями.

В соответствии с буквальным смыслом летописного указания «у Орешка» первоначальный посад естественней было искать на самом острове. Это предположение подтвердилось. В 1970 г. в западной части острова, у Головной башни, на глубине 2,3 м открыты характерный для стены новгородского Орешка развал камней и специфические для данного сооружения куски раствора. К сожалению, вся толща культурного слоя здесь сплошь нарушена канализационной и водопроводной системой начала XX в., что и привело к разрушению посадской стены. Далее, в 1975 г. во время прокладки кабеля почти вплотную к южной стене крепости начала XVI в. был обнаружен 8-метровый по длине массив валунов высотой около 2 м, шириной до 3,5 м, уложенных примерно в четыре ряда. Два нижних ряда представляли фундаментную основу и были вкопаны в материк, а два верхних были пролиты известковым раствором кремового цвета с насыщенной примесью песка.⁶⁴ В кладке кое-где оказались выравнивающие прокладки плитняка: она отдельными зондажами прослежена на трассе 50 м, а в одном месте расчищены три ряда известковых плит, лежащих на валунах. Несомненно, что речь идет о стене посада 1410 г., выполненной примерно в приемах кладки укрепления 1352 г. Судя по тому, что обнаруженная преграда тянется вдоль береговой линии, она окружала всю часть острова, расположенную к западу от рва-канала (рис. 42).

После приращения посада весь остров оказался прикрытым каменным панцирем стен и, очевидно, к 30-м гг. XV в. большей частью за-

⁶² Колчин Б. А., Черных Н. Б. Дендрохронология..., с. 109, 110.

⁶³ Летопись Авраамки, с. 159.

⁶⁴ Кильдюшевский В. И. Раскопки древнего Орешка, 1976, с. 17.

строенным. О двухчастном делении укрепленного поселения автор начала XVII в. А. М. Родосhevский, подытоживая практику предшествующего времени, писал: «...чтоб вышеград (новое появившееся в XV в. название кремля или детинца,—А. К.)⁶⁵ против посадского града стеною твердой укрепить, а окольной град от вышеграда просто было и не укреплено».⁶⁶ Действительно, ореховский посад отделялся от вышгорода-кремля лишь внутриостровной протокой, которая служила как военной преградой, так и вместительным судам. Ширина канала была достаточной для пропуска и стоянки речных кораблей. Орешек новгородской поры был не только крепостью, но и портовым, торговым центром.

Судоходные связи Новгорода с Западом осуществлялись главным образом по Волхову, Ладожскому озеру, Неве. Особенно возрастала роль этой водной артерии в периоды запретов, так сказать, сухопутной торговли немцев в самом Новгороде. По Неве в XIV—XV вв. шла торговля солью, сельдью и иными товарами. В ней участвовали купцы из Нарвы, Выборга, Ревеля, в меньшей мере и других городов. По Неве направлялись за рубеж и повгородцы. Пытаясь помешать этому движению, прибалтийские государства отказывали им в гарантиях безопасности, словами того времени — в чистом пути. Например, в 1426 г. должностные лица Дерпта заявили, что если новгородцы хотят посещать Неву и ездить в море, то должны сами о себе беспокоиться, «так как море имеет много углов и много островов и истари не было чистым».⁶⁷

При проезде через новгородские владения западные купцы пользовались услугами русских лодочников, лоцманов, возчиков, поспыщиков. Орешек был первым речным городом на пути заморских гостей и паряду с Ладогой выступал организатором транспортного движения. В нем, как и в Новгороде, имелись судовладельческие корпорации. Так, в 1412 г. немецкие купцы запрещали своим людям пользоваться лодками, принадлежавшими ореховцам Уске и Луке и повгородцу Кузьме Царькину.⁶⁸ Не правились немцам и действия русских «речных товариществ», требовавших платы за обратный рейс без фрахта и налог за незагруженные ладьи. Открытое судоходство затрудняли и претензии заморских купцов, и пограничные недоразумения, и набеги пиратов. К примеру, в 1392 г. ореховцы без помощи новгородцев расправились с морскими разбойниками: «Того же лета пришедше из моря разбойнице немце в Неву, взяша села по обе стороне реке за 5 верст до городка, до Орешка, и князь Симсон с городяны сугнавшие нных пзбиша, а нных разгоннша, и язык в Новгород приведоша».⁶⁹

Орешек являлся не только центром мирного судоходства по Неве и защитником земледельческой округи, но и базой военного флота. Об этом

⁶⁵ Вышний город впервые упомянут Новгородской первой летописью под 1410 г. В произведении 1499 г. русский книжник счел необходимым слово «кром» пояснить словом «вышгородец» (см.: Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1976, вып. 3, с. 276).

⁶⁶ Михайлов О. [А. М. Родосhevский] Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки. СПб., 1777, ч. 1, с. 94.

⁶⁷ Казакова Н. А. Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV веке. — Ист. зап., 1949, т. 28, с. 128.

⁶⁸ Hansisches Urkundenbuch. Leipzig, 1899, Bd 5, S. 540.

⁶⁹ Новгородская летопись..., с. 385.

мы судим по одному косвенному воспоминанию. Во время новгородско-ливонской войны 1443—1448 гг. шведский наместник в Выборге послал на Неву лазутчика, и тот, побывав в Орешке, разведal, что русские собирались отправить под Нарву на ладьях 2500 человек. «Но ему никак не удалось распросить, сколько ладей их туда повезут. И эти самые ладьи должны отвезти туда (к Нарве, — А. К.) весь их провиант и снаряжение».⁷⁰ Ладья вмещала до 50 человек; следовательно, речь могла идти о флоте, насчитывавшем не менее 50 судов. В тексте цитированного документа Орешек как пункт выхода боевых кораблей прямо не назван, но на Неве он с его укрытыми от посторонних глаз каналом и причалами был самым подходящим местом для сосредоточения такой флотилии.

Показателем достаточной зрелости городской жизни является упоминание ореховских горожан («городчан»). Впервые они названы в 1436 г. и в дальнейшем выступают как самостоятельная политическая и военная сила. Так, в 1384 г. вследствие жалобы ореховцев и жителей Корелы был смещен наемный князь Патрикий Наримонтович. Городчане пользовались доверием в Новгороде и в случае нужды могли выступать организованным боевым отрядом.

Итак, к середине XV в. Орешек представлял островную крепость, состоящую из двух линий крепостных сооружений: кремля 1352 г. и посада 1410 г., разделенных рвом, переоборудованным в канал и, очевидно, приспособленным для стоянки кораблей. Заложенный в качестве порубежного опорного пункта Орешек в новгородский период своей жизни превращается в торговый город и порт. Ореховцы выступили организаторами мирного судоходства по Неве, а наименование их города все чаще фигурирует в торговых и дипломатических документах прибалтийских городов.⁷¹ Существование этого города оказалось заметным фактором северо-европейской истории и принесло Руси стабильность положения на востоке Балтики, что будет унаследовано Московским государством. Очевидец в начале XVIII в. точно описал грозное и выгодное устройство Орешка в словах, приложимых и к более раннему времени: «Страшно воистину и посмотреть, не токмо приступ сотворити к крепости сей, отсюда жестокими бистринами невскими окруженной».⁷²

⁷⁰ Клейнберг И. Э. Военно-морские действия новгородцев при отражении орденской агрессии 1443—1448 гг. — Ист. СССР, 1958, № 4, с. 116.

⁷¹ О постройках Орешка XV в. и его поздней истории см.: Кирпичников А. Н. Древний Орешек. Историко-археологические очерки о городе-крепости в истоке Невы. Л., 1980.

⁷² Бужинский Г. Слово о взятии Нотебурга, ныне переименованного в Плиссельбург. СПб., 1721, с. 18.

КОРЕЛА И ТИВЕРСКИЙ ГОРОДОК

Корела (ныне г. Приозерск Ленинградской области) — самый северо-западный город Новгородской земли. Это имя закрепилось за городом в московское время, а в новгородское он именовался «Корельским городом» или городком. Предполагают, что первоначальным названием поселения или становища на р. Вуоксе было карельское Кякисальми либо Кекисальми, что в переводе означает Кукушкин пролив. Производным от него явилось шведское Кекесхольм или Кексгольм — буквально «остров Кекес».¹ Все эти разноязычные наименования зафиксированы источниками и в ходе переменчивых обстоятельств использовались как официальные, что отражало в свою очередь беспокойную судьбу самого населенного пункта. В русской истории Корела выступает и как форпост, оборонявший самые северо-западные рубежи страны от шведской экспансии в XIV—начале XVII в., и как самостоятельный культурный и экономический центр на финноязычной окраине Руси.

История города на р. Вуоксе (древнерус. Узерве) изучена неравномерно. Древнейшее прошлое Корелы освещено летописными источниками, однако не они, а сведения, связанные со шведской оккупацией города в 1580—1597 и 1611—1710 гг., главным образом привлекали исследователей. В XIX в. вышла книга финского археолога Т. Швиндта, посвященная укреплениям и постройкам Корелы-Кексгольма последней четверти XVI—XVII в.² В ней с замечательной подробностью опубликованы документы шведского строительства в Кексгольме. Некоторые из архивных записей удалось расшифровать только в наши дни, и они оказались полезными для изучения городских укреплений как шведского, так и русского периодов. К сожалению, сведения, собранные Г. Швиндтом, почти не использованы в русской литературе, хотя и послужили основой всех последующих финских изданий, посвященных рассматриваемому сюжету. Следует отметить капитальную монографию по истории Кякисальми, написанную финскими историками в наши дни.³ К чести авторов этого

¹ Громов В. И., Шаскольский И. П. Приозерск. Л., 1976, с. 8.

² Schvindt Th. Käkisalmen pesälinan ja entisen linnoitetun kaupungin rakennushistorian ainekset. — *Analecta archaeol. Fennica* II: 2, Helsingissä, 1898.

³ Kuujo E., Puramo E., Sarkanen J. *Käkisalmen historia*. Lahti, 1958. — Раздел о средневековом периоде города написан проф. Э. Кууно. Благодаря этого

труда в ней отсутствуют некоторые националистические преувеличения. одно время подогревавшиеся финской буржуазной историографией, связанные с утверждением векового финского характера города и его культуры.

Целостного труда о Кореле, равноценного финскому, у нас пока не создано. Однако в советской исторической литературе рассмотрены отдельные узловые моменты развития средневековой Корелы, связанные с новгородским периодом ее истории,⁴ укрепления XIV и XVII вв.,⁵ экономическим значением в XVI в.⁶ и оборонной в русско-шведских войнах XVI—XVII вв.⁷ Внимание к Кореле-Кексгольму XVI—XVII вв. стимулировалось обилием письменных источников. Что касается первых веков существования города на Вуоксе, то здесь представления ученых, как правило, не шли дальше летописных известий. За пределами этих известий между тем существует много «темных мест». К ним относится вопрос о происхождении и первоначальном облике города, неясна и его строительная биография. Почти ничего достоверно не было известно о постройках Корелы и ее роли как областного центра и новгородского пригорода. Факты письменной истории Корелы давно требовали археологического «вмешательства».

Укрепления древнего города расположены на двух островах р. Вуоксы. Одно в литературе названо «Старой крепостью»; находящийся по соседству Спасский остров, бывший посад, — Новой. Ныне на двух этих островах высятся фортификации бастионного типа, которые в военных целях использовались вплоть до 1810 г. Предполагали, что древним ядром города была так называемая «Старая крепость» (рис. 55). Это обстоятельство привлекло сюда в 1891 г. археолога Т. Швиндта, который произвел раскопки в центре крепостного двора. Однако результаты поисков опубликованы не были. Известно только, что во время раскопок нашли части оружия, бытовой утвари, черепки посуды. О датировке предметов ученый сообщил лишь, что они «разного времени, в том числе и периода варварства».⁸ В дальнейшем находки частично были отнесены к XII в.,⁹ что породило версию о возникновении Корелы раньше первых письменных известий о ней. Знакомство с неопубликованным описанием находок, хранящихся в Национальном музее Финляндии, не убеждает в том, что среди

исследователи за помощь в данной работе и присылку редкой литературы и копий архивных чертежей.

⁴ Гадаецкий С. Карелы и Карелия в Новгородское время. Петрозаводск. 1941, с. 97 след.; Шаскольский И. П. Политические отношения Новгорода и карел в XII—XIV веках. — Новгород. ист. сб., Новгород, 1961, вып. 10, с. 117.

⁵ Косточкин В. В., Драги А. А. Костер посадника Якова в Кореле. — В кн.: Памятники культуры. М.; Л., 1963, вып. 4, с. 5—18; Кальюнди Е. А., Кирпичников А. Н. Крепости Интерманландии и Карелии в 1681 году. — Сканд. сб., Таллин, 1975, № 20, с. 77.

⁶ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961, с. 131, 132.

⁷ Шаскольский И. П. Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950.

⁸ Schvindt Th. Käkisalmen..., p. 119.

⁹ Rinne J. Suomen karjalan vanhat linnat. Karjalan kirja. Porvoo; Helsinki. 1932. p. 267.

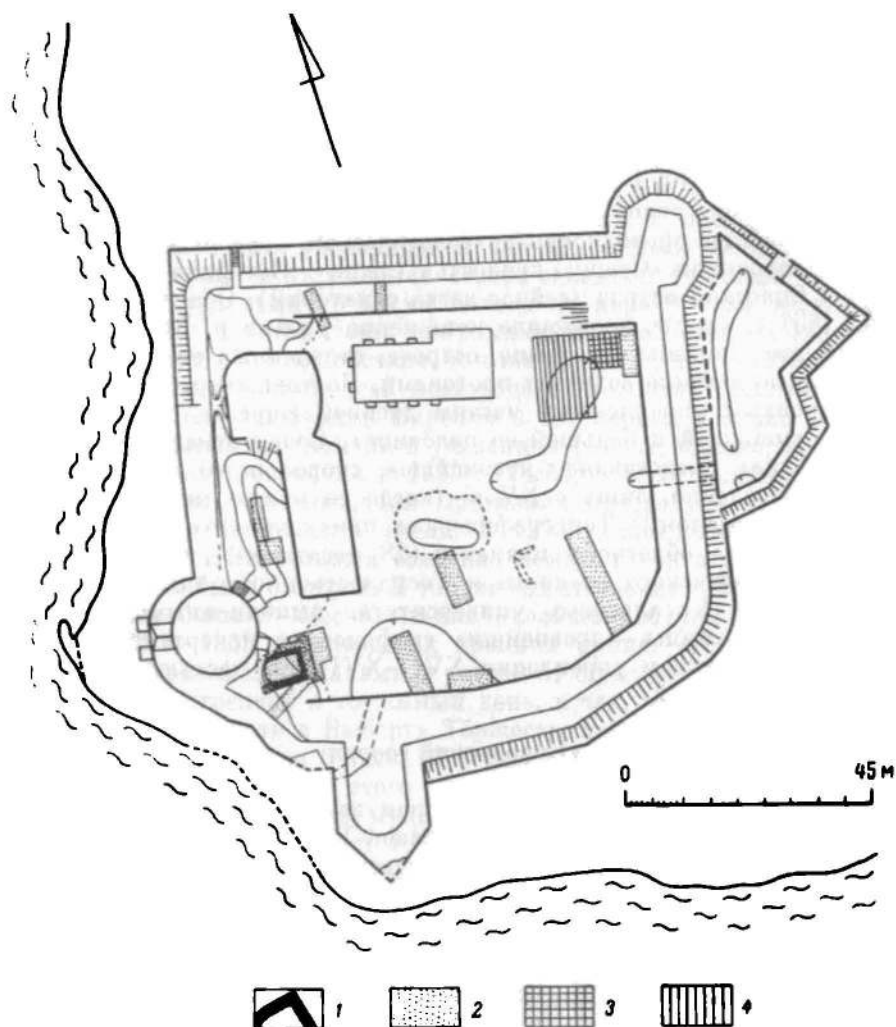

Рис. 55. Детинец Корелы — «Старая крепость». План.

1 — части башни 1364 г. (раскопки 1973 г.); 2—4 — раскопки соответственно 1972, 1975 и 1976 гг.

найденных в 1891 г. вещей есть относящиеся к XII—XIII вв.¹⁰ Добытый археологический материал относится, видимо, к XIV—XVIII вв., что подтвердили и наши раскопки последних лет. Далее в печать попали сведения о том, что в 1948 г. на территории «Старой крепости» Приозерска обнаружено несколько лепных черепков глиняной посуды, сделанной при-

¹⁰ Описание любезно прислано проф. Э. Кууйо. Из него явствует, что раскопки происходили в центре крепостного двора, на месте фундамента кордегардии, построенной в 1780 г.

близительно в X в.¹¹ Руководитель обследования 1948 г. Н. Н. Гурина, однако, не подтвердила приписанное ей открытие. Таким образом, результаты первых раскопок Корелы оказались недостаточно полными, чтобы удревнить дату ее возникновения, но они побудили к дальнейшим исследованиям.

Планомерные археологические изыскания древней Корелы были предприняты в 1972—1973 и 1975—1976 гг. и ставили цель раскрыть, насколько возможно, этнокультурную и строительную биографию этого поселения.¹² Работы проводились археологической экспедицией ЛОИА АН СССР¹³ и затронули «Старую крепость» (ныне — Историко-краеведческий музей) и Спасский остров (сейчас здесь санаторий). Оба названные района до 1857 г. (когда произошло понижение уровня р. Вуоксы)¹⁴ представляли, как упоминалось выше, острова, отделенные от суши 60—290-метровыми по ширине водными протоками. Настоящая работа посвящена двум островным укрепленным частям древней Корелы, словами записи 1655 г. — «меньшей и большей ее половине». Сразу отметим, что «меньшая половина» представляла древнейшее, скорее всего первоначальное, городское поселение, лишь с XV в. (когда ее можно назвать кремлем) дополненное посадом.¹⁵ Топографическая привязка археологических исследований была облегчена планами (28 негативов), присланными из шведских Королевского военного и Государственного архивов, а также из библиотеки Упсальского университета, выполненными в 1630—1710 гг.¹⁶ Эти планы — древнейшие графические начертания города — передают постройки и укрепления XVI—XVII вв., частью не сохранившиеся до наших дней.

«Карельский город»

В 1270-х гг. в летописях Карельская земля начинает упоминаться как обособленная территория Новгородской Руси.¹⁷ Из сообщений о том, что в 1227 г. корелы были крещены князем Ярославом Всеволодовичем, а около 1251 г. были данниками Новгорода,¹⁸ можно заключить, что это

¹¹ Громов В. И., Потемкин Л. П., Шаскольский И. П. Приозерск. Л., 1963, с. 6, 7.

¹² Кирпичников А. Н. Историко-археологические исследования древней Корелы. — В кн.: Финно-угры и славяне. Л., 1979, с. 52 след.

¹³ Экспедиция работала при участии Управления культуры Леноблсполкома и института ЛГУ.

¹⁴ Ныне рельеф города изменился, и острова фактически слились с суши.

¹⁵ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1978, т. 1, ч. 3, с. 479. Примерно в XV в. посад города, занимавший Спасский остров, распространился на северный и южный берега р. Вуоксы. Эти береговые районы не имели укреплений и поэтому в настоящей работе не рассматриваются.

¹⁶ Кроме того, для настоящей работы использованы 174 чертежа Кексгольма 1725—1885 гг. из архива ЦГВИА (ф. 349, оп. 17, № 1711—1885), один шведский чертеж города приблизительно 1683 г. (БАН, Рукоп. отд. № 817) и ряд других графических документов.

¹⁷ В тот период эта земля включала Северное Приладожье и Карельский перешеек.

¹⁸ Лаврентьевская летопись. — ПСРЛ, 1962, т. 1, с. 449; Рыдзевская Е. А. Сведения по истории Руси XIII в. в саге о короле Хаконе. — В кн.: Исторические связи Скандинавии и России IX—XX в. Л., 1970, с. 325, 326.

племя находилось тогда в номинальной зависимости от своего южного соседа.¹⁹ Отношения с иноязычными окраинами Новгород, как установлено, строил на началах широкой автономии. Русские военные гарнизоны и фактории в этих районах отсутствовали, сохранялись обычаи и уклад местной жизни. Финские племена — воть, ижора и сильнейшая среди них корела — платили дань и в качестве федератов входили в состав новгородского войска.²⁰

Тревожная военная обстановка, сложившаяся в последней четверти XIII в., нарушила этот распорядок и вызвала прямое выступление русской военной силы и укрепление северо-западной границы. В 1278 г. новгородцы и суздальцы во время похода на корелу «взя землю их на щит», а в 1284 г. в устье Невы разгромили шведов, которые «хотяще на кореле дань взяти».²¹ Эти действия, так же как и то, что в 1270 г. корелы впервые названы в составе всей новгородской волости,²² свидетельствуют о территориальном включении Карелии в тот период в земли Новгородской Руси. Дальнейшие события в указанном районе, однако, продолжали обостряться. После основания в 1293 г. Выборга новгородским руководителям стало ясно, что шведский противник преследует стратегические цели отторжения Корельской земли. В 1295 г. шведский отряд проник к устью Вуоксы и «поставиша свейские немцы город в Кореле».²³ Реакция новгородцев была быстрой. В тот же год шведский острожок был взят и «город разгребоша».²⁴ Несколько иначе сообщает об этом событии составленная в 1320—1335 гг. шведская хроника Эрика. «Кексгольм (Kekesholm) тогда бы взят христианами и уцелел от огня: много язычников было там побито и застрелено в тот самый день, а тех, что взяли в плен, они (шведы, — А. К.) увели в Выборг». Торжество победителей было педолгим. Подошли русские и после 6-дневной осады перебили почти всех шведов во главе с их воеводой. «После этого островом тем владели русские и сильно укрепили его, и посадили там мудрых и храбрых мужей, чтобы христиане не приближались к этому месту».²⁵

Сопоставим приведенные разпоречивые источники. По русской версии шведы впервые основали «крепостцу» в нижнем течении р. Вуоксы, по шведской — Кексгольм существовал до них. Исследователи отдадут предпочтение шведскому известию и считают, что в хронике Эрика речь идет

¹⁹ Экстерриториальность Карелии по отношению к Руси подчеркивается в «Слове о погибели Русской земли» — произведении 1238—1246 гг. (Изборник. М., 1969, с. 326. — На это обстоятельство мое внимание обратил А. В. Куза). Еще в 1260 г. Карелия в торговом отношении для немцев, готландцев и русских отмечена как «нейтральная» территория (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949, с. 57, 59).

²⁰ Участие корел в боевых действиях русского войска отмечено летописью в событиях 1149—1395 гг.

²¹ Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов. М.; Л., 1950, с. 323, 325.

²² Там же, с. 89.

²³ Софийская I летопись. — ПСРЛ, 1854, т. 1, с. 202.

²⁴ Этой победе придали общегосударственное значение. «По сему завету, что бог пособил новгородцем немцев побить и город Корелу разграбить», в 1296 г. в Новгороде была сооружена церковь Воскресения (Новгородские летописи. СПб., 1879, с. 210).

²⁵ См.: Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX—XIV вв. М., 1978, с. 412.

о карельском поселении, где не было русского гарнизона и которое возникло задолго до 1295 г.²⁶ Здесь следует заметить, что в довольно подробных летописных записях, касающихся набегов шведов на Приладожскую Карелию, например, в 1284 и 1292 гг.,²⁷ нет и намека на существование карельского городка на р. Вуоксе, равно как и на территории всей Приладожской Карелии. Поэтому возможно, что под языческим Кексгольмом 1295 г. имелся в виду расположенный на острове временный военный лагерь — пункт сбора ратников и убежище. Кстати сказать, случай использования острова (в истоке Невы) для укрытия и сбора русской рати летопись отмечает под 1228 г.²⁸

Местоположение Кексгольма 1295 г. до сих пор оставалось гадательным. Его помещали там, где в дальнейшем обосновался Корельский городок (будущий кремль Корелы), а также на Скалистом острове (Каллиосари) и на одном из островков устья Вуоксы.²⁹ Раскопки на месте Корельского городка не обнаружили материалов и построек конца XIII в. На Скалистом острове вообще нет и не было культурного слоя. Не случайно в одном источнике 1568 г. он назван Мертвяч-островом.³⁰ В течение всего средневековья эта часть суши была необитаемой. Наиболее вероятным представляется усть-вуокский адрес первоначального городка, что опознается по одной неопубликованной записи в писцовой книге Водской пятины 1568 г. В источнике упомянут расположенный в устье Вуоксы деревянный монастырь Иоанна Предтечи (в 1573 г. сожженный шведским полководцем Г. Флемингом): «...Да под Иванским же монастырем на усть реки Узервы у городища монастырская мельница».³¹ Монастырь находился, очевидно на мысообразном выступе левого берега р. Вуоксы при ее впадении в Вуоксинскую губу.³² А рядом, как видно на картах XVIII в., существовали один-два островка (каждый размером 50×100 м),³³ которые после понижения реки в 1857 г. слились с сушей. В 1972 г. это место, представлявшее собой холмовидное возвышение, было обследовано. Культурный слой здесь обнаружить не удалось, ибо вся интересующая поверхность участка сильно испорчена и превращена в свалку мебельной фабрики. Полученный отрицательный результат не должен обескураживать. И корельский лагерь, и шведский острожок, и даже деревянный монастырь — все эти сменявшие друг друга сооружения, видимо, не были достаточно долговечными, чтобы оставить отчетливые культурные следы. Как бы то ни было, ясное указание на существование

²⁶ Гадзяцкий С. Карелы..., с. 97, 130; Kuujo E., Puramo E., Sarkanen J. Käkisalmen..., p. 15; Шаскольский И. П. Политические отношения..., с. 135.

²⁷ Новгородская первая летопись..., с. 325, 327.

²⁸ Там же, с. 65.

²⁹ Schvindt Th. Käkisalmen..., p. 1; Kuujo E., Puramo E., Sarkanen J. Käkisalmen..., p. 14.

³⁰ ЦГАДА, ф. 137, Новгород 7, л. 500 об.

³¹ Там же, л. 505; ср.: Kuujo E., Puramo E., Sarkanen J. Käkisalmen..., p. 11, 22.

³² В 1919 г. на предполагаемом месте монастыря Иоанна Предтечи обнаружено много человеческих костей и угля с земель — предположительно след нападения Г. Флеминга (Kuujo E., Puramo E., Sarkanen J. Käkisalmen..., p. 14, 22, 23).

³³ Карта около 1762 г. (ЦГАВМФ СССР, ф. 3, оп. 23. № 951, л. 34); карта 1798 г. (ЦГВИА, ф. 349, оп. 17, № 1776).

в XVI в. городища именно в устье Вуоксы позволяет считать его местом первоначального Кексгольмского замка 1295 г.

Какова дальнейшая судьба усть-вуоксинского острожка? Согласно приведенному выше русскому свидетельству, повгородцы разрушили островную крепость, а шведскому, — наоборот, укрепили. Разрушение укреплений, однако, не противоречит их более позднему восстановлению. Так, в 1282 г. новгородцы сравняли с землей частновладельческий замок Копорье, но спустя 15 лет его отстроили вновь уже как государственное укрепление.³⁴ Очевидно, нечто подобное произошло и с уничтоженным шведским острожком на р. Вуоксе. Примерно около 1300 г. новгородцы для руководства военными действиями стали посылать в Карелию служилого князя. В 1307—1308 гг. им был тверской князь Борис Копстапинович.³⁵ Военный предводитель не мог эффективно осуществлять своих функций находясь в Новгороде и не имея на месте укрепленной резиденции. Таковой какое-то время, возможно, был восстановленный шведский замок или другое близлежащее укрепление. Последнее предположение получило некоторое археологическое обоснование во время раскопок 1976 г. В северо-восточной части упоминавшегося выше делянца Корелы на глубине 2 м на самом материке обнаружен полуразрушенный венец сруба со стороной 3,7 м, судя по стратиграфии, вероятно, относящийся к первому десятилетию XIV в. В зоне сруба не оказалось других культурных остатков, из чего следует, что он стоял недолго. Далее, намек на существование нового укрепления, находящегося от первоначального на расстоянии 1300 м вверх по течению р. Вуоксы, содержится и в следующем летописном известии, помещенном под 1310 г.: «Ходиша новгородци в лодях и в лоивах в озеро (Ладожское, — А. К.) и идоша в реку Узерву, и срубиша город на пороге нов, ветхый сметавше».³⁶ Судя по контексту, обветшавший «город» находился на том же месте, что и заложенный вновь. Необычным является указание на полную разборку, а не ремонт предшествовавшего укрепления. Очевидно, речь шла о совершенно новой, более обороноспособной, чем прежняя, твердыне. Что касается упоминания порогов, то они действительно располагались возле новопостроенной крепости и еще в XVIII в. обозначались на картах.³⁷

Приведенное сообщение 1310 г. фиксирует существование крепости на новом месте. Налицо перенос укрепления из устья Вуоксы вверх по течению, т. е. дальше от берега Ладожского озера, в глубь материка. Вероятно, первоначальный замок располагался слишком близко к Ладожскому озеру, был недостаточно защищен и к тому же находился в районе не пригодных для возделывания песчаных почв. Когда бы ни произошел перенос укрепления — около 1300 г. по воле тверского князя или в 1310 г. по инициативе Новгорода, — он означал более основательный, чем прежде, подход новгородцев к обороне их «корельского рубежа». Была осознана необходимость возведения в этом месте границы надежного оплота, без

³⁴ Новгородская первая летопись..., с. 324, 328. — Разрушение Копорья передается в тех же словах, что и Кексгольма, — «город розгребоша».

³⁵ Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск, 1941, с. 76.

³⁶ Новгородская первая летопись..., с. 92, 93, 333.

³⁷ Пороги отчетливо показаны на генеральном плане Кексгольма 1798 г. (ЦГВИА, ф. 349, оп. 17, № 1776, л. 1).

которого целью было бы сохранить окружающую территорию. Строительство крепости на р. Вуоксе явилось дальновидной акцией Новгородской республики, так как вовремя предотвратило захват шведами восточнокарельских земель и сохранило в руках «Верхней» Руси важнейшую торговую магистраль по Ладожскому озеру и р. Вуоксе. Летописное сообщение 1310 г. примечательно и в отношении конкретных обстоятельств военного строительства. Флотилия новгородцев привезла, очевидно, не только воинов, но и мастеров-градоделцев, отстроивших остров, как показали раскопки, по единому плану как государственный укрепленный форпост. Выразительные следы строительства 1310 г. удалось обнаружить археологически. Его дендрохронологическая дата, установленная Н. Б. Черных, совпала с летописной.³⁸

Строители возвели по краю острова незатопляемую подкладочную платформу, на ней установили дома и, вероятно, круговые укрепления из городней. На основании того, что площадь острова составляла примерно 6000 м², а жилище занимало в среднем 50 м², можно рассчитать, что в 1310 г. в крепости (с учетом существования по меньшей мере двух улиц и церкви) было построено 100—110 изб с населением, включая детей и женщин, 300—330 человек. Допустимо, что гарнизон городка был представлен взрослыми мужчинами, владельцами домов, т. е. насчитывал около 100 человек, пригодных для войсковой службы. Насельниками острова были отправившиеся в 1310 г. в поход новгородцы. Такие отряды, как установлено, состояли из вольных «охочих людей», «молодцев». Попав на Вуоксу, они создали своеобразное военное поселение свободных колонистов. В 1314 г. летопись называет их городчанами, что приравнивает этих людей к посадскому населению. Городчане XIV в. — одновременно воины, торговцы и ремесленники — отличались, очевидно, большей универсальностью занятий, чем их потомки XVI столетия. Не исключено, что среди первых поселенцев были и так называемые своеземцы — полугорожане, полусельские вотчинники (о них см. гл. Орешек с. 97). Согласно писцовой книге Корелы, созданной около 1500 г., из 342 населявших город дворовладельцев своеземцев было не менее 48³⁹ (часть, имея собственные дворы, проживала в деревнях Карельского перешейка). Вероятно, некоторые из своеземческих семей поселились на Вуоксе еще в новгородское время. С их помощью Новгород не только осваивал городскую округу, но и создавал контингент готовых к боевым действиям ополченцев. Так на примере Корельского городка (как и Орешка) приоткры-

³⁸ Относящийся к средневековью культурный слой острова, как показали раскопки, подразделяется на два утолщающихся к краям поселения строительных горизонтов общей мощностью 0,5—1,8 м. Верхний, по данным дендрохронологии, датирован 1360—1380 гг. Выявленные в нем постройки сгорели. Ниже залегал углестый слой, который сопоставляется с летописным пожаром 1360 г. Нижний строительный горизонт дендрохронологически отнесен к 1310—1360 гг. В нем, особенно в его окраинных частях, оказались остатки деревянных построек, связанных с первыми одним-двумя поколениями жителей города. Что касается более поздних слоев, то они не сохранялись, так как были, видимо, скрыты при возведении земляных укреплений острова в XVI в. (более подробно см.: Кирпичников А. Н. Историко-археологические исследования..., с. 59 след.).

³⁹ Кирпичников А. Н. Опыт комплексного использования писцовых книг и исторической топографии для характеристики средневекового русского города. — Вспом. ист. дисп. Л., 1979, т. 11, с. 73, 74.

вается завеса, скрывающая конкретные обстоятельства сооружения и обеспечения людьми новооснованных в XIV в. крепостей, защищающих северо-западные рубежи Руси.

Можно предположить, что быстрая постройка крепости на острове состоялась с помощью местного населения. Более того, сообщения летописи о жизни Корельского городка в первые 50 лет существования свидетельствуют о том, что в составе его жителей пахотились и русские, и карелы. Иными словами, перед нами своеобразнейшее городское поселение, состоящее из двух разнородных федеративных общин, и редкий в средневековые пример сотрудничества более сильного парода со своим соседом. Следует отметить, что в городах Финляндии, основанных в XIII в. (Тавастегус, Ванай, Выборг), «свейские немцы», насколько известно, не привлекали в новооснованные замки местных вождей и их окружение.

Заново построенный, как он именовался вплоть до конца XV в., «Корельский город», или Корельский городок давался новгородцами в кормление паемным, преимущественно литовским, князьям-военачальникам республиканского войска. Присутствие военного предводителя в пограничном городе в первые десятилетия его существования не было обязательным. Действительно, сохраненные летописью события того времени отразили не столько ратные подвиги служилых князей, сколько порой неприязненные взаимоотношения провинции и метрополии, осложненные противоборством враждующих государств и столкновением разных религий. Сказались эти обстоятельства и на отношениях городских общин, которые, учитывая их близкое соседство и различие верований, не всегда были мирными. Так, в 1314 г. «избиша корела городчан, кто был руси в Корельском городке, и въведоша к собе немец». Подоспевший отряд повгородцев без боя вошел в город и покарал шведов и «корелу-переветников». ⁴⁰ Спустя 23 года «измена» повторилась. На сей раз город передал шведам воевода Валит-корелянин. ⁴¹ Неповиновение русской власти перекинулось и на округу. При этом было избито много повгородских и ладожских купцов, а совместный шведско-карельский отряд напал на Обонежье и даже сжег посад Ладоги. Понадобился специальный поход повгородцев и 5-дневная осада Корельского городка, чтобы освободить его от «свейских немец». Вскоре была замирена и вся Корельская земля.

В событиях 1337 г. отмечен воевода Валит. ⁴² Об этом лице, возможно, говорит записанное в 1592 г. предание, называя его «большим владетелем» и «посажеником на Корельские владения от повгородских посадников». Воевода Валит, в крещении Василий, согласно тому же преданию, завоевал для Новгорода Мурманскую землю и покорила Лапландию. Он же по-

⁴⁰ Повгородская первая летопись..., с. 94. — По мнению С. Гадзяцкого (см.: Карелы..., с. 158), речь идет о крестьянском восстании, что не подтверждается текстом приведенной записи. В ней ясно говорится, что перебили русскую часть населения («кто был руси») города. Шведы же были позваны «к собе», т. е. в тот же Корельский городок. Таким образом, рассказ источника посвящен внутренне-городской расправе.

⁴¹ Софийская I летопись, с. 220.

⁴² Источники упоминают о нескольких знатных Валитах XIV—XV вв. (Попов А. И. Валит. — Советское финно-угроведение. Петрозаводск, 1941, т. 5, с. 132—138).

строил в Роле и Варенге каменные сооружения, «выкладено камнем, кабы городской оклад».⁴³ Соответствует ли легендарный Валит своему историческому тезке, достоверно не выяснено. Одно все же ясно: Валит 1337 г. был доверенным лицом Новгорода и одновременно тем влиятельным представителем племени, при котором корела Приладжья осмелилась на широкое оппозиционное выступление, принявшее окраску защиты языческих порядков. 1310—1330 гг. были, очевидно, периодом наивысшего карельского сепаратизма. Не результатом ли племенных притензий явилась передача новгородцами власти в Корельском городке ставленнику местной знати? Признание самостоятельных устремлений карельской старшины зашло так далеко, что по соседству с новгородским форпостом обосновался особый племенной острожок Тиверский, возможно, основанный во времена Валита и укрепленный валунной стеной (о чем пойдет речь ниже), поразительно напоминающий городской оклад легендарного покорителя Лапландии. XIV век явился для Карелии временем всеобщих перемен. Дорогу пробивали феодальные порядки, язычество шло к закату, участились русско-шведские столкновения. В этих условиях карельская знать, лавируя между Новгородом и Швецией, пыталась отстаивать собственные интересы. Судя по тому, что после 1337 г. карельские представители в событиях, связанных с Корельским городком, не упоминаются, их, видимо, отстранили от участия в городском управлении. Таким путем Новгород надеялся усилить сплоченность города перед лицом внешней угрозы. Опыт подсказал новгородцам, что только тогда, когда горожане действовали единодушно, им, как это, например, имело место в 1322 и 1348 гг., удавалось самостоятельно отбиться от шведских нападений.⁴⁴ Во второй половине XIV в. власть в Корельском городке, очевидно, полностью перешла в руки новгородской администрации.⁴⁵ Период, когда город был центром своеобразного русско-карельского симбиоза, а финны, по свидетельству одного источника XVII в., «с русскими были настолько соединены, что трудно сказать, на чьей стороне была высшая власть»,⁴⁶ остался позади.

Укрепления средневековой Корелы

На месте новгородского Корельского городка ныне существует бастионная фортификация, использовавшаяся вплоть до начала XIX в. Куртины с двумя выступающими башенками окружают остров со всех сторон (рис. 55, 56). Обращает внимание их планировка, имеющая черты, явно не свойственные фортам как XVII в., так и нового времени. Отрезок куртины в юго-восточной части острова имеет криволинейное расположение, противоречащее геометризму бастионных начертаний. Возникло подозре-

⁴³ Попов А. И. Валит, с. 133.

⁴⁴ Новгородская первая летопись..., с. 96; Новгородская IV летопись. — ПСРЛ. 1848, т. 4, с. 58.

⁴⁵ Это заключение не отрицает того, что вплоть до середины XV в. карелы сохраняли свою областную автономию, в частности выставляли собственное войско.

⁴⁶ Шаскольский И. П. Емь и Новгород в XI—XIII веках. — Уч. зап. ЛГУ, № 80. Сер. ист. наук, 1941, вып. 10, с. 102.

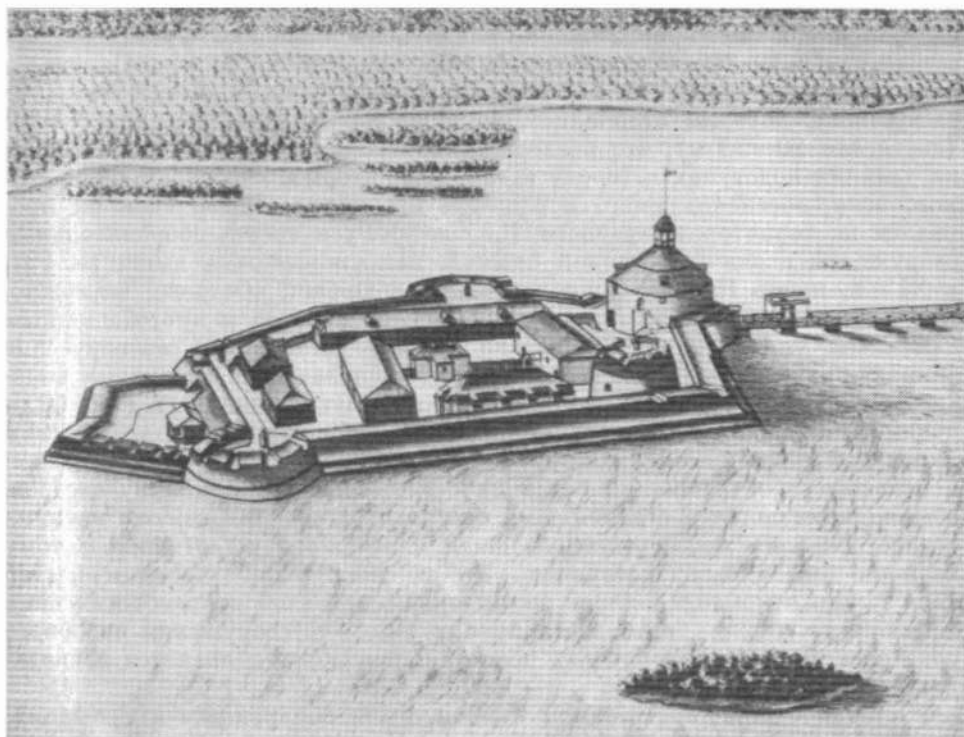

Рис. 56. Кексгольм. «Старая крепость». Рисунок 1780 г. (ЦГАВМФ).

ние, что кексгольмская «Старая крепость» устроена по трассе укреплений предшествующей поры. Это и побудило, не повреждая представляющих исторический интерес существующих построек, предпринять поиск более древних сооружений. Письменные источники свидетельствуют об их существовании, как упоминалось выше, с 1310 г. Новое усиление обороноспособности Корельского городка имело место во второй половине XIV в. В 1364 г. после тотального пожара остров был заново укреплен — «посадник Яков (новгородский, — А. К.) постави костер камен».⁴⁷ Так город украсился первым каменным зданием. По терминологии того времени костер (см. с. 100) — боевая башня. Характерно, что после этих военно-инженерных работ, видимо, включавших и устройство круговой деревянной стены, шведы вплоть до 1573 г. серьезно не покушались на вуоксинский форпост.

Строительство каменного костра в составе периметральных дерево-земляных укреплений следовало западнорусской фортификационной традиции второй половины XIII в.⁴⁸ Русские однобашенные крепости явля-

⁴⁷ Летопись Авраамки. — ПСРЛ, 1889. т. 16, с. 90.

⁴⁸ Раппопорт П. А. Волыньские башни. — МИА, 1952, № 31, с. 202 след.

лись ответвлением общеевропейской военной фортификации, они стали сооружаться в период выдвижения камнеметов и особенно арбалетов, как эффективных средств контрштурмующей дальнобойной борьбы. Центральным оборонительным узлом таких укреплений были многоярусные боевые башни, которые отличались, во-первых, «высотностью» (достигали 20—30 м), что позволяло стрельбой остановить нападающих на дальних подступах к городу и замку, во-вторых, «веерностью» кругового огня, обеспечивавшего поражение противника, даже если он проорвался на территорию крепости. На севере Руси военно-оборонительные сооружения с одной каменной башней, как упоминалось выше (с. 99), в XIV в. кроме Корелы были построены в Орешке. Острове, возможно, Изборске и знаменовали предстоящий вскоре переход к многобашенным каменным укреплениям. Насколько можно установить, северорусские башни прилежали к окружающим стенам, располагались поближе к воротам или месту ожидаемого штурма и несли боевую функцию, т. е. не были донжонами средне- и североевропейского образца, представляющими укрепленное жилище феодала. Во второй половине XIV в. в новгородской и псковской фортификации перешли к массовому строительству костров, обычно сочетавшихся с каменными пряслами. В дальнейшем, во времена «огнестрельной» перестройки, большая часть этих устаревших к тому времени башен была разрушена. Не избежал такой участи и костер 1364 г. Его открытие явилось неожиданной находкой в археологических изысканиях 1972 г.; тем более примечательно, что сооружения подобного рода известны плохо и каждый новооткрытый образец является исследовательской новинкой.

Остатки башни, построенной Яковом, были обнаружены в юго-западном углу крепости. Именно в этой части острова во все времена его средневековой истории находился единственный мост, перекинутый на соседний остров, в XVI в. называвшийся Спасским. Таким образом, новый костер, строившийся, очевидно, пришлой артелью каменщиков, был предназначен укрепить наиболее опасную, ближе всего лежащую к «подходу» противника сторону островного укрепления.

Нижние части упомянутой башни встречены на глубине 0.5—2.9 м под насыпью куртины XVII—XVIII вв.; они были окружены разного рода наслоениями, которые небесполезно перечислить (рис. 57). К южной стене костра примыкала и частично его перекрывала булыжная кладка, по-видимому, конца XVI—XVII в.; часть северной стены перекрывал бетонный фундамент 1908 г. Западная стена здания залегает под упомянутой куртиной XVII—XVIII вв. Сложенная пачуха подпорная стенка этой же куртины пересекает внутреннее пространство башни. С восточной стороны к основанию костра вплотную подступал фундамент здания шведского арсенала 90-х гг. XVI в. Наконец, с восточной и северной сторон башня подверглась утолщению метровыми по толщине прикладками из булыжных камней на известковом растворе (их сохранившаяся высота 1.1 м). Наиболее вероятное время приладок — XV в.

Несмотря на многочисленные перекопы, строительные и ремонтные наслоения, основание обнаруженной постройки полностью уцелело. В плане башня представляет трапецию со скругленной наружной стороной (рис. 58). Размеры сооружения по осям 7.2×9.5 м, внутренняя пло-

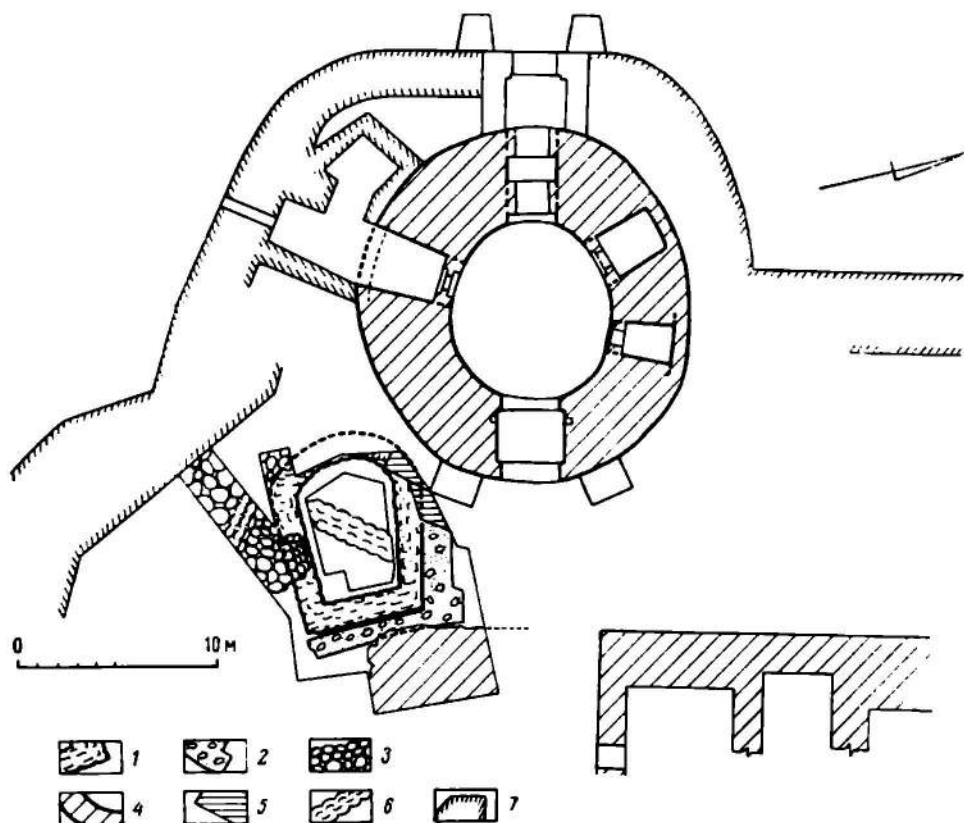

Рис. 57. Башни «Корельского города» — Кексгольма, построенные в 1364 и 1582—1585 гг. План.

1 — кладка 1364 г.; 2 — прикладка XV в.; 3 — кладка последней четверти XVI—XVII в.; 4 — кладка 1580—1590 гг.; 5 — бетон 1908 г.; 6 — сухая кладка XVIII—XIX вв.; 7 — кладка XVII в. с поновлениями XIX—XX вв.

щадь нижнего яруса 28 м. Стены сложены из подтесанного гранитного камня с валунной забутовкой на известковом растворе кремоватого цвета; их ширина 1,45 м, наибольшая сохранившаяся высота 1,6 м, наименьшая — 0,8 м. (рис. 59). Стены покоятся на 1,5-метровом по высоте валунном (поперечник валунов 20—40 см) фундаменте, сложенном насухо. В толще кладки восточной и северной стен башни сохранился долевой канал от деревянной связи толщиной 30 см. Пол башни был земляным, так как никаких вымосток не обнаружено.

В древности башня входила в кольцо деревянных укреплений поселения, очевидно примыкавших к ней с северной и южной сторон (рис. 60, Г). У южной стены, на уровне обреза (выступающего на 20 см от плоскости стены) фундамента, обнаружены обильные части горелого дерева, — возможно, след примыкавших с юга деревянных стен. Судя по

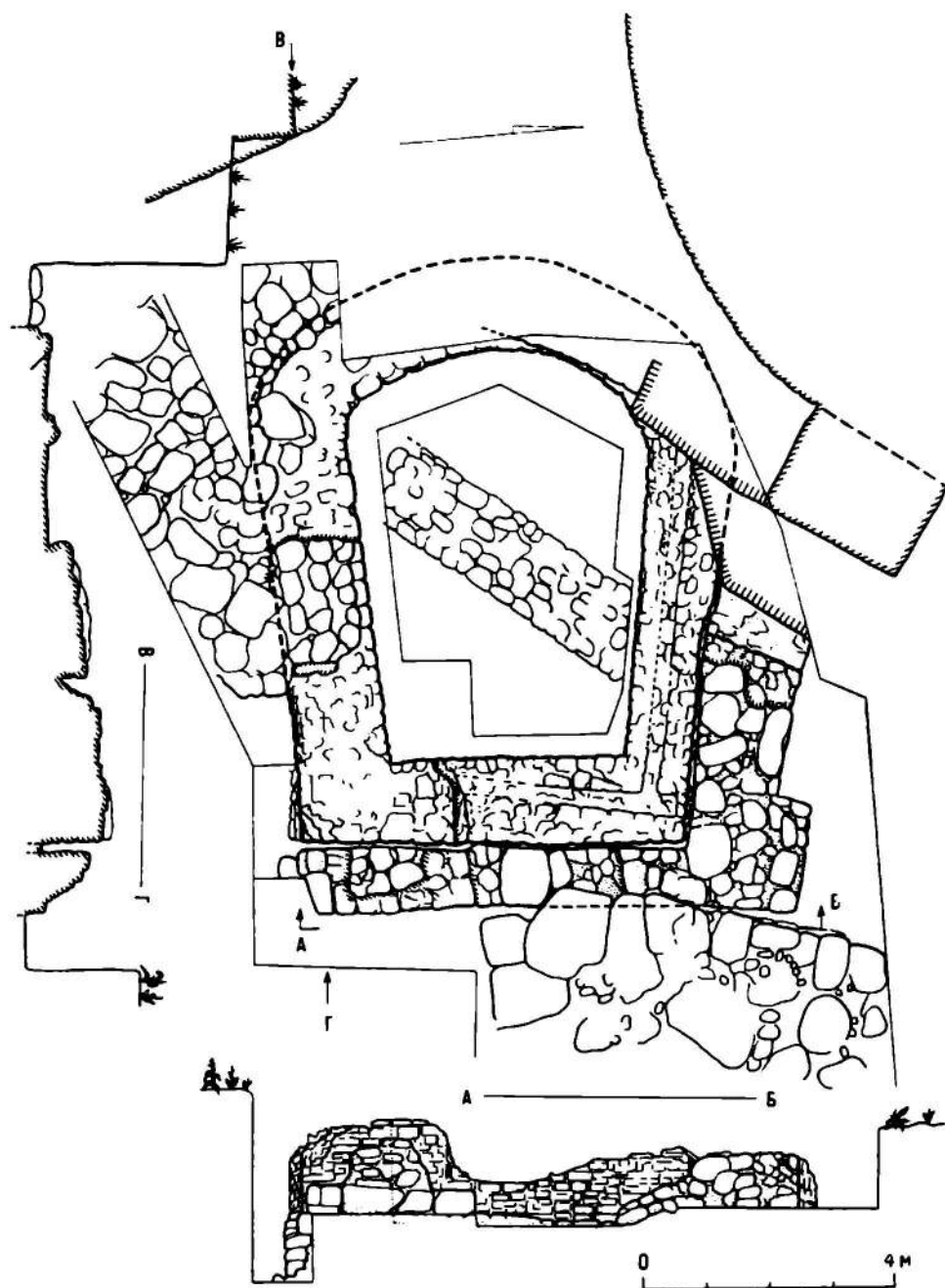

Рис. 58. Нижние части башни 1364 г. План, фасад и разрез.

Рис. 59. Восточная часть башни 1364 г.

планировке, башня не была воротной. Вход в нее не сохранился, но вел, по-видимому, с востока.

Несомненно, что первоначально рассматриваемая постройка достигала не менее трех-четырех ярусов, а ее скругленная наружная сторона была фронтальной. Соответствующая датировка башни основана на том, что ее фундаменты заложены в культурном слое с находками первой половины XIV в., а также на малой толщине ее стен, характерной только для оборонительных преград доогнестрельной поры.⁴⁹ Судя по наименованию — костер, местоположению постройки в составе круговых стен, ее развороту в сторону ближайшего (в ту пору неукрепленного) Спасского острова, обнесенная башня была боевой.

Трапецевидный план раскопанного костра для известных русских каменных одиночных квадратных или круглых башен необычен, но соответствует далеким, тоже доогнестрельным, грузинским аналогиям — так называемым башням с круглой спиной.⁵⁰

Прямоугольные в плане башни XIV—XV вв. со скругленной наружной стороной можно отыскать и среди русских сооружений (например, Воротная — в кремле Ямгорода, Никольская — в Пскове), но они входили в кольцо прилегающих каменных сооружений. Карельский образец, следо-

⁴⁹ Сходную толщину стен (1,3—1,4 м) имели, например, башни XIII в. в Бересте и Столпы (Ткачев М. А. Военное зодчество Белоруссии XIII—XIV вв. Минск, 1974, с. 10).

⁵⁰ Закарая И. П. Крепостные сооружения Картли. Тбилиси, 1968, с. 52, 53, рис. 16.

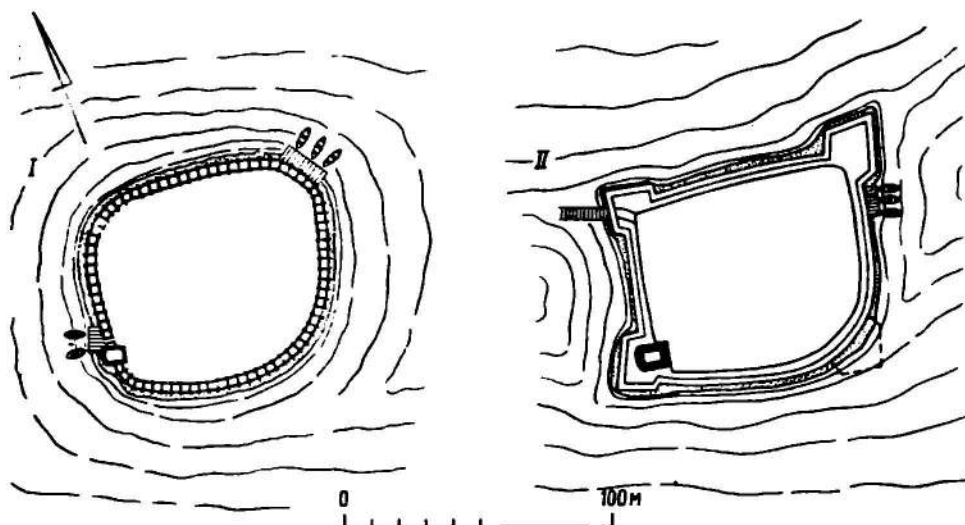

Рис. 60. «Корельский город» в XIV (I) и XVI вв. (II). План-реконструкция.

вательно, уточняет появление на русской почве башен, отличающихся определенной фронтальной направленностью (эта эволюция приведет к полукруглым башням).

Башня посадника Якова, примерно через сто лет после возведения, подверглась утолщению, а при одной из перестроек городских укреплений (очевидно, в XVI в.) была сломана, как мало приспособленная для пушечной обороны. Источники обошли этот факт молчанием, что породило недоразумения. Так, финский археолог Т. Швиндт удивлялся, что после захвата города шведами в 1580 г. они в своих письмах и расходных перечнях не упоминали ни о какой русской башне.⁵¹ Преодолеть эту неясность оказалось возможно с помощью опубликованных самим же Швиндтом архивных сведений о военном строительстве в занятом шведами кремле Корелы. Из записей явствует, что укрепления «Старой крепости», не пострадавшие от шведской осады 1580 г., год спустя во время партизанского набега были разрушены. При этом, как сообщалось в донесении королевского уполномоченного Ларса Торстенсона, сгорели две деревянные обмазанные глиной башни (ttoorn) и одна обгорела.⁵² Последнее замечание, возможно, относилось к так сказать несгораемому костру посадника Якова. Таким образом, кремль Корелы до 1580 г. был по меньшей мере трехбашенным.⁵³

⁵¹ Schvindt Th. Käkisalmen..., p. 34.

⁵² Ibid., p. 7 — Полное понимание текста донесения о нападении русских в 1581 г. затруднено его лакунами.

⁵³ Не исключено, что в юго-восточной части острова могла существовать четвертая башня.

К 1585 г., насколько можно понять из приведенных Т. Швиндтом перечней шведских работ, укрепления острова были восстановлены по старой основе без капитальной перестройки.⁵⁴ В последующие пять лет развернулась их серьезная модернизация. Частью на месте прежних башен были возведены новинки бастионной инженерии — рондели (rundell), представлявшие открытые сверху полукруглые выступы стен, функционально связанные с прилегающими прислами.⁵⁵ На основании шведских источников небесполезно разъяснить топографию этих дошедших до нашего времени (правда, в перестроенном виде) сооружений (рис. 60, II; 61, I).⁵⁶ Первая из ронделей (вероятная дата — 1585—1590 гг.; тогда еще не имела названия) располагалась в юго-западной части острова в соседстве с раскопанной башней 1364 г. и, по данным 1683—1695 гг., называлась Рыбной (Calla), а с 1697 г. — Часовой (Klock).⁵⁷ Вторая рондель, на этот раз вполне определенная источниками, была заложена в 1587 г. против о-ва Банного (Bastuholmen). К 1590 г. она была достроена и, по данным 1683—1695 гг., называлась Жилой (Cotta), а в 1697 г. — Гаванской или Портовой. Раскопки, проведенные здесь в 1976 г., обнаружили части подкладочной конструкции из бревен, значительно выступающих в северо-восточном направлении. Возможно, что эта подкладка как-то была связана с пристанью, и тогда становится понятно название рондели, унаследованное от предшествующих времен.

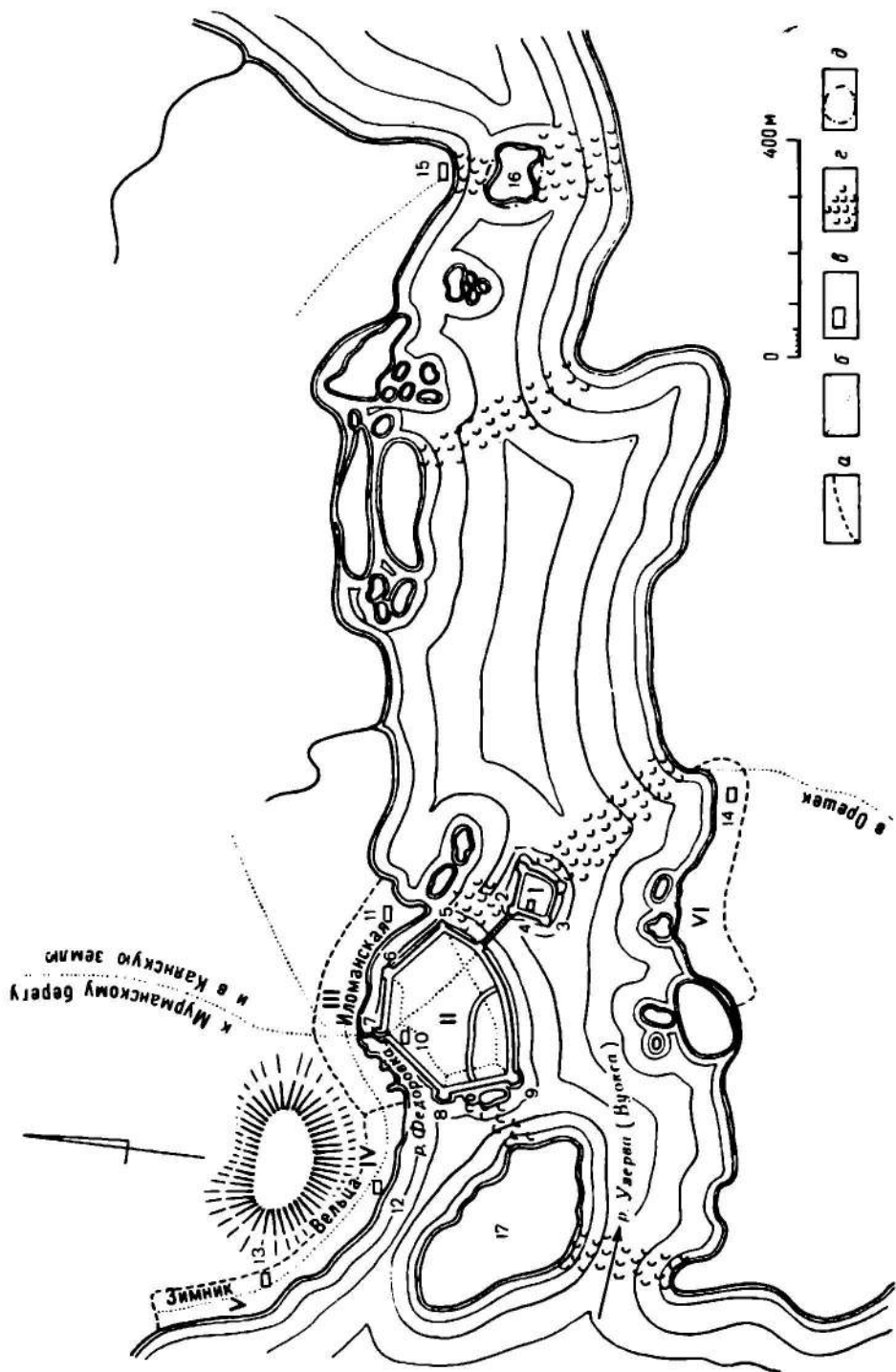
Третье, правда, не столь выступающее наружу сооружение находилось в северном углу острова на месте будущего Кавальер-бастиона; оно построено не позже середины XVII в. и в 1697 г. называлось Трубной (?) ронделью (Länko). Итак, Банная и Трубная рондели были расположены на двух углах острова. Рыбная рондель, очевидно, возведена заново по соседству с башней 1364 г. и занимала юго-западный угол острова. На ряде шведских планов Кексгольма XVII в. этот угол показан скругленным, что явно было предопределено находившимся здесь древнерусским костром. В целом размещение ронделей явно наследовало дошведской строительной традиции. Иными словами, речь идет о местах угловых башен русского периода, зафиксированных в тот момент, когда башен уже не существовало. В самих же полукруглых ронделях шведской поры угадываются (как гласит упоминавшееся известие 1581 г.) платформы русских башен, «отороченные переплетенными березовыми сучьями и обмазанными глиной кольями» (рис. 60, II). Перед нами

⁵⁴ Ср.: Tawaststjerna W. Pohjoismaiden viisikolmattavuotinen sota. Helsinki, 1918—1920, p. 511.

⁵⁵ Шперк В. Ф. Фортификационный словарь. М., 1946. с. 92. — Изобретателем ронделей, или бастей, считают А. Дюрера.

⁵⁶ Сведения о топографии ронделей изложены на основании архивных документов, помещенных в книге Т. Швиндта, и экспликаций планов Кексгольма 1630—1710 гг., присланных из Стокгольмских архивов. Эти же данные, дополненные сведениями писцовых книг Корелы около 1500 и 1568 гг. (Временник МОИДР. М., 1852. кн. 12, с. 4—7; ЦГАДА, ф. 137, по Новгороду 7, л. 434—507 об.), использованы для создания публикуемого плана-реконструкции Корелы XVI в.

⁵⁷ Эта рондель, имеющая ныне полигональные очертания, первоначально, как явствует из шведского плана Кексгольма, созданного до 1634 г. была, возможно, полукруглой. Строительство данного сооружения несомненно состоялось в 1580-х гг., так как в 1610—1620 гг., т. е. после вторичного захвата города шведами, рондели здесь не строились.

скрытые временем следы башенно-бастионной конструкции, широко применявшейся в русском военном зодчестве в середине и третьей четверти XVI в.⁵⁸ Что касается смягченно-четыреугольных очертаний острова, каким он был показан на планах 30—40-х гг. XVII в., то и в них усматриваются черты, восходящие к первоначальной планировке крепости XIV в. В середине XVII в. криволинейно изогнутые куртины крепости казались архаичными, и в 1645 г.⁵⁹ (рис. 62) возник проект их полной перестройки и спрямления, который, впрочем, осуществлен не был. Итак, намечаются по крайней мере три точки острова, где до 1580 г. могли существовать узлы пушечной обороны. Все ли намеченные башни⁶⁰ существовали и в новгородское время, неизвестно.⁶¹ Скорее всего, крепость, какой она представляется во второй половине XIV в., была одnobашенной (рис. 60, I). Таким образом, документы и планы шведского Кексгольма оказались приложимыми для ретроспективной реконструкции русских укреплений острова. Это направление поиска позволяет прийти еще к одному заключению.

Новостью шведского строительства в кремле Корелы было возведение фортификатором Якобом ван Стенделем в 1582—1585 гг.⁶² в западной части острова каменной башни (*torn*), названной по имени распорядителя работ башней Ларса Торстепсона.⁶³ К сожалению, на терминологию названий шведских военных сооружений острова не обращали внимания. Слова «*torn* и *rundell*» равнозначно переводили как башня. Между

⁵⁸ Кирпичников А. Н. Крепости бастионного типа в средневековой России. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1978. Л., 1979, с. 489, 490.

⁵⁹ Я располагал фотокопиями трех неопубликованных планов, посвященных этому проекту. Первый, датированный 1645 г., хранится в Государственном архиве, второй и третий, недатированные, — в Государственном и Королевском военном архивах Швеции. На первом чертеже отчетливо видны три полукруглых выступа, соответствующих Бавной и Трубною ронделям и тому месту, где была раскопана башня 1364 г.

⁶⁰ Эти башни можно было бы последовательно называть Бавной, Воскресепской (по вероятной близости к месту Трубною ронделя деревянной церкви, впервые упомянутой около 1500 г.) и Часовой. Думаю, что некоторые русские названия оборонительных сооружений могли использоваться в Кексгольме шведского периода.

⁶¹ Археологические раскопки на месте существующих бастионных укреплений острова сопряжены с разрушением этих укреплений и поэтому (за исключением двух небольших шурфов в северной куртине) не предпринимались.

⁶² В документах Якоб ван Стендел строителем башни прямо не назван. Однако в 1581—1584 гг. именно он осуществлял на острове все военно-инженерные работы.

⁶³ Schvindt Th. Käkisalmen..., p. 8 sq. — Фундамент башни заложен в 1582 г. Сообщения о строительстве башни следуют вплоть до 1584 г., а на 1585 г. было обещано ее окончание. Действительно, в последующие годы в шведских строительных росписях она не упоминается.

Рис. 61. Корела в XVI в. План-реконструкция автора.

I — кремль; II — Спасский остров, III—VI — городские районы северного и южного материковых посадов; 1 — Бавная башня, 2 — Трубный бастион, 3 — Рыбный бастион, 4 — церковь Воскресения Христова, 5 — Черный бастион, 6 — Флажный бастион, 7 — Сергиевский бастион, 8 — Мельничный бастион, 9 — Корельский бастион, 10 — церковь Спаса, 11—14 — монастыри и церкви материковых посадов, 15 — монастырь Иоанна Предтечи, 16 — городище около 1300 г., 17 — Скалистый остров; а — границы посадов, б — дороги и улицы, в — места церквей и монастырей, г — порог, д — первоначальное поселение.

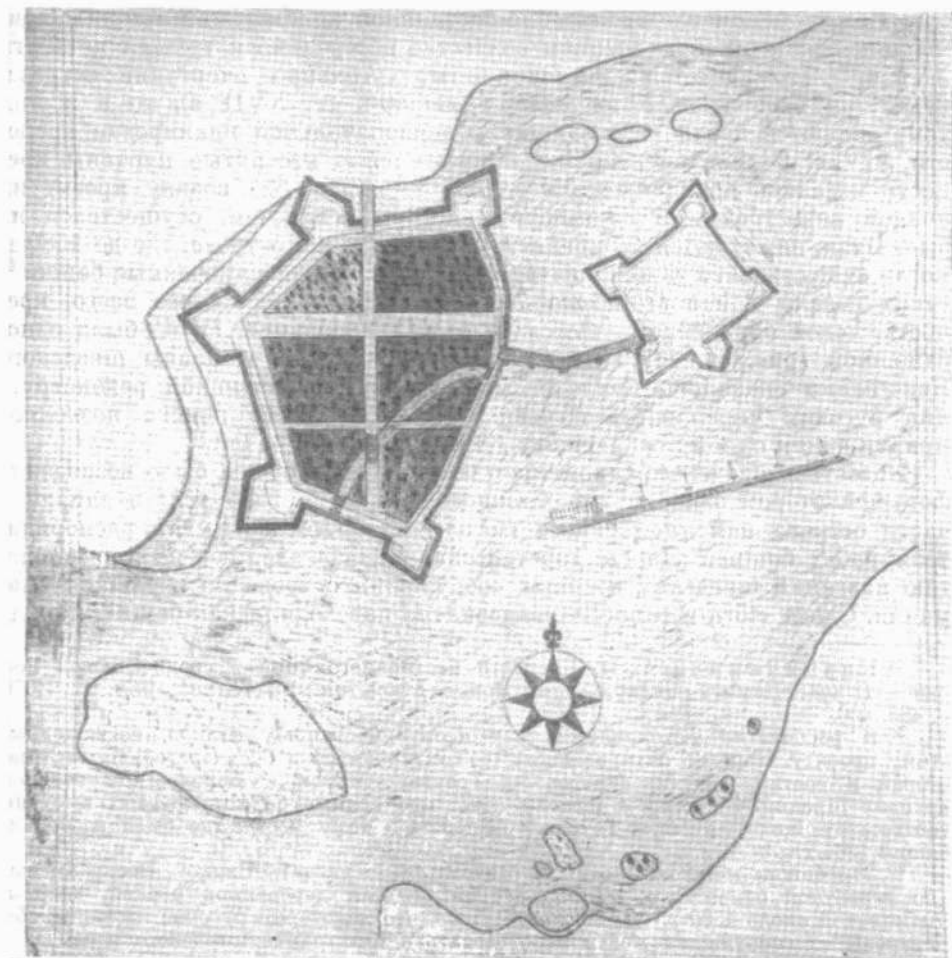

Рис. 62. Кекстольм — замок и город. План-проект 1645 г. (Швеция. Гос. архив).

тем в первом случае подразумевалась именно существующая и поныне к северо-западу от раскопанной нами новгородской постройкой 1364 г. шведская круглая башня (рис. 63). Эта круглая двухъярусная башня (диаметром 16—18 м) снабжена огнестрельными печами (позже перестроенными в глухие камеры)⁶⁴ и воротами (возможно, также не первоначальными). Малая высота башни (8 м), толщина ее стен, равная в первом ярусе 4 м, оборудование пушечным и стрелковыми бойницами — все это не оставляет сомнений в принадлежности постройки к эпохе развитой огнестрельной фортификации. Действительно, именно такие

⁶⁴ Речь идет о бойницах первого яруса, бойницы второго достоверно не сохранились.

Рис. 63. Башня 1582—1585 гг. Вид с юго-востока.

низкие круглые сооружения, расположенные между каменно-земляными куртинами и достигавшие в диаметре 20 м (при ширине стен до 5 м), были типичны для шведских крепостей, строившихся в 1540—1560 гг.: подобные укрепления связывают с саксонскими прототипами и приводят имена их строителей — приезжих немецких «валмейстеров».⁶⁵ Судя по упомянутому выше имени кексгольмского фортификатора, он также был иностранцем, укреплявшим в 1570—1580 гг. в принятой в шведском королевстве манере пограничные и захваченные города.⁶⁶

В отечественной литературе описанная шведская башня без учета опубликованных Т. Швиндтом еще в 1898 г. документов и без сколько-нибудь убедительных доказательств считается постройкой посадника Якова.⁶⁷ Исследователей подкупал сам вид одиобашенной крепости, изображенной на многочисленных планах XVII—XVIII вв. Раскопки кладут конец этому заблуждению, ибо выявили, наконец, не совместившееся со шведской башней подлинное и редкое произведение русского зодчества.

⁶⁵ Unnerbäck E. Vadstena slott 1545—1554. Stockholm, 1966, p. 179 sq., pl. 6; 8, at 9.

⁶⁶ В одном из писем Якоб ван Стендел называет себя мастером Выборга, Нейшлота и Кексгольма (Schvindt Th. Käkisalmen... p. 29, 30). Участвовал он и в строительстве нового замка в Стокгольме (Silverstolpe C. Historisk bibliotek, Stockholm, 1876, vol. 2, p. 182 sq.).

⁶⁷ Косточкин В. В., Драги А. А. Костер посадника Якова в Кореле, с. 17, 18 (шведскую постройку авторы характеризуют как древнерусскую на основании строительного материала ее стен, техники кладки, а также расположения башни в общей системе укреплений детинца Корелы. Все эти признаки посят суммарный характер и после находки костра 1364 г. сами собой отпадают). Что касается подлинной башни посадника Якова, то она была, по-видимому, разрушена при строительстве шведской башни.

На примере позднесредневековых укреплений Корелы мы сталкиваемся с тесным переплетением русской и шведской строительных традиций. Это выразилось в принципиально одинаковой расстановке пушечных узлов обороны острова, включавших в свою систему по одному цельнокаменному сооружению. Так, несмотря, казалось бы, на полное исчезновение крепостных устройств русской Корелы, мы в состоянии расшифровать их планировку и в какой-то мере представить инженерную конструкцию этих сооружений. Полученные выводы приобретают дополнительное обоснование и уточненную датировку при рассмотрении следующего кольца городской обороны. С помощью планов XVII в. и письменных источников удается выявить новый, не изученный в нашей литературе тип древнерусских оборонительных устройств и то, каким образом осуществлялось укрепление ближайшего к «Старой крепости» Спасского острова (рис. 61, II).

Спасский остров,⁶⁸ как показали проведенные в 1972 г. раскопки, был заселен в последней четверти XV в. Обнаруженный здесь культурный слой подразделялся на два строительных горизонта⁶⁹ и содержал деревянные постройки, дендрохронологически датированные Н. Б. Черных 1481—1500 и 1513—1525 гг. (соответственно).⁷⁰ С включением в состав города Спасского острова территория поселения увеличилась на 4,4 га, т. е. более чем в 7 раз, а в источниках появилось его новое название — Корела. С этого времени прежний Корельский город стал кремлем поселения на р. Вуоксе, которое первые сто лет московского существования испытало наивысший в своей средневековой истории строительный взлет, сопровождавшийся разрастанием южного и северного неукрепленных материковых посадов. Посадская же застройка располагалась и на Спасском острове. Последний вплоть до конца 60-х гг. XVI в. также же был укреплен постоянной преградой⁷¹ и мостами сообщался с детинцем и северным предградьем, раскинувшимся «за Федоровкой рекой». В качестве редкой особенности планировки нового района отметим канал, прорезавший остров, который мог служить и внутренней гаванью (нечто подобное было в Орешке), и вместилищем воды на случай осады.

Сведения о постройке крепости на Спасском острове в отечественных источниках, к сожалению, отсутствуют. Эту утрату в какой-то мере восполняет изучение шведских документов, связанных с первой и второй оккупациями Корелы в 1580—1597 и 1611—1710 гг.

⁶⁸ Ныне остров фактически слился с материком, а р. Федоровка, некогда отделявшая его от суши, полузасыпана.

⁶⁹ Залегали на глубине 0,7—1,1 (местами и до 1,5 м) и 1,55—1,8 м (иногда до 3 м).

⁷⁰ Раскопки охватили площадь около 380 м². Помимо древнерусских построек были открыты части городского собора, существовавшего около 1611—1679 гг., достигавшего по осям 58×30 м. Здание состояло из прямоугольного объема, к которому с четырех сторон примыкало шесть пристроек (притворы, ризница, хор, колокольня). Православной Спасской, видимо деревянной, церкви обнаружить не удалось (более подробно об этих изысканиях см.: Кирпичников А. Н. Отчет о раскопках в Приозерске в 1972 г. — Арх. ИА АН СССР).

⁷¹ Документы 1543 и 1568 гг. свидетельствуют, что в Кореле был только один «город» — кремль, а Спасский остров крепости не имел. (ЦГАДА, ф. 137. Новгород 7. л. 434; Материалы по истории Карелии XII—XV вв. Петрозаводск, 1941, с. 146).

26 октября 1580 г. шведское войско под командованием Понтуса Делагарди осадило Корелу. Вид двух укрепленных островов произвел на шведов сильное впечатление. 7 ноября 1580 г. прямо из полевого лагеря под городом Делагарди писал королю Юхану III, что «если этот замок оставить с валами и таким укрепленным, как полагается, то это будет сильная крепость и желанное укрепление для короля и государства, ибо это место само по себе и природой укреплено так, что его никогда нельзя взять штурмом, а лишь с помощью голода, огня или измены». Другой шведский офицер в заключении послания подтвердил, что укрепление «располагается между такими потоками и так выделяется, что едва ли что-нибудь подобное может быть найдено в другой стране, и если король распорядится, чтобы было произведено надлежащее строительство валов и прочего, то тогда эта крепость устоит перед любой силой и ею нельзя будет овладеть никаким штурмом».⁷² Приведенные (еще не использованные в нашей литературе) оценки достаточно красноречивы и убеждают в том, что шведы высоко оценили боеспособность русской твердыни. Не решившись на прямой штурм, они применили новинку тогдашней артиллерии — каленые ядра. После обстрела (4 ноября), как писал Делагарди, загорелся один блокауз, затем второй, третий, и построенная на уступах острова деревянная крепость стала гореть,⁷³ что и повлекло ее скорую капитуляцию. Еще одно современное известие гласило, что шведы прибегли к раскаленным ядрам, «испытавши много раз перед тем, что тяжелыми орудиями ничего не поделают с этим городом, так как лежит между быстрыми стремительными реками и защищен от нападения большими башнями и блокаузами».⁷⁴ Приведенные сведения ценны техническими подробностями, касающимися крепостной обороны. Под блокаузами и башнями в данном контексте следует понимать башни, соединенные стенами из, очевидно, забитых землей срубов. Именно такими описаны эти стены в одном шведском документе 1610 г. — они «были сколочены из дубовых, плотно скрепленных бревен и для большей прочности засыпаны землей».⁷⁵ Почти в тех же выражениях сообщают об устройстве укреплений и шведские строительно-расходные перечни начиная с 1581 г.⁷⁶

В описании осады Корелы в 1580 г. упомянуты уступы (видимо, береговые) на которых была построена крепость города. Действительно, башневая конструкция укреплений, насколько удалось установить по аналогичным сооружениям эпохи Ивана Грозного, предполагает специальные выступы-платформы для башен. Наличие этих выступов-бастионов, окружавших Спасский остров, подтверждается следующими данными. Во время артиллерийской бомбардировки города, как отмечалось выше, шведы подожгли три, видимо, обращенных к северному предместью башни. Их деревоземляные цоколи, разумеется, сгореть не могли и в дальнейшем послужили для новых шведских построек. И на самом

⁷² Handlingar rörande Skandinaviens historia. Stockholm. 1855, vol. 36, p. 245.

⁷³ Ibid, p. 243: Tawaststjerna W. Pohjoismaiden..., p. 289.

⁷⁴ Рюссов Б. Ливонская хроника. — В кн.: Сб. материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1880, т. 3, с. 315.

⁷⁵ Шаскольский И. П. Шведская интервенция в Карелии..., с. 71.

⁷⁶ Schvindt Th. Käkisalmen..., p. 6 sq.

деле в 1592 и 1594 гг. на месте трех сгоревших башен были возведены рондели⁷⁷ (типа описанных в разделе об укреплениях «Старой крепости»). Из этого можно заключить, что плановая структура укреплений острова и расположение отдельных оборонных компонентов в период шведской оккупации в 1580—1597 гг. по сравнению с предшествующим временем принципиально не менялись. Шведские источники не сообщают о капитальной перестройке крепостных стен Спасского острова ни в 1580-х гг., ни в 1610—1620 гг. Следовательно, еще в первой четверти XVII в. названное укрепление полностью сохраняло прежнюю основу, унаследованную от русского периода. Приведенное суждение в свою очередь существенно для истолкования трех древнейших уцелевших планов Кексгольма 1630-х гг.⁷⁸ Эти листы сохранили, по нашему мнению, изображение бастионов посада русской Корелы в том виде, какими они были до 1580 г. (рис. 64, 65; ср. рис. 62). На чертежах показаны пять бастионов, которые обороняли Спасский остров со стороны р. Федоровки. Шестой, обращенный к кремлю, выступ острова представлял, очевидно, основание несохранившегося моста, соединявшего в XVI в. две части города.⁷⁹ Типологически упомянутые бастионы бесспорно входят к XVI в. Основание (горжа) этих сооружений, расположенных на расстоянии 42—55 саженей друг от друга, достигало 10—12 саженей, а вынос за линию куртинного фронта — примерно 5—6 саженей. У трех центральных бастионов фас в 2 раза превышал их флаги, что составляло $\frac{1}{6}$ — $\frac{1}{7}$ линии внутреннего полигона. Фасы бастионов сходились под углом 90—120°. По своим пропорциям рассматриваемые укрепления напоминают такие же укрепления Заволочья (1536 г.) и особенно Торопца (1586 г.), что может подсказать приблизительное время их строительства. Возведение бастионов Корелы как Спасского острова, так и рассмотренной выше «Старой крепости» могло быть вызвано шведским нападением 1573 г. и имело место до 1577—1578 гг., когда в городе ввиду шведской опасности находилось, согласно разрядным записям, сразу несколько воевод.⁸⁰

Занятие города шведами в 1580 г. сопровождалось и значительной переменой населения, по военные топонимы пережили своих хозяев. Пытаясь выявить русские названия бастионов, бесполезно с помощью шведских источников последовательно перечислить эти сооружения (рис. 60, II; 61, 64, 65). Восточный угол острова занимала впервые названная в экспликациях плана города 1650 г. рондель Шварц (Svart, Schwarz); совершенно ясно, что это название является переводом с рус-

⁷⁷ Ibid., p. 32.

⁷⁸ Планы соответственно выполнены до пожара Кексгольма 1634 г. (хранятся в Государственном архиве Швеции, издан: Kuujo E., Pugašo E., Sarkanen J. Käkisalmen..., kuv. 24); в 1634 г. архитектором О. Х. Эрнехуфвудом (хранятся в Королевском военном архиве, издан: Eimer G. Die Stadtplanung im schwedischen Ostseereich 1600—1715. Stockholm, 1961, Abb 113); в 1637 г. (хранятся в Королевском военном архиве, издан: Schvindt Th. Käkisalmen..., kuv. 1; также: Kuujo E., Pugašo E., Sarkanen J. Käkisalmen..., kuv. 27).

⁷⁹ В XVII в. мост был перемещен несколько южнее и находился на том месте, которое обозначено на всех шведских чертежах XVII в.

⁸⁰ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966, с. 291; Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974, с. 144.

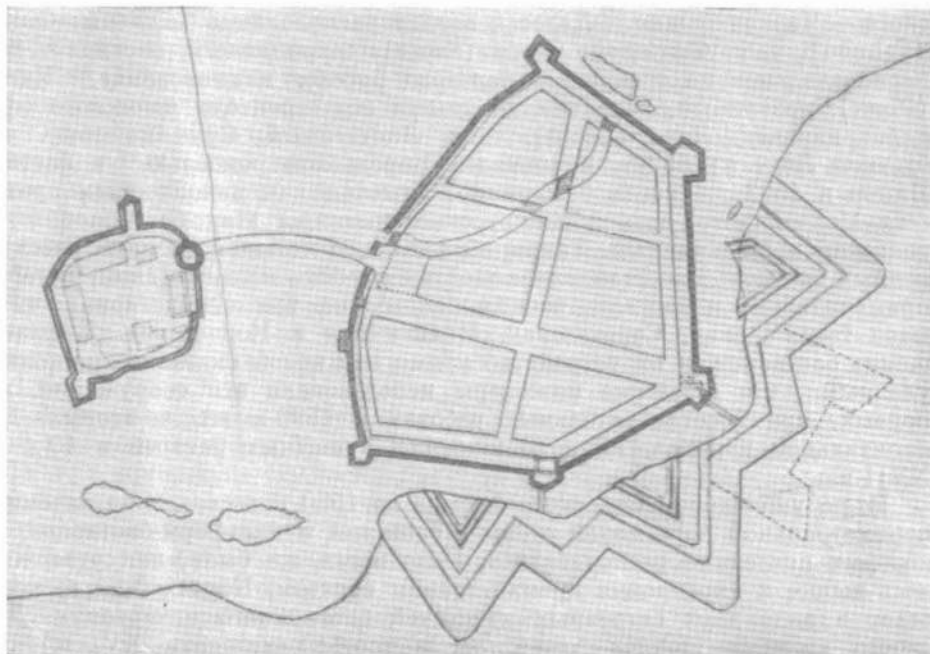

Рис. 64. Кексгольм 1634 г. План-проект О. Х. Эрнехуфвуда.
(Швеция, Королевский военный архив).

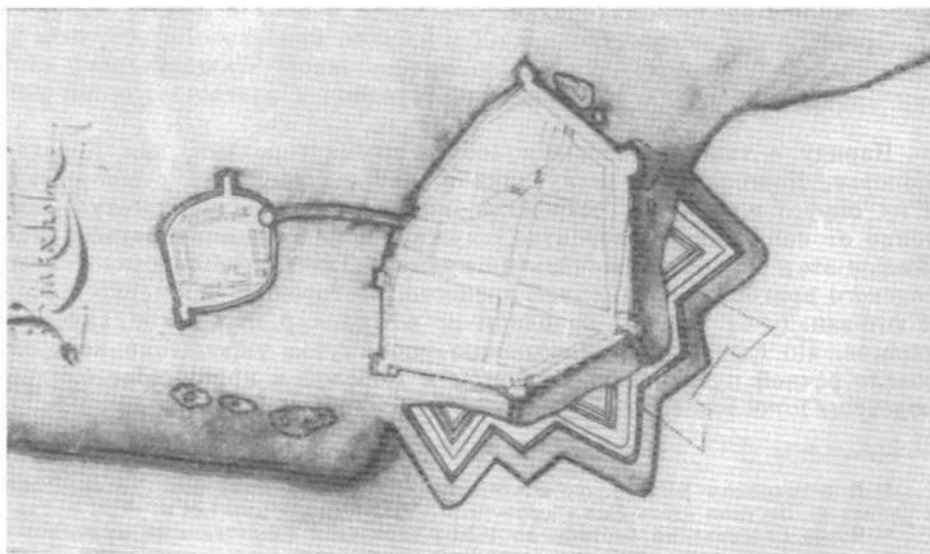

Рис. 65. Кексгольм 1637 г. План. (Швеция, Королевский военный архив).

ского — Черная башня.⁸¹ Далее к западу расположены бастионы: Фанеп (Fahnen), т. е. Флажной; Серге (Serge), сохранивший, очевидно, свое первоначальное не требующее перевода русское наименование,⁸² Пипер (Piper), названный, вероятно, по имени его строителя шведского офицера; наконец, Лехт (Lecht), т. е. Лиственный. Судя по тому, что бастион Лехт в 1639 г. именовался Корельской ронделью,⁸³ а бастион Пипер в 1592 г. (тогда безымянно) отмечен как находящийся против о-ва Мельничного, возможные русские прозвища этих бастионов — Корельский и Мельничный. Таким образом, для четырех из пяти рассмотренных бастионов восстапавливаются их русские наименования, которые применительно к башням, расположенным на тех же бастионах, читаются так: Черная, Сергиевская, Мельничная и Корельская. II размещение бастионов, и их устройство прямо над водой оказались настолько удачными, что шведские инженеры использовали эти сооружения, во-первых, при восстановительных работах в 1590-х гг., во-вторых, для капитальной перестройки и расширения пушечных батарей в 40-х гг. XVII в.

Итак, укрепления Спасского острова до 1580 г. состояли из наземной периметральной деревянной стены с башнями и платформ-бастионов, на которых последние располагались. Подобными же были, как утверждалось выше, и укрепления кремля. Таким образом, Корела XVI в. предстает в виде двух островных крепостей бастионного начертания. Для своего времени (точнее — середины и третьей четверти XVI в.) эта система являлась инженерной новинкой, вызванной усовершенствованием артиллерии.

Так решается загадка о том, как выглядели крепостные сооружения города на р. Вуоксе в XVI в. и каким путем в эпоху торжества огнестрельного оружия была осуществлена реконструкция новгородских укреплений Корельского городка.

Тиверский городок

Наряду с такими узловыми «областными» городами, как Корела и Копорье, Новгородская республика в XIV в. допускала существование в их окрестностях племенных острожков, которые защищали окрестное население от нападения и, вероятно, служили резиденциями местной знати. Вопрос этот удастся прояснить на примере Тиверского городка — повгородского пригорода и каменной крепости, построенной примерно в 25 км к юго-западу от Корелы на одном из островов р. Вуоксы у Тиверских порогов. По своему местоположению упомянутое укрепление контролировало речной путь между Выборгом и Корелой и прикрывало ближние подступы к последней.

---

⁸¹ В источниках XVII в. он почти во всех случаях назывался не бастионом, а ронделью. Бастион здесь был сооружен в XVIII в.

⁸² Через Сергиевский бастион до 1630 г. пролегал единственный и, возможно, первоначальный проезд на мост к северному предградию.

⁸³ Schvindt Th. Käkisalmen... p. 65.

Судя по названию, Тиверский городок можно связать с родовой группировкой — карелами-тиврульцами (тиврольцами), обитавшими неподалеку от «Корельского города», которые в дальнейшем после захвата шведами их укрепленного центра переселились в Беломорье.⁸⁴

Тиверский городок в летописи выступает в заключительную пору своего, видимо, недолгого существования. Зимой 1411 г. он был взят шведами и, очевидно, разрушен.⁸⁵ В ответ на уничтожение пригорода новгородцы ответили карательным походом на Выборг, затем построили в честь этого похода на Софийской стороне Новгорода благодарственную церковь, но форпост на Тиверских порогах восстановлен не был. До гибели Тиверский⁸⁶ отмечен в числе 13 городов, доставшихся в 1404 г. наемному новгородскому князю Юрию Святославичу, а еще раньше упомянут в списке «всем градом руским далним и ближним», составленном в 1390—1396 гг.⁸⁷

Время основания тиврульской столицы в литературе дискуссионно. Его относили к концу X в.,⁸⁸ XII в.,⁸⁹ концу XIII в.,⁹⁰ первой половине XIV в.,⁹¹ наконец, к 1293—1323 гг.⁹² В ходе археологических изысканий последних лет установлено, что данных о существовании Тиверского городка ранее XIV в. нет. Более того, военная обстановка, сложившаяся в Новгородской Карелии именно после 1300 г., стимулировала создание такого рода опорного пункта. Полагают, что это могло состояться еще до 1323 г., исходя из того что заключенный тогда Ореховский договор запрещал возведение по обе стороны границы новых пограничных крепостей. Однако, во-первых, Ореховский мир был нарушен в 1337 г., часто не соблюдался он и впоследствии. Во-вторых, столь внимательный к военным делам на северо-западе новгородский летописец не отмечает Тиверского во время походов шведов в устье Вуоксы (1295 г.) и к Кореле (1322 и 1337 гг.).⁹³ А ведь их путь проходил бы через острожек на р. Вуоксе. Далее, в 1333 г. князю Наримонту новгородцы в числе других мест дают Корельский городок и Корельскую землю, но о Тиверском опять умалчивается.⁹⁴ Полагаем, что основание городка у Тиверских порогов могло состояться в конце 1330-х гг., когда Корелой управлял Ва-

---

⁸⁴ Кирпичников А. И., Петренко В. П. Тиверский городок. — КСИА, 1974, вып. 139, с. 106; Кочкуркина С. И. 1) Тиверск. — КСИА, 1976, вып. 146, с. 70; 2) Археологические памятники Корелы V—XV вв. Л., 1981, с. 30 след.

⁸⁵ Новгородская первая летопись..., М.; Л., 1950, с. 402, 403.

⁸⁶ Этот населенный пункт неправильно называют Тиверском, в источниках такого наименования нет.

⁸⁷ Новгородская первая летопись..., с. 477; см. также: Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды. М., 1975, с. 365—378.

⁸⁸ Ailio J., Hackman A. Trouvailles préhistoriques. — SMYA, 1911, vol. 5, p. 83, 84.

⁸⁹ Rinne J. Suomen karjalan vanhat linnat. Karjalan kirja. Porvoo; Helsinki, 1932, p. 265.

⁹⁰ Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII—начала XVI в. М., 1962, с. 25, 88.

⁹¹ Раппопорт П. А. Очерки военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. — МИА, 1961, 105, с. 70.

⁹² Кочкуркина С. И. Тиверск, с. 70.

⁹³ Новгородская первая летопись..., с. 96 след.

⁹⁴ Там же, с. 346.

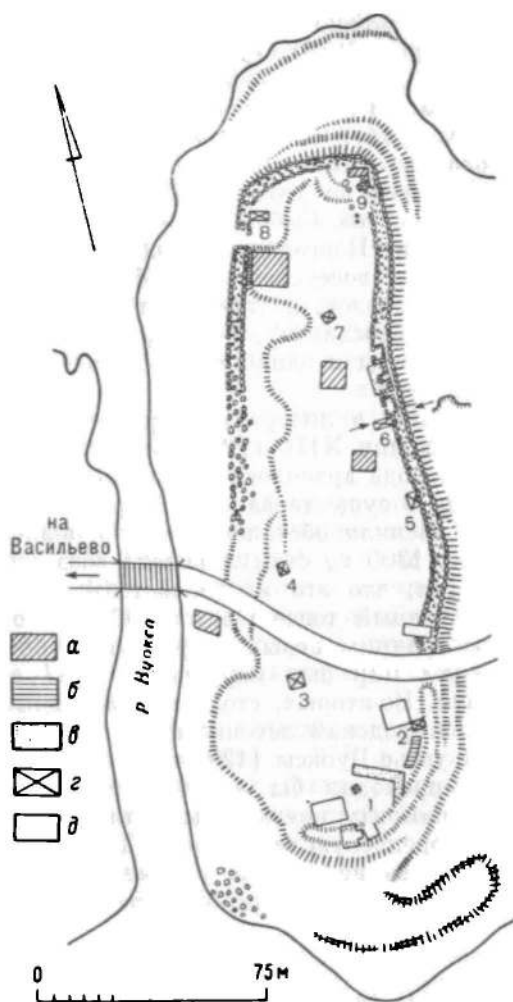

Рис. 66. Тиверское городище. План с обозначением мест раскопок.

1—9 — раскопки; а—г — раскопки 1888—1889 и 1891 гг., д — 1971 г.

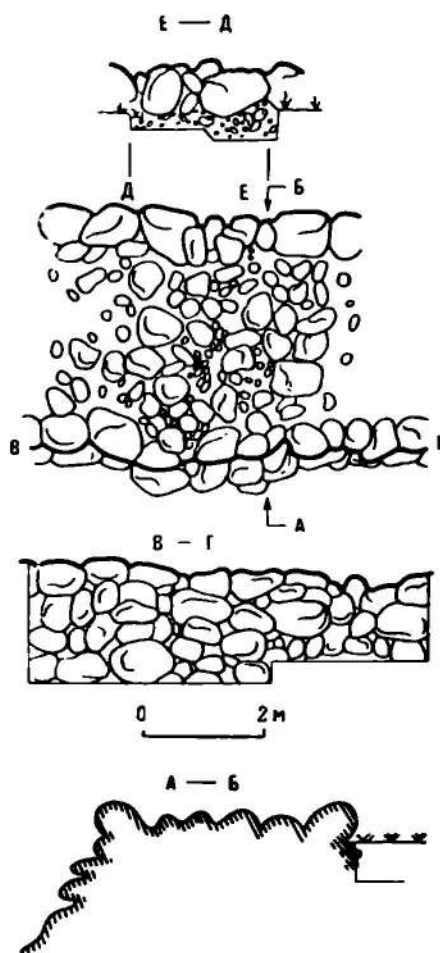

Рис. 67. Участок восточной стены Тиверского городка (раскоп б). План, разрез и фасады.

лит-кореляннин, с чьим именем легенда связывает строительство на севере первых каменных укреплений (см. с. 128). Такое строительство мог предпринять один из карельских родов, песших, возможно, пограничную службу в районе р. Нуоксы. Не исключено, однако, что основание городка в целях более широкого использования для защиты северо-западных рубежей, подчиненных Новгороду карельских военных сил, произошло во второй половине XIV в. Данные археологии такому заключению не противоречат.

Рис. 68. Внешняя сторона восточной стены. Вид с юга.

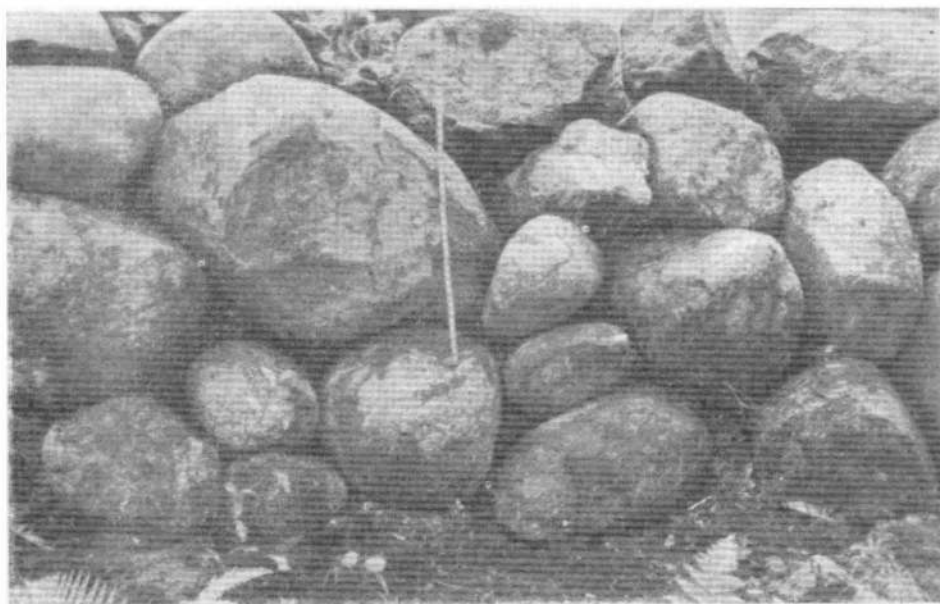

Рис. 69. Кладка восточной стены. Вид с востока.

Городище (площадь в пределах укреплений 225×50—70 м) занимает возвышенность — некогда остров (один проток в связи с понижением уровня р. Вуоксы пересох; рис. 66). Поселение однослойно, его культурный слой достигает в среднем 0.1—0.5 м.⁹⁵ Большинство находок связано с временем гибели городка в 1411 г. Очевидно, тогда же и был спрятан обнаруженный в 1890 г. известный клад серебряных изделий. до сей поры являющихся одними из наиболее нарядных средневековых украшений, найденных на территории Карелии. Хронологическую определенность приобрела и обнаруженная на городище керамика. По форме и тесту она не отличается от надежно датированной глиняной посуды, найденной в слоях XIV в. древней Корелы, а также и Орешка. Речь, в частности, идет об однообразных глиняных горшках⁹⁶ с плавным отогнутым венчиком и внутренним валиком, восходящих по форме к русской посуде XII—XIII вв. Накапливается все больше фактов для утверждения, что в Новгородской земле эти сосуды продолжали изготавливаться и в XV в., а веком раньше местами они вообще преобладали.

На Тиверском городище в последние годы найдены бронзовые и серебряные украшения: скорлупообразные фибулы, игольник, Ф-образная пронызка с привесками, бронзовая орнаментированная рукоять ножа, подковообразная застёжка,⁹⁷ которые (не говоря о кладе 1890 г.) ранее связывались с XII—XIII вв., однако, учитывая то, что они современны своему слою и не попали в него случайно, все укладывается в пределах XIV—начала XV в. Тиверские (так же как и из Корельского городка) находки подталкивают к некоторому расширению и вместе с тем омоложению датировок древностей Приладожской Карелии (известных ранее преимущественно по кексгольмским могильникам).⁹⁸

Кирпичи, шлаки, тигли, инструменты, обнаруженные на территории Тиверского города, указывают на то, что там производили различные металлические изделия. Здесь следует сказать, что Тиверский городок был не только ремесленным, но и военным центром.

Городище почти по всему периметру окружено валом и в большей части — каменной стеной, сложенной насухо из больших валунов. Камни стены уложены на склонах городищенского холма прямо на древнюю поверхность. Поразительно то, что стены этого укрепления в тех местах, где они не повреждены человеком, простояв не менее 500 лет, почти не требуют консервации; скатились лишь непогис валуны, развороченные корнями. Циклопическая кладка стены городка на Тиверских порогах производила настолько сильное впечатление, что породила легенду. По народному преданию, при строительстве крепости духи ночью разрушали отрезки степ, сооружавшиеся в течение дня. Это обстоятельство

---

⁹⁵ Раскопки Тиверского городища предприняты Приозерским отрядом Лепинградской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР в 1971 г. Более подробно см.: Кирпичников А. П., Петренко В. П. Тиверский городок, с. 107 след.

⁹⁶ Там же, рис. 3, 91.

⁹⁷ Встреченные на городище единичные вещи раннесредневекового периода, видимо, попали на остров еще до основания здесь городка (Кочуркина С. И. Археологические памятники..., с. 60).

⁹⁸ Это утверждение не отрицает возникновения и существования некоторых типов карельских украшений и в более ранний период.

якобы выпудило строителей заложить город на месте пышного Приозерска.

Зачистка восточного участка степы показала, что она в своей большей части сохранилась (в исследованиях средневековой фортификации случай редкий) до уровня первоначальной боевой площадки, достигавшей ширины около 4,5 м (рис. 67, 68, 69). С наружной стороны стены высится от подошвы на 1,8—3,5 м, с внутренней — до 0,8—1,5 м. Степы городка возвышаются над уровнем р. Вуоксы на 5—7 м. По верху стен в древности, очевидно, шел деревянный бруствер; «высота» обороны городка составляла в среднем около 6 м (высота каменной степы примерно 2 м, берегового откоса — 2 м и деревянной надстройки — около 2 м).

В той же восточной части стены обнаружены устроенные в толще ее кладки четыре камеры размером 2,5×3 и 2,5×5 м. Высота стен камер 0,7 м; они одновременны стенам и связаны несомненно с несохранившейся верхней деревянной частью этой стены.

В целом стены городища (за возможным исключением особенного по наружному облику, а именно — насыпанного землей, юго-восточного, участка),⁹⁹ по-видимому, выстроены одновременно в непродолжительный срок и скорее всего хронологически соответствуют летописному Тиверскому городку.

Такие необычные для XIV в. черты Тиверской крепости, как кладка насухо, относительно невысокое расположение боевой площадки, объясняются островным положением укрепления и, очевидно, участием в строительстве местных жителей — древних карел. Тиверская стена, уцелевшая почти целиком и сохранившая редчайшие архитектурные детали, оказалась в целом произведением не новгородской, а карельско-финской доогнестрельной фортификации.¹⁰⁰ Для начала XV в. эти стены, приволинейно расположенные по периметру острова и лишенные фланкирующих башен, были архаичны, в чем, очевидно, и кроется одна из причин того, что вуоксинский острожок не был восстановлен; его пришлось бы строить совершенно по-новому. Боевая ценность племенных острожков в XV в. начала угасать. Они не могли противостоять сильному противнику, вооруженному арбалетами и огнестрельным оружием.

---

⁹⁹ Вал в этом месте состоит из культурного слоя, взятого с площадки городища; в основе вала находится описанная выше каменная конструкция (Кочуркина С. И. Тиверск, с. 68). Участок юго-западной степы городища полностью разрушен. В южной части стены сохранился погреб, очевидно, тот самый, при строительстве которого был найден упомянутый выше клад. Повреждение степы городища связано скорее всего с существованием здесь в недавнем прошлом хутора. Сохранились и фундаменты этих построек.

¹⁰⁰ Каменные укрепления, возведенные местным населением в технике сухой кладки, известны и в других районах северо-западного побережья Ладожского озера, а также в Финляндии (Appelgren H. Suomen muinaislinnat. — SMYA, 1891, T. 12, kuv. 12 sq.; Rinne J. Suomen kekiaikaiset mäki linnat. Helsingissä, 1914, kuv. 15 sq.).

КОПОРЬЕ

Копорская крепость как один из выдающихся памятников древнерусского каменного оборонного зодчества давно привлекала внимание исследователей, однако только в 1970—1973 гг. на территории крепости впервые были проведены архитектурно-археологические работы, основными задачами которых были изучение культурного слоя, поиск строительных остатков, исчезнувших или не опознанных первоначальных крепостных сооружений, обследование сохранившихся стен, башен, и уточнение даты их постройки, а также исследование каменных построек на территории крепостного двора (церковь Преображения, комсдантская канцелярия).¹ По всем этим направлениям работ был получен новый материал, который изложен ниже. Архитектурно-археологические работы сопровождались поиском новых письменных и графических документов, связанных с историей Копорья до XVIII в. включительно. И этот поиск принес результаты, пополнявшие сведения о средневековом Копорье.²

Оплот Водской земли

Копорье расположено на возвышенности в 12 км от побережья Финского залива, на кромке предглинтовой низины. Кажущаяся удаленность его местоположения от путей сообщения обманчива. Едущие морем, писал автор XVIII в., видят Копорье за 40 верст.³ Являясь своеобразным

¹ Работы проводились отрядом Ленинградской областной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР совместно с ЛООВОПИК и истфаком ЛГУ им. А. А. Жданова под руководством О. В. Овсянникова. Предварительные информации о работах помещены в АО за 1970—1973 гг. См. также: Кирпичников А. П., Овсянников О. В. Древнерусский храм в Копорье. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 139—146; Овсянников О. В. Копорье. Л., 1976. — В основу главы положены материалы, представленные руководителем раскопок в Копорье О. В. Овсянниковым, за что приношу ему глубокую благодарность. (Ср.: Кирпичников А. П., Овсянников О. В. Крепость Копорье по новым данным архитектурно-археологических исследований. — СА, 1973, т. 3, с. 103 след.).

² Имеются в виду материалы Королевского военного архива Швеции, а также иностранные источники на шведском и финских языках.

³ Туманский Ф. Опыт повествования о деяниях, положении и разделении Санкт-Петербургской губернии, 1789—1790 гг. — ГПБ, Рукоп. отд., Эрмитаж. собр., № 558, л. 256 об.

маяком для мореходов. Копорье издревле было и центром охраны южного берега Финского залива. Согласно одному известию рубежа XVI—XVII вв., копорские земцы несли прибрежную сторожевую службу.⁴ А в 1615 г. шведский король Густав-Адольф напоминал своим комиссарам, ведущим переговоры с русскими, что Копорье (а также Яма) представляют опору шведского владычества на берегу Западного озера, т. е. Финского залива.⁵ Хотя приведенные известия относятся к более поздней поре, они, очевидно, отражают роль Копорья как древнего приморского форпоста.

Близость к берегу не уменьшала, а усиливала сухопутное значение Копорья. Именно в этом населенном пункте помещался долгое время, по всей вероятности, единственный в Водской земле центр новгородского управления краем. Тот, кто владел Копорьем, контролировал и удобную для земледельческого хозяйства Ижорскую возвышенность. Не случайно поэтому с самого начала своей письменной истории копорское поселение выступает как стратегически важный военный пункт и центр одноименной округи.

Первые погост Копорье на страницах русских летописей упоминают в 1240 г., а год спустя новгородская рать, в состав которой входили отряды новгородцев, ладожан, карел и ижорян, возглавляемая Александром Невским, штурмом взяла построенный здесь деревянный немецкий замок.⁶

Учитывая местоположение Копорья в богатом земледельческом районе, сын Александра Невского, князь Дмитрий, приглашенный новгородцами на княжение в 1279 г., возводит в Копорье деревянный «город», а в 1280 г. при участии новгородской старшины заменяет его каменной крепостью.⁷ Примечательно, что речь идет о первой каменной крепости Северной Руси, построенной в период монгольского ига. В этом факте усматривается попытка великого князя Дмитрия Александровича, опираясь на поддержку Новгорода, укрепить свой тыл в борьбе с татарами.⁸ Действительно, в 1282 г. во время войны с татарами и поддержавшей их проордынски настроенной коалицией князей Дмитрий пытался укрепиться в Копорье. В этом смысле Копорье 1280 г. можно сравнить с построенным до 1259 г. Даниилом Галицким замком Холм. В обоих случаях новые каменные крепости явились первым свидетельством возрождения заглохшего было на Руси после Батыева погрома каменного (в данном случае оборонного) строительства. Копорский эксперимент оказался, однако, недолговечным. В 1282 г., когда князь Дмитрий потерял новгородское княжение в междоусобной борьбе с бра-

⁴ Мятлев Н. Десятилетия Вотской пятницы 1605 года. — Изв. Рус. генеол. о-ва. СПб., 1911, вып. 4, с. 450, 465.

⁵ Арсеньевские шведские бумаги, I, 1611—1615 гг. — Сб. Новгород. о-ва любителей древностей. Новгород, 1911, вып. 5, с. 85. — Название Копорья здесь искажено передачей, как Kolhuus, что, видимо, препятствовало использованию источника в научной литературе.

⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 78.

⁷ Там же, с. 323.

⁸ Борисов Н. С. Русская архитектура и монголо-татарское иго (1238—1300 гг.). — Вестн. Моск. ун-та. Сер. история, 1976, № 6, с. 71.

том Андреем, новгородцы не дали ему укрыться в Копорском замке: «Город разруши и гору раскопаша».⁹ В цитируемом известии говорится о разрушении не только каменных, но и земляных частей укрепления (ибо скальную гору «раскопать» невозможно). В таком случае копорскую крепость можно представить в виде вала, увенчанного каменной надстройкой. Подобные конструкции практиковались в русском оборонном зодчестве начиная с XI в.¹⁰

Итак, первое каменное укрепление на Копорской горе было разрушено, не просуществовав и двух лет. Вскоре, однако, вновь возникла необходимость срочного укрепления этого места, теперь уже в связи не с татарской, а шведской опасностью. Именно с превращением Копорья из владельческого замка в государственную крепость связан новый этап его строительной биографии. В 1297 г. «поставиша новгородцы град Копорью камен».¹¹ Этот новоукрепленный важный областной и пограничный пункт прочно вошел в состав северных окраин Новгородской земли. Как бы наследуя своей предшественнице — крепости 1280 г., Копорье на этот раз явилось первой государственной каменной крепостью Новгородской Руси, построенной в экономически тяжкую пору монголо-татарского ига; возведение твердыни открыло собой полосу строительства каменных укреплений, которая затем охватит всю северную половину Восточной Европы.

Таким образом, более чем за 50 лет на Копорской горе сменили друг друга две деревянные и две каменные крепости. Здесь в относительно короткий срок были опробованы и пробиты дорогу оправдавшие себя в конечном счете формы долговременной фортификации. В это время Копорье претендовало на роль передового строительного центра Средней и Северной Руси. Начиная с XIV в. сведения о фортификационных работах в крепости становятся более скудными, но именно тогда и проявилась ее роль как военно-административного центра Водской земли. В этот период летопись упоминает Копорье в связи с боями под городом с немцами (1338 г.), пожалованиями во владения служилым князьям (1333, 1383 гг.) и как убежище новгородских бояр (1342, 1350 гг.).¹²

Со второй половины XIV в. оборонительное значение Копорья несколько снижается; первенство в военном отношении переходит к крепости Ям, построенной в 1384 г. вблизи ливонской границы на магистральной торговой дороге из Нарвы в Новгород. Характерно, что новгородские или хорошо осведомленные в новгородских делах летописи ничего не сообщают о защитной роли Копорья в течение всего XV в. Так, во время крупной войны с Ливонией в 1443—1448 гг. бои с немцами велись только у стен Ямгорода. Копорье в тот период оказалось в стороне как от главной торговой дороги, ведущей в глубь страны, так и от каких-либо значительных военных событий. Боевое возрождение Копорья вновь произойдет в начале XVI в., в связи с обострением борьбы за выход России к Балтике.

⁹ Софийская I летопись. — ПСРЛ, 1851, т. 5, с. 200.

¹⁰ Кирпичников А. Н. Ладога и Переяславль-Южный — каменные крепости раннесредневековой Руси. — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. М., 1977.

¹¹ Софийская I летопись, с. 202.

¹² Новгородская первая летопись..., с. 346 след.

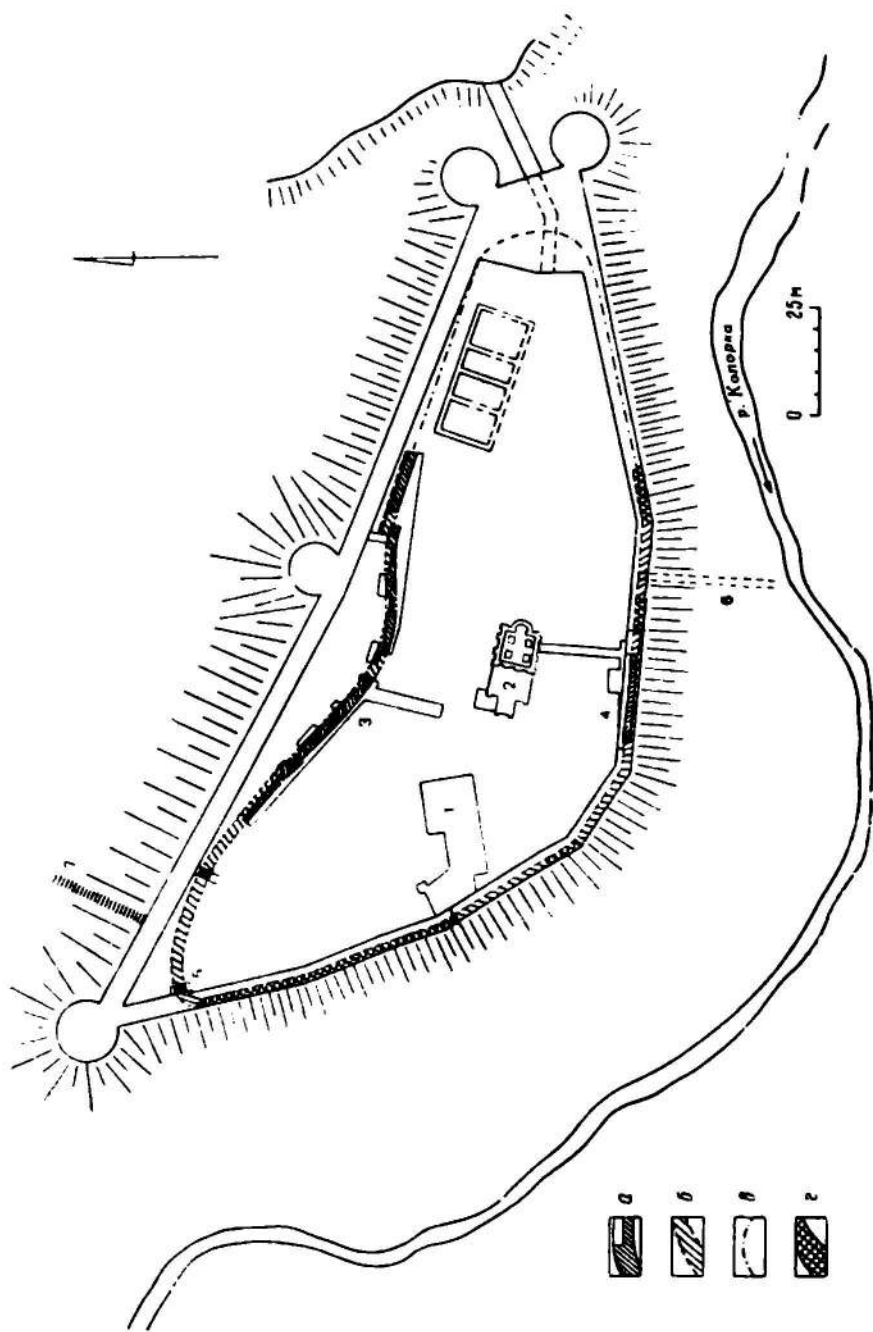

Рис. 70. Крепость Копорье. План с обозначением укрепления 1297 г.

5 — раскопы 1970—1973 гг.; 6 — тайник 1297 г.; 7 — тайник первой четверти XVI в.; а — части стены 1297 г., раскопанные в 1970—1973 гг.; б — траассированные части той же стены; в — предполагаемое расположение той же стены; г — части стены 1297 г., сохранившиеся почти на полную высоту.

Особенностью Копорья как русско-чудского поселения было его положение на окраине Новгородской земли. Упомянем о пожаловании Новгородом начиная с 1333 г. наемным повгородским князьям — Гедиминовичам «пол-Копорья». Судя по данным писцовой книги, около 1500 г. копорское поселение, состоящее из 18 дворов, было слишком незначительным, чтобы делить это поселение на две половины.¹³ Речь, очевидно, идет о разделе не только Копорья, но и округи на податные части. С первой доли и «кормились» служилые князья. Что касается второй, то, по мнению В. Н. Бернадского, она могла принадлежать местной знати, по заключению же В. Л. Янипа — белозерским князьям.¹⁴ Существование копорской знати явно не литовского происхождения сомнению не подлежит. Один из таких представителей, «муж добр», упомянут летописью в 1338 г., а под 1386 и 1394 гг. отмечены копорские (или копорейские) князья. Возможно, что из этой же среды происходил Елисей Копорский, ставший новгородским тысяцким.

Раздел Копорья на два адресованные двум военачальникам и управителям кормления не случаен и, по-видимому, отражал две разграбленные системы обложения местного русского и водского населения.¹⁵ Новые археологические поиски позволяют в какой-то мере судить о поселениях «водской» половины Копорской округи.

Одной из резиденций племенной знати, пунктом укрытия окрестных жителей и созыва местного войска могло быть укрепленное поселение, паходящееся в 20 км юго-западнее Копорья у с. Кайболова.¹⁶ Городище размером 150×120 м располагается в излучине р. Сумы. С напольной стороны оно ограждено валом высотой 2—3 м и рвом. Поверхность вала покрыта выкладкой из плитняка. Городище обследовалось П. А. Раппопортом (1956 г.),¹⁷ Э. Ю. Тыпицсоном (1960 г.), О. В. Овсянниковым (1971 г.) и Е. А. Рябиным (1974 г.).¹⁸ Исследователи отметили, что при шурфовке площадки городища культурных остатков не встречено. Наконец, в 1980 г. Е. А. Рябину удалось обнаружить здесь следы наземной срубной постройки и археологический материал примерно конца XII—середины XIII в.¹⁹ С учетом того, что на большей части городища культурный слой или незначителен, или вовсе отсутствует, оно, вероятно, какое-то время использовалось в качестве убежища окрестным населением. Если же признать поселение у с. Кайболова водским

¹³ Новгородские писцовые книги. СПб., 1868, т. 3, стб. 494.

¹⁴ Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV в. М.; Л., 1961, с. 121, 122; Янип В. Л. Князья Копорские. — Вестн. Моск. ун-та. Сер. история, 1978, № 6, с. 14—24.

¹⁵ В последний раз о пол-Копорье упомянуто под 1459 г. (Летопись Авраамки. — ПСРЛ, 1889, т. 16, с. 198).

¹⁶ Под названием Кайбала поселение существовало в Копорском уезде примерно в 1500 г.

¹⁷ Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. — МИА, 1961, № 105, с. 35. рис. 22; ср. рис. 32 и 52.

¹⁸ Любезное сообщение Е. А. Рябины. В 1977 г. Е. А. Рябипи в 13 км к востоку от Копорья близ д. Воронино обнаружил еще одно типологически сходное с кайболовским городище.

¹⁹ Рябин Е. А. Исследования в западных районах Ленинградской области. — АО 1980 г. М., 1981, с. 27.

Рис. 71. Бронзовые украшения XIII—XIV вв.

1, 2 — двуспиральная и двурогая булавки; 3 — привеска для цепочки; 4 — цепочка;
5 — височное кольцо; 6 — фибула.

Рис. 72. Изделия, найденные в слое XIII—XV вв.

племенным острожком XIII в. (что, как выяснено на примере Тиверского городка на Карельском перешейке, допускалось Новгородом), то его запустение, наверное, связано либо с падением немцев, либо с усилением новгородского властвования, подорвавшего автономию туземной знати.²⁰

²⁰ В конце XV в. 94% всех обож Ямгородского и Копорского уездов принадлежало новгородским духовным и светским феодалам. Процесс новгородской феодализации земель Водской пятины завершился в XV в. без участия местной знати (Ср.: Гадзяцкий С. С. Вотская и Ижорская земли Новгородского государства. — Ист. зап., 1940, вып. 6, с. 126, 127).

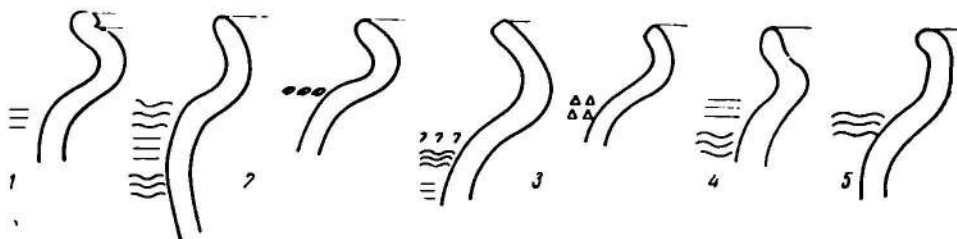

Рис. 73. Венчики сосудов XIII—XV вв. Основные формы (1—5).

Существование в районе Копорья чудских укрепленных убежищ не исключало того, что здесь, на Копорской горе, еще в домонгольские времена обосновался центр округа — новгородско-водский погост, что подтвердили и археологические раскопки.

В 1970—1973 гг. на территории крепости Копорье было заложено 10 раскопов общей площадью около 650 м² (рис. 70). Стратиграфия культурных напластований, достигавших по высоте в среднем 2.2 м, на центральных участках крепостного двора оказались приблизительно схожей. Сверху до глубины 1 м залегал пласт с находками XVII—XVIII вв. Далее следовали слои, датированные предметами XV—XVI и XIII—XV вв. (соответственно на глубине 1—1.5 м и 1.6—2.2 м от дневной поверхности).²¹ Добытые предметы свидетельствовали, что начало постоянной жизни на Копорской горе совпало, по всей вероятности, с XIII в.

Отметим изделия, показывавшие, что среди жителей поселка находились как финны, так и русские. В нижнем слое, связанном с новгородским периодом Копорья, найдены бронзовые изделия: типично эстонская двуспиральная булава — украшение головной повязки замужней жепщицы,²² двурогая булава — держатель нагрудных украшений, также распространенная у западных финнов,²³ привеска в форме конуса, с зигзагообразным орнаментом, с тремя ушками для цепочек²⁴ (рис. 71, 1—3). Эти находки для водн не характерны и, вероятно, указывают на присутствие в Копорье в первой половине XIII в. кроме води и эстонской чуди, что засвидетельствовано и летописью.²⁵ В том же нижнем пласте

²¹ Описанные слои отделены друг от друга прослойками строительного мусора. По мере приближения к крепостным стенам толщина всякого рода мусорных наносов возрастает. Отмеченные выше слои на более дробные членения не подразделяются. Дерево и другие органические остатки в копорской почве, как правило, почти не сохраняются (более подробно см.: Овсянников О. В. Отчеты об археологических работах в крепости Копорье за 1970—1973 гг. — Арх. ИА АН СССР).

²² Селиранд Ю. Украшения для головных повязок с булавами с парноспиральной головкой. — В кн.: От эпохи ранней бронзы к раннему феодализму. Таллин. 1966, с. 150 след.

²³ Selirand J. Eestlaste matmiskombed varafeodaalse suhete tärkamise perioodil. Tallin, 1974, p. 145.

²⁴ Третьяков П. Н. Костромские курганы. — ИГАНМК, 1931. т. 10, вып. 6, 7, табл. III, 6, 8.

²⁵ Новгородская первая летопись..., с. 450. — На это обстоятельство наше внимание обратил Е. А. Рябинин.

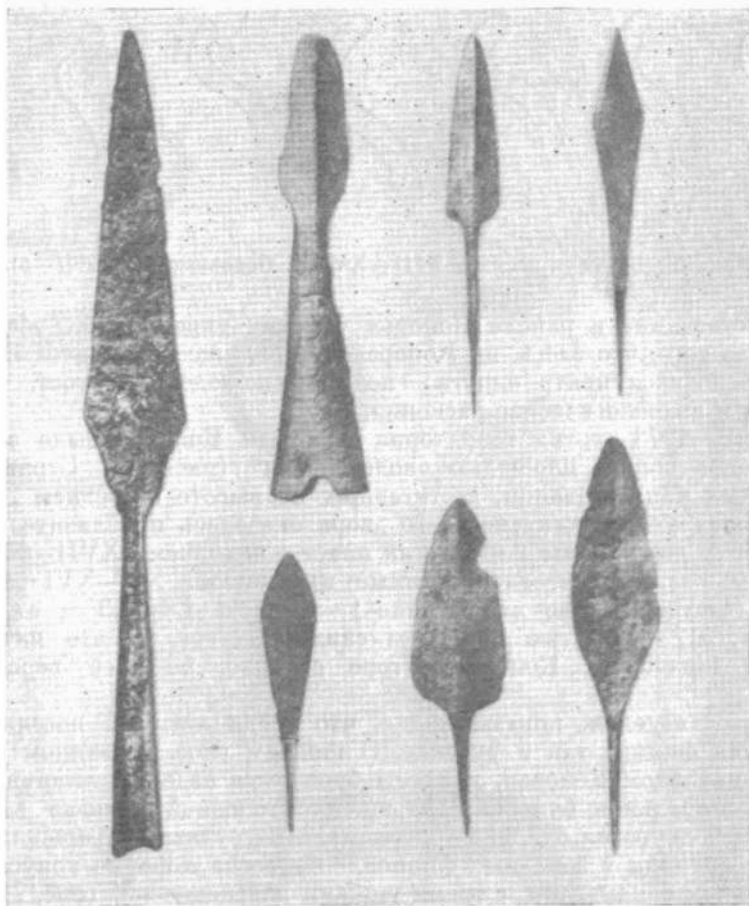

Рис. 74. Наконечники копий и стрел из слоя XIII—XV вв.

оказались относящиеся к XIII—XIV вв. вещи в большинстве, видимо, обычного новгородского облика. Такими являются ромбоштитковое височное кольцо с классическим для подобного рода украшений орнаментальным крестиком на каждой лопасти, одежная бронзовая булавка с отверстием на плоском конце,²⁶ обломок пластинчатого узкоконечного браслета, орнаментированного зигзагообразной линией,²⁷ два ложновитых бронзовых перстня, два костяных двусторонних гребня, три шиферных пряслица, формочка для отливки бляшек, обломок литого бронзового

²⁶ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. — МИА, 1959, № 65, рис. 5, 11; с. 241.

²⁷ Спицын А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л. К. Ивановского. — МАР, 1898, № 20, табл. XIII, 25.

навершая (рис. 72). О новгородском русском ремесле свидетельствует и весь ассортимент найденной гончарной посуды с традиционным волнистым и линейным орнаментом (нередко осложненным овальными и треугольными вдавлениями), по ряду типологических признаков относящейся в целом к XIII—XV вв. (рис. 73). В этом ряду выделяются сосуды, восходящие к XII в., с плавно изогнутым венчиком и внутренним валиком, образцы с горлом, в поперечном сечении образующим полумесяц (обрез закруглен или косо срезан), наконеч, экземпляры, профиль которых изогнут в виде фигурной скобки или вертикален. Преобладали сосуды первых трех разновидностей (рис. 73, 1—3), особенно типичные для северорусских городов со слоями, датированными XIV—XV вв.²⁸

Среди вещей нижнего слоя оказались и этнически пока неопределимые украшения: необычное порождение средневековой моды XIII в.²⁹ — височное кольцо со звериной головой и подковообразная фибула с валиковыми увенчаниями (рис. 71, 5, 6). Из этого слоя происходит все найденное оружие — наконечники двух копий и пяти стрел. Этнически они «нейтральны» и присущи ратникам и охотникам XIII—XV вв. (рис. 74).

Застройка поселка состояла из срубных домов, один из которых, несмотря на неполную сохранность, удалось выявить в том же нижнем слое в центральной части крепостного двора. Сооружение погибло от пожара; на площади 3,6×6 м открылись обуглившиеся окладные бревна сруба и основание глинобитной печи. Анализ створенной древесины, проведенный в Радиоуглеродной лаборатории ЛОИА АН СССР, позволил датировать ее первой половиной XIV в. Приведенная дата небезынтересна в связи с перечнем находок постройки. В ней при расчистке пола найдены медная цепочка (рис. 71, 4), железные ножи, бронзовый рыболовный крючок, детали бочки, бронзовая рукоять ножа (рис. 72). Если медная цепочка из S-образных звеньев встречается и в финских древностях,³⁰ то рукоять ножа украшена характерным для Новгорода и городов его провинции плетеным орнаментом и является произведением городской мастерской. Таким образом, русско-чудской культурный симбиоз, насколько это удастся уловить археологически, существовал в Копорье не только в XIII в, но и в XIV столетии.³¹

Оборонительные стены

Главнейшей задачей исследований в Копорье было изучение крепостных сооружений, протянувшихся на 550 м и окружавших пространство около 1 га. И в существующем виде копорская твердыня, несмотря

²⁸ Более подробно копорской керамикой занимался В. И. Кильдюшевский; благодарю его за консультацию здесь сюжеты.

²⁹ Савельева Э. А. Лузская пермца. Сыктывкар, 1972, табл. 20, 2.

³⁰ Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973, Abb. 1106.

³¹ В настоящей главе не ставится задача дать полное описание обнаруженных О. В. Овсянниковым довольно многочисленных находок, происходящих из слоев копорского средневекового поселения. Затрагиваются лишь сюжеты, которые связаны с узловыми моментами этнической и строительной истории Копорья.

на катастрофические разрушения, поражает мощью и величием своих степ и башен, возвышающихся на известняковой скале над глубоким (до 30 м) каньоном р. Копорки. Главные оборонительные узлы крепости сосредоточены с приступной напольной северной и северо-восточной сторон (рис. 75). Здесь расположены четыре круглые башни. От противоположного склона оврага их отделяет 50—80 м. Характерно, что именно с указанной стороны происходили все известные бомбардировки крепости.³² Напротив, преграда, обращенная к р. Копорке, отделена от ее дальнего берега — Стрелинской горы — примерно на 130—150 м. Вплоть до второй половины XVII в. такое расстояние для осадных «проломных» пушек было слишком значительным при прицельном сокрушении каменной преграды. К тому же ввиду крутизны высокого склона штурм с указанной стороны был бы чрезвычайно затруднен. По преданию, брешь в так называемом рухлом месте южной стены пробили лишь русские орудия во время 5-дневной осады Копорья в 1703 г.³³ Следует заметить, что (обстрел привел к разрушению стены, но не сопровождался штурмом. Для русского средневековья такой метод осады, впрочем, был нетипичным). Из приведенных данных становится очевидным, что именно несходные защитные свойства рельефа местности предопределили вековое разделение фронтов обороны Копорья на приступной и тыловой.

Укрепления Копорья не только рассчитаны на различную в зависимости от своих подступов оборону, но и сами неоднородны и сооружены явно не в одно время. К сожалению, письменные источники, столь подробно сообщающие о начальном периоде строительства Копорской крепости, молчат о ее последующей реконструкции, несомненно имевшей место в пору применения пороха и пушек. О такого рода перестройках свидетельствуют и инженерные особенности сооружения, несходные на приступной и тыловой сторонах. Серьезную попытку разобраться в разностильных и разновременных кладках древнего Копорья предпринял В. В. Косточкин. Весь северный и восточный фронт крепости исследователь справедливо отнес к эпохе огнестрельной артиллерии.³⁴ Действительно, четыре 5-ярусных башни высотой 20 м и 5-метровые в основании стены со стрелковыми бойницами наверху, замысловатое, двухпролетное воротное устройство с подъемным мостом и опускаемыми решетками, бойницы с печурами, сводчатые казематы в первых ярусах башен — все рассчитано на противоборство «огнестрельному» нападению (рис. 76). Что касается южной и юго-западной сторон крепости, то В. В. Косточ-

---

³² Так, в 1612 г. шведы из шести мортир обстреливали одну из круглых башен крепости, что в конце концов вынудило защитников к сдаче (Sveriges krig. Stockholm, 1936, vol. 1, p. 395).

³³ Во второй половине XVII в. копорское укрепление стало рассматриваться шведами как «более вредное, чем полезное». Его даже предлагали взорвать, но оставили как убежище для окрестных жителей на случай военных действий (Калькунди Е. А., Кирпичников А. Н. Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 г. — Сканд. сб., Таллин, 1975, т. 20, с. 77).

³⁴ Косточкин В. В. 1) К характеристике памятников военного зодчества Московской Руси конца XV—начала XVI в. — МИА, 1958, № 77, с. 102 след.; 2) Новые данные о крепости Копорье. — СА, 1960, № 3, с. 262 след.

Рис. 75. Копорская крепость. Вид с юго-востока.

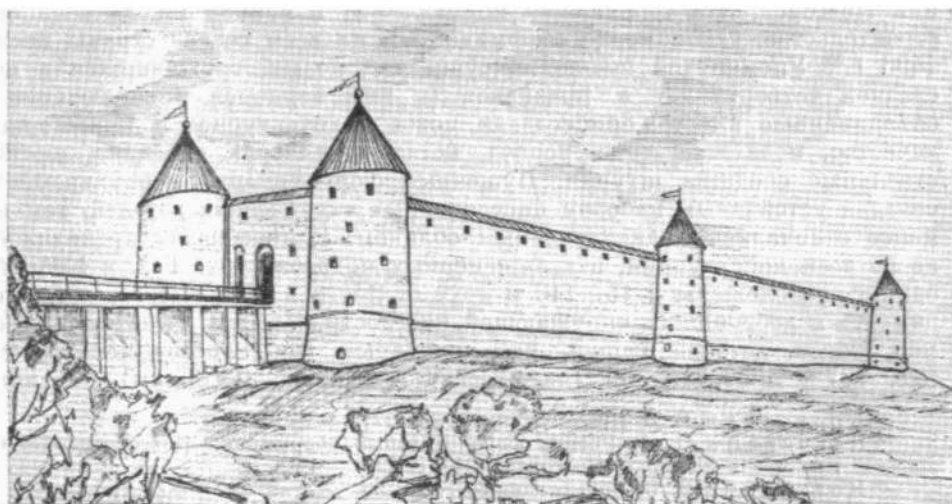

Рис. 76. Крепость Копорье в XVI в. Схематическая реконструкция И. А. Хаустовой.

кин на основании техники кладки стен связал их с новгородской постройкой конца XIII в. Разделение копорского архитектурного комплекса на два основных строительных блока достаточно обоснованно, однако общее заключение В. В. Косточкина о том, что крепость Копорье целиком следует признать новгородской (а не московской) постройкой, выполненной в конце XIII в. и во второй четверти XV в.,³⁵ вызывает сомнение.

Опережающей реальным событиям представляется предложенная В. В. Косточкиным новая дата реконструкции стен Копорья, происшедшей под влиянием огнестрельного боя и определенной не рубежом XV—XVI вв., как считалось ранее,³⁶ а второй четвертью XV в. Если согласиться с удревнением сооружения на 50—70 лет, то Копорье оказывается едва ли не первым на Руси произведением полностью сформировавшейся пушечной фортификации. Оснований для такого ответственного заключения, по нашему мнению, пока нет. В. В. Косточкин прав, когда утверждает, что усиление крепостей вследствие применения пороха и пушек имело место уже в первой половине XV в.³⁷ Однако на примере Копорья мы сталкиваемся не с отдельными усовершенствованиями, а с целой системой разработанных инженерных нововведений, появившихся, очевидно, не ранее 70—80-х гг. XV в., только после того, как артиллерия набрала силу и оказала преобразующее влияние на устройство оборонительных объектов. Действительно, в последней трети XV в. пушки уже были способны пробить крепостные стены. При осадах городов стали использоваться не отдельные гигантские бомбардиры, а целые батареи, что повлекло ускоренные изменения фортификации, и притом в общеевропейском масштабе. Что касается Копорья времен «пушечного» воздействия, то оно органично входит в ряд локальных по дате (конец XV—первая четверть XVI в.) северорусских крепостей, таких как Ивангород, Ямгород, Орешек, Псков (Гремячая башня), Нижний Новгород. Эти сооружения принадлежат к единой школе военного строительства, закономерно оформившейся на всем севере страны после 1496 г.³⁸ Упомянутой школе присущи ряд новых, сложившихся в последней четверти XV в. признаков (к ним вернемся в заключении); объединенные вместе, они создали новое архитектурное и инженерное качество, проявившееся в период, когда артиллерия победила доогнестрельные средства штурма. Пушечные фортификации этого времени, обладая устойчивым набором определенных технических деталей, тем не менее отличались индивидуальным обликом. Единообразие проявлялось не во всей конструкции, а в инженерных подробностях. Так, в Копорье башни расположены в 15—110 м друг от друга в зависимости от проходимости и доступности окружающей местности. Что же касается, например, таких деталей башен, как пушечные (на просвет 18×75 см; рис. 77)³⁹ и стрелковые (на просвет примерно 50×80 см) бойницы,

³⁵ Косточкин В. В. Новые данные..., с. 271.

³⁶ Богусевич В. А. Военно-оборонительные сооружения Новгорода, Старой Ладogi, Порхова и Копорья. Новгород, 1940, с. 42.

³⁷ Косточкин В. В. Новые данные..., с. 265.

³⁸ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси XIII—XV вв. Л., 1976, с. 65, 66.

³⁹ При установлении единообразия пушечных бойниц следует отметить, что угол поворота оружия в большинстве из них допускался равным 45°. В башнях и

Рис. 77. Типовая огнестрельная бойница Копорья начала XVI в. Вид изнутри (второй ярус, южная башня).

входы, поэтажные объемы и др., то они в зависимости от ярусов обычно совпадают по размерам с точностью до 10—20 см.

Обращают на себя внимание камеры и переходы с пушечными боями, устроенными в стенах и лестничных коридорах непосредственно около башен, и подошвенные амбразуры (в Копорье они в трех случаях сдвоены с широкими, заложёнными снаружи арками, возможно, нишами для хранения боеприпасов или в случае разборки передней стенки — контрбатарейнными бойницами, предназначенными для установки крупных орудий), обнаруженные в пряслах стен. Все эти приспособления, предназначенные для усиления огневой защиты подступов к башням и стенам, в русском оборонном зодчестве появились лишь в конце XV в.⁴⁰

В. В. Косточкин связывает радикальную перестройку Копорья с деятельностью архиепископа Евфимия II (1429—1458 гг.), однако источники, подробно перечисляющие постройки новгородского владыки, переустройства Копорья не отмечают. Зафиксированные летописью и весьма скромные по сравнению с гражданскими оборонными работами этого деятеля в Ладоге и Новгороде носили ремонтный характер и только в Яме были связаны с расширением прежней крепости.⁴¹ Думаем, что молчание

стенах Копорья, по нашим подсчетам, имелось около 60 пушечных и не менее 90 стрелковых бойниц.

⁴⁰ Ср.: Алешковский М. Х. Каменные стражи. Л., 1971, с. 66.

⁴¹ Косточкин В. В. Новые данные..., с. 270. — Касаясь воротного устройства Копорской крепости, В. В. Косточкин усмотрел в нем видоизменение рукавчатого

источников относительно предполагаемой перестройки Копорья во второй четверти XV в. не случайно. Как писалось выше, силы Новгородского государства в тот момент были сосредоточены на укреплении Ямы, а Копорье как военный форпост отошло на второй план. К тому же как ни активно строил Евфимий в середине XV в., его градодельцы, равно как и трудившиеся с ними иноземные зодчие (по В. В. Косточкину в Копорье сербы), еще не были готовы к созданию такой инженерно сложившейся пушечной новации,⁴² которую мы видим на северном и восточном фронтах Копорской крепости.

Все сказанное не означает, что укрепления Копорья, будучи возведенными в конце XIII в., не подверглись переделкам в новгородский период своего существования; однако эти усовершенствования были, по-видимому, предприняты в период более ранний, чем время правления Евфимия II. При дополнительном обследовании в 1977 г. этот этап оборонительных работ был впервые архитектурно опознан,⁴³ он (о чем скажем ниже) заключался в увеличении высоты первоначальных стен примерно на 2 м. Такого рода не сопровождавшиеся утолщением надстроечные работы имеют определенную хронологию. В Нижнем городе Таллина они проводились между 1373 и 1413 гг., в Висби — после 1361 г., в Новгороде — в 1361 г.⁴⁴ Вероятно, в то же время произошла падстройка и Копорья, что примерно совпадает с наиболее заметным для XIV в. усилением крепостных сооружений русского северо-запада, проходившим, как убедительно выяснил В. В. Косточкин, в 1370—1390 гг.⁴⁵

Возвращаясь к обсуждению времени постройки северных и восточных укреплений Копорья, приведем новые данные в обоснование их верхней даты. Во время раскопок 1970—1973 гг. удалось добыть спилы несомненно первоначальных деревянных связей, пригодные для дендрохронологического определения. Правда, на спилах отсутствовали наружные кольца, поэтому дата оказалась более ранней, чем действительный год порубки. Древесина, извлеченная из стен Средней башни, датировалась 1442, 1513 и 1515 гг. С учетом поправки на исчезнувшие наружные слои общей датой рубки деревьев можно считать

захаба новгородских и псковских оборонительных сооружений (см.: Косточкин В. В. О мастерах крепости Копорье. — В кн.: Древнерусское искусство XV—начала XVI в. М., 1963, с. 211). Исследования архитектора И. А. Хаустовой выяснили, что рукачатый изгиб воротного проезда возник в результате работ XVI в., а первоначально этот проезд был прямолинейным (пользуясь случаем, благодарю И. А. Хаустову за предоставление некоторых чертежей крепости Копорья).

⁴² Лишь во второй половине XV в. артиллерия достигала такой эффективности, что оказала преобразующее влияние на развитие фортификации. Даже в technically передовых странах Западной Европы этот процесс был постепенным (ср.: Tullise A. Burgen des Abendlandes. Wien; München, 1958, S. 205).

⁴³ Благодарю В. А. Назаренко — активного участника обследования.

⁴⁴ Летопись Авраамки, с. 90; Eckhoff E., Janse O. Visby stadsmur. Stockholm, 1936, p. 321; Цобель Р. Э. Средневековые оборонительные сооружения Нижнего города в Таллине (XIII—XVI вв.): Автореф. канд. дис. Таллин, 1971, с. 22, 23.

⁴⁵ Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII—начала XVI в. М., 1962, с. 111. — После 1400 г. на северо-западе Руси стены стали не только повышать, но и утолщать.

Рис. 78. «Рухлое место» (в процессе раскопок). Видна стена 1297 г. с внутренней прикладкой. Фото О. В. Овсянникова.

1520—1525 гг.⁴⁶ Эти цифры и подсказывают годы строительства Копорья, которое проходило с помощью приезжих инженеров, посланных, очевидно, правительством Василия III.

Архитектурно-археологические изыскания позволили не только уточнить верхнюю дату некоторых копорских стен, но открыть и изучить те из них, которые В. В. Косточкиным справедливо отнесены к концу XIII в. Последние были опознаны и исследованы в южной, западной и северной частях нынешней Копорской крепости.

В южной стороне крепости, на месте пролома, по преданию, бреши 1703 г. — «рухлом месте», в раскопе длиной 24 м была обнаружена состоящая из трех, видимо, разновременных кладок стена шириной 3,8 м (рис. 78). Сердцевина стены толщиной 1,6—1,8 м сложена из известняковых, неправильно обколотых плит толщиной до 12 см, пролитых кремовым с примесью крупного песка, толченой плиты и иногда цемянки известковым раствором. Прикладки сложены из плит, более тщательно обработанных, но на рыхловатом, рассыпающемся, красно-коричневого оттенка растворе с большей примесью песка и толченого известняка, но без цемянки. Со стороны крепостного двора прикладка примыкала некогда к лицевой основе без перевязки (в этом месте имеется стыковочный шов) и явно предназначалась для утолщения преграды на 1,6 м. К тому же и заложена она не на материке, а на культурном слое новгородского времени толщиной 0,7 м, что и определяет время ее возведения, — по-видимому, не ранее XV в.⁴⁷ Кладка, похожая на описанную выше, прилежала к срединной стене и с противоположной южной стороны. Судя по тому, что стыковочный шов здесь неровен и лицевых поверхностей нет, речь идет о ремонте, проведенном по старому ложу.⁴⁸ Таким образом, упомянутые прикладки примыкали к преграде, достигавшей первоначально 2,2 м толщины.⁴⁹ Поскольку «срединная» стена возведена непосредственно на скале и никаких иных преград не встречено, эту стену можно отнести к Копорью новгородской поры — скорее всего к 1297 г.⁵⁰ Последующие исследования во всем подтвердили эту дату.

Установление характера первоначальной стены в «рухлом месте» позволило приступить к ее поиску и на других участках ограды крепости, в том числе и там, где она сохранилась над землей. Результат получился неожиданным. В толще стены у северо-западной башни вы-

⁴⁶ Датировка спиллов произведена в лаборатории дендрохронологии ИА АН СССР Н. Б. Черных. Упомянутые выше спиллы происходят от связей второго и третьего ярусов Средней башни.

⁴⁷ Дата прикладки подтверждается и дендрохронологией. Спил деревянной связи из верхних частей у «рухлого места» определен Н. Б. Черных — не ранее 60—70-х гг. XV в.

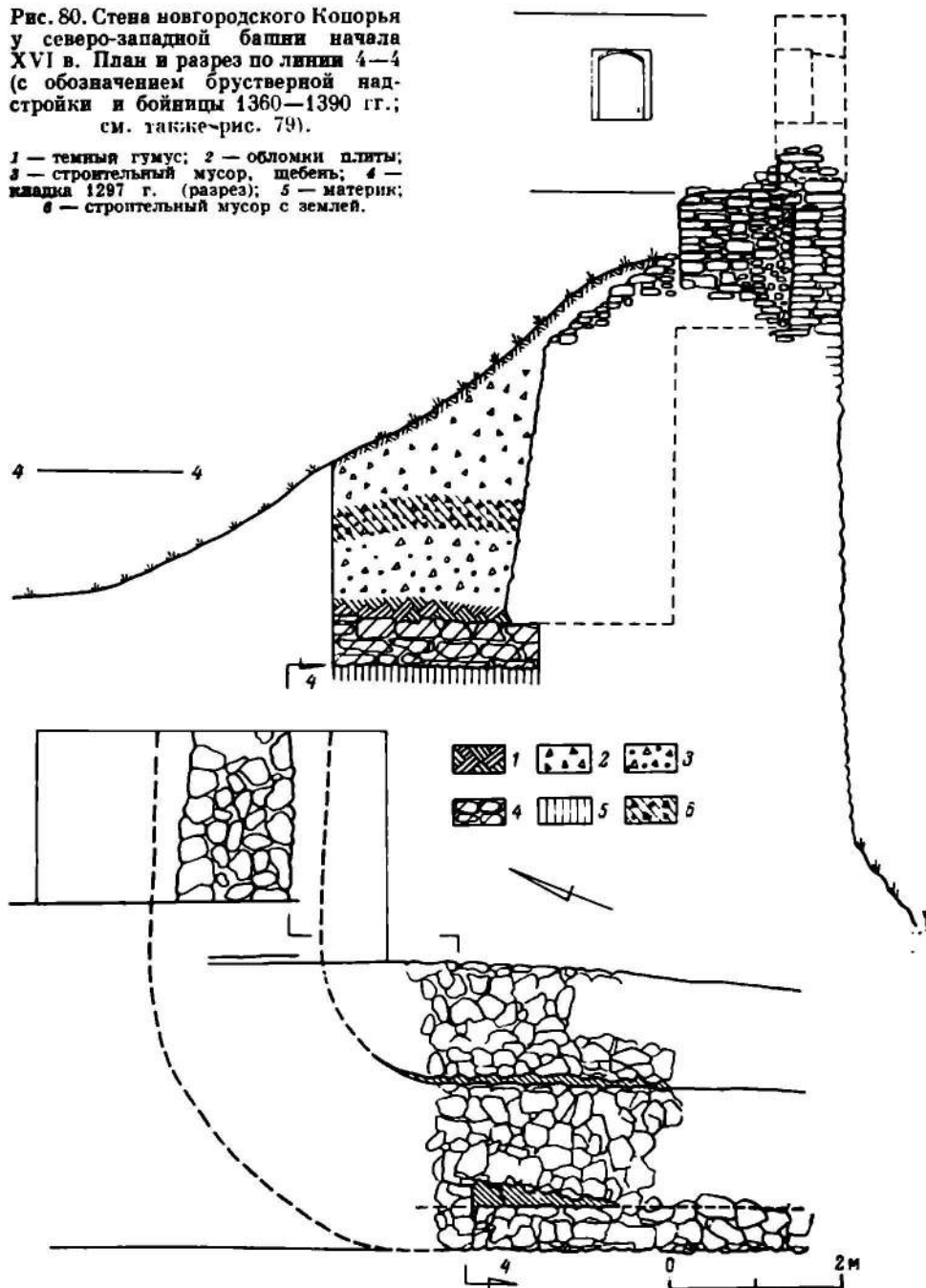
⁴⁸ Обращенная к южному обрывистому фронту стена здесь заложена частично на склоне и поэтому была подвержена деформациям и осыпям.

⁴⁹ Трехчастный характер исследований кладки виден и в торцах, сохранившихся над землей стен, примыкающих с запада и востока к «рухлому месту».

⁵⁰ Эту стену мы далее условно называем первоначальной, хотя нельзя исключать существования в ее основе каких-то случайно неразрушенных частей, возведенных еще в 1280 г. Насколько тотальным было разрушение первого каменного Копорья и по всему ли периметру его стен располагался земляной вал, судить не беремся.

Рис. 80. Стена новгородского Копорья у северо-западной башни начала XVI в. План и разрез по линии 4—4 (с обозначением брустевой надстройки и бойницы 1360—1390 гг.; см. также рис. 79).

1 — темный гумус; 2 — обломки плиты; 3 — строительный мусор, щебень; 4 — кладка 1297 г. (разрез); 5 — материк; 6 — строительный мусор с землей.

мание привлек полуобвалившийся массив. Выяснилось, что в этом месте первоначальная стена (толщина ее в основании около 2 м) сохранилась почти на полную высоту, достигая от подошвы со стороны обрыва 7.5 м, включая площадку боевого хода и бруствер толщиной 0.6 м и неповрежденной высотой 1.4 м (рис. 79, по линии 4—4; 80, 81). Столь поразительная сохранность конструкции объясняется тем, что она была надстроена и затем утолщена с тыловой стороны на 1.6—1.7 м, в той же мере, как это и было отмечено при описании прикладки у «рухлого места», — техника кладки и раствор опознанной новгородской преграды совпали с тем, что было обнаружено в «рухлом месте». Стало ясно, что первоначальная ограда во «встроенном виде» той или иной степени сохранности, очевидно, имеется в составе южной и юго-западной «архаической» стен Копорья на протяжении примерно 190 м.

Стена 1297 г. следует контуру холма, она заложена на самом краю крутого склона, в плане криволинейна, точнее, членится на несколько слегка изогнутых отрезков. Оконечности стены стыкуются с преградой московской поры. Уже В. В. Косточкин в зависимости от таких признаков, как пустоты от пальцев строительных лесов и состав раствора, разделит описанную сторону укрепления на одновременные отрезки.⁵¹ Продолжая это наблюдение в 1977 г., во время подробного натурного обследования стены 1297 г. на основании состава раствора и техники кладки удалось на четырех участках (общей длиной 100 м; рис. 70) выделить первоначальные части, сохранившиеся почти на полную высоту. С внешней стороны эта преграда сложена отвесно или с небольшим наклоном из крупных, обработанных грубым сколом плит толщиной 12—25 см (чаще 16—23 см), длиной 22—80 см (обычно 30—66 см). По мере повышения стены (примерно на $\frac{2}{3}$ ее высоты) крупные квадраты заменяются более тонкими 6—12×39—60 см (рис. 82, 83); толщина швов 3—4 см, рядность лицевой кладки приближительна, замечаются кое-где уложенные плашмя плиты и пустоты от пальцев лесов. Местами стена в более позднее время переложена почти до основания, что распознается по стыковочным швам и кладке из плит (не утончающихся по мере подъема) на красно-коричневом с примесью песка рассыпчатом растворе. Перекладка, однако, часто поверхностна, при вывалах обнажается древнее ядро. В первоначальных частях ограды встречены устроенные в более позднее время калитка, окно-отдушина и подошвенная бойница. Неожиданным было нахождение у подножия стены заложеного арочного проема (рис. 84) шириной 1.5 м, от которого начиналась спускающаяся по откосу горы к р. Копорке ложбинка. Оказалось, что это углубление образовалось после обвала свода вырубленного в скале наклонного хода к воде (рис. 70, б). Раствор и техника кладки не оставляли сомнений в том, что сооружение современно первоначальной стене⁵² и, следовательно, является древнейшим известным на сегодняш-

⁵¹ Признаком древней копорской стены В. В. Косточкин считает отсутствие на ее фасаде гнезд от пальцев лесов и примесь толченого известняка в скрепляющем растворе (см.: Косточкин В. В. Новые данные..., с. 266). Прав исследователь только во втором случае, так как гнезда от лесов одинаково присущи копорским кладкам разных эпох.

⁵² Арочный проем заложен, судя по раствору, в XVI в.; он открылся в первоначальной стене после обвала ремонтной прикладки. После реконструкции Ко-

Рис. 81. Бруствер стены 1297 г. и ее надстройка. Вид с северо-запада.

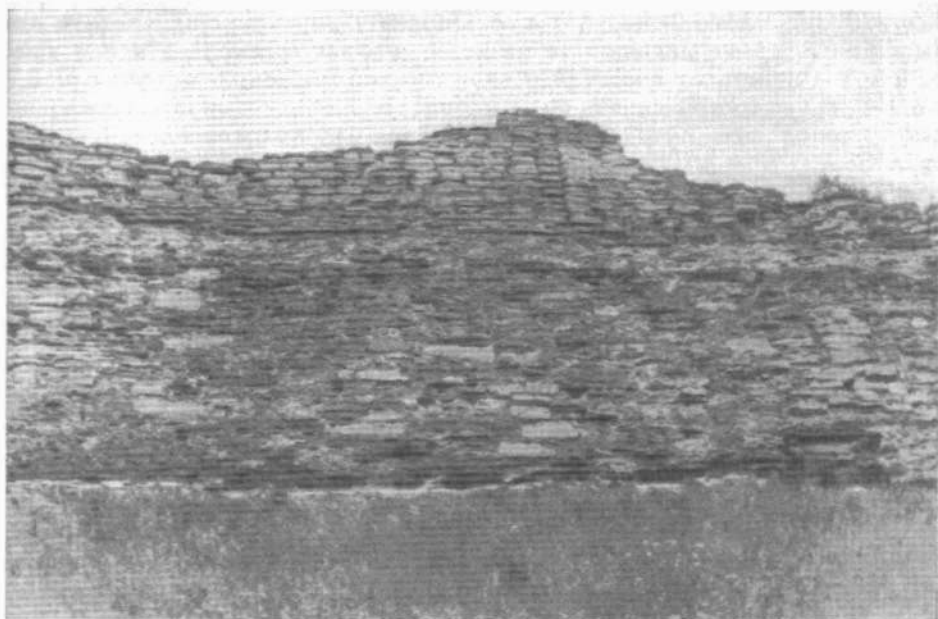

Рис. 82. Юго-западный участок стены 1297 г. и ее надстройка.

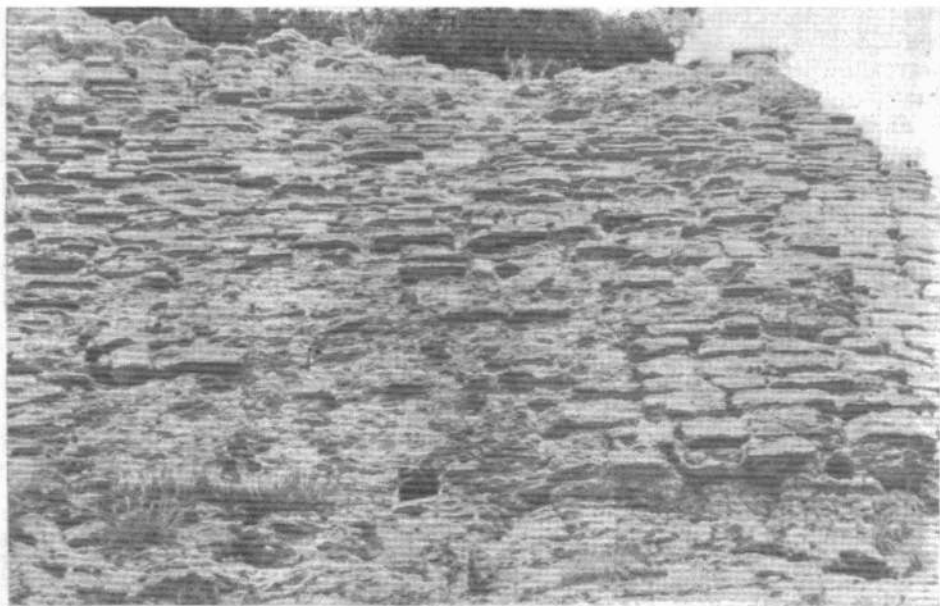

Рис. 83. Южный фасад стены 1297 г.

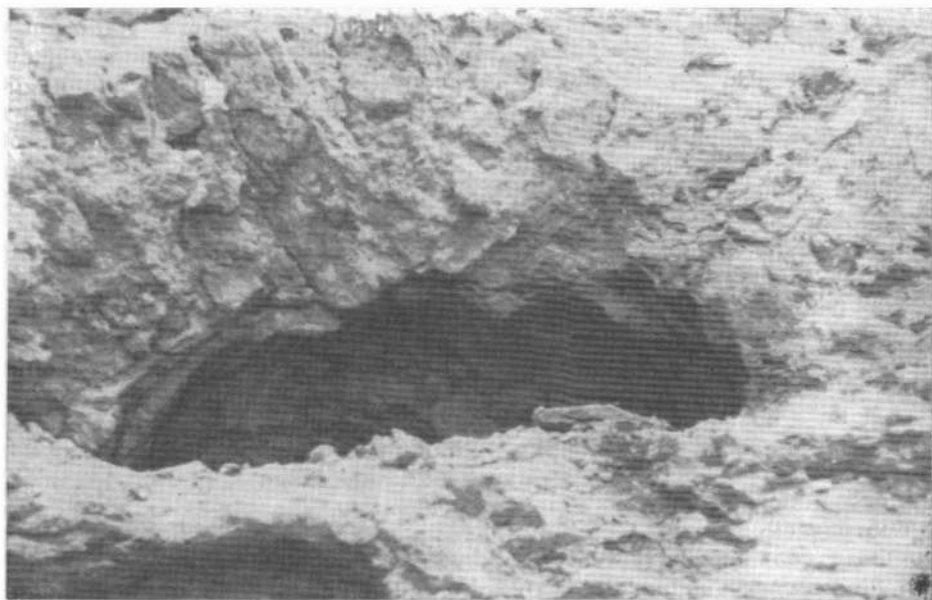

Рис. 84. Арка тайничного прохода.

Рис. 85. Стрелковая бойница 1370—1390 гг. Вид изнутри.

ний день тайником — источником водоснабжения крепости (старейшие тайники до сих пор относили к XV в.).⁵³ В целом опознание снабженного тайником ограждения Копорской горы расширяет наши знания об устройстве первых древнерусских каменных преград, их размерах и возможностях ведения активной стрелковой защиты с верха стен, об особенностях, сложившихся еще в домонгольский период. Копорская преграда конца XIII в. действительно близко сопоставима с недавно открытой ладожской стеной, построенной в 1114 г.

Верх копорской стены 1297 г., как упоминалось выше, был надстроен, вероятно, в последней трети XIV в. В обвале у северо-западной башни начала XVI в. видно, что площадка нового боевого хода на 1.6 м возвышается над первоначальной (рис. 80, 81). В этом же месте сохранилось и основание бруствера, равное по ширине 0.8 м.⁵⁴ Прилегающий к нему боевой ход шириной 1.1 м слишком узок для стрелка, находящегося на 8-метровой высоте на верху стены, поэтому можно предположить консольное расширение хода, например, по образцу порховского. Другие детали верха надстроенной стены достоверно реконструируются на основании брустверных частей, полностью уцелевших в ряде мест рассматриваемой стены, особенно вблизи описанного выше тайника, где, что было большой редкостью, сохранился не только бруствер высотой 2 м, но и прорезающие его на расстоянии 6.5 м друг от друга стрелковые бойницы (их три). Просвет бойниц 50×72 см; видно, что они заворачивались щитом с поперечным засоном (рис. 85). Бруствер сложен из правильно обтесанных камней 10—14×26—60 см (обычно 30—40 см) на растворе, близком по составу к использованному в 1297 г. Снаружи надстройка последней трети XIV в. хорошо различима, особенно при косом освещении. Данные обмеров верха надстроенной стены довольно стандартные на всем протяжении и спроецированы на ее разрезе (рис. 79, 1—1; 86). Общая высота преграды к исходу XIV в. составляет 9.6 м в западной части и 10.8 м — в восточной. Таким образом, устанавливается, что в основе модернизации стены 1297 г. лежало стремление увеличить высоту стрелковой обороны и тем самым усилить вертикальную недоступность преграды. Не исключено, что при усилении крепости после 1361 г. она была оснащена и башнями. Предположения о существовании одной из них на мысу недалеко от поздней северо-западной башни подкрепляется особым характером находящегося здесь массива кладки длиной 10 м. Он зажат между стенами конца XIII и начала XVI в. На фасаде массива в месте примыкания стены начала XVI в. уцелел прямоугольный заворот, что указывает на возможную четырехугольность сооружения, сохранившего к настоящему времени лишь одну

порть в начале XVI в. был построен другой тайник. Он расположен в прясле стены, примыкающей с юго-востока к северо-западной башне (рис. 70.7). Принцип устройства последнего восходит к его предшественнику повгородского времени.

⁵³ Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества..., с. 156.

⁵⁴ Во время утолщения стены изнутри южной и юго-западных стен в западной части был несколько приподнят уровень площадки боевого хода, поэтому «подоконник» стрелковых бойниц оказался не на уровне (как обычно) пояса стрелка, а примерно ниже колена. Этот очередной этап усиления стены имел место, как упоминалось, не ранее XV в. Потребности в такой надстройке была вызвана необходимостью общего выравнивания горизонта боевого обхода всех стен.

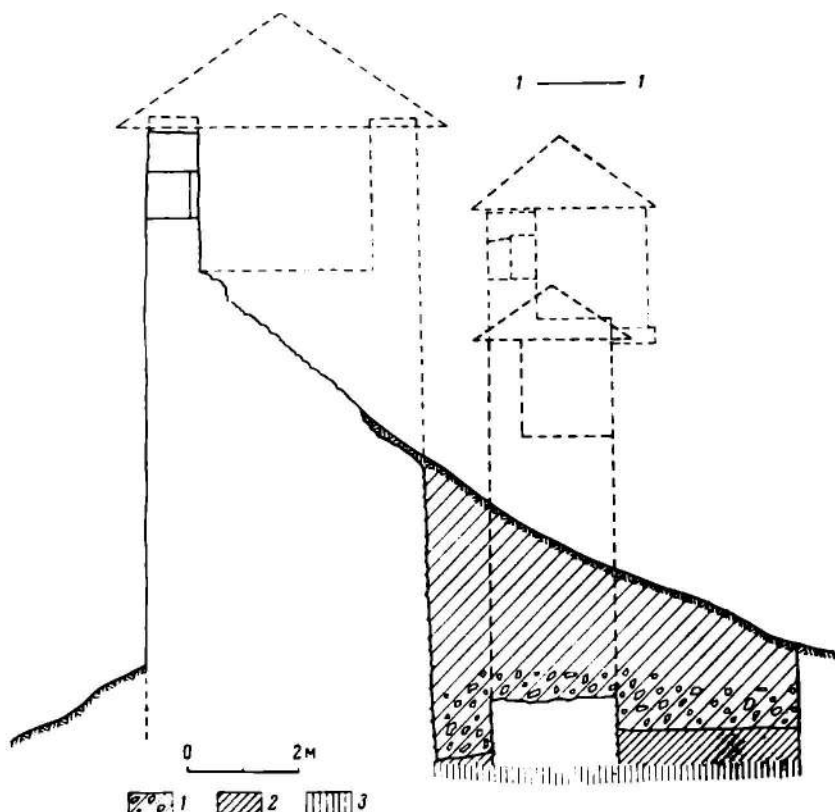

Рис. 86. Стены Копья московской и новгородской (частью показаны пунктиром) поры. Разрез по линии 1—1 с элементами реконструкции (см. также рис. 79).

1 — развал стены 1297 г.; 2 — темный гумус — слой XIII—XV вв.; 3 — материк.

западную сторону. В целом выделение второго строительного этапа укрепления новгородского Копья открыло (как и в Порхове) редкую и детальную картину развития конструкции оборонительных сооружений в самый начальный период появления огнестрельного оружия, тогда еще не эффективного против каменных крепостей. Насколько можно судить в отношении значения «высоты огня», данное развитие происходило приблизительно параллельно тому, как это было в военном строительстве Северной Европы.

Наряду с выявлением оказавшейся неоднородной стены новгородского времени в южной и юго-западных частях крепости были предприняты ее поиски и в северной, где, как упоминалось, высится сооружение начала XVI в. Здесь и обнаружена искомая стена на трассе 140 м, не совместившейся с линией преграды начала XVI в.⁵⁵ Она также распо-

⁵⁵ В связи с тем, что рассматриваемая стена в будущем будет, очевидно, экспонироваться и поэтому вновь обнажаться реставраторами, она в интересах сохран-

Рис. 87. Лицевая кладка стены 1297 г. Вид с юга. Фото О. В. Овсянникова.

лагалась на кромке холма, повторяя своими плавными изгибами его конфигурацию (рис. 79). Стена построена в характерной манере: лицевая кладка сложена из толстых, обработанных грубым сколом известняковых квадров (15—25×20—50 см), преимущественно продолговатых (рис. 87). Строители предпочитали местами укладывать эти квадры длинными сторонами не вдоль стены, а поперек. Внутреннее пространство между двумя лицевыми стенками забутовывалось мелкими обломками того же силурийского известняка, пролитого раствором, аналогичным раствору «срединной» кладки «рухлого места». Открытая стена при толщине 2—2,8 м практически не имела фундамента, так как покоилась на материковом предскальном грунте — зеленоватой глине.

Кладка стены сохранилась на высоту от 0,7 до 1,7 м и перекрыта развалом, датируемым временем разрушения верхних частей (рис. 88). В западной половине стены замечен отмечающий ее изгиб небольшой уступ. Подобные коленчатые уступы характерны для крепостей XIII в. и также обнаружены в ладожском укреплении 1114 г. По-видимому, такой же находился и в восточной половине, где стена частично до основания разбита при рытье современных могил и попадании авиабомб. В результате сплошная лента кладки оказалась разорванной, а один из ее расчищенных отрезков как бы сместился вперед ровно на свою толщину. Вначале казалось, что в этом месте находятся остатки входа, по

ности раскапывалась по системе трассированных отдельных раскопов. Этот метод обусловлен интересами охраны подлежащих консервации архитектурных памятников.

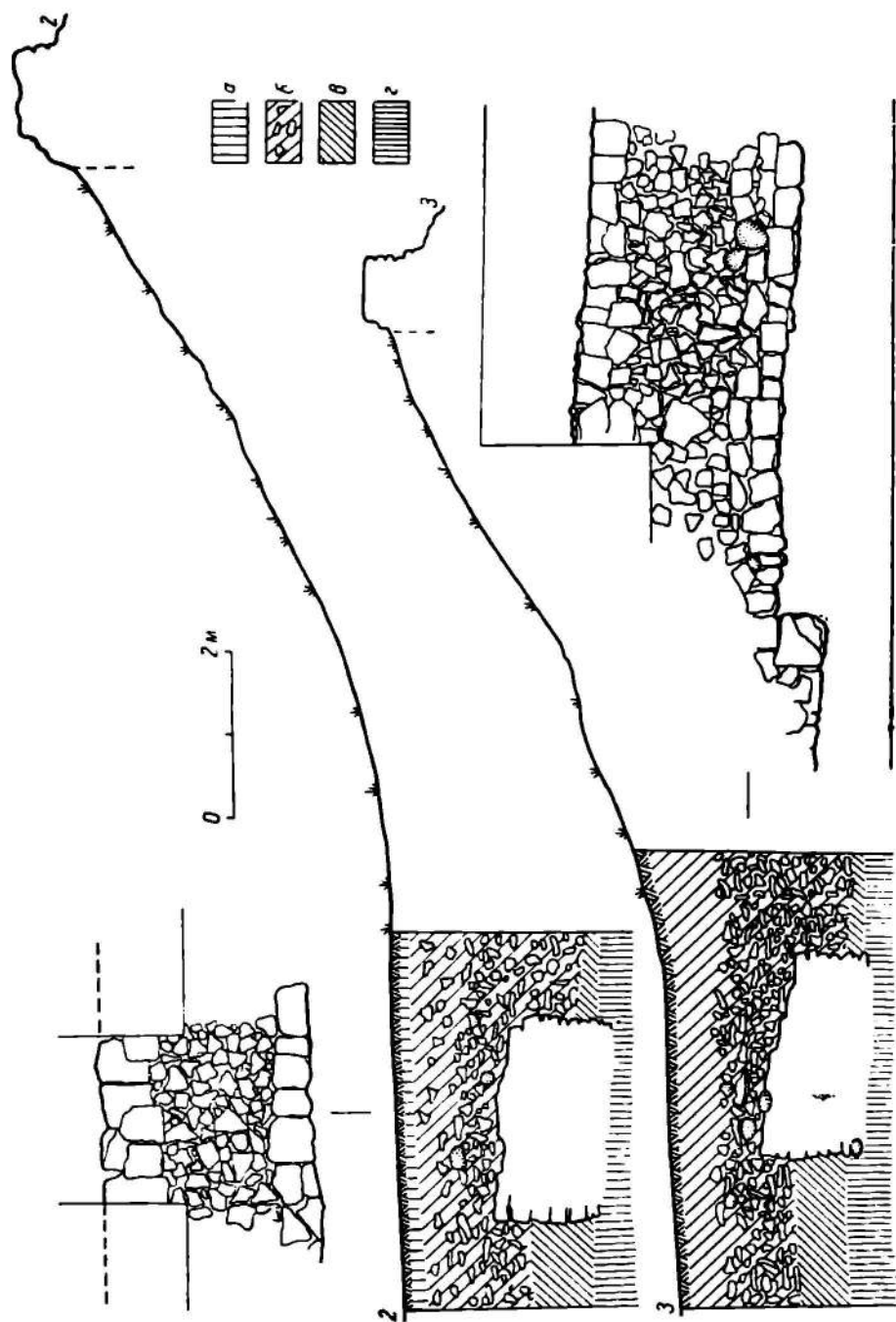

Рис. 88. Стена 1297 г. Разрез по линиям 2 и 3 (см. также рис. 79).

а — серая земля; б — развал стены 1297 г.; в — темный гумус — слой XIII—XV вв.; г — материк.

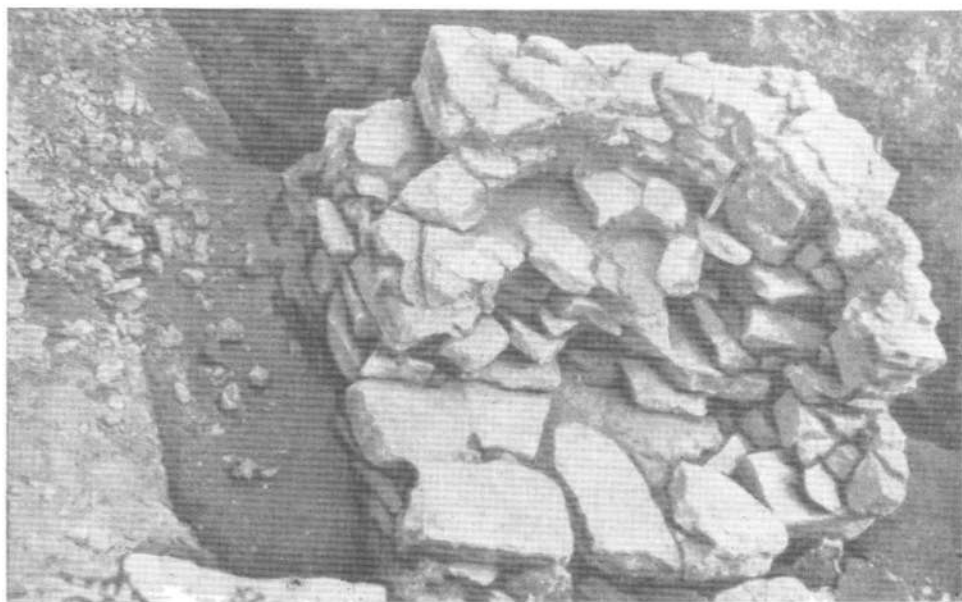

Рис. 89. Основание винтовой лестницы. Вид с юга. Фото О. В. Овсянникова.

вернее предполагать тут выступ, связанный с изгибом стены. План преграды здесь оказался Г-образным, что требовало объяснения; оно и было подсказано данными археологии. При расчистке неразрушенного отрезка стены обнаружена круговая выкладка (диаметром 1.5 м) из лицевых камней — след винтовой лестницы (рис. 89). Этой необычной детали найдена далекая, но точная, вплоть до всех размеров, аналогия. Речь идет о винтовой лестнице в уступе стены у Нарбонезских ворот г. Каркассонна. Упомянутое сооружение воздвигнуто примерно в 1285 г.; что же касается лестницы, то она вела к бойнице, несколько приподнятой над уровнем земли и фланкирующей уступ стены.⁵⁶ В Копорье бойница, соединенная с лестницей, не сохранилась, но можно предположить, что она действительно существовала и была направлена вдоль северного прясла и в северо-западном направлении (рис. 90). Таким образом, весьма вероятно, что уступ копорской стены имел не только конструктивное, но и защитное назначение. Если трактовка копорской лестницы сопоставима с каркассонской и в отношении соединенной с ней бойницей, то мы сталкиваемся едва ли не с первым в древнерусском каменном зодчестве свидетельством существования отдельной внутристенной бойницы с особым лестничным входом. Выяснение данного обстоятельства показывает, в каком направлении работала пижонерная

⁵⁶ Viollet-le-Duc E. Dictionnaire raisonné de l'architecture Française du XI an XVI siècle. Paris. 1875, t. 7, p. 336 (fig. 18), 337. — Диаметр такого рода лестниц не превышает 2 м, а толщина простенка равна 0.25—0.6 м, т. е. представляет кладку всего в один-два камня.

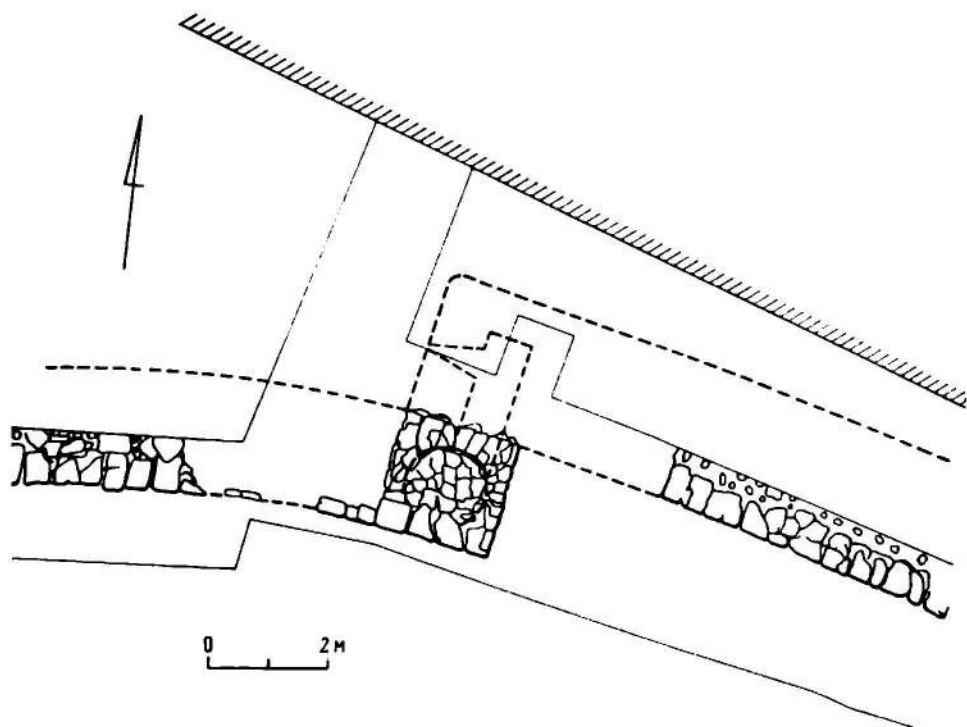

Рис. 90. Уступ стены 1297 г. План с обозначением лестницы и бойницы.

мысль в пору, предшествующую появлению систематически расставленных фланкирующих башен. Что же касается самого принципа фланкирования, то он появился в Северной Европе в доогнестрельное время, в последней четверти XIII в.⁵⁷ Копорский пример показывает, что фланкирование тогда же применялось и в Новгородской Руси.

Возвращаясь к северной стене, отметим, что «летописная» датировка обосновывается особенностями ее устройства: криволинейным планом, толщиной до 2,8 м, Г-образным уступом преграды (исчезнувшим у сооружений в период зрелого средневековья), напоминающим об оборонительных сооружениях XII—XIII вв. Кроме того, о дате сооружения этой преграды можно судить по находкам обломков керамики в прилегающем культурном слое толщиной 0,6—0,8 м. Слой относится, как упоминалось, к новгородскому времени Копорья (рис. 88, 2, 3; ср. 79, 2, 3). При изучении стены не было замечено следов поновлений или утолщений, что говорит о том, что она, очевидно, в надстроенном виде существовала вплоть до слома где-то в начале XVI в.

Археологические изыскания позволили судить о расположении и размерах крепости конца XIII в. Открытая в северной части крепостного

⁵⁷ Tnulse A. Borgar i Västerlandet. Stockholm, 1952, p. 193.

двора стена одним своим концом уходит в сторону постройки XVII в. — комендантской канцелярии, другим поворачивает и смыкается с южной преградой.⁵⁸ Таким образом, достоверно очерчивается западная и центральная части древнейшей Копорской крепости. Границы ее восточной части, вероятно, проходят под воротным устройством XVI в. Зондажами архитектора Н. А. Хаустовой установлено местонахождение края скального уступа. На этом крае естественно и искать восточную стену новгородского Копорья, здесь же, очевидно, помещался и древний въезд.⁵⁹ В целом учитывая техническое единство всего сооружения, тождественность приемов тески и укладки камня, сходство раствора, полагаем, что речь идет о строившейся приблизительно в то же время конструкции, оградившей территорию несколько меньше 1 га (рис. 70).

Таким представляется Копорье конца XIII в. — редчайший памятник каменной фортификации доогнестрельного периода, первенец северорусских каменных крепостей зрелого средневековья. О боевых качествах сооружения можно судить по криволинейным замкнутым стенам, рассчитанным на ведение фронтального огня. Далее, не оказалось и средних башен (их строительство начнется на северных рубежах Руси с середины XIV в.). Функции этих башен выполняли уступы преграды, с которых, возможно, велся фланкирующий огонь. Похоже, что вплоть до середины XIV в. стены новгородского Копорья не испытывали явных перестроек; они развернулись после 1361 г. и были связаны с круговой надстройкой стен. В дальнейшем, очевидно уже в московский период, часть прежних стен была сломана и заменена новыми, а часть утолщена. К слову сказать, эти последние работы выглядят значительно грубее, чем построенные в начале XVI в. сооружения северного и северо-восточного фронтов.⁶⁰

Изучение копорского военно-оборонительного комплекса позволило проникнуть в творческую лабораторию градодельцев, перестраивавших Копорье в начале XVI в. Перед строителями московской поры стояла нелегкая задача — на небольшой территории Копорской горы, имевшей в плане плавные округлые очертания, возвести крепость, отвечавшую новым требованиям военного дела того времени. Задача осложнялась тем, что избранная площадка отличалась сложной конфигурацией, крутизна склонов на различных участках была неодинаковой. Вытянутый с востока на запад холм с южной и западной сторон имел более крутые склоны, чем с северной. Нужны были острый глаз и рука опытного фортификатора, чтобы при построении «огнестрельной» крепости с прямолинейным в плане очертанием стен, с достаточным количеством фланкирующих башен максимально использовать защитные свойства рельефа местности

---

⁵⁸ Прикладна, утолщающая изнутри южную преграду XIII в., сбоку и сверху закрыла место соединения северного и южного прясел новгородского Копорья. Это лишнее доказательство того, что она сооружена не ранее времени частичного разрушения первоначальной северной стены, возможно в период «огнестрельной» реконструкции крепости.

⁵⁹ Не был ли этот въезд оформлен в виде двойных башен, конструктивный принцип расположения которых унаследовали мастера московской поры.

⁶⁰ Усиление южного фронта, возможно, произошло не одновременно со строительством северного, настолько различна в этих местах манера кладки.

или нейтрализовать его отрицательные свойства. Мастера-градоделцы по своему решили стоявшие перед ними инженерные проблемы. С напольной стороны они возвели совершенно новую постройку, заложив ее не на кромке горы, а несколько отодвинув вниз по склону. Стены по всему периметру были выведены на одинаковую высоту и соединены единым горизонтальным боевым ходом.⁶¹ При новизне самого сооружения и увеличении (вдвое или втрое по сравнению с постройкой XIII в.) его объемов полного разрыва строительных традиций не произошло. В копорской огнестрельной фортификации употреблены сходные с новгородскими (вплоть до размеров) окнообразные стрелковые бойницы и сохранен ритм их размещения через каждые 6 м. Новая крепость немногим расширила территорию двора и унаследовала от своей новгородской предшественницы ее общий план и разделение стен по степени обороноспособности на два фронта. На летописном языке это звучало бы так: «Поставиша город камен Копорье по старой основе». В эпоху бурной перестройки северорусских крепостей такой метод экономил строительные усилия и к моменту реконструкции Копорья был уже успешно опробован в ближайших городах — Новгороде, Великих Луках и Ладогe.

---

⁶¹ План боевого хода стен подробно показан на шведском чертеже Копорья, относящемся к 1645 г. — Овсянников О. В. Крепость Копорье, с. 97 (рис.).

ЯМГОРОД

Этот город (ныне г. Кингисепп Ленинградской области) находится на правом берегу р. Луги на старой дороге, ведущей из Новгорода к Нарве. Новгородская история этой крепости представлена относительно подробными летописными сообщениями, к которым прежде всего и обратимся.

Черты летописной истории

Яма или Ямгород¹ принадлежит к новгородским городам. Он был построен в период приготовлений к защите, едва ли не самых напряженных в истории Новгородской республики, развернувшихся в последней четверти XIV в.

Копорье, удаленное от магистрального пути из Новгорода к Нарве, в то время уже не могло полностью обеспечить оборону западного рубежа, проходившего по р. Нарове. О возросшем значении этого рубежа видно из того, что в 1383 г. в кормление князю-военачальнику Патрикию Наримонтовичу наряду с Ореховом, Корельским городком, пол-Копорьем достается, возможно, находившееся в устье р. Наровы Луское село, а год спустя — вся местность «Наровский берег».²

Под 1384 г. новгородский летописец в торжественном тоне как о важной государственной инициативе сообщил о закладке «города камена» на р. Луге, «на яме».³ Под последней можно разумеать дорожную станцию, находившуюся возле речной переправы.⁴ Если это предположение верно, то поселение предшествовавшей поры здесь искать не приходится. С основанием крепости беззащитное раньше приграничье с Ливонией получило свой оплот, и одновременно укрепилась безопасность

¹ Название Ямгород употреблялось преимущественно с XVI в. В нашем тексте оба наименования используются равноправно.

² Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов. М.; Л., 1950, с. 379, ср.: Новгородская IV летопись. — ПСРЛ, 1848, т. 4, с. 91.

³ Новгородская первая летопись..., с. 379.

⁴ Происходит, возможно, от татарского слова «ям» — «дорога» (Соловьев С. М. История России. М., 1855, т. 5, с. 450); ср.: эстонское «ям» — «почтовая станция» (Труссман Ю. Ю. Чудско-литовские элементы в новгородских пятинах. СПб., 1898, ч. 1, с. 374).

западного сухопутного и речного (по р. Луге, Мшаге, Шелони до оз. Ильмень) пути к столице государства.

В строительстве новой крепости на р. Луге по летописному сообщению участвовало сразу пять кончанских воевод. Это означало, что к работе были привлечены все пять концов Новгорода,⁵ за которыми в свою очередь стояла вся «волость новгородская», и следовательно, ее сельские жители. Неудивительно, что строительство укрепления совершалось авральными темпами и заняло (это поразило летописца) только 33 дня. Осуществленная в 1384 г. оборонительная акция оказалась предусмотрительной. В 1395 г. шведы безуспешно подступали «к новому городку к Яме, и князь Костянтин (Белозерский, — А. К.) с городпаны иных пзби, а инии убежаша».⁶ Спустя два года немецкому набегу подверглись семь сел в окрестностях города, но до прямого нападения на крепость дело не дошло.⁷

Летописная запись о пабеге 1397 г. рисует округу Ямы далеко не пустынной; в ней угадывается указание на заселение этой округи одновременно с созданием форпоста на р. Луге. Иными словами, речь идет о создании целого поселенческого района с сетью подгородных деревень, названного в писцовой книге Водской пятины (около 1500 г.) ямским околорадьем.⁸ Попробуем обосновать высказанную мысль. Писцовая книга около 1500 г. перечисляет в упомянутом околорадье 67 селений, расположенных по правому и левому берегам р. Луги.⁹ Часть селений существовала в новгородское время и была тогда в коллективной собственности своеобразной социальной группы жителей Ямы — своеземцев. Последние относились к горожанам — мелким землевладельцам, наследственно владевшим деревнями.¹⁰ Землю они получили от государства и еще в XVI в. сохранили свои небольшие вотчины. В составе населения Ямы своеземцы составляли 63%. По подсчетам около 1500 г. в городе насчитывался 341 дворовладелец, располагавший 248 дворами. Своземцев из них было 215, они держали 145 дворов.¹¹ Такого явного преобладания своеземцев в других городах Водской пятины не встречается, а в Яме как новооснованном поселении сложилось, видимо, изначально.¹²

Обычно отмечается связь ямлян-своеземцев с землей и их некоторые посадские занятия. Интересны (на что уже обращалось внимание; с. 97, 126) военные функции. Еще в XVI в. эти мелкие собственники обязаны

---

⁵ Новгородская IV летопись, с. 91; Рабинович М. Г. Военная организация городских копцов в Новгороде Великом в XII—XV вв. — КСИИМК, М., 1949. вып. 30, с. 56 след.

⁶ Новгородская первая летопись..., с. 387.

⁷ Там же, с. 389.

⁸ Новгородские писцовые книги. СПб., 1869. т. 3, с. 885 след.

⁹ Копачева М. Г. Город Яма и Ямский уезд на рубеже XV—XVI вв.: Автореф. канд. дис. Л., 1953. с. 18.

¹⁰ Ср.: Аграрная история северо-запада России. Вторая половина XV—начало XVI в. Л., 1971, с. 340.

¹¹ Ильинский А. Г. Городское население Новгородской области в XVI в. — Ист. обзор., СПб., 1896, т. 9, с. 147, 148.

¹² Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.: Л., 1961, с. 126 след. — Небольшое число своеземцев в ряде городов объясняется давнейшей населенностью их округи и занятостью земельных угодий.

были нести военную службу «с людьми, коньми и з доспехом».¹³ Служебные обязанности унаследованы ими с времен Новгородской республики, когда их предшественники, «селники луские и воцкие» (подразумеваются главным образом крестьяне — повопоселенцы чудских районов), ходили в походы и составляли часть конной рати.¹⁴ Здесь мы подходим к расшифровке государственного плана создания на западной границе района полувоенных колонистов, образующих местный войсковой контингент. Очевидно, с целью привлечения новых поселенцев — «околоградских сельников» — новгородское правительство предоставляло им мелкие вотчины и право жительства в городских дворах, за что они и должны были «боронить» землю. Наряду со своеземцами (часть из которых паходилась в своих подгородных сельских владениях) в состав ямгородского ополчения входили и городские люди — «городчане», но их основное занятие — ремесло и торговля — притягивало не в село, а в город. Видимо, и эти люди переселялись в Ям на каких-то льготных условиях.

Итак, на примере Ямы и ее околоградня, так же как Орехова и Корельского городка, выясняется, что освоение пограничного района происходило с помощью свободных поселенцев, очевидно, и сельского, и городского происхождения. Ямское Полужье, таким образом, создано как особый в экономическом и военном плане округ, обладавший на случай войны необходимыми людскими резервами и мобилизационными возможностями.

Отсутствие в Ямгороде крупных феодальных собственников (в отличие, например, от Копорья) и незначительность церковных владений превращали его в своеобразный «вольный город» и способствовали ускоренному росту торговли и ремесла, расширению посадской застройки. Характерно, что при основании в 1492 г. Ивангорода московское правительство в некотором роде повторило «ямгородский эксперимент», собрав сюда переселенцев из разных мест и приписав к городу различные угодья и земли. В новой выдвинутой к западу еще дальше, чем Ямгород, крепости уже спустя шесть лет после ее постройки было 167 дворов и свыше 30 служилых казаков.¹⁵ Возможно, что московские власти при создании новооснованных городов учли новгородский опыт, когда собирали «охочих людей», «поместным верстаньем и государевым жалованием».¹⁶

Усилия по строительству Ямгорода принесли результаты: с конца XIV в. это был город на западных рубежах, встречавший иностранных гостей. Имя города (немцы до конца XV в. называли его Ниенслотом — «Новый замок») ¹⁷ все чаще стало упоминаться в посольских делах и международной переписке. При разборе пограничных судебных конфлик-

¹³ Материалы по истории Карелии XII—XVI вв. Петрозаводск, 1941, с. 178—179. — В Ямгороде еще в 1605 г. отмечены служившие «государеву и осадную службу» 40 своеземцев (Мятлев Н. Десятина Вотской пятины 1605 года. — Изв. Рус. генеал. о-ва, СПб., 1911, вып. 4, с. 463).

¹⁴ Новгородская IV летопись, с. 123.

¹⁵ Ильинский А. Г. Городское население..., с. 138, 146.

¹⁶ Азферова Г. В. Организация строительства городов в Русском государстве в XVI—XVII веках. — ВИ, 1977, № 7, с. 58.

¹⁷ Клейнберг И. Э. О названии новгородского пригорода Ямы в западных источниках XV в. — Науч. докл. Высшей школы. Ист. науки, М., 1958, № 1, с. 12—16.

тов принимали участие посадник Ямы и фогт Нарвы. Вокруг крепости быстро рос посад. По экономическому развитию город на Луге, видимо, опередил некоторые старые центры Новгородской земли и сыграл значительную роль в последней крупной войне Ливонского ордена, которую тот в 1443—1448 гг. вел с Новгородом.

Война, начатая в 1443 г., со всей очевидностью показала, что не Копорье, а Ямгород стал главной крепостью на западной границе Новгородской земли. Учли это и немцы, сосредоточившие свои удары на новой твердыне; в 1443 г. им удалось сжечь городской посад.¹⁸ Год спустя во время 5-дневной осады «бывши город пушками, а з города также противу пушками; и нарочитую их пушку заморскую великую, и намеривше с города разбиха и пужечника и многих добрых немцев поби». ¹⁹ Рассказ летописца с описанием деталей боя — первое в отечественном средневековье свидетельство о пушечной дуэли и прицельной стрельбе «з города», т. е., очевидно, из крепостных башен (так как на стенах пушки ни тогда, ни позже не ставили). Осада Ямы 1444 г. — пример растущего значения огнестрельного оружия и вооруженности им крепости, строившейся в самую раннюю пору его появления. Возможно, что оснащение Ямы пушками состоялось не изначально, а некоторое время спустя после ее постройки. Во всяком случае оборонительные преграды, возведенные в традициях доогнестрельной военной архитектуры, примерно полстолетия с успехом использовались для стрельбы не только из луков и арбалетов, но и из порохового оружия.

Последующие события показали, что применение огнестрельного оружия (все более многочисленного) становилось необходимым условием нападения на город. В 1447 г. «придоша немцы к Яме городку и начаша многими пушками силными бити город». Однако одно из орудий (очевидно, гигантская бомбарда) при выстреле разорвалась и «поби немец много, и отбегоша немцы от города ночью». ²⁰ По ливонским источникам, осада Ямгорода, продемонстрировавшая непреодолимость его стен, продолжалась 13 дней. ²¹ Неудачи под Ямгородом в конце концов повлияли на исход войны, закончившейся в 1448 г. подписанием перемирия. ²²

Орденская агрессия была отбита. Воздействием этой войны, а также прогрессирующим преобразованием огнестрельной осадной техники можно объяснить крупную перестройку Ямы, последовавшую в 1448 г. «Тогда же, — сообщает летописец, — езде владыка Еуфимий на городок на Яму

¹⁸ Новгородская первая летопись... с. 423. — Основываясь на данных писцовых книги около 1500 г. и наших топографических наблюдениях, отметим, что посад средневековой Ямы занимал правобережные участки вдоль р. Луги, расположенные севернее (Копорская сторона) и южнее (Новгородская сторона) крепости. Естественными границами протянувшихся вдоль реки на 250—300 м участков были ручьи. Впрочем, около 1500 г. южная Новгородская сторона распространилась «за ручей». Общее протяжение города с севера на юг в начале XVI в. составляло более 1 км.

¹⁹ Летопись Авраамки. — ПСРЛ. 1889, т. 16, с. 185.

²⁰ Там же, с. 191.

²¹ Клейнберг И. Э. К вопросу об огнестрельном вооружении новгородского войска. — Вест. Лен. ун-та. № 20. Сер. ист., яз. и лит., 1959, вып. 4, с. 133.

²² Более подробно о ходе войны Ордена и Новгорода см.: Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения, конец XIV—начало XVI в. Л., 1975, с. 62 след.

и заложиша городок пов, камеш, охабень болши первого».²³ Данное известие позволяет сделать ряд дополняющих его наблюдений. Прежде всего обращает внимание распространившийся в документах с середины XIV в. термин «охабень». Речь идет о понятии, не имеющем социальной нагрузки, которое означало территорию города, не обязательно окраинную или укрепленную. Летописи приводят примеры, когда это название прилагается к одному или нескольким укрепленным частям города либо именуется открытое поселение вроде предместья у стен крепости.²⁴ В узком смысле данное слово обозначало «охват», «пространство». Охабень не равнозначен посаду. Применительно к тексту о Яме это слово передавало расширение площади крепости, включившей в свои новые границы скорее всего только часть посада. В таком случае переоборудование Ямы в 1448 г. заключалось в пристройке к первоначальному ядру новой, второй внешней линии обороны. Так, Ямгород был расширен и одновременно, по-видимому, приспособлен к усложнившимся условиям огнестрельной борьбы.

Приведенные факты военной истории, связанные с крепостью на р. Луге, отражали растущее могущество осадных и оборонительных средств; однако защита укрепленных пунктов все еще была сильнее их атаки. В течение первых десятилетий своего существования Ямгородская крепость, видимо, постоянно оснащалась огнестрельной техникой и одна из первых на Руси подверглась перестройке под воздействием порохового оружия. То был начальный период самостоятельного влияния нового боевого средства на фортификацию.²⁵ В переплетении исторических судеб городов Северной Руси Ямгород в первой половине XIV в. явился той горячей точкой на карте Европы, где происходило имеющее общерусское значение активное испытание и внедрение передовых средств и методов ведения крепостной войны. Не исключено, что опыт ямгородского строительства был использован уже в 1450 г. в Новгороде, когда Евфимий II стал «детинец покрипливати».²⁶

Крепостные сооружения

Средневековые крепостные сооружения Ямгорода, к сожалению, разрушены, что породило трудности в их изучении. Единственная специально посвященная этим исчезнувшим сооружениям статья написана В. В. Косточкиным.²⁷ Исследователь, основываясь на планах XVIII в., следующим образом представил устройство Ямгорода. Городская крепость в плане приближалась к трапеции (размеры по осям 55×56 м). Возникла она в начале XVI в. и, «по-видимому, в самой незначительной степени была связана с остатками своей новгородской предшествен-

²³ Летопись Авраамки, с. 192.

²⁴ Алешковский М. Х. Начальные этапы каменного строительства Псковского крома. — В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. М., 1972, с. 336.

²⁵ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси XIII—XV вв. Л., 1976, с. 65.

²⁶ Летопись Авраамки, с. 192.

²⁷ Косточкин В. В. К характеристике памятников военного зодчества Московской Руси конца XV—начала XVI в.: Ям. — МИА, 1958, № 77, с. 134—141.

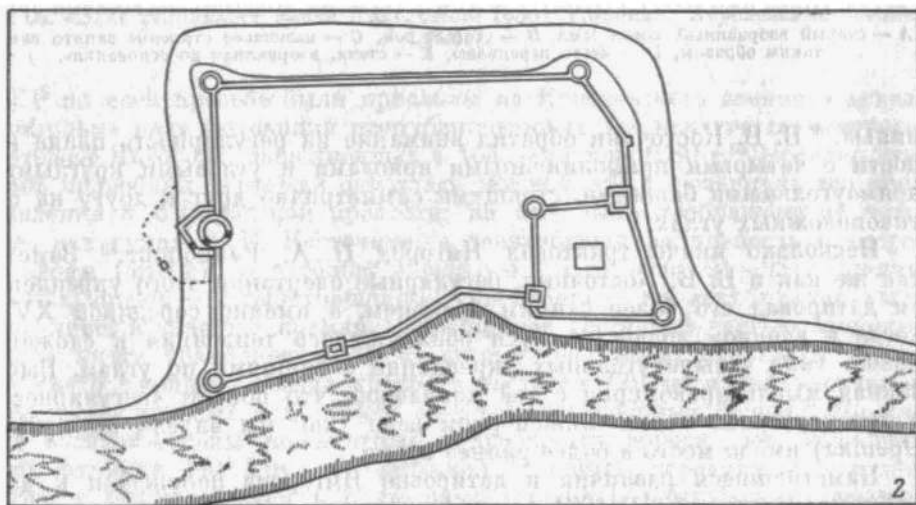
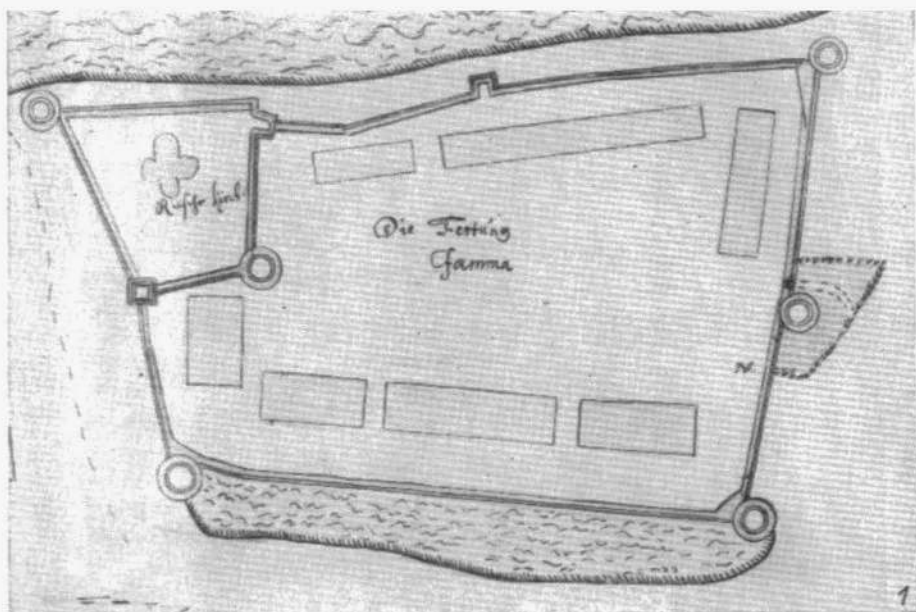

Рис. 91. Крепость Яма. Планы. (Швеция. Королевский военный архив).

1 — 1645 г.; 2 — XVII в.

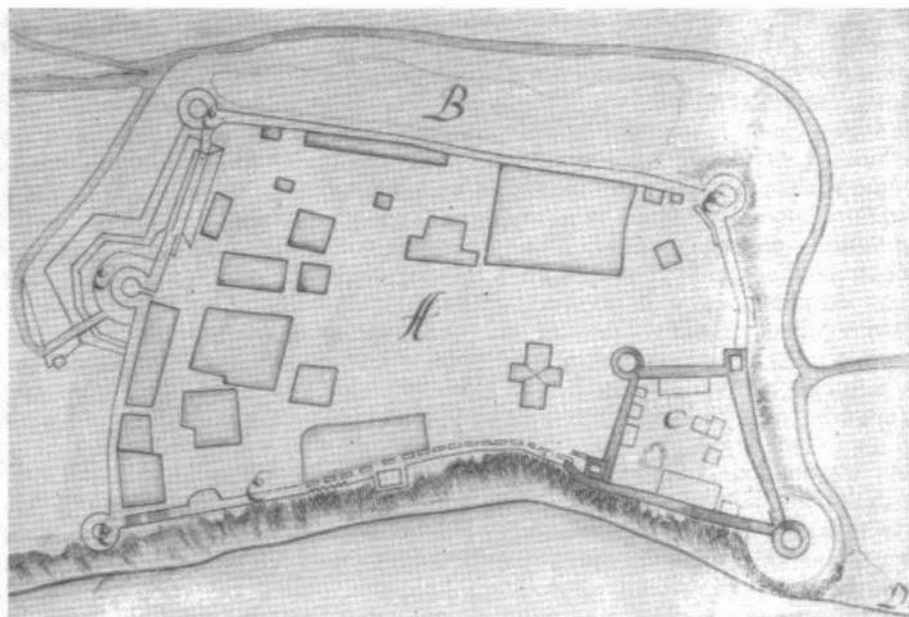

Рис. 92. «План Ямы 1680 г.» (1682 г.? — А. К.). (Швеция, Королевский военный архив).

«А — старый взорванный замок Яма, В — старый ров, С — нынешнее строение занято замком таким образом, D — место переправы, Е — стена, взорванная до основания».

ницы».²⁸ В. В. Косточкин обратил внимание на регулярность плана крепости с четырьмя прямолинейными прясами и угловыми круглыми и прямоугольными башнями, стоящими симметрично друг к другу на противоположных углах.

Несколько иначе трактовал Ямгород П. А. Раппопорт.²⁹ Заметив, так же как и В. В. Косточкин, регулярные очертания этого укрепления, он датировал его более ранним временем, а именно серединой XV в., когда в военном зодчестве Руси обнаружилась тенденция к сложению нового типа четырехугольных укреплений с башнями по углам. Высказанная мысль правомерна с той поправкой, что поиски «регулярности» в древнерусском военно-инженерном деле (как мы видели на примере Орешка) имели место в более раннее время.

Наметившиеся различия в датировке Ямгорода побуждали к дальнейшим изысканиям. В 1971 г. в г. Кингисеппе впервые были проведены археологические работы, обнаружившие полную сохранность нижних частей некогда существовавших там стен и башен. Тогда же в ЛОИА АН

²⁸ Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII—начала XVI в. М., 1962, с. 160 (рис.), 165.

²⁹ Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. — МИА. 1961. № 105, с. 89.

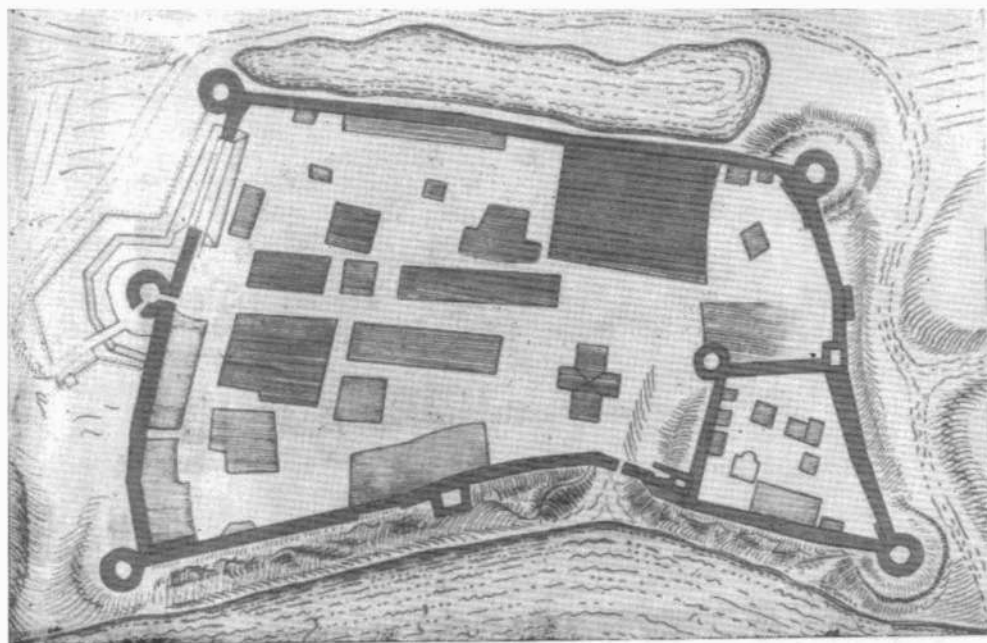

Рис. 93. «План старинного замка Яма», около 1680 г. (Швеция, Королевский военный архив).

СССР по моей просьбе были присланы из Королевского военного архива Стокгольма пять фотокопий неопубликованных (за исключением одного) чертежей Ямгорода, выполненных в 1645—начале 1680 г.³⁰ Новизна этих очень подробных чертежей оказалась таковой, что перевернула все представления о Ямгородской крепости; на них была изображена не четырех-, как думал В. В. Косточкин, а девятибашенная крепость размером по слоям 140×240 м и общей площадью 2,5 га (рис. 91—93). Предмет ученых споров — четырехбашенное укрепление — на этих планах выделено лишь в качестве кремля, являющегося составной частью большого, также почти трапециевидного по своему очертанию окольного города. Периметр внешнего обвода крепости достигал 720 м; в ней насчитывалось шесть круглых и не менее трех четырехугольных башен.³¹ На планах воспроизведены неизвестные подробности: дороги, ров, выполнявший функции рва пруд (с западной стороны), деревянный отводной острог у входа в крепость (с северной стороны), контрфорсы, лестницы

³⁰ Чертежи Ямы соответственно датированы 1645, 1680 гг., около 1680 г. и XVII в. (в последнем случае — два варианта; по нашему мнению, они выполнены между 1645 и 1680 гг.) План рассматриваемой крепости XVII в. см.: Munthe L. Kongl. fortifikationens historia. Stockholm, 1902. t. 1 (planscher), pl. 45; Кирпичников А. Н., Савков В. М. Крепость Орешек. Л., 1979. с. 40. (рис.).

³¹ Вход в цитадель состоял, как показали раскопки, из двух соединенных между собой башен (об этом см. ниже).

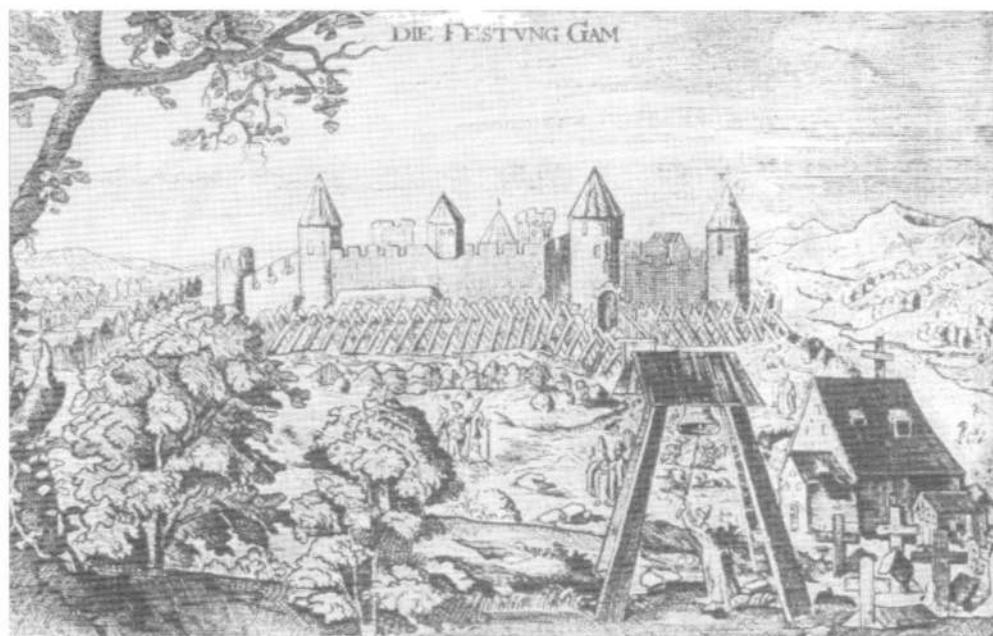

Рис. 94. Крепость Яма, 1634 г. Вид с северной стороны. Гравюра из книги А. Олсария.

на стену, двухбашенный вход в цитадель, каменная церковь внутри последнего и т. д. Точность чертежей (особенно относившихся к 1680 гг.) оказалась настолько велика, что они, насколько это возможно судить по остаткам построек, сопоставляются с современной топографией местности Ямгородского городища. Таким образом, благодаря архивным чертежам удалось совершенно по-новому представить целый большой военно-инженерный комплекс, который в целях проверки и уточнений был исследован и археологически. Это исследование полностью подтвердило достоверность бесценных для истории русской фортификации чертежей.

Исследовательские заблуждения, связанные с истинными размерами и обликом средневекового Ямгорода, объясняются только теперь выясненными переменчивыми обстоятельствами его позднесредневековой судьбы. На исходе средневековья этот укрепленный пункт переходил из рук в руки враждующих сторон без длительных осад и тяжелых штурмов. В 1581 г. крепость впервые была сдана шведам, но в 1590 г. после 3 дней осады отвоевана русскими, «а были по городу из царяда».³² В 1612 г. Яма вновь захвачена (на этот раз до 1703 г.) шведами. По данному поводу псковский летописец горестно записал: «Тако и в час быша гради пленяеми и разоряеми, а оборонителя не бе».³³

³² Краткая Московская летопись. — БАН, Рукоп. отд. 4.7.16. л. 80 об.

³³ Псковские летописи. М.; Л., 1941, вып. 1, с. 119.

Несмотря на все «взятия», еще в первые десятилетия XVII в. военное значение Ямгорода оценивалось достаточно высоко, он описывался как чрезвычайно укрепленный форпост и ключ к Московскому царству.³⁴ Разделял такое мнение и посетивший Яму в 1634 г. А. Олеарий. «Укрепление это, — писал он, — хотя и невелико, но окружено крепкою каменною стеною с восьмью круглыми башнями».³⁵ По-видимому, А. Олеарий учел башни внешнего обвода крепости. На гравюре, иллюстрирующей его описание (рис. 94), башен показано восемь, но в приречной части видна также крыша и девятая.³⁶

В середине XVII в., когда старая русская твердыня пришла в ветхость и стала казаться ее хозяевам устаревшей, возник вопрос о спосе.³⁷ Подтолкнуло к этому и еще одно обстоятельство. В 1658 г. русские войска штурмом ворвались в «большой каменный город» Ямы, шведы же заперлись во внутреннем «малом вышгороде»,³⁸ который, по словам воеводы князя В. Солнцева, был «не велик, но добре крепок». У осаждающих произошла заминка, и воевода писал, «что де им без большого ломового наряду к вышгородку, к Яме приступать не уметь, потому место крепкое, а пинард де с ними нет».³⁹ Попытка взять вышгород с помощью присланной в подмогу «ломовой пицали» окончилась неудачей, и нападающие сами оставили уже взятую частично крепость.⁴⁰ Приведенный боевой эпизод примечателен тем, что (факт редчайший) показывает, как могла самостоятельно защищаться крепостная цитадель даже в случае сокрушения первой внешней линии обороны. Ненадежность стен «большого каменного города» и «твердость» малого вышгорода, вероятно, оказали влияние на планы разрушения не всей крепости, а только ее части.

В 1681 г. Ямгород обследовал крупный шведский фортификатор Э. Дальберг. В своем отчете королю он отметил, что «некоторые башни и стены (Ямы, а также и Копорья, — А. К.) очень хорошие, все же большая часть их в ближайшем будущем развалится сама собой... Яма

³⁴ Zeillerus M. Regnorum Sueciae, Gothiae, Magnique Ducatus Finlandiae ut et Livoniae. Amstelodami, 1656, p. 108.

³⁵ Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию. М., 1870, с. 17. — Перевод этого же текста в издании — Олеарий А. Описание путешествия в Московию. СПб., 1906, с. 10, на мой взгляд, осуществлен менее точно.

³⁶ Гравюра выполнена весьма условно, но несомненно по рисунку с натуры, с северной стороны крепости (Олеарий А. Описание путешествия в Московию. СПб., 1906, с. 9, рис.).

³⁷ Munthe L. Kongl. fortifikationens, 1906, t. 2, p. 226.

³⁸ Термины «вышгород», «вышний город», вышгородок (так же, как и уже рассмотренный «охабень») стали все чаще употребляться в период, когда некоторые прежние детищи и кремни утратили свои социальные функции и превратились в чисто военные объекты. Слово «вышгород» обозначало самостоятельное городское укрепление, внутреннюю цитадель и вовсе не обязательно указывало на высоту данного места (ср.: Раппопорт П. А. Очерки из истории военного зодчества... с. 98; Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1976, вып. 3, с. 276). В связи с тем, что ямгородский вышгород, как будет показано ниже, восходит к детищу предшествующей поры, оба термина употребляются нами однозначно.

³⁹ Пинарда — принадлежность штурма, ствол, обеспечивающий взрыв направленного действия (например, для пролома ворот).

⁴⁰ Гадзьяцкий С. С. Борьба русских людей Ижорской земли в XVII в. против ппоземного владычества. — Ист. зап., 1945, т. 16, с. 48, 49.

Рис. 95. Северо-восточный бастион Ямбурга (на месте северо-восточной башни «большого города»). 1703 г.

лежит на реке Луге, которую, однако, можно перейти выше и ниже замка зимой и летом». Далее в отчете указывалось, что ни Яма, ни Копорье, «по-видимому, не ремонтировались с тех пор, как попали в руки шведской короны». Подобные работы были бы обременительными, поэтому Яму, чтобы лишить противника «надежной позиции и зимних квартир», нужно «чем скорее, тем лучше сравнять с землей».⁴¹ Участь стен и башен крепости на р. Луге была, таким образом, предрешена.⁴² В 1682 г. их взорвали с помощью 40 бочек пороха.⁴³ «Большой город» Ямы перестал существовать, но уцелел четырехбашенный детинец — вышгород. По трассе взорванных стен шведы начали было насыпать земляные, но только в 1703 г. сразу после взятия Ямгорода (переименованного тогда в Ямбург) русскими войсками там по проекту Петра I были возведены четыре бастиона (рис. 95) и прежний каменный детинец вновь приобрел значение внутренней цитадели.⁴⁴

⁴¹ «Подробная реляция о современном состоянии крепостей Карелии и Ингерманландии». — Цитируется в переводе со шведского по копии, присланной из Королевского военного архива Швеции (более подробно см.: Кальюнди Е. А., Кириичников А. Н. Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 году. — Сканд. сб., Таллин, 1975, т. 20, с. 77).

⁴² Подлежащие разрушению части стен Ямы показаны уже на шведском плане 1680 г. под литерой «Е», однако год спустя Э. Дальберг еще не упоминает о взрыве этих укреплений.

⁴³ Памятники дипломатических сношений Древней Руси с державами иностранных. СПб., 1862. т. 6, с. 191.

⁴⁴ 14 мая 1703 г. по указу Б. П. Шереметева «велено... делать как наискорее всеми солдатскими полками около каменные земляную крепость, против чертежа,

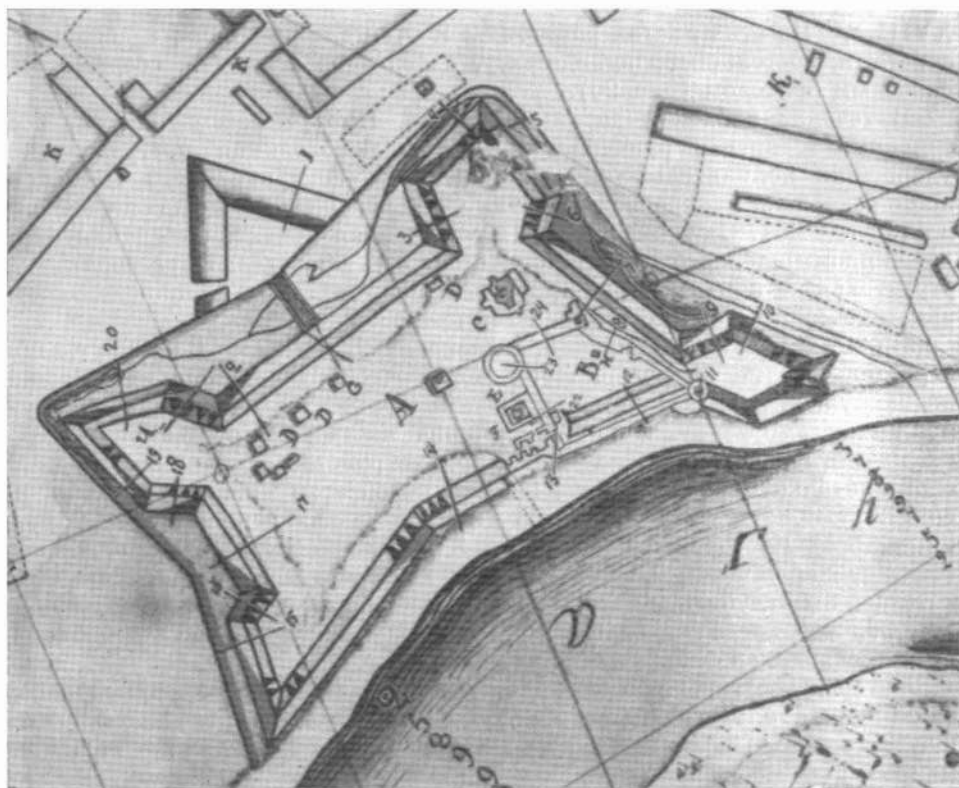

Рис. 96. План Ямбурга 1741 г. Фрагмент. (ЦГА).

«А — крепость; В — замок, С — церкви; D — амбары; E — где был пороховой погреб; F — ворота в замок и в воду».

Петровская перестройка Ямбурга лишь в незначительной мере коснулась древнего вышгорода.⁴⁵ Большая часть этого сооружения была сохранена и в таком виде показана инженером Д. Г. Гольцманом на плане крепости, отосланном после завершения работ Петру I.⁴⁶ В таком же, только более профессионально выполненном виде изображался план Ябургской крепости на ряде чертежей, изготовленных в течение

каков дан от царского величества» (Военно-походный журнал Б. П. Шереметева. — В кн.: Материалы Военно-учебного архива Главного штаба. СПб., 1871, т. 1, с. 130; ср.: Ласковский Ф. Материалы для истории инженерского искусства в России. СПб., 1861, ч. 2, с. 501—503).

⁴⁵ Стены были покрыты дерном, одна из паутольных башен насыщена землей (Письма и бумаги Петра Великого. СПб., 1889, т. 2, с. 177).

⁴⁶ Возможно, что именно этот план сохранился в Рукописном отделе БАН (Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук: Карты, планы, чертежи, рисунки и гравюры собрания Петра I. М.: Л., 1961, с. 162, № 319; воспроизведен: Косточкин В. В. К характеристике памятников... рис. 34).

XVIII в.⁴⁷ На этих листах различимы и очертания детинца, снабженного воротами, состоящими, по-видимому, из двоянных башен, соединенных сквозным проходом (рис. 96).

В течение первой половины XVIII в. Ямбург рассматривался российскими военными руководителями как необходимая преграда «для удержания неприятельских и зашщипения наших партий».⁴⁸ Постепенное разрушение крепости «ради обывательских нужд» началось в 1760 г.⁴⁹ В 1781 г. Екатерина II, увлеченная проектом создания в городе промышленного пригорода столицы, «повелела» разобрать на строительный камень башни древнего вышгорода.⁵⁰ Так с поверхности земли псчезли остатки средневековой крепости.

Нпжные части укреплений, однако, сохранились. В 1909 г. при строительстве на берегу р. Луги Коммерческого училища неожиданно натолкнулись на кладку южной башни и расчистили там направленную на восток амбразуру.⁵¹ Здание училища построили, отодвинув его несколько вглубь от берега. И здесь при устройстве фундамента, видимо, снова натолкнулись на старую кладку, но об этом никаких сведений не сохранилось.⁵² На основании вида и устройства найденной в 1909 г. бойницы В. В. Косточкин и датировал Ямгородскую крепость, а точнее — «вышгород», началом XVI в. В целом исследователь оказался прав, по хотелось бы углубить и расширить представления о позднесредневековой Ямгородской крепости, без чего пока невозможно судить о ее новгородской предшественнице.

Ямгородское городище занимает топографически обособленный район вдоль берега р. Луги (ныне городской парк).⁵³ Над уровнем реки площадка городища возвышается до 16 м. В северной части городища примерно на 6 м поднимаются два земляных бастиона с прилегающими куртинами, насыпанными, как упоминалось, в 1703 г.; в южной — земляные сооружения петровской поры всюду скрыты. Через южную оконечность городища (там, где был вышгород) проходит шоссе Ленинград—Таллин и находится построенное в 1909 г. здание б. Коммерческого училища (рис. 97). С юга и севера место исчезнувшей крепости оконтуривается рвами, а с запада — прудом, стекающим в северный ров. Несмотря на все нынешние и прошлые разрушения, расположение некогда существовавших здесь каменных стен и башен поддается распознаванию.

⁴⁷ План «города Амбурха с облегающею ситуациею» 1741 г. в копии 1768 г. (ЦГИА, ф. 1399, оп. 1, № 710); см. также: Планы Ямбурга 1730—1746 гг. и 1762 г. (ЦГАВМФ, ф. 3, оп. 23, № 937, л. 65 об., 66; № 958, л. 53, 54).

⁴⁸ Ласковский Ф. Материалы..., 1865, ч. 3, с. 10.

⁴⁹ Глаголев А. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников. — В кн.: Материалы для статистики Российской империи. СПб., 1839, т. 7, с. 111. — На плане 1741 г. относительно ворот замка помечено, что они завалились и прохода нет.

⁵⁰ Арх. ЛОИА АН СССР, ф. 6, № 51, ч. II, л. 32, 32 об.; Гос. ист. арх. Лен. обл., ф. 19, оп. 1, № 110/99.

⁵¹ Косточкин В. В. К характеристике памятников..., рис. 38.

⁵² Фундамент училища совмещается с юго-восточной башней Ямгородского вышгорода.

⁵³ ЛОИА АН СССР воспротивилось попытке строительства на одном из бастионов бытового учреждения. Это спасло редкое фортификационное произведение петровской поры от разрушения.

Рис. 97. Здание б. Коммерческого училища, занимающее место в южной части детинца.

Рис. 98. Участок стены «большого города». Вид с юга.

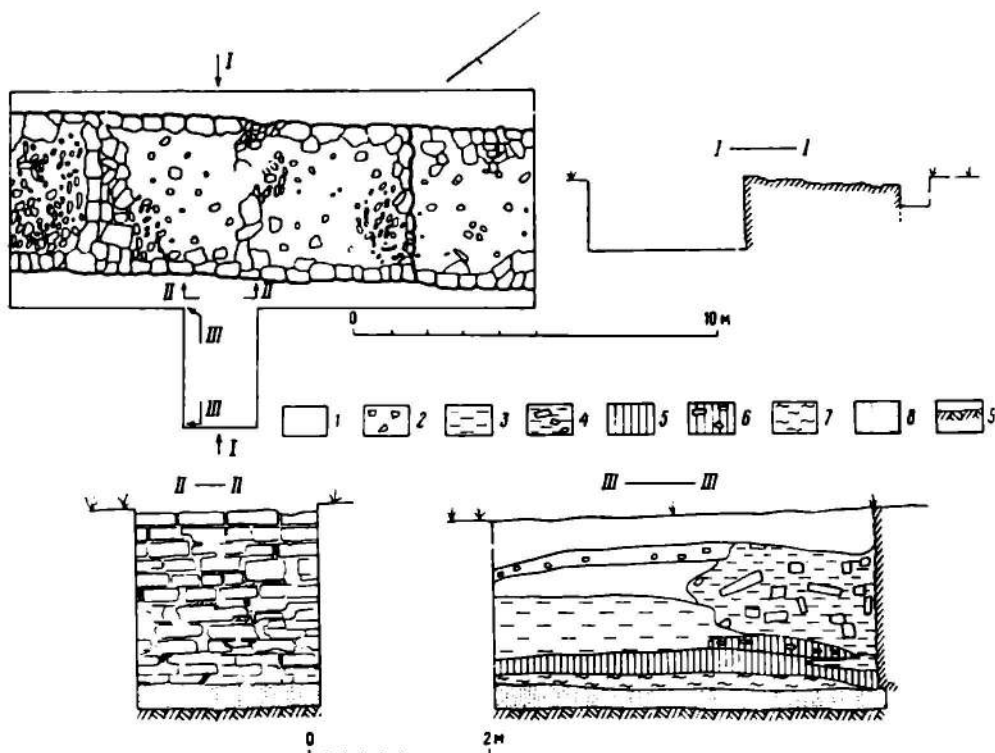

Рис. 99. Участок стены «большого города». План, фасад и разрез.

1 — серая земля; 2 — битый кирпич; 3 — желтая глина; 4 — развал стены; 5 — гумус (культурный слой с находками конца XV—XVI в.); 6 — черная земля с плитняком; 7 — предматериковый слой; 8 — глинистый песок; 9 — скала.

В ряде мест, в особенности в обрыве берега р. Луги, из-под земляных насыпей (1703 г.) на поверхность выступает кладка из плит высотой в среднем 1.8 м. Даже визуальный осмотр убеждает в том, что нижние части крепостной преграды сохранились на значительном протяжении, скорее всего по всему периметру. Археологические раскопки, проведенные в 1971 г., это полностью подтвердили.⁵⁴ Сообразуясь с выходами кладки и показаниями шведских чертежей XVII в., было заложено девять раскопов общей площадью 960 м².⁵⁵

В раскопе в восточной стороне городища сразу под дерном обнаружена хорошо сохранившаяся стена «большого города» (ширина 4.5 м,

⁵⁴ Раскопки произведены отрядом Ленинградской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством автора этих строк; исследованиям помогли местные краеведы Д. И. Смольский и Н. П. Быстрыков.

⁵⁵ Более подробно см.: Кирпичников А. Н. Отчет о раскопках в г. Кингисеппе Ленинградской области в 1971 г. — Арх. ИА АН СССР. — Раскопанные части стен и башни на публикуемом плане (рис. 107) обозначены косой штриховкой.

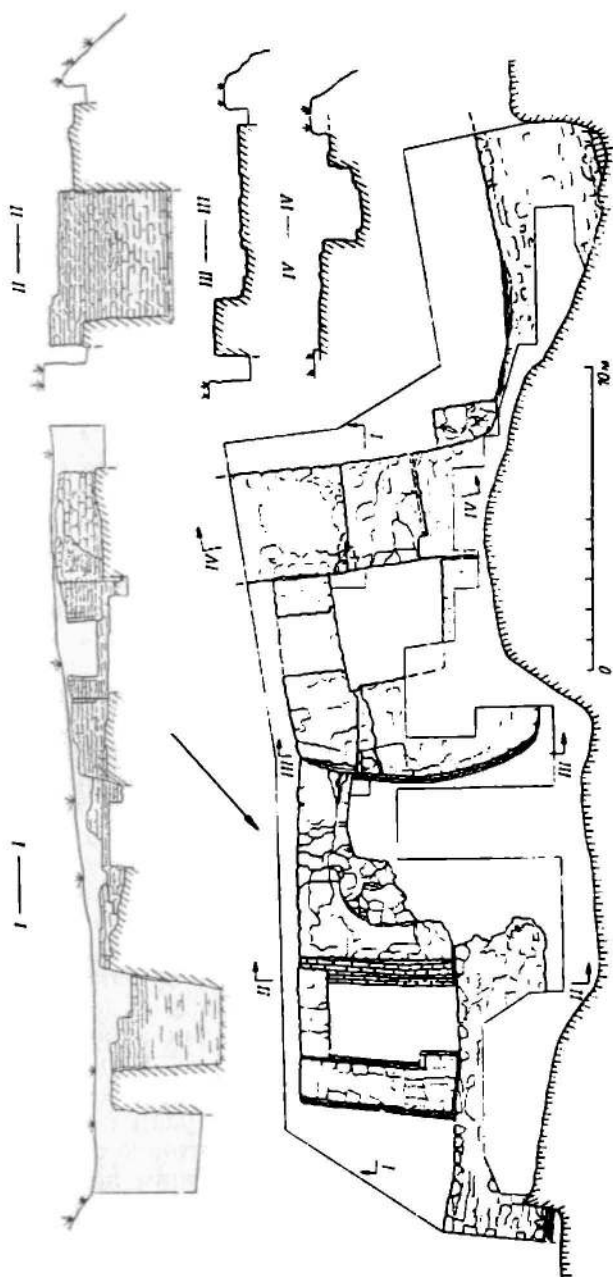

Рис. 100. Воротное устройство Янгородского детинца. План и разрезы.

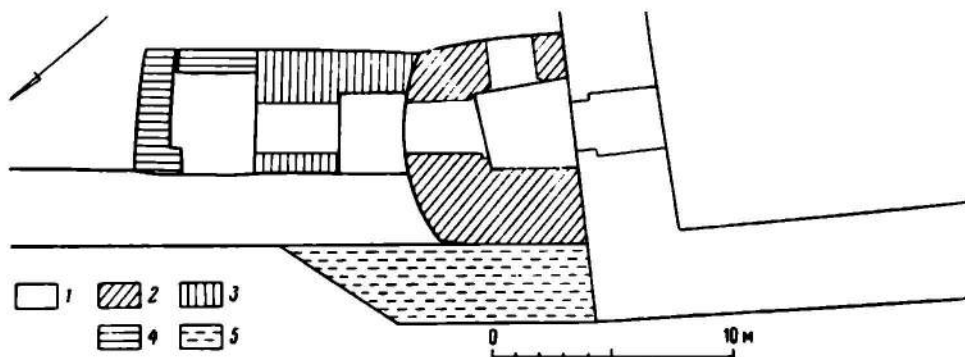

Рис. 101. Воротное устройство Ямгородского детинца. Чертеж с элементами реконструкции.

1 — стена конца XV—начала XVI в.; 2, 3 — полубашни; 4 — ограждение «волчьей ямы»; 5 — контрфорс.

высота от основания 1.9 м). Опа сложена из плитняковых квадров (10—20×45—50 см) серого и коричневого цветов, пролитых известковым раствором кремового оттенка. Сердцевина преграды забутована мелкими плитами. Сооружение покоится на слое глинистого песка; ниже находится скала. К внутреннему фасаду стены примыкает гумусный слой толщиной 15 см, судя по нескольким черепкам относящийся к XVI в. (рис. 99). Вскрытого, уходящего за пределы раскопа участка кладки длиной 15 м оказалось достаточно для хронологического определения. Судя по толщине постройки, а также по характерной квадратной облицовке, раствору, сплошной паружной обмазке (толщина до 2 см), наконец, датировке прилегающего культурного слоя (отложившегося в период функционирования преграды), стена относится к концу XV—началу XVI в. Аналогичным по устройству был и вскрытый отрезок восточной стены детинца, только его ширина 3.5 м, а сохранившаяся высота 1—1.3 м.

Дальнейшие изыскания касались сооружений детинца. Здесь, в западной прибрежной части городища, почти сразу под дерном, оказалась кладка из плит серого, зеленоватого и коричневого цветов. Ее расчистка на протяжении 22 м выявила части оригинального воротного устройства Ямгородского вышгорода, состоящего из двух смежных квадратных в плане башен (точнее полубашен, так как у каждой из них отсутствовала тыльная, четвертая, сторона; рис. 100). Внутри этих башен существовал общий коридорный проход (длина 17.5 м, ширина до 3.5 м), некогда разделенный, судя по выступам кладки, тремя воротами. Сохранились облицованные тесаным плитняком проемы проходов. Перед воротным устройством (местами уцелевшим на высоту до 1.7 м, считая от уровня каменного пола прохода) обнаружена так называемая волчья яма — четырехугольная, открытая сверху камера глубиной около 4 м, две противоположные стены которой служили, очевидно, опорами подъемного моста. Следовательно, человек, входивший в детинец, должен был миновать мост через ров, подъемный мост над «волчьей ямой»

Рис. 102. Восточная сторона прохода в стене детинца.

Рис. 103. Северо-восточная башня детинца. Вход в первый ярус.

и далее пройти по коридору с тремя последовательными воротами (и, может быть, с подъемной решеткой). В случае подъема моста и запора ворот такой путь, естественно, прерывался (рис. 101).

Составляющие архитектурные компоненты воротного устройства были разграничены как по стыковочным швам, так и по отличиям кладки. Лучше сохранился воротный проем в толще (ширина 3.7 м) стены детинца. Этот проем облицован известняковыми квадратами 15—20×32—40 см с шириной швов 2—4 см (рис. 102). На западной стороне прохода открыт паз, куда утапливалась поперечная переключина открытых ворот. Там же, перед наружным выступом, находился металлический подстав самих ворот, по ширине равных 2.3 м, т. е. с одним створчатым полотнищем.⁵⁶ Данный проход по всем признакам явно относится к тому же времени, что и описанные выше отрезки стен «большого города» и детинца.⁵⁷

Не касаясь описания архитектурных деталей полубашен, можно полагать, что весь обнаруженный воротный комплекс функционировал вплоть до 1780—1781 гг. Это подтверждают и планы XVII—XVIII вв. А воздвигнут он в течение XVI в. путем постепенной пристройки вприкрык к проходу в детинец сначала одной, а затем другой полубашни. Постройка дополнялась и усложнялась, чтобы затруднить доступ к первоначально безбашенному входу в детинец. Она спланирована таким образом, чтобы вплотную примыкать к стенам детинца и «большого города» в месте их соединения. По своему типу сооружение напоминает двухчастные воротные башни времен пушечной фортификации, но по деталям конструкции не имеет точного соответствия в русской военной архитектуре конца XV—XVI в. Очевидно, именно этот замысловатый вход не смогли преодолеть русские войска во время штурма Вышгорода в 1658 г.

В ходе дальнейших раскопок детинца были обнаружены его башни. Диаметр северо-восточной башни достигал 13.2 м; в ее западной части сохранились проход (ширина 1.6 м) со двора в первый ярус боя и остатки пещи, куда утапливалась открывающаяся внутрь дверь (рис. 103, 104). В этот проход выходят ступени лестницы, ведущей из первого яруса во второй. Внутренний объем нижнего яруса почти не сохранился, но его удалось ооконтурить (диаметр 5 м) по фрагменту уцелевшего полукружия. Толщина стен башни (около 3.9 м) почти равновелика примыкающим к ней пряслам.⁵⁸ В 2 м от основания сооружения начинался ров, отрезающий детинец от «внешнего города».

Юго-западная башня детинца обнаружена в прибрежной части городища, южнее моста через р. Лугу, построенного в 1926 г. Это оборонительное сооружение было открыто в 1909 г. и почти до пола первого яруса разрушено во время строительства упомянутого моста.⁵⁹ Однако

⁵⁶ На восточной стороне прохода оказалась вмазанная в кладку железная петля, в которую входил запор ворот.

⁵⁷ Кирилличиков А. Н. Отчет о раскопках..., л. 3 след.

⁵⁸ Башня построена одновременно с примыкающими стенами; сохранилась она на высоту 1.2 м, а смежные с ней стены — на 1.9 м.

⁵⁹ Поскольку башня удерживает слои земли от сползания в р. Лугу и через нее пролегает кабель, она раскопана частично.

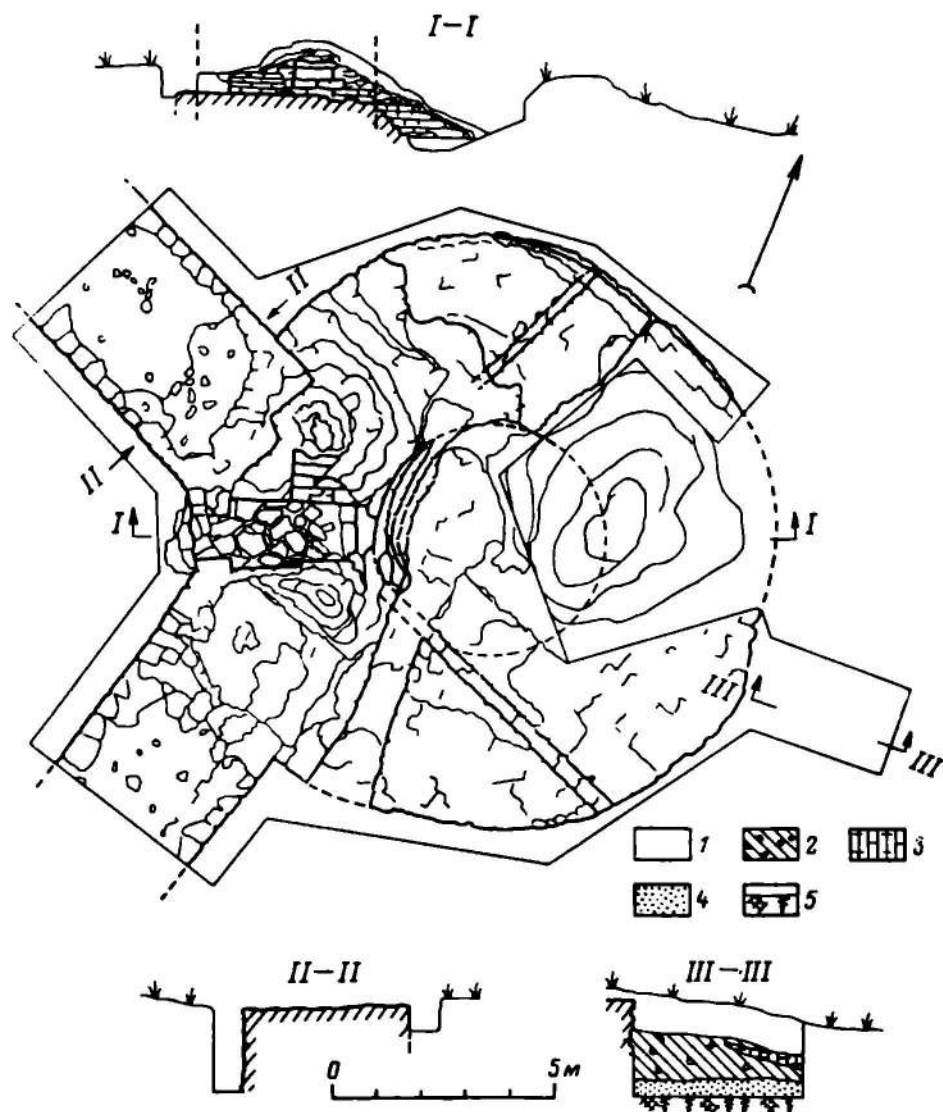

Рис. 104. Северо-восточная башня детинца. План и разрезы.

1 — черная земля; 2 — коричневая глина с плитняком; 3 — черная земля с глиной; 4 — глинистый песок; 5 — скала.

восточная сторона башни сохранилась на высоту 2,5 м (считая от пола) с лестницей на второй ярус и пушечной бойницей (рис. 105, 106). Бойница (на просвет размер 18×95 см) несомненно первоначальная;⁶⁰ она

⁶⁰ Эту бойницу сфотографировал в 1909 г. П. П. Покрышкин, чей снимок опубликовал В. В. Косточкин (см.: Косточкин В. В. К характеристике памятников..., рис. 38).

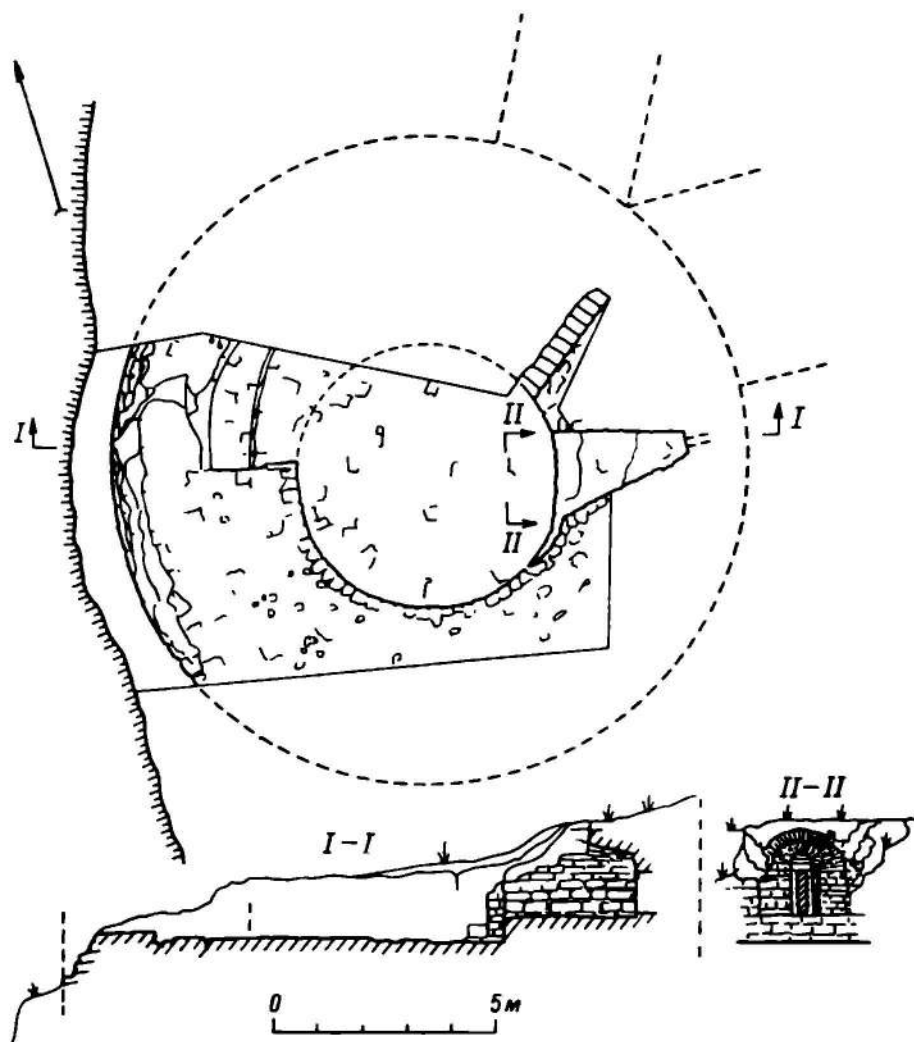

Рис. 105. Юго-западная башня детинца. План, разрез и внутренняя сторона бойницы.

была обращена вдоль южного прясла детинца (можно предположить наличие в башне и второй флажковой амбразуры, направленной вдоль берега р. Луги). Диаметр всего сооружения 14,5 м, а его внутреннего помещения — 6 м. По технике кладки (лицевые плиты равны 15—20×40—70 см) и деталям устройства рассматриваемая башня тождественна описанной выше северо-восточной.⁶¹

⁶¹ Целесообразна консервация некоторых нижних частей Ямгородской крепости, особенно юго-западной башни, поскольку она входит в мемориальный комплекс, посвященный защите Княгинин в годы Великой Отечественной войны.

Рис. 106. Бойница первого яруса юго-западной башни. Вид изнутри.

Исследования показали, что детинец (рис. 107) строился как особое самостоятельное укрепление, способное оказать сопротивление в случае прорыва внешней линии обороны крепости. Время его постройки можно определить по раскопанным круглым башням. По своему плану и таким деталям, как бойница, внутристенные лестницы, входы, они полностью соответствуют (в нижних частях) Провиантской и Воротной башням Ивангорода, построенным, по-видимому, не позже 1510—1520-х гг.⁶² Столь разительное совпадение, свидетельствующее о градостроительном почерке, возможно, одной артели каменщиков, приводит к заключению о том, что Ямгородский детинец возводился, а точнее перестраивался, одновременно с Ивангородом или в очень близкое к тому событию время. Далее, учитывая очевидное сходство круглых башен детинца и «большого города» (что устанавливается по шведским планам), дату военно-инженерных работ можно распространить и на этот последний. Капитальной переделке Ямгорода в связи с полным приспособлением к огнестрельному оружию несомненно способствовали следующие обстоятельства. В 1496 г. Ивангород был захвачен шведами, но вскоре без боя ими оставлен. Осенью того же года новгородские и псковские строители под защитой едва ли не 3000 войска (по сообщениям западных источников «изо всех сил») восстановили эту крепость. В дальнейшем, примерно в первой четверти XVI в., к ней пристроили

⁶² В. В. Косточкин относит постройку башен к 1496 г. (см.: Косточкин В. В. Крепость Ивангород. — МИА, 1952, № 31, рис. 27, 29).

ставший главным укреплением район — Большой Боярский город.⁶³ Вполне возможно, что тогда же была укреплена и Ямгородская крепость, находившаяся в 22 км к востоку от Ивангорода.

Итак, раскопки 1971 г. выявили части значительного, в основном единовременного, двухчастного укрепления, выстроенного около 1500 г. в мапере, характерной для образцов сформировавшейся пушечной фортификации. С помощью данных археологии, шведских чертежей, а также гравюры из книги А. Олеария, соотнесенных с современной топографической съемкой местности, ямгородский военно-инженерный комплекс удалось реконструировать (рис. 108, 109).

Уместно коснуться некоторых особенностей крепости на р. Луге, выявившихся в ходе ее воссоздания. План сооружения намечен достаточно точно, так как сопоставленные между собой натурные и архивные данные почти совершенно совпали. При разбивке же частей будущего сооружения строители руководствовались геометрическим принципом вписанных одна в другую траншей. Именно эта фигура лежит в основе плана детинца и «большого города». Однако строго размеренные построения и как следствие этого строго регулярные присла здесь отсутствуют. Башни «большого города» оказались расставленными неравномерно — 60—125 м друг от друга.

Что касается реконструкции внешнего вида постройки, то ее достоверность, разумеется, условна. Высота большинства башен принята четырехъярусной. На чертеже 1645 г. показан боевой обход стен, он пролегает по соседству с угловыми башнями «большого города»; это в свою очередь означает, что равновеликие со стенами трехъярусные стволы башен, возможно, имели еще один стрелковый этаж. Увенчания с зубчатым расширением только у четырехугольных башен, показанные на рисунке А. Олеария, предполагают навесные стрелковые бои. Такие увенчания, напоминающие о рыцарских замках Центральной и Западной Европы, несомненно были каменными. Они нарисованы без крыш. Последние, конечно, существовали, но во времена путешествия А. Олеария на некоторых башнях отсутствовали. Двухбашенный ход в детинец установлен в первую очередь благодаря археологическим раскопкам, а прилегающие к нему арочные ниши береговой стены зафиксированы на шведских чертежах. На северо-восточной башне детинца, судя по гравюре из книги А. Олеария, находилась башенка — наблюдательная вышка.

В Ямгородской крепости, какой она предстает по данным, относящим ее к рубежу XV—XVI вв., обнаруживается ряд разновременных, в том числе и не свойственных своей эпохе, архаических признаков. Вряд ли их можно объяснить приспособлением укрепления к рельефу местности (что, конечно, тоже имело место) или недостоверностью гравюры из книги А. Олеария. Перечислим подмеченные архитектурные архаизмы.

Изломанность очертаний постройки такова, что мешает или ослабляет фланкирующий прострел присла из близлежащих башен (это особенно касается северной прибрежной башни «большого города»). Не следо-

⁶³ Некоторая растяжка дат строительства раннего Ивангорода основывается на сообщениях иностранных источников, а также Холмогорской летописи (ПСРЛ, 1977. т. 33, с. 130, ср.: Косточкин В. В. Крепость Ивангород. с. 255, 256).

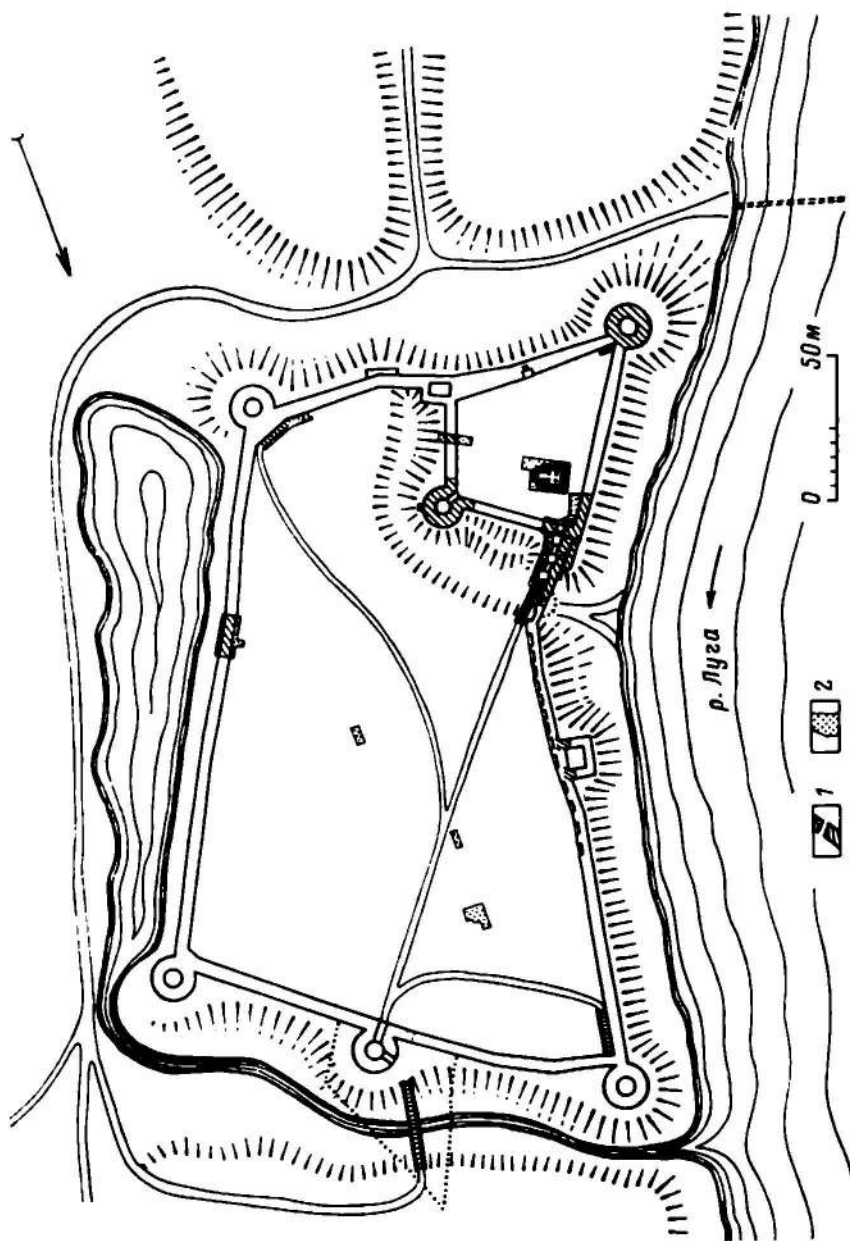

Рис. 107. Крепость Ямгорода около 1500 г. План-реконструкция (заптрихованы части стен и башни, раскопанные в 1971 г.).

1 — раскопанный кладка; 2 — раскопы внутри крепостного двора.

вали ли строители при трассировке своих стен какой-то преграде предшествующей поры? Думаю, что не только следовали, но и при этом сохранили отдельные части укрепления предшествующей поры. К такому заключению приводит, в частности, воспроизведенный на шведских чертежах план береговой степы «большого города», снабженный изнутри нишами. Стены аналогичного устройства возводились в Таллине и Риге с начала XIV в. Далее, ворота в «большом городе», как это видно по плану 1645 г., и в детинце первоначально были безбашенными, т. е. представляли собой простые арочные проходы в стенах.⁶⁴ Подобная особенность присуща некоторым крепостям XIV—XV вв.⁶⁵ Южная прямоугольная в плане башня детинца показана как бы утопленной внутрь обвода стен — фланкирующих функций она не имела. В период пушечной фортификации такие сооружения не строили; следовательно, остается предположить, что оно восходит к более раннему времени. К этой башне с западной стороны подходит несоразмерно широкое (до 8 м), очевидно, утолщенное в ходе перестройки крыло.⁶⁶

Обращает внимание, что очертания плана детинца в какой-то мере напоминают построенные в XIV в. крепости Орешек и Орлец. Выше говорилось о том, что подобные пластовые «проторегулярные» решения экспериментировались в русском оборонном зодчестве XIV в., и в нашем случае не будет удивительным, если конфигурация московской постройки полностью или частично predeterminedена ее новгородской предшественницей. Возможно, что последняя повлияла и на планировку «большого города», и на устройство совершенно необычных для конца XV—начала XVI в. безбашенных въездов.⁶⁷ Домосковское время постройки частей Ямгородской крепости подтвердили и археологические раскопки.

Известно, что на территории крепости около 1500 г. размещалось 38 дворов, принадлежавших примерно 50 владельцам.⁶⁸ О русском населении конца XV—XVI в. и шведском гарнизоне XVII в. папомнил и археологический материал, добытый в процессе раскопок как в детинце, так и в северной части «большого города».⁶⁹ Культурный слой средневековья достигал толщины 30—60 см и всюду залегал на материковой желтой глине, находящейся в 1.5 м от дневной поверхности. Этот слой сильно поврежден поздними перекопами. В нем встречены в основном

⁶⁴ После 1645 г. ворота «большого города» перенесли в одну из круглых башен, что, вероятно, было не очень удобным.

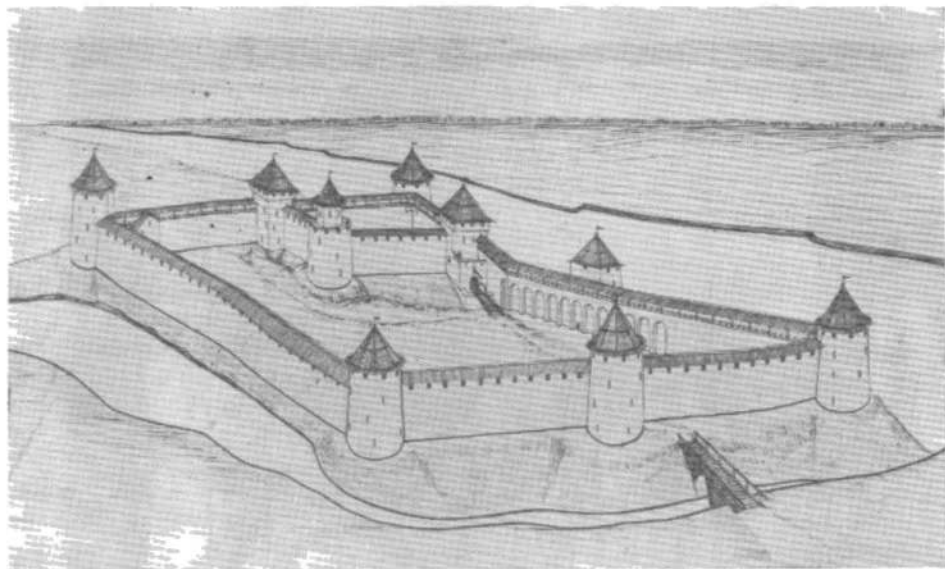
⁶⁵ Ср.: Дероко А. Средневековые градовы у Сбрии, Црној горы и Македонии. Београд, 1951, сл. 94, 107, 142. — Следует отметить, что по безбашенному устройству ворот, тупоугольной пазомаппости некоторых прясел стен, наконец, двухчастности укрепления Ямгородская крепость несколько напоминает упоминавшийся шведский Нейшлот (с. 91). При сходстве отдельных деталей Ямгорода и Нейшлота они, однако, различаются; особенно это касается плановой структуры, что пока не позволяет считать обе постройки совершенно одновременными.

⁶⁶ Расположенное здесь здание б. Коммерческого училища и пролегающее рядом шоссе Ленинград—Таллин воспрепятствовали археологическим раскопкам.

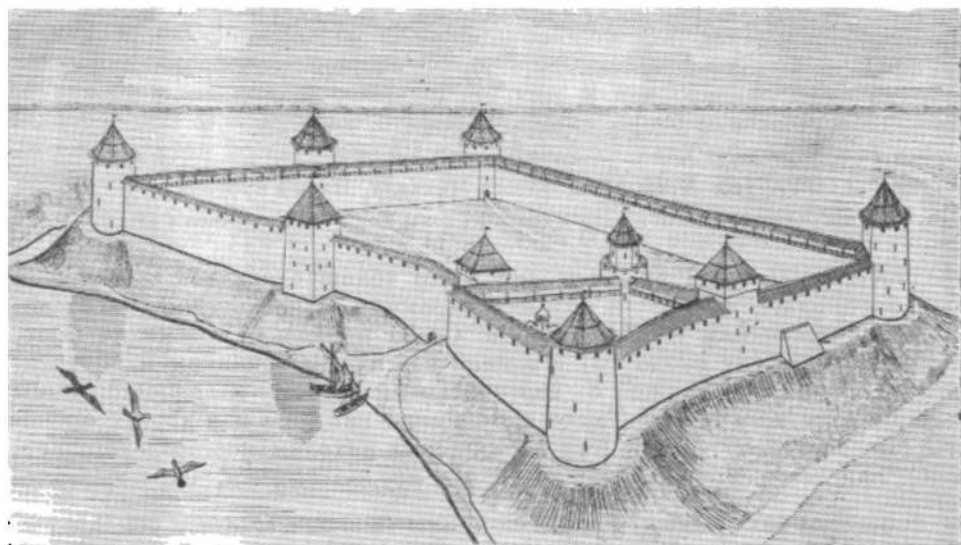
⁶⁷ Данная особенность объясняет отсутствие в составе сооружений «большого города», как правило, прямоугольной воротной башни.

⁶⁸ Новгородские писцовые книги, с. 879 след.

⁶⁹ Речь идет о трех небольших раскопах, заложенных в северной части городища, и раскопе в детинце, где обнаружен храм (о чем еще скажем ниже).

Рис. 108. Крепость Ямгорода около 1500 г. Вид с севера. Реконструкция автора и Е. Г. Араповой.

Рис. 109. Крепость Ямгорода около 1500 г. Вид с юга. Реконструкция автора и Е. Г. Араповой.

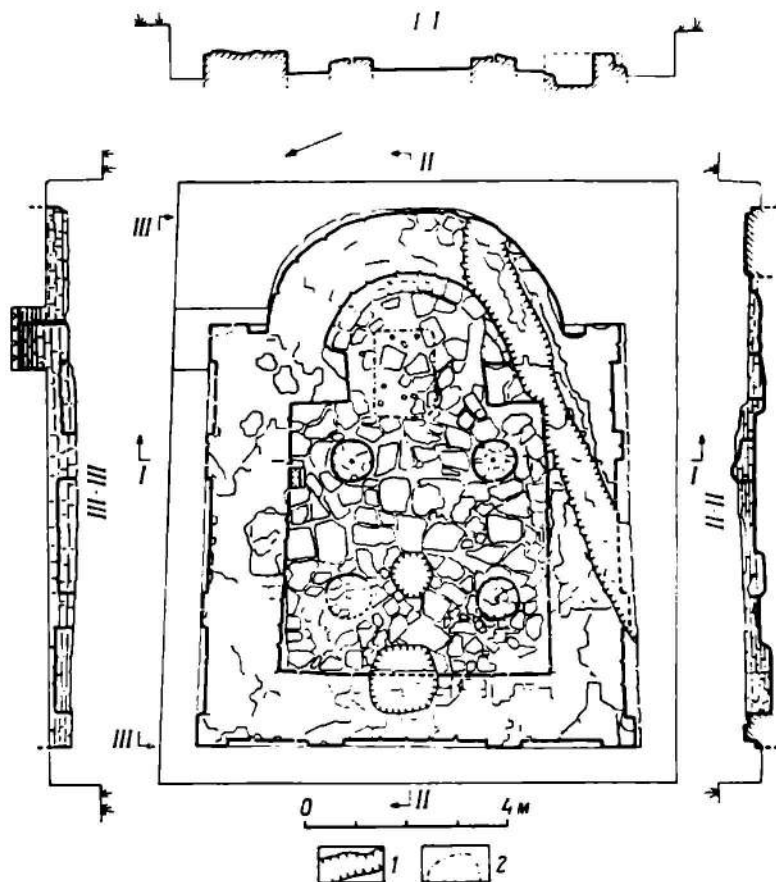

Рис. 110. Храм архипрестига Михаила. План и профили.

1 — поврежденные части кладки и вымостки пола; 2 — место погребения в алтаре.

предметы XVI—XVII вв.;⁷⁰ однако в его толще оказались самострельный болт, ключ, замок⁷¹ и обломки керамики, относящиеся по типологическим признакам к XIV—XV вв. Особо привлекли внимание фрагменты сосудов (их около 10) с плавно изогнутым венчиком и внутренним валиком, а также с вертикальным горлом и односторонним козырьковым выступом.⁷² Такие же образцы найдены и в других крепостях Новгородской земли. Как ни скромны находки новгородского времени, они тем не менее дают повод для предположения, что поселенче-

⁷⁰ Отметим 240 фрагментов кухонной посуды (в нашем архивном отчете о раскопках 1971 г. приведена типологическая таблица найденных венчиков сосудов), пряслица, поливные изразцы, три бронзовые шведские монеты XVII в., куски фаянсовых курительных трубок.

⁷¹ Того типа, который опубликован Б. А. Колчинным, см.: Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. — МИА, 1959, № 65, рис. 70, Е.

⁷² Тип тот, что и на рис. 73, 1, 5.

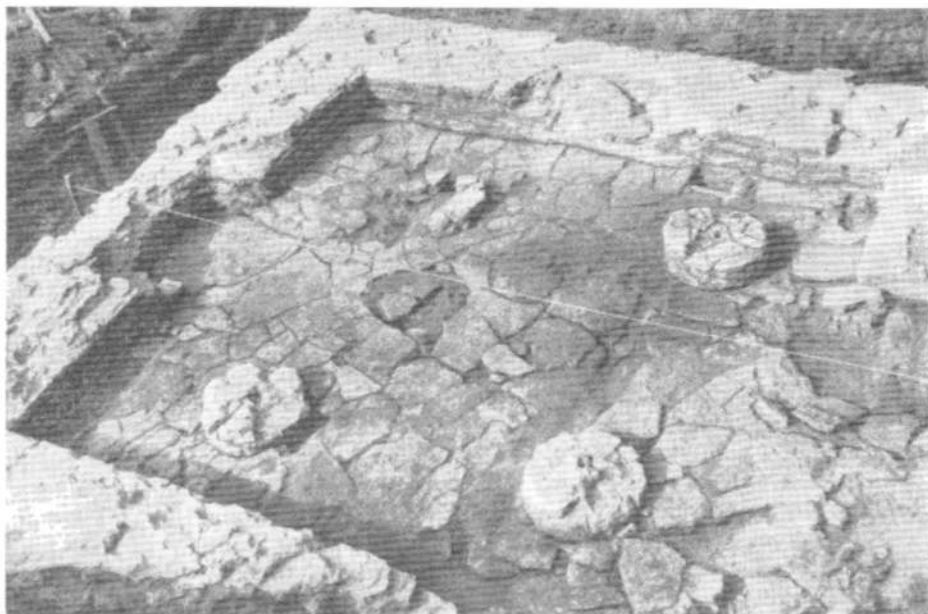

Рис. 111. Нижняя часть храма. Вид с юго-востока.

ское «пятно» Ямы XIV—XV вв. находилось примерно там же, что и в XVI в. Обоснованность подобного заключения доказывает находка постройки бесспорно новгородского времени, раскопанной в 1971 г. внутри стен детница. В северном его углу в прибрежной части на глубине 0.6—0.9 м полностью открыты остатки ранее неизвестного храма. Этот храм, судя по его нижним частям, представлял одноапсидное кубическое по объему сооружение с четырьмя круглыми столбами (размеры по осям 8.3×10.9 м; рис. 110). Сохранившиеся стены (толщина 1.3 м) возвышаются от уровня пола в среднем на 0.5 м; они сложены из плитняковых квадров на известковом растворе⁷³ и покоятся на неглубоком (0.4 м), скрепленном на глине фундаменте. Наружные фасады храма членятся лопатками. На всей площади его сохранился пол из плит разного размера, уложенных на песок (рис. 111). Над полом возвышаются остатки синтронной скамьи (в апсиде) и основания четырех круглых (диаметр 0.85 м) столбов.⁷⁴

По мнению архитектора Г. М. Штендера, в обнаруженном храме переплелись черты новгородской и псковской архитектуры, получившей здесь оригинальное воплощение. К числу этих черт он относит значительную толщину стен по сравнению с довольно тонкими колопнами и округлую форму всех четырех столбов (подобные известны лишь в церкви пачала XIII в. — Параскевы Пятницы на Торгу в Новгороде).

⁷³ Длина квадров до 39—47 см, а толщина в среднем 7 см, толщина же швов 2—3 см. Цвет плит серый и коричневатый.

⁷⁴ В алтаре под полом обнаружены два мужских захоронения без вещей.

Далсе Г. М. Штендер отмечает, что четырехколонный пинтерьер храма предполагает зальное решение пространства со световым барабаном в центральной части. «В таком случае, — пишет он, — высокая предалтарная преграда⁷⁵ мешала бы восприятию зального пространства. Следовательно, предалтарная преграда мыслится низкой, лишь символически выделяющей алтарную часть для ритуала; это свидетельствует о древности постройки, если иметь в виду процесс развития иконостаса».⁷⁶ В итоге Г. М. Штендер приходит к выводу, что ямгородский храм построен во второй половине XIV в., но в традициях предшествующего столетия.⁷⁷

Предложенную дату можно, очевидно, соотнести с 1380 гг., т. е. временем основания города. Поддается расшифровке и наименование церкви, к сожалению, прямо не упомянутой в средневековых источниках.⁷⁸ При закладке крепости на р. Луге летописцем отмечалось, что она воздвигнута «поспешением великаго Михаила архистратига».⁷⁹ Касаясь осады Ямы ливонцами в 1444 г., он записал: «А города ублюде бог и святой архангел Михаил, и не взяша его».⁸⁰ Вероятно, этому предводителю небесного воинства ангелов и был посвящен храм, расположенный еще по домонгольской традиции вблизи одной из стен крепости. Характерно, что после освобождения города в 1703 г. по указу Петра I в крепости была построена деревянная соборная церковь Михаила.⁸¹ Ее расположили на новом месте в пределах земляного города. Каменный же храм тогда уже не существовал; раскопки показали, что он был разрушен где-то во второй половине XVII в. На полу церкви при расчистке встречены ядра, куски мортирных бомб, обломки рейнской керамики и фаянсовых трубок. Состав находок показывает, что постройка перед ее разрушением какое-то время использовалась во время шведской оккупации города. Память о древнем сооружении сохранилась до первой четверти XVIII в. и, очевидно, повлияла на посвящение нового соборного храма прежнему патрону города архистратигу Михаилу.

Мы подробно остановились на атрибуции новораскопанной церкви, потому что она, во-первых, уверенно указывает местоположение первоначального Ямгорода,⁸² а во-вторых, в своем наименовании подчерки-

⁷⁵ Ее следы обозначены углублением в полу у западной части восточных столбов.

⁷⁶ Благодарю Г. М. Штендера за любезную консультацию.

⁷⁷ После Старой Ладогы, Копорья и Орешка Ямгород — четвертый пункт новгородской провинции, где в последнее время опознаны или археологически открыты новые памятники древнерусского культового зодчества.

⁷⁸ По данным писцовой книги, около 1500 г. в городе на посаде, т. е. вне пределов крепости, существовали на Копорской стороне Спасский мужской монастырь (изображен на гравюре в книге А. Олеария) и на Новгородской — Пречистинский женский (Новгородские писцовые книги, с. 379 след.). О церкви в детинце не упомянуто, видимо, потому, что она находилась вне зоны фискальных интересов писца переписи Ямы, проходившей около 1500 г., т. е. стояла отдельно от тягловых дворов.

⁷⁹ Новгородская первая летопись..., с. 379.

⁸⁰ Летопись Авраамки, с. 185.

⁸¹ ЦГИА, ф. 736, оп. 16. № 103, л. 1 об. (знакомству с источником обязан М. В. Иогансен). — Храм изображен на плане 1741 г. под литерой «С».

⁸² У стен церкви с внешней стороны на глубине 0,3—1,5 м обнаружены перемешанные неоднократно перекопками слои, содержащие обломки сосудов XIV—XV вв.

вает военное значение крепости, покровитель которой возглавлял в пантеоне небесных сил «поборники не противныя силы воюющим».⁸³ Расположение в детинце главного городского храма прямо или косвенно подтверждает высказанное выше наблюдение о том, что эта часть крепости имеет «домосковское» происхождение.

Итак, при изучении Ямгорода XVI в. обнаружены черты, указывающие на его более раннее, так сказать новгородское, существование. С наибольшей достоверностью эти черты проявились в планировке некоторых частей стен, в южной башне и храме детинца.⁸⁴ Исходя из этого позволительно утверждать, что при реконструкции Ямы часть ее новых укреплений делали (как это имело место в Ладоге, Копорье и Новгороде) по старой основе, а кое-где эту основу сохранили в неизменном виде.

---

⁸³ Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, 1908, т. 2, с. 269.

⁸⁴ Не означает ли изображенная в книге А. Олсена увенчанная зубцами южная башня детинца, что и в XVII в. она еще полностью сохраняла облик постройки новгородского времени?

ПОРХОВ

Этот населенный пункт расположен на правом берегу р. Шелони в далеко выдвинутом к западу изгибе ее среднего течения. Порхов оборонял большой плодородный район и находился на скрещении путей из Новгорода на Псковщину и к литовскому рубежу. Значение города видно и из того, что он был единственным каменным укреплением, прикрывавшим столицу Новгородской земли с юго-запада и запада. По своим размерам (площадь 1,8 га, периметр стен около 500 м) Порховская крепость в XIV в. превосходила большинство каменных форпостов Новгородского государства, уступая Орлецу и, возможно, Ямгороду. Каменному укреплению на р. Шелони предшествует оборонительное сооружение более ранней поры.

Исторические сведения

Первоначальное порховское поселение возникло на мысу в месте слияния рек Шелони и Дубенки, как деревоземляное укрепление (рис. 112, 113). Речь идет о так называемом Старом Порховском городище, окруженном с напольной стороны двумя рядами валов и рвов.¹ Подобные многовальные крепостные сооружения были популярны особенно в Южной Руси во второй половине XII—первой половине XIII в. Во время археологического исследования городища в 1974 г. Е. А. Рябинин обнаружил на нем три последовательных строительных горизонта, примерно соответствовавших трем этапам насыпки главного вала (также изучавшегося в 1974 г.; рис. 114). Первоначальная насыпь имела высоту 1,4—2 м от древней дневной поверхности. Верх этой насыпи был увенчан рубленой стеной, от которой сохранился нижний венец.²

Раскопки позволили судить о времени основания поселения на р. Шелони; оно совпадает с деятельностью Александра Невского, срубившего, как гласит древнейший из дошедших до нас списков русских летописей,

¹ Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв. — МИА, 1961, № 105, с. 41, рис. 29.

² Кирпичников А. Н., Рябинин Е. А. Исследования средневекового Порхова и его окрест. — АО 1974 г. М., 1975, с. 19.

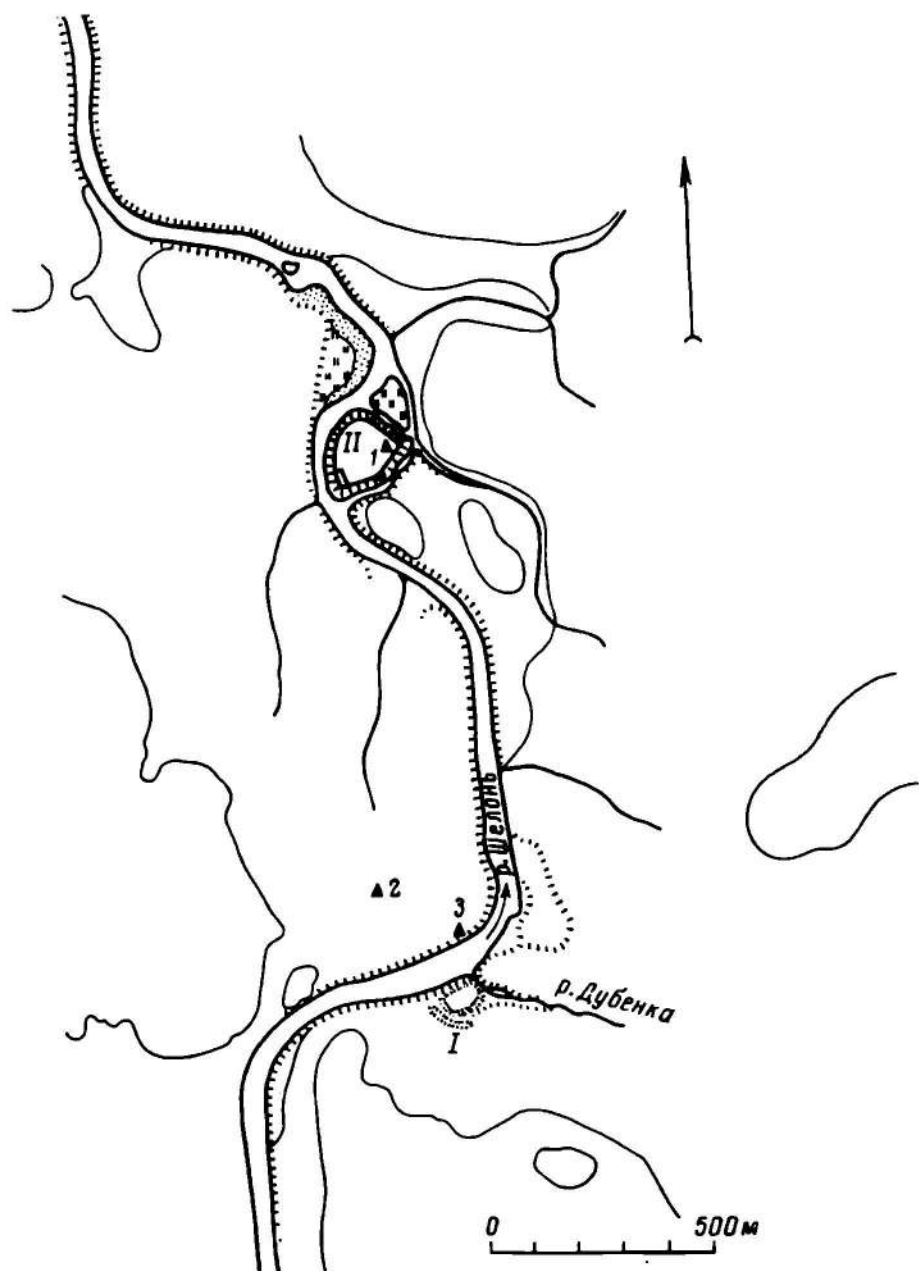

Рис. 112. План укрепленных поселений средневекового Порхова.

I — 1239—1387 гг.; *II* — с 1387 г. *1—3* — каменные храмы.

сей — Синодальный список Новгородской первой летописи, — «городцы по Шелони».³ Другие летописные источники также упоминают об этом событии, столь необычном в период пачавшегося Батыева погрома Руси, по «городец» записан в них в единственном числе.⁴ Первое чтение представляется нам наиболее достоверным. Подтверждает это ряд обстоятельств. Запись некоторых летописей о городце в единственном числе, по-видимому, вторична; если бы она была изначальна, то укрепленное место было бы помечено. Далее археологическими изысканиями последующих лет на р. Шелони обнаружены крепости, действительно существовавшие во времена Александра Невского. Одна из них находилась в 8 км от г. Сольцы, вверх по течению р. Шелони.⁵ В верхнем течении этой же реки известен датированный концом XIV—XV в. Высокий городок. Ему, возможно, предшествовало соседнее поселение в Дедовичах.⁶ Возникло ли оно в XIII в. или позже, еще предстоит уточнить. Наконец, к разряду шелонских «городцов» может быть причислено древнее поселение в с. Опока, находящееся в 23 км к северо-востоку от Порхова. В том месте нет ясно выраженного городища,⁷ но, судя по строго ограниченному поселенческому «пятну» (размером по осям 45×85 м) с материалами XIII—XV вв.,⁸ здесь, вероятно, находилось круговое деревянное ограждение. В пользу укрепления данного селения свидетельствует и тот факт, что разграбивший в 1346 г. Шелонь и Лугу литовский князь Ольгерд удовлетворился «окупом» с Порхова и Опоки, не пытаясь их захватить.⁹

По данным писцовых книг 1498—1576 гг. на р. Шелони было еще несколько «городков»; их предстоит отыскать.¹⁰ Разумеется, не все из них обязательно возникли в XIII в., но некоторые несомненно были окружены стенами или построены вновь именно в 1239 г. Укрепление Пошелонья в тот период было продиктовано ухудшением военной обстановки на юге Новгородской земли, вызванным участвовавшими литовскими нападениями. С 1200 г. литовские рати с интервалом 2—5 лет стали постоянно вторгаться в эти места. Так, по летописным данным, на Шелони литовцы воевали в 1200 и 1217 гг.¹¹ Характерно, что после создания шелонского заслона литовские набеги переместились (в летописи — 1245—1285 гг.) в восточном направлении в районы г. Торжка и р. Ловати. Затем военная активность воинственного соседа на юге Новгородской земли затихает. Новое обострение военной обстановки наступает в середине и во второй половине XIV в. В 1346 г. литовцы «взя

³ Новгородская первая летопись младшего и старшего изводов. М.; Л., 1950, с. 77.

⁴ Там же, с. 289; Новгородская IV летопись. — ПСРЛ, 1848, т. 4, с. 34; Никонская летопись. — ПСРЛ, 1965, т. 9, с. 114.

⁵ Орлов С. Н. Городец Александра Невского на Шелоне. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 46—50.

⁶ Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества..., с. 68, рис. 54.

⁷ Там же, с. 41, примеч. 116.

⁸ Средневековое поселение в Опоке обследовалось в 1958 г. П. А. Раппопортом, в 1974 г. — Е. А. Рябиным и мной. Собран подъемный материал — обломки керамики XIII—XV вв.

⁹ Новгородская первая летопись, с. 358.

¹⁰ Лебедев Е. Е. Город Порхов и его окрестности. Новгород, 1915, прил., с. 1.

¹¹ Новгородская первая летопись..., с. 45 след.

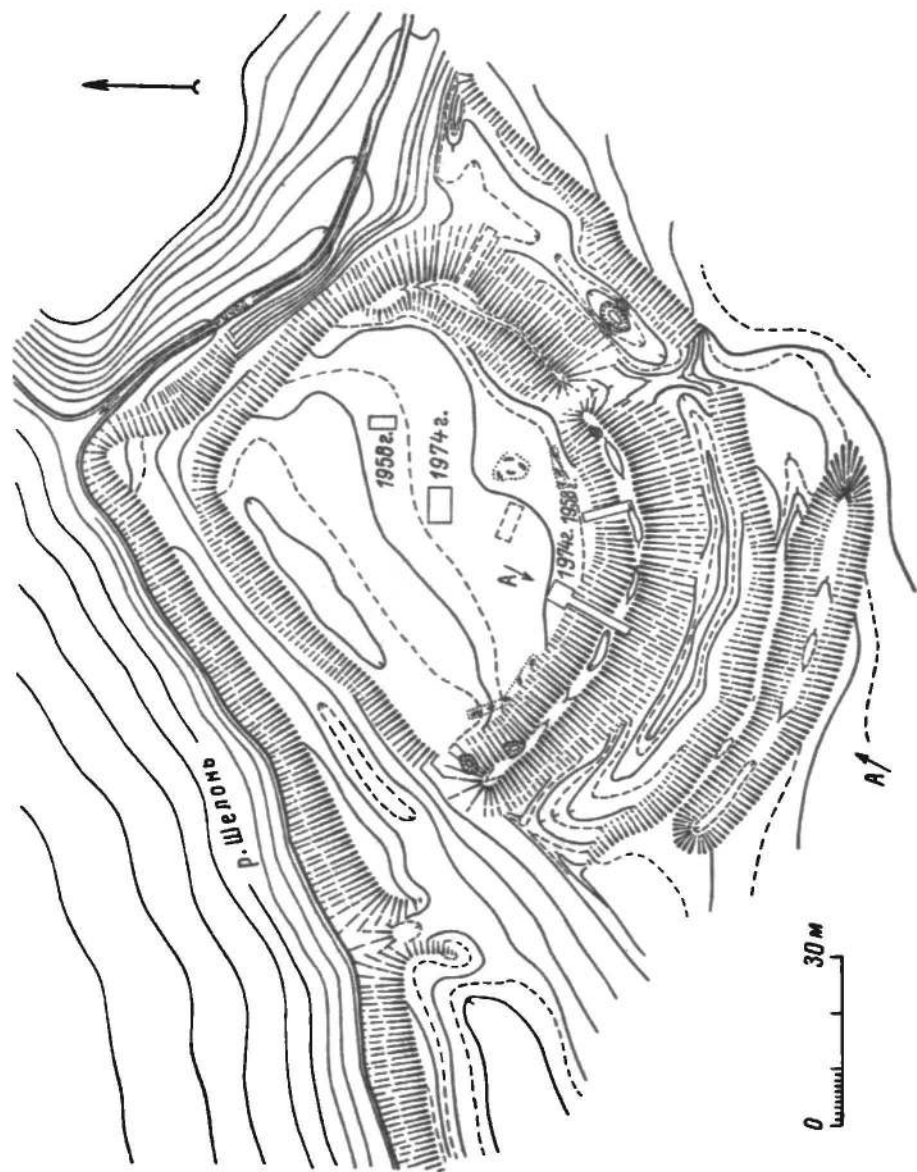
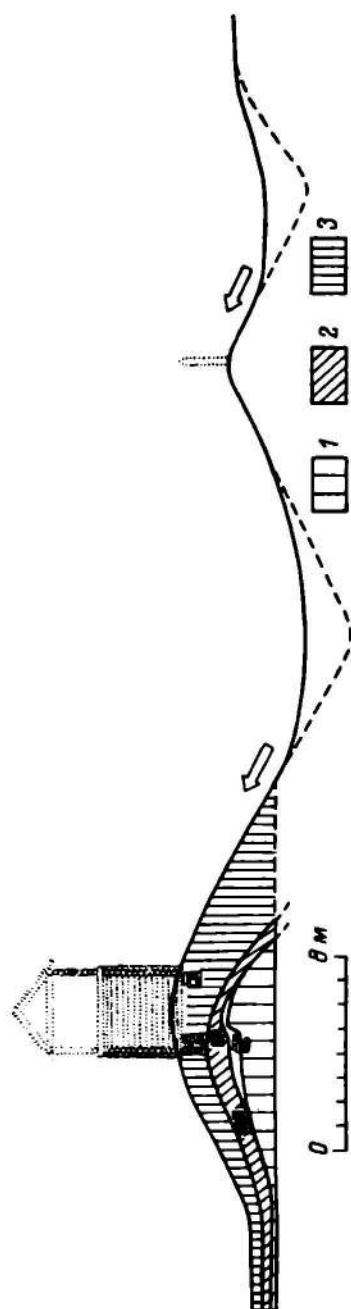

Рис. 113. Старое Порховское городище. План с обозначением раскопов 1958 (I) и 1974 (II) гг. (см. также рис. 114).

Рис. 114. Главный вал Старого Порховского городища. Разрез А—А с обозначением этапов насыпки. Чертеж-реконструкция Е. А. Рябининой и Е. Г. Араповой.

1 — 1239—1300 гг.; 2 — около 1300 г.; 3 — 1300—1387 гг.

Шелопу и Лугу на щит, а с Порховского городка и с Опоки взя окуп».¹² Неспкойным оставался литовский рубеж и в дальнейшем. Под 1399 г. летописец с тревогой записал об одном из самых воинственных литовских предводителей князе Витовте, что он «хотел пленити Рускую землю и Новъград и Псков».¹³

Влияние тревожных времен «литовщины» удалось уловить при археологическом исследовании Старого Порховского городища. По наблюдениям Е. А. Рябининой, в XIV в. главный вал городища дважды подсыпался, достигнув высоты 4,3 м (рис. 114). Последняя наиболее значительная подсыпка сделана с целью увеличения высоты и крутизны главного вала. При этом верхняя часть насыпи, что для древнерусских земляных укреплений регистрируется впервые, была усилена каменной опорой высотой 0,7 м, шириной 3,5 м, предназначенной для нахажившихся выше деревянных стен (из срубных городней).¹⁴ На примере укреплений Старого Порховского городища можно говорить не только о совпадении данных летописи и археологии, но и о влиянии военной напряженности, подстегивавшей местное оборонное строительство. Критическими оказались 1380-е гг., когда стало ясно, что форпост в устье

¹² Там же, с. 358.

¹³ Там же, с. 395. — Остерегались в тот период новгородцы и возможных столкновений с Псковом, действительно последовавших в 1291 и 1394 гг.

¹⁴ Более подробно см.: Рябинина Е. А. Отчет о раскопках Старого городища в Порхове. — Арх. ИА АН СССР. — Выражаю признательность Е. А. Рябининой за возможность использования добытого им археологического материала.

р. Дубенки, несмотря на все дополнительные усилия, оказался, видимо, недостаточно обороноспособным и новгородские руководители приняли радикальное и дальновидное решение соорудить в Пошелонье новую, на этот раз каменную твердыню.

В 1387 г. «благослови владыка Алексей весь Новгород ставити город Порхов камен... и поставиша город».¹⁵ Под «всем Новгородом» можно понимать мобилизацию сил всех городских концов;¹⁶ следовательно, строительство велось, как бывало в авральных случаях, всей землей. Так, в период активизации военного строительства в Северной Руси на берегах р. Шелони в один сезон была возведена внушительная твердыня. Для закладки крепости был выбран остров,¹⁷ находящийся в 1300 м от первоначального поселения, ниже по течению р. Шелони (рис. 112). По сравнению с прежним «городцом» новый был по площади примерно в 5 раз больше и более надежно защищен естественными водными преградами. Впрочем, совершенно отличалась от предшествующей и сама выполняемая в камне и окруженная башнями постройка.

Развитие техники осады и обороны, усиление средств штурма, наконец, перемещение конкретной военной обстановки в конце XIV—начале XV в. повлияли на усовершенствованные недавно построенного укрепления. Подтолкнула к тому и 8-дневная осада Порхова литовскими войсками князя Витовта в 1428 г. То была одна из первых на Русской земле осад, проведенных с помощью только огнестрельного оружия — пушек, тюфяков и пищалей. В составе осадного парка выделялись привезенная на 40 лошадях гигантская бомбардир «Галка». Летописец с необычной подробностью описал выстрел этой пушки. Ее снаряж повредил башню, пробил переднюю и алтарную стену каменной церкви Николая, построенной в 1412 г., и, сбив зубцы и кладку еще одной стены, угодил в осаждающих.¹⁸ Согласно летописному описанию, траектория полета ядра была такова: Малая башня, церковь Николая, стена у Никольских ворот: с учетом предположия она составляла не менее 250 м. Пушку, очевидно, установили на левом берегу р. Шелони, а выстрел был направлен на Малую башню (а также на стоящую за ней церковь) и пришелся он по ее верхним частям. Эта затея явно преследовала цель психологического устрашения, так как организовать прямой штурм Малой башни, отделенной от болотистого островка небольшой протокой, было весьма затруднительно. Выстрел бомбарды «Галка» — свидетельство небузданной мощи нового оружия, которым человек в тот момент еще не

¹⁵ Новгородская первая летопись..., с. 381.

¹⁶ Ср. следующий вариант летописного известия: «Благослови владыка Алексей Новгород свои дети, и посадников и тысяцких ставити город Порхов камен» (Летопись Авраамки. — ПСРЛ, 1889, т. 16, с. 132). См. также главу о Ямгороде.

¹⁷ На ситуационных планах 1772—1781 гг. Порховская крепость показана на острове, омываемом двумя рукавами р. Шелони (ЦГИА, ф. 1293, оп. 165, № 346, л. 1; оп. 167, № 28; оп. 168, № 12; ЦГАВМФ, ф. 3/д, оп. 25, № 2478). Рельеф рассматриваемого укрепленного пункта стал меняться после 1767 г., когда протоки реки, огибавшие его с северной и западной сторон, начали засыпаться мусором и щебнем (ср.: Лебедев Е. Е. Город Порхов..., с. 34, 35).

¹⁸ Никоновская летопись. — ПСРЛ, 1901, т. 12, с. 8; ср.: Московский летописный свод 1497 г. — ПСРЛ, 1963, т. 28, с. 97.

научился управлять;¹⁹ этот выстрел произвел на современников неотразимое впечатление.

Порхов не был тогда взят литовцами; власти откупились от опасного противника. Осада 1428 г., однако, обнаружила уязвимость стен и башен крепости перед огнестрельным оружием, что привело в 1430 г. к перестройке всего сооружения и в первую очередь с целью утолщения его стен: «Того же лета новгородци приставили к Порхову другую степу камену».²⁰ Показательно, что Порхов, насколько можно судить по письменным источникам, был одной из первых крепостей Новгородской земли, переоборудованной для использования и одновременно противодействия пороховому оружию. Нечто похожее произошло в Яме до военных событий 1443—1448 гг., в Ладоге в 1445 г.,²¹ Орешке, возможно, в 1460 г.²²

Реконструкция Порхова 1430 г. превратила его в достаточно надежный по понятиям того времени укрепленный пункт. В 1441 г. псковичи, в союзе с Москвой «воевавшие» новгородские волости, три дня стояли под Порховом, но не попытались его штурмовать.²³ Дальнейшие известия о Порховской крепости становятся все более скудными. Письменные источники, к сожалению, уже не сообщают о ее перестройках или ремонтах. Сведения той поры представляют интерес для суждений о населении и экономике города.

В течение XV в. вокруг крепости разросся неукрепленный посад.²⁴ Он простирался к юго-востоку от крепости по правому берегу Шелони, но в дальнейшем охватил и левый берег реки. О размерах городской застройки свидетельствует местоположение монастырей Спасского и Рождественского, находившихся, по данным 1584 г., «по конец посаду» и «за посадом против старого городища».²⁵ Удаление этих сооружений от крепости составляло около 1 км. Отсюда ясно, что городские дворы строились вдоль реки, к югу от крепости, а планировка города была подчинена его береговой оси.

О времени и интенсивности застройки крепости стало возможным в какой-то мере судить на основании четырех небольших раскопок, заложенных в разных местах ее двора.²⁶ Культурный слой (до глубины 0,85 м) подразделялся на два строительных горизонта и содержал материал не древнее XVI в. Дату верхнего строительного горизонта

¹⁹ Артиллериста немчина Николая при выстреле «расторгну и размета невидимо где» (Никоновская летопись, с. 8).

²⁰ Новгородская первая летопись..., с. 415, 416.

²¹ Там же, с. 424. (В тексте летописи описка — название Ладога пропущено).

²² Летопись Авраамки, с. 202.

²³ Псковские летописи. М.; Л., 1941, вып. 1, с. 45.

²⁴ В начале XVII в. посад был огражден острогом (Фигаровский В. А. Отпор шведским интервентам в Новгороде. — Новгород. ист. сб., Новгород, 1938, вып. 3, 4, с. 44).

²⁵ Лебедев Е. Е. Город Порхов..., с. 46, 47; Памятники древнерусского зодчества: Земля Псковская. Л., 1972, с. 188; ср.: с. 96, 98.

²⁶ Более подробно см.: Кирпичников А. Н. Отчет о раскопках Порховской крепости в Велья Псковской области в 1974 г. — Арх. ИА АН СССР. — В упомянутых горизонтах были выявлены остатки срубных деревянных построек. Собранные во время раскопок 450 венчиков и днищ сосудов конца XV—начала XVII в. позволили создать типологическую таблицу форм местной городской керамики.

(третья четверть XVI в.) уточнила обнаруженная роговая пороховница с изображением ландскнехта — шедевр, по-видимому, немецкого косторезного мастерства последюреровской поры.²⁷ Отсутствие же находок конца XIV—XV в. может свидетельствовать либо об исключительно военном использовании слабонаселенной крепости, либо о специфическом характере ее застройки, например, осадными дворами, необходимыми на случай войны.²⁸ Еще одно объяснение подсказывает писцовая книга 1498 г., сообщающая о населении Порхова. В городе тогда насчитывалось 73 двора, владельцами которых числились 103 человека. Кроме того, в крепости находились 23 места «сведенных» бояр и владыки.²⁹ Из этого можно заключить, что крепость, будучи во второй половине XV в. местом жительства привилегированной верхушки, в социальном плане выполняла роль детинца. Существовал ли такой порядок изначально, утверждать трудно.

И городская старшина, и посадские люди Порхова, по данным писцовой книги 1498 г., были тесно связаны с огородничеством и сельским земледелием. Не случайно Порхов окружало богатое околорадье, насчитывавшее в XVI в. более 120 деревень, сел и починок.³⁰ Из донесения голландских резидентов в начале XVII в. известно, что в городе «жило много купцов и крестьян, ибо окружающие его поля приятны и плодородны».³¹ В целом Порхов в период московской истории имел, видимо, унаследованный от новгородских времен аграрный облик. Что же касается военного значения, то, оказавшись удаленной от передвинувшихся к западу границ Московского государства, Порховская крепость поддерживалась в течение всего XVI в. как тыловое укрепление без каких-либо изменений или модернизаций. Такое обстоятельство в немалой степени способствовало сохранению этого памятника новгородской крепостной архитектуры. Сбережению крепости помогло еще одно случайное происшествие.

В 1766 г. Порховская воеводская канцелярия сообщала в Новгород о ветхом состоянии стен и башен древней крепости и предлагала их разобрать, «дабы не учинилось от падения (камней, — А. К.) народу вреда».³² Новгородский губернатор Я. Сиверс предписал составить ему смету на сломку. Выполняя поручение начальника, порховские чиновники оказались в затруднительном положении, потому что «таких людей, кто бы мог по науке сочинить городу план и к разбору смету, по многому от канцелярии разведованию, не отыскалось». Тогда Я. Сиверс (человек, видимо, государственного ума) постановил «разломать (стену, — А. К.) только в самых опасных местах, чтобы чрез то напрасно казенного

²⁷ Кирпичников А. Н. Пороховница XVI в., найденная в Порхове. — В кн.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 332—335.

²⁸ Такие дворы около 1500 г. существовали, например, в крепости Яма (Новгородские писцовые книги. СПб., 1868, т. 3, с. 879 след.).

²⁹ Новгородские писцовые книги, 1905, т. 5, с. 261, 262.

³⁰ Там же, с. 582.

³¹ Лебедев Е. Е. Город Порхов..., Прил., с. 6.

³² Анисимов А. Историко-статистические сведения о городе Порхове Псковской губернии. — Псков. губернии ведомости, 1873, № 5, с. 50. — В древлехранилище ПГОИХМЗ (324/49) имеется дело Порховской воеводской канцелярии за 1766—1767 гг. — «О ветхости градской каменной стены и башен».

ущерба последовать не могло».³³ Распоряжение губернатора невольно спасло крепость от полного уничтожения. Правда, к концу 1770-х гг. разобрали часть главного входа в укрепление и кое-где оббили зубцы.³⁴

В 1781 г. был утвержден городской герб.³⁵ В верхней половине щита изображен барс (герб Пскова), в нижней — «древний, много претерпевший от осад замок, пачинающий возобновляться». Действительно, одна из башен показана окруженной строительными лесами. Реальность же не соответствовала буквальному смыслу геральдического описания. Именно во второй половине XVIII в. Порховская крепость претерпела наибольшие в своей истории утраты. Медленное разрушение памятника продолжалось и в течение большей части XIX в., но в основном постройка уцелела и ныне является лучшим по сохранности образцом новгородской военной архитектуры XIV—XV вв.

Архитектурные и исторические качества твердыни на р. Шелони по достоинству были оценены лишь в последние десятилетия, а в 1962—1979 гг. псковскими специалистами был осуществлен цикл серьезных работ³⁶ по восстановлению памятника.

Изучение крепости

Пионером в исследовании военной архитектуры древнего Порхова можно признать В. А. Богусевича. «Изучение Порховской крепости, — справедливо писал этот автор, — имеет исключительное значение, так как только она сохранила в совершенно неперделанном виде части стен и башен XIV в., поражающие исследователя прекрасной степенью сохранности, позволяющей с полной четкостью и ясностью разрешить основные вопросы о характере русских каменных крепостей XIV в., и дает прочный материал для суждения о формах и устройстве каменных укреплений до появления и развития артиллерии».³⁷ Эти строки в значительной мере не устарели и поныне, несмотря на то что в Ладоге, Орешке, Кореле и Копорье также выявлены военные сооружения новгородской поры. И сегодня каменный Порхов действительно уникален по впечатляющей целостности своих первоначальных каменных стен и башен. В. А. Богусевич впервые установил строительные этапы Порховской крепости и убедительно сопоставил их с летописными свидетельствами XIV—XV вв. Это в свою очередь позволило ему «с полной отчетливостью поставить вопрос о тех крупных изменениях в камennom крепостном зодчестве, ко-

³³ Анисимов А. Историко-статистические сведения... с. 50.

³⁴ В 1784 г. порховский городничий вновь предлагал сломать крепость, однако его рапорт в Сенат, видимо, остался без ответа (Гос. арх. Псков. обл., ф. 74. оп. 1, № 161, л. 3, 4).

³⁵ Лебедев Е. Е. Город Порхов... рис., с. 33.

³⁶ Пользуясь случаем, благодарю ПСНРИМ, а также автора проекта реставрации и консервации Порховской крепости Б. С. Скобелевца за предоставление обмерных чертежей памятника и консультации. Среди этих чертежей был и инструментальный план Порховской крепости, выполненный П. И. Иваловым и К. Б. Скобелевым, на основании которого выполнены публикуемые планы-реконструкции. Работы по приведению памятника в порядок продолжают и ныне.

³⁷ Богусевич В. А. Военно-оборонительные сооружения Новгорода, Старой Ладоги, Порхова и Копорья. Новгород, 1940, с. 29.

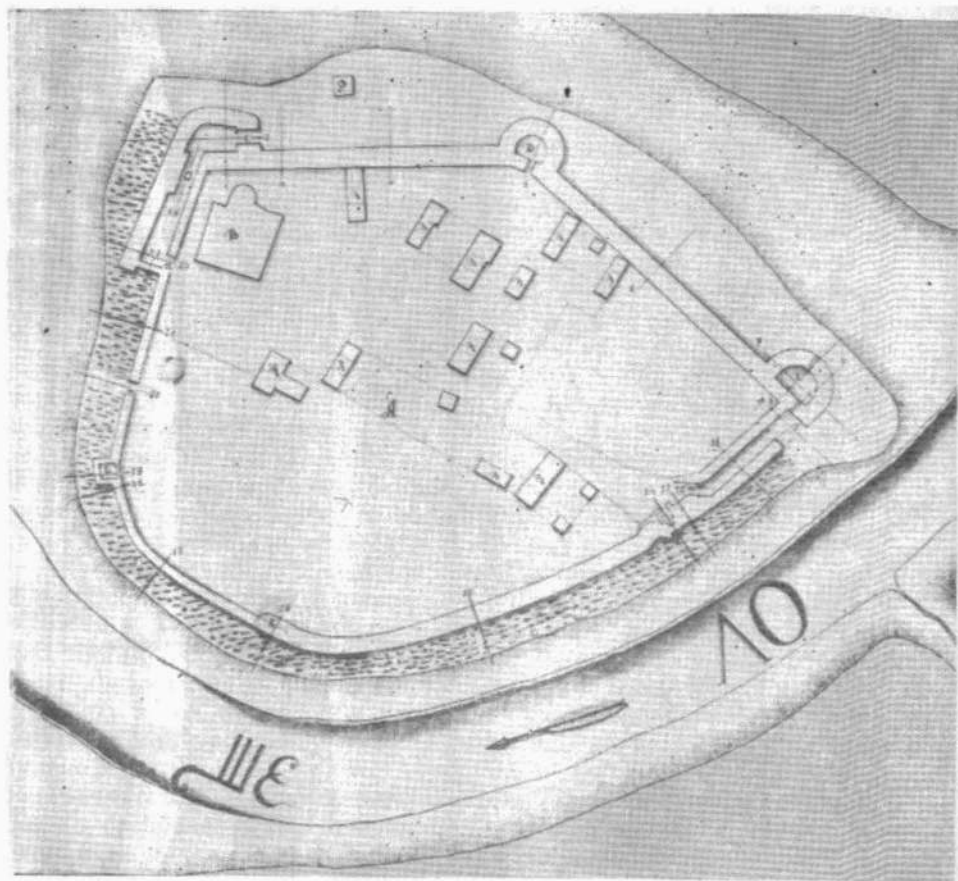

Рис. 115. План Порховской крепости. Чертеж П. Квашнина-Самарина.
(ЦГАВМФ).

«А — город Порхов; В — соборная церковь во имя Николая Чудотворца; С — Никольская башня над воротами; D — Средняя башня; E — Псковская развальная башня; F — развальное место, где бывали ворота; H — Псковские ворота; J — караульня подле сходу первого на стену; K — второй ход на стену; L — башня Новгородская; M — потайные ворота; N — вторые Никольские ворота; O — вторая Никольская башня над воротами; P — часовая разоренная; Q — канцелярия воеводская; R — квартиры разночинцев».

которые были вызваны появлением артиллерии».³⁸ Но полностью разрешить поставленный вопрос В. А. Богусевичу, однако, не удалось. Ссылаясь на небольшую толщину первоначальных порховских стен, ученый заключил, что они «были больше рассчитаны на пассивное сопротивление, чем на активную оборону».³⁹ Высказанная формулировка не точна, так как сама по себе толщина стен еще не свидетельствует о приемах ее защиты. В нашем случае изыскания, проведенные псковскими реставраторами, показали, что ограждение крепости на р. Шелони увенчивалось

³⁸ Там же, с. 36.

³⁹ Там же, с. 31.

ИЗМЕРЕНИЯ

Внутренний диаметр башни
в метрах и дюймах

Внутренний диаметр башни
в метрах и дюймах

Внутренний диаметр башни
в метрах и дюймах

Внутренний диаметр башни
в метрах и дюймах

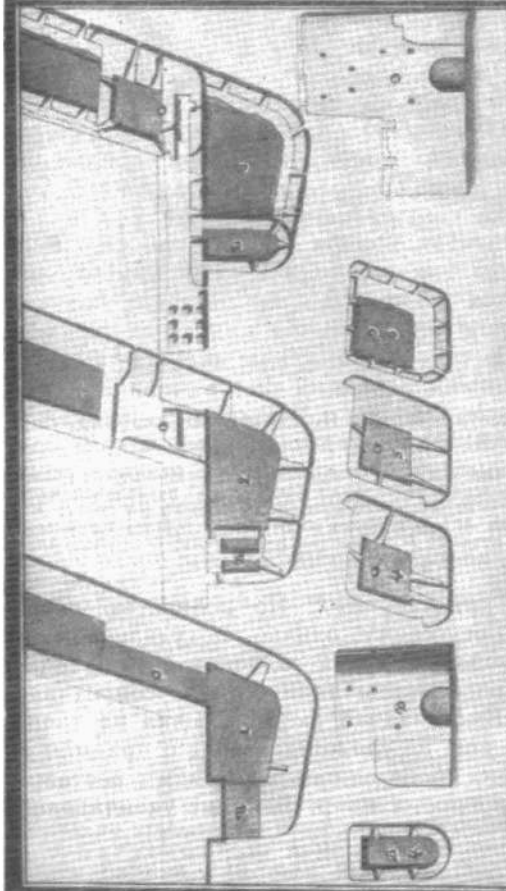
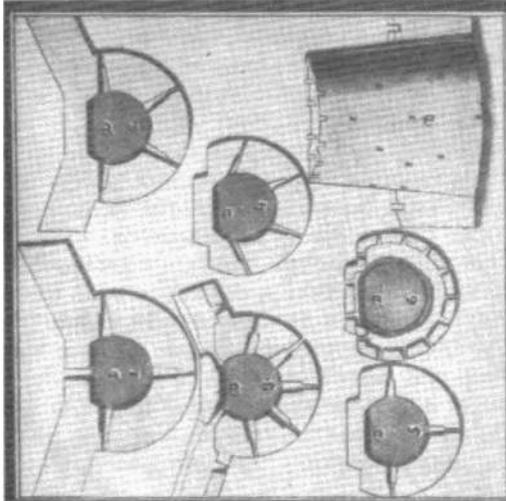
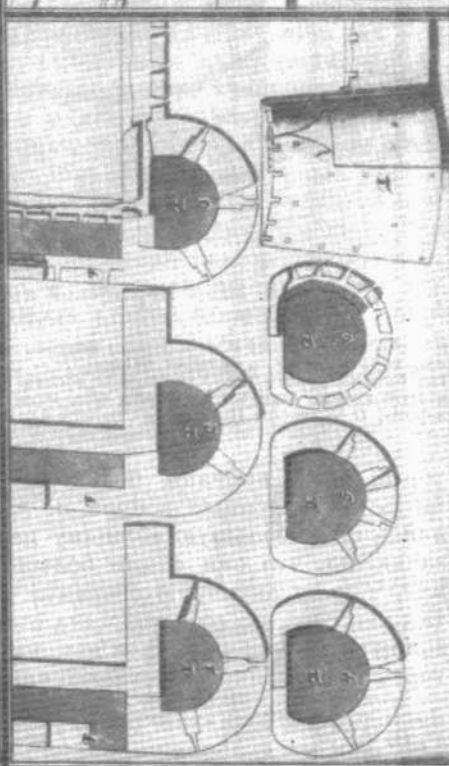
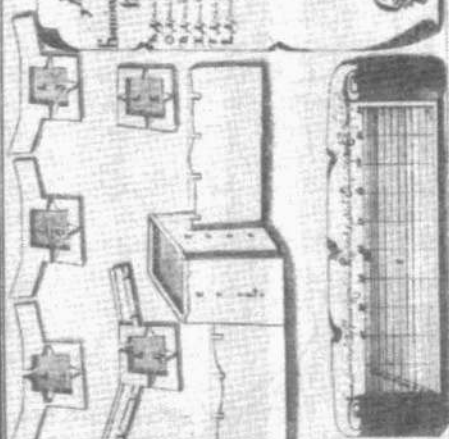
Внутренний диаметр башни
в метрах и дюймах

Внутренний диаметр башни
в метрах и дюймах

Внутренний диаметр башни
в метрах и дюймах

Внутренний диаметр башни
в метрах и дюймах

Внутренний диаметр башни
в метрах и дюймах

боевым ходом на копсолях. Следовательно, и при небольшой толщине рассматриваемая преграда была приспособлена для необходимой круговой стрелковой обороны.

Позитивные начала, заложенные в работе В. А. Богусевича, были продолжены и развиты П. А. Раппопортом, посвятившим Порхову обстоятельную статью.⁴⁰ В ней впервые представлено последовательное архитектурное описание памятника, отмечены его разновременные детали и характер перестроек и поновлений. Порховская крепость перестала быть загадкой, ее сохранившиеся части получили четкую обоснованную дату. Именно на примере Порхова П. А. Раппопорт, а также В. В. Косточкин⁴¹ выяснили, что решающее преобразование русской военной архитектуры середины и второй половины XIV в. заключалось в усилении башнями наиболее опасной, приступной стороны крепости. Благодаря такому новшеству крепости той поры стали, как правило, непреодолимыми для осаждающих. В Порхове это новшество иллюстрируется устройством северного и восточного фронтов укрепления, включающего, как полагали исследователи, четыре башни, фланкирующие расположенные между ними прямолинейные прясла длиной 72—75 м. Что касается западной стороны крепости, то ее закрывала только криволинейно изогнутая стена длиной 216 м, доступ к которой был затруднен протекающей у подножия рекой. В целом по оценке упомянутых ученых Порхов являлся достаточно характерным для своего времени сооружением с двучастным в зависимости от рельефа местности разделением оборонительных линий на более и менее сильные. Приведенная оценка боевых качеств крепости на р. Шелони в общей форме справедлива, но может быть уточнена в том отношении, что (как будет показано ниже) она применима к рассматриваемому комплексу лишь на исходе его новгородского существования.

Результативному изучению Порховской крепости способствовало не только беспрецедентная сохранность сооружения, но и обилие графических материалов, составлявших, что особенно ценно, до того периода, когда отдельные части крепости начали интенсивно разрушаться. Особенно важны 11 планов крепости и города, относящиеся к 1772—1792 гг., наиболее интересные из которых уже введены в науку Ф. Ласковским и П. А. Раппопортом.⁴²

⁴⁰ Раппопорт П. А. Из истории военно-инженерного искусства Древней Руси. — МИА, 1952, № 31, с. 148—164.

⁴¹ Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества... с. 168, рис. 12; Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII—начала XVI в. М., 1962, с. 116, 143, 247.

⁴² Ласковский Ф. Карты, планы и чертежи к I части Материалов для истории инженерного искусства в России. СПб., 1858, л. 3, 7 след. (опубликовано

Рис. 116. «Детали башням Порховской крепости и фасады по литерам». Чертеж П. Квашнина-Самарина. (ЦГАВМФ).

•В — детали и фасад Никольской башни над воротами; О — детали и фасад второй Никольской башни над воротами; Д — детали и фасад Средней башни; Е — детали и фасад Псковской развальной башни; F — детали развальному месту, где бывали ворота; L — детали и фасад Новгородской башни».

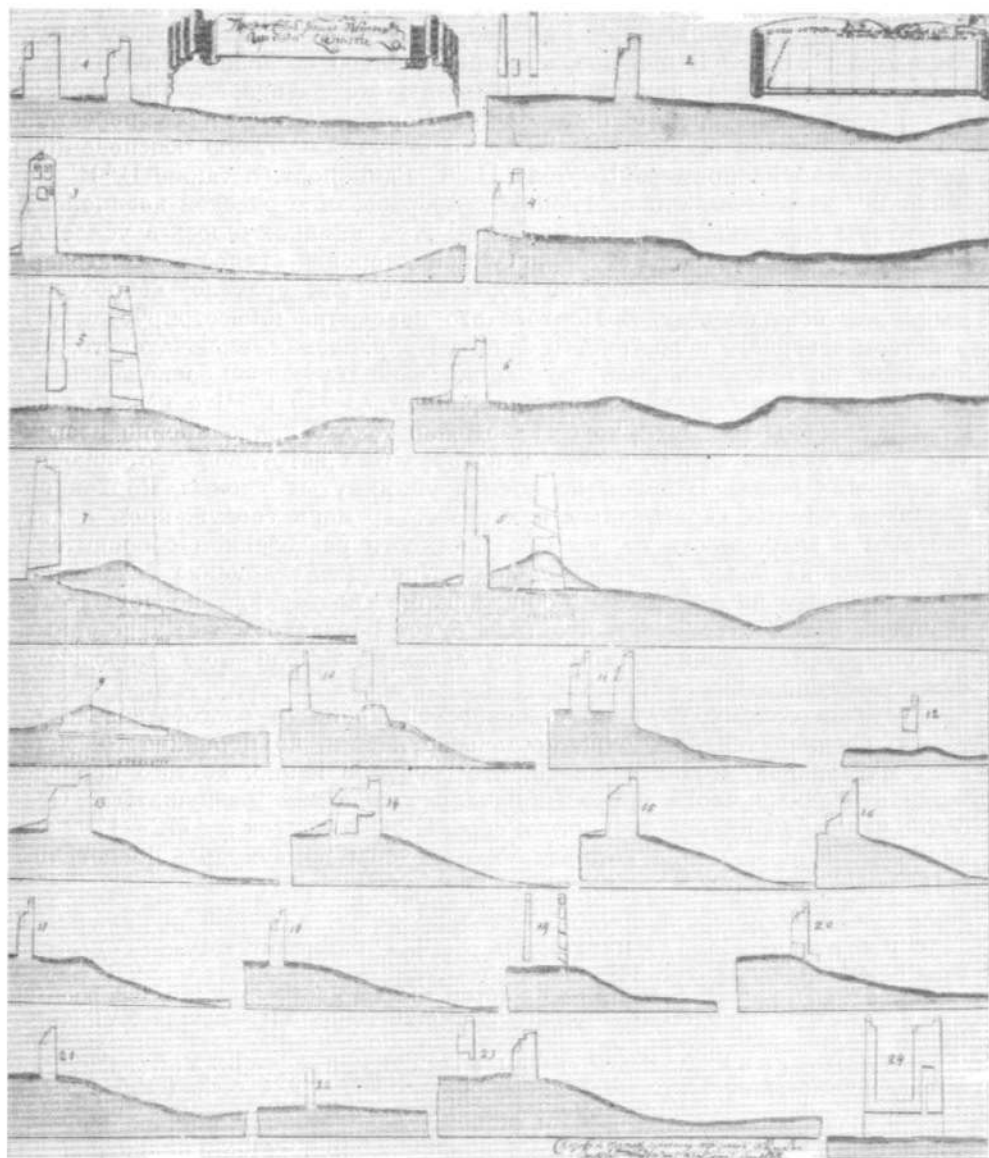

Рис. 117. «Профиля стене, башням и воротам Порховской крепости». (1—24). Чертеж-копия П. Витвера и П. Мустовина. (ЦГАВМФ).

Рис. 118. План Порхова. 1781 г. (ЦГАВМФ).

В этой серии выделяются три чертежа Порховской крепости,⁴³ выполненные «инфантерии Санкт-Петербургского полку прапорщиком Петром Яковлевичем Квашниным-Самариным», как удалось установить, в 1734 г. (рис. 115—117). Эти листы⁴⁴ заключают в себе обмеры стены, башен,

28 изображений, пять из них — 188, 189, 191, 201 и 202 — представляют, по-видимому авторское, впрочем, довольно точное дополнение архивным чертежам); Рапорт П. А. Из истории..., рис. 9, 10; Отметим также планы Порхова 1781 г. или близкие к этому времени (ЦГИА, ф. 1293, оп. 165, № 346; оп. 167, № 28; оп. 168, № 12/1; ЦГАВМФ, ф. 3/л, оп. 25, № 2478; ср.: Полное собрание законов Российской империи: Книга чертежей и рисунков. СПб., 1839, л. 279) и план 1792 г. (Лебедев Е. Е. Город Порхов..., с. 36 (рис.)).

⁴³ ЦГАВМФ, ф. 3/л, оп. 37, № 11130—11132. — Дата чертежей уточнена на основании сопровождающего их описания, точно датированного 1734 г. (ЦГАДА, ф. 248. «Правительствующий Сенат», № 457, л. 35—43; копия документа, обнаруженного Е. И. Скобелциной, находится в архиве ПСНРПМ).

⁴⁴ Перечислю наименования этих чертежей: «План Порховской крепости»; «Детали башням Порховской крепости и фасады по литерам»; «Профиля стене баш-

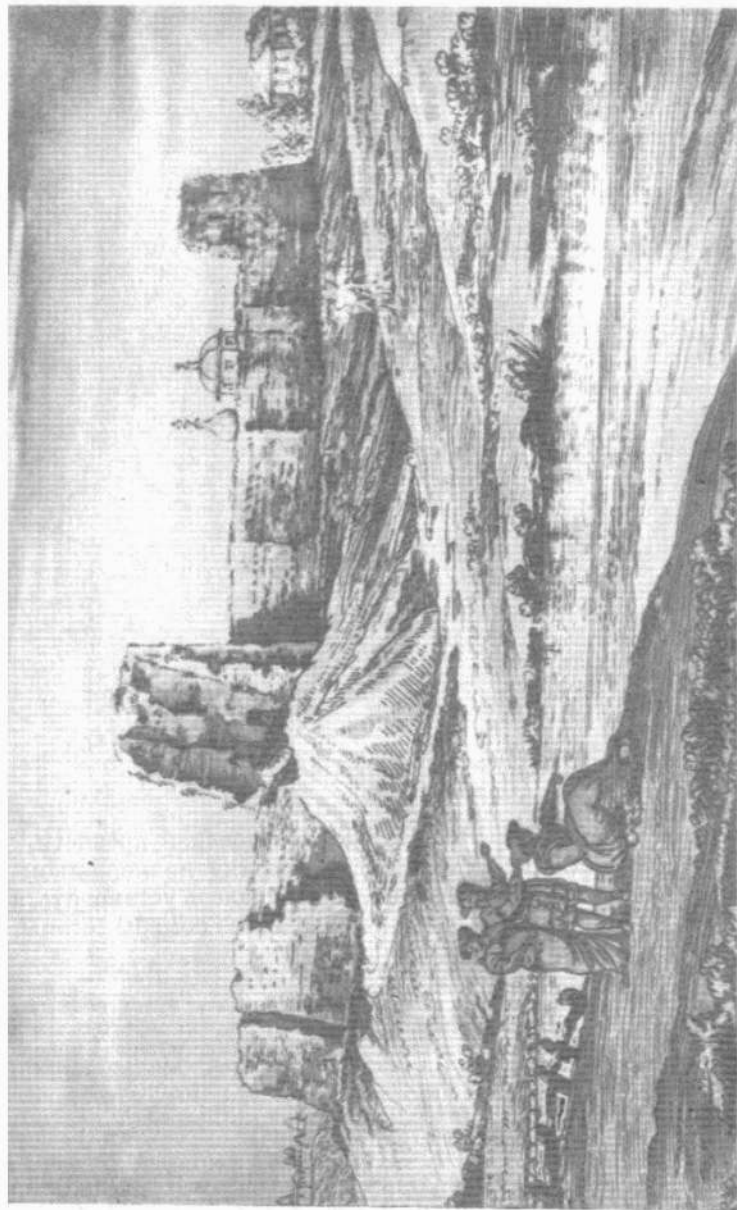

Рис. 119. Порхов. Рисунок Дж. Кваренги (Бергамо, Городская библиотека им. А. Ман).

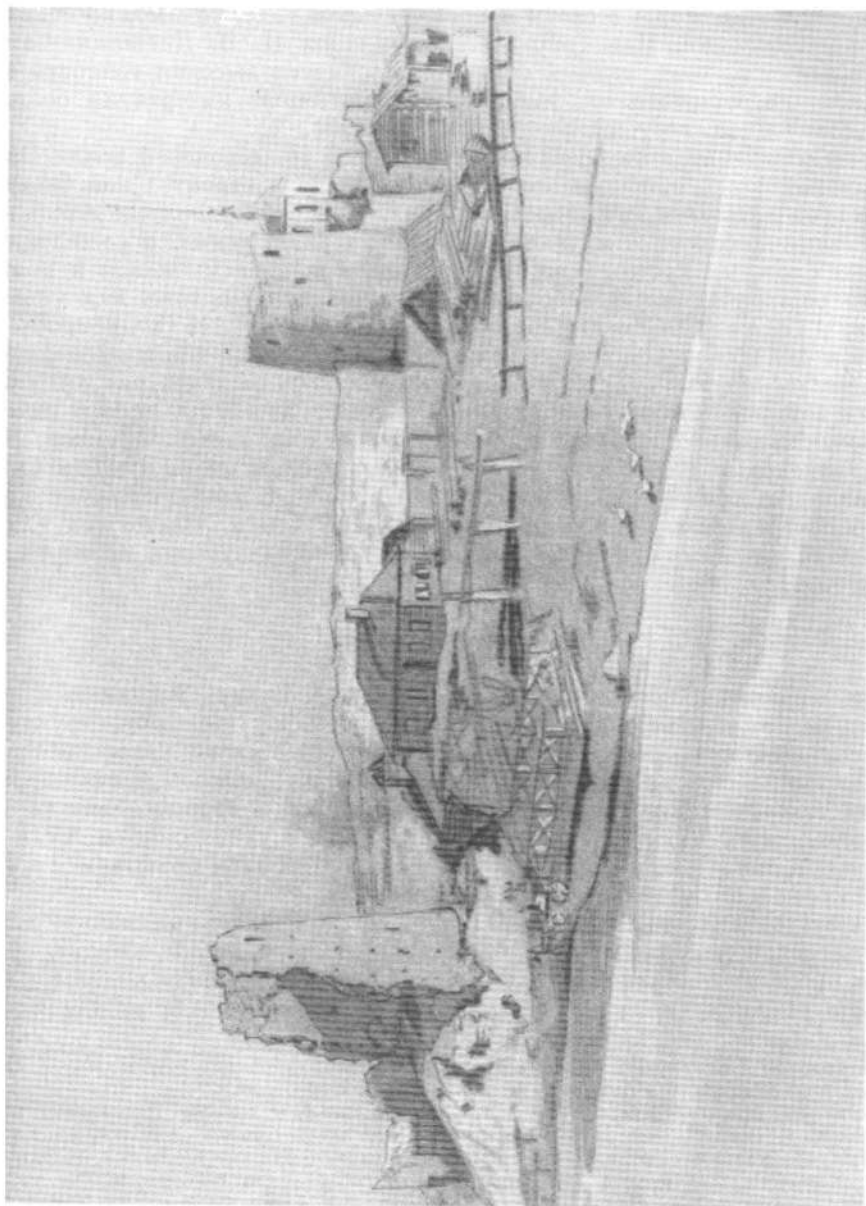

Рис. 120. Развалины крепости в Порхове. Рисунок Г. Г. Гагарина. 1842 г. (ГРМ).

ворот и бойниц настолько подробные, что позволяют достоверно представить полное устройство крепостных сооружений, включая и утраченные детали. Эти детали отсутствовали в момент составления чертежей, но они добросовестно показаны в своем первоначальном виде, видимо, по свежим следам разрушения. При сопоставлении планов П. Я. Квашнина-Самарина с данными современных обмеров выясняется высокая точность его чертежей; погрешности их, такие как схематичные начертания бойниц некоторых башен, несущественны (ср. рис. 118).

Пожалуй, из всех интересующих крепостей Новгородской земли Порховская изучалась наиболее всесторонне. Однако в строительной биографии и этой твердыни есть «белые пятна». При всей удовлетворительной сохранности крепости отмечаются частичные разрушения, к сожалению, в самых сложных местах — во входах. Потребовали осмысления и новые данные реставрационных работ, развернувшихся в Порхове, как упоминалось, с 1962 г. Все вместе взятое побудило ЛОИА АН СССР провести в 1974 и 1981 гг. в Порхове и его окрестностях, широкие многоцелевые археологические раскопки.⁴⁵ В результате удалось выявить ряд архитектурных деталей, которые раньше либо не были известны, либо о их существовании только догадывались на основании архивных чертежей. Наконец, отдельные особенности устройства укрепления на р. Шелони были распознаны и приобрели особое значение в связи с исследованиями других оборонительных комплексов Новгородской земли. Настоящая глава и основана на данных, появившихся в ходе нового изучения крепости на р. Шелони.

Укрепление 1387 г.

Это первоначальное сооружение поддается четкому опознанию и вычленению из состава разновременных строений. Плановая структура и усовершенствованные в дальнейшем конструктивные узлы крепости были созданы в период ее основания. Воспользовавшись данными натурных исследований и прибегнув к старинным и современным чертежам, рисункам XVIII—XIX вв. (рис. 119, 120), а также описям XVII в., перейдем к описанию укрепления (рис. 121). При этом попытаемся представить себе и его утраченные детали (табл. 3).

Защитные качества Порхова 1387 г. основывались в значительной мере на новой в практике того времени многобашенной обороне. Три башни крепости — Малая, Никольская и Средняя — были обращены в напольную сторону. Соединяющие их прямая стена, преграда между Сред-

---

ням, и воротам Порховской крепости» (в копии «инженера-порутчика» Петра фон Витвера и инженерного корпуса ученика Платона Мустовина).

⁴⁵ Работы проводились совместно с Управлением культуры Псковского облисполкома, ПГОИАХМЗ и Порховским краеведческим музеем при консультации ПСНПМ. По материалам раскопок экспедиция внесла ряд предложений по охране и музеефикации Порховской крепости, что способствовало возобновлению в ней реставрационных работ. Одновременно с раскопками в крепости отряд Псковской областной археологической экспедиции ЛОИА АН СССР под руководством Е. А. Рябнича производил упоминавшиеся выше раскопки Старого Порховского городища (Кирпичников А. Н., Рябнин Е. А. Исследования средневекового Порхова и его окрест., с. 18—20).

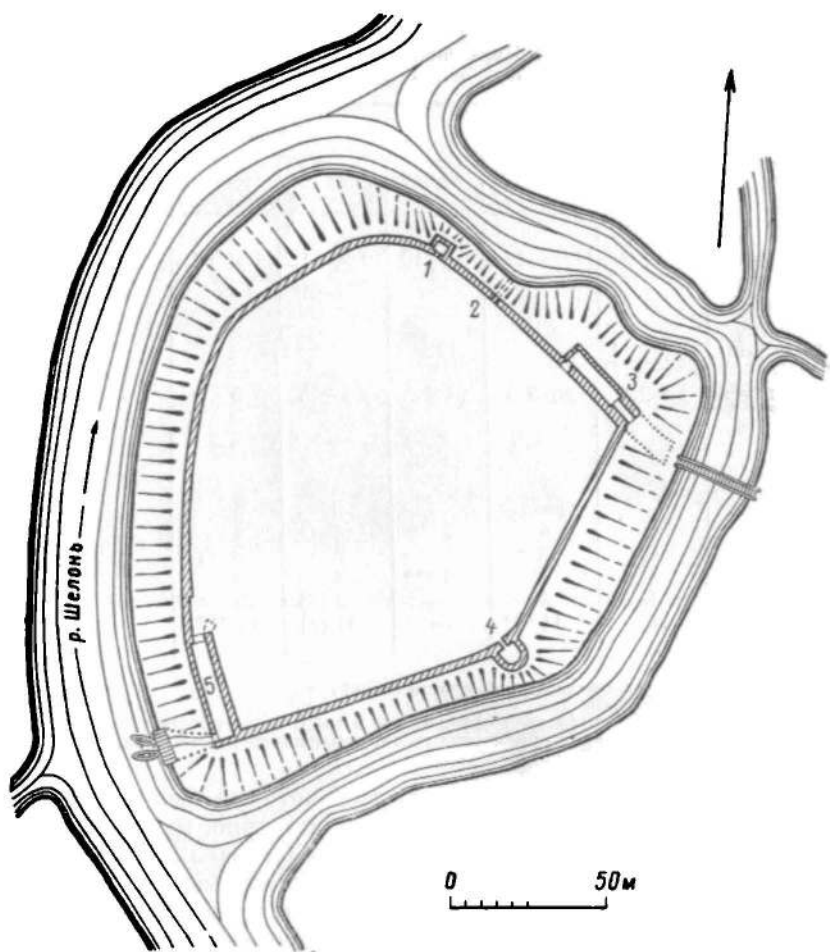

Рис. 121. Порховская крепость 1387 г. План-реконструкция.

1 — Малая башня; 2 — тапшик; 3 — Никольская башня и захаб; 4 — Средняя башня; 5 — Псковский захаб.

ней башней и Псковским захабом отличались выраженной линейностью, что облегчало ведение фланкирующего огня. Он, однако, не был взаимосочлененным, а носил как бы фрагментарный характер. Дело в том, что «башенный» фронт крепости состоял из разных по длине полигональных отрезков, простиравшихся на 73—92 м (или примерно 34—43 сажени).⁴⁶ Эти отрезки с учетом того, что два из них (длиной 83 и 92 м) прикрывались только Средней башней, были слишком растянутыми для

⁴⁶ Здесь и далее имеется в виду, как отмечалось выше (с. 68), казенная сажень, равная 2,16 м. Ее стали употреблять еще во времена Киевского государства (Рыбаков Б. А. Русские меры длины XI—XIV веков. — Советская этнография, 1949, № 1, с. 72, 73).

Таблица 3

Размеры башен и ворот (в м.) Порховской крепости 1387 и 1430 гг. и количество пушечных и стрелковых бойниц

Размеры башен и ворот	Никольская		Тайничные ворота	Средний		Исковская	Малая
	1387 г.	1430 г.		1387 г.	1430 г.		
Поперечники основания (даны по осям первого яруса)	9.5 × 8.5	11.3 × 11.4	6 × 10	10 × 11.2	14 × 16.3	12.4 (15.6) × 18*	6.2 × 7.5
Высота с зубцами**	17.3		12	17.3		18	11
Толщина стен первого яруса	до 2.6	до 5.5	до 4.5	до 2.3	5	3.6—3.75 (5)****	1.4—1.65
Толщина стен второго яруса	1.4—1.7	4.5	1.5—3	1.7—1.8	4.5	4.5	1.2—1.37
Количество бойниц первого яруса	—	—	—	3	3	3	3
второго »	4	4	2	4	4	2	3
третьего »	4	3	2	5	5	3	3
четвертого »	4	4	4***	4	5	3	3
пятого »	4	4	—	3 (?)	3	4	4
шестого »	11	14***	—	11 (?)	13***	11***	—

* Определена вместе с прилегающей с тыла стеной.

** Указана приблизительно.

*** Стрелковые бойницы; остальные, приведенные в табл. 3, — пушечные.

**** Толщина Исковской башни определена по натурным измерениям и данным (в скобках) чертежа П. Квашнина-Самарина.

эффективного флапкнрующего прострела,⁴⁷ который был действительным примерно до 75 м и в данном случае, следовательно, не покрывал все необходимое пространство. Таким образом, расстановка башен Порховской крепости 1387 г. была подчинена концентрации боевых средств лишь в отдельных угловых в огневом отношении не полностью друг с другом связанных точках крепости. Что касалось криволинейной стороны крепости, обращенной к реке, то здесь вообще не было башен. С этого направления штурма явно не ожидали, поэтому преграда тут напоминает по своему плану степы городов домонгольской поры.

Некоторые своеобразные, а также архаические черты устройства Порхова, однако, не стоит преувеличивать. Они отвечали представлениям своего времени о тактической целесообразности и были связаны с тем, что противник направлял острие штурма на отдельные, выдвинутые в поле углы крепости. В этих условиях защищенность крепости удаленными друг от друга башнями, видимо, не казалась тогда недостаточной. Что же касается установившегося в XIV в. разделения фронтов укрепления в зависимости от рельефа местности на приступный и тыловой, то

⁴⁷ Нормальным для ведения взаимосочлененного флангового огня в XIII—начале XV в. являлась расстановка башен в 40—60 м друг от друга (ср.: Widański J. Miejskie mury obronne w państwie Polskim do początku XV wieku. Warszawa, 1973, s. 49).

Рис. 122. Малая башня.

1 — вид с северо-запада; 2 — вид изнутри крепости, с боевого хода.

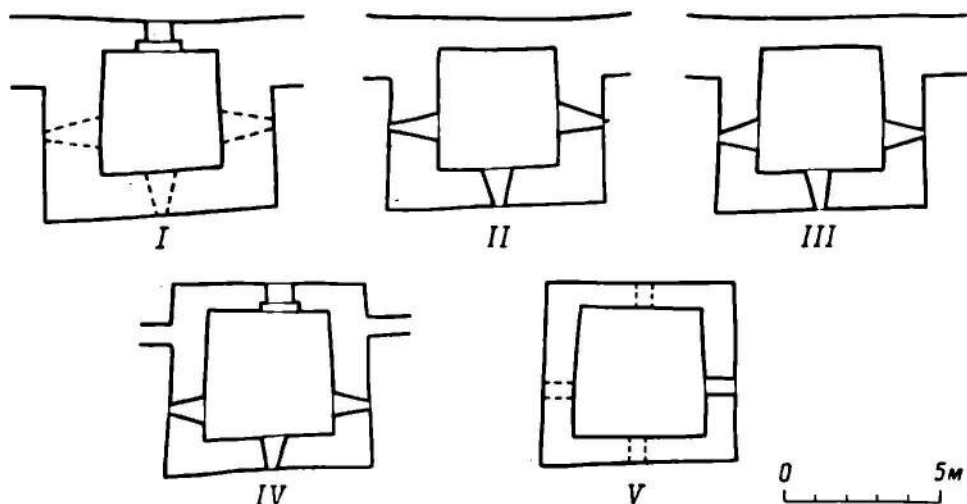

Рис. 123. Малая башня. План I—V ярусов. Чертеж Г. Васильева и В. Козлова (ИСПРПМ).

подобное деление рекомендовалось и в начале XVII в., ибо, как писал современник, со стороны болот, мхов, воды «бывают города крепки без крепкие стены, и для такие причины с той стороны пельзя города осадити, ни наряду ставити, ни пристуна чинити».⁴⁸

В создании шелонской твердыни контрастно сочетались старые и новые приемы оборонного зодчества, причем на передний план выступили несомненно передовые для своего времени фортификационные формы. К их числу относятся воротные устройства — захабы. Один из захабов — Пикольский — представлял основной въезд в крепость, другой — Псковский — дополнительный. Захабы, обычно построенные с учетом простреливаемого сверху «коридора смерти», и башни заставляли входящего не один раз круто менять направление движения и проходить несколько труднопреодолимых препятствий. Стремление к хитроумному усложнению и укреплению входов в крепость повсеместно проявилось в военном строительстве всей Европы,⁴⁹ но северорусские захабы отличались местным своеобразием. В этом ряду порховские особо примечательны, так как являются древнейшими точно датированными сооружениями своего рода.

Уцелевшая часть первоначальной постройки — это вся северная сторона крепости с Малой башней (рис. 122, 1, 2). Последняя — ныне единственная, полностью сохранившаяся в неперестроенном виде северорусская башня доогнестрельной поры. Она почти квадратная, за пределы стены выступает на 3.8—4.3 м, имеет высоту около 11 м (табл. 3)⁵⁰

⁴⁸ Михайлов О. (А. М. Родосевский). Устав ратных, путечных и других дел, касающихся до воинской науки. СПб., 1777, ч. 1, с. 92.

⁴⁹ Ср.: Ebbardt B. Die Wehrbau Europas im Mittelalter. Berlin, 1939, Abb. 15 sq.

⁵⁰ Не сохранилась верхняя половина пятого яруса. Вычисленная высота башни соответствует указанной в описях Порховской крепости 1665, 1667 и 1699 гг. — 5 сажням. Эти описи указывают одни и те же цифры измерений башен и стен,

и внутри разделена на пять боевых ярусов (рис. 123).⁵¹ Вход в башню вел со двора, сообщение между ярусами осуществлялось с помощью деревянных лестниц.⁵² Кроме того, на уровне четвертого яруса есть проем, выведивший на деревянный обносной на консолях помост, сочленявший боевой ход прилегающих стен. Стены башни откосы, поэтому от яруса к ярусу они несколько утоньшаются.⁵³ В первом ярусе фронтальная стена по толщине достигает 1.65 м. боковые — 1.4 м.

По трем своим сторонам башня снабжена щелевидными раструбом внутрь бойницами, равными по просвету 13—15×55—110 см (рис. 123).⁵⁴ Бойницы пятого яруса в отличие от нижележащих были шире (около 40 см) и имели не скошенные, а прямые боковые стенки.⁵⁵ Примерно такие же боевые отверстия увесчивали стену и, судя по чертежам П. Я. Квашнина-Самарина, были присущи верхним этажам других крепостных башен. Речь, следовательно, идет о бойницах двух типов: узких щелевидных и окнообразных. И первые и вторые позволяли делать достаточный разворот оружия, но окнообразные были, очевидно, удобны еще и для высотной стрельбы, ибо обеспечивали наклонное к горизонту прицеливание. Расположенные одна над другой, от второго к четвертому ярусу, с некоторым смещением в папольшую сторону бойницы Малой башни обстреливали пространство на дистанцию не менее 50 м. Флапкирующие бойницы были направлены так, что обеспечивали кучный огонь вдоль прилегающих прясел и на подступах к ним. Таким образом, башенные стрелки держали в поле зрения противника, который двигался к стенам и мог оказаться у их подножия.

В. А. Богусевич первым справедливо заметил, что Малая башня не была предназначена для артиллерии.⁵⁶ Действительно, устройство башни, прямоугольность ее плаца, типичные для доогнестрельных крепостей бойницы, малые размеры ярусных помещений, точность стен — все подтверждает высказанную мысль.⁵⁷ Характерно, что описи XVII в. не отмечают на башне пушек; видимо, в тот период она предназначалась для стрелков из ружей или затинных пищалей. Осада 1428 г. выявила недостаточную прочность Малой башни. В нее угодило, как упоминалось выше, тяжелое литовское ядро: «И пришед на тои пиргос (с греч. „башня“, — А. К.), и вырази его из основания вон».⁵⁸ Летописец преувеличил. Со-

---

впрочем, не всегда точные. Размеры утраченных частей крепости, особенно верхних, псчислялись по чертежам П. Квашнина-Самарина и корректировались с данными натурных измерений.

⁵¹ Нижний этаж башни, пыне глухой, первоначально, видимо, был снабжен тремя боевыми отверстиями. На чертеже П. Квашнина-Самарина они показаны частично заложеными.

⁵² Примерная высота второго, третьего и четвертого ярусов 2.2 м.

⁵³ В общей сложности это утоньшение составляет 20—45 см.

⁵⁴ На пятом ярусе существовала бойница, направленная в сторону крепостного двора, следовательно, башня в какой-то степени была рассчитана на круговой обстрел.

⁵⁵ Часть сохранилась в подлинном виде только одна обращенная к северо-западу бойница пятого яруса.

⁵⁶ Богусевич В. А. Военно-оборонительные сооружения..., с. 32.

⁵⁷ Нет необходимости приводить многочисленные зарубежные аналогии Малой башне, относящиеся к доогнестрельному периоду.

⁵⁸ Летописный свод 1497 г. — ПСРЛ, 1963, т. 28, с. 97.

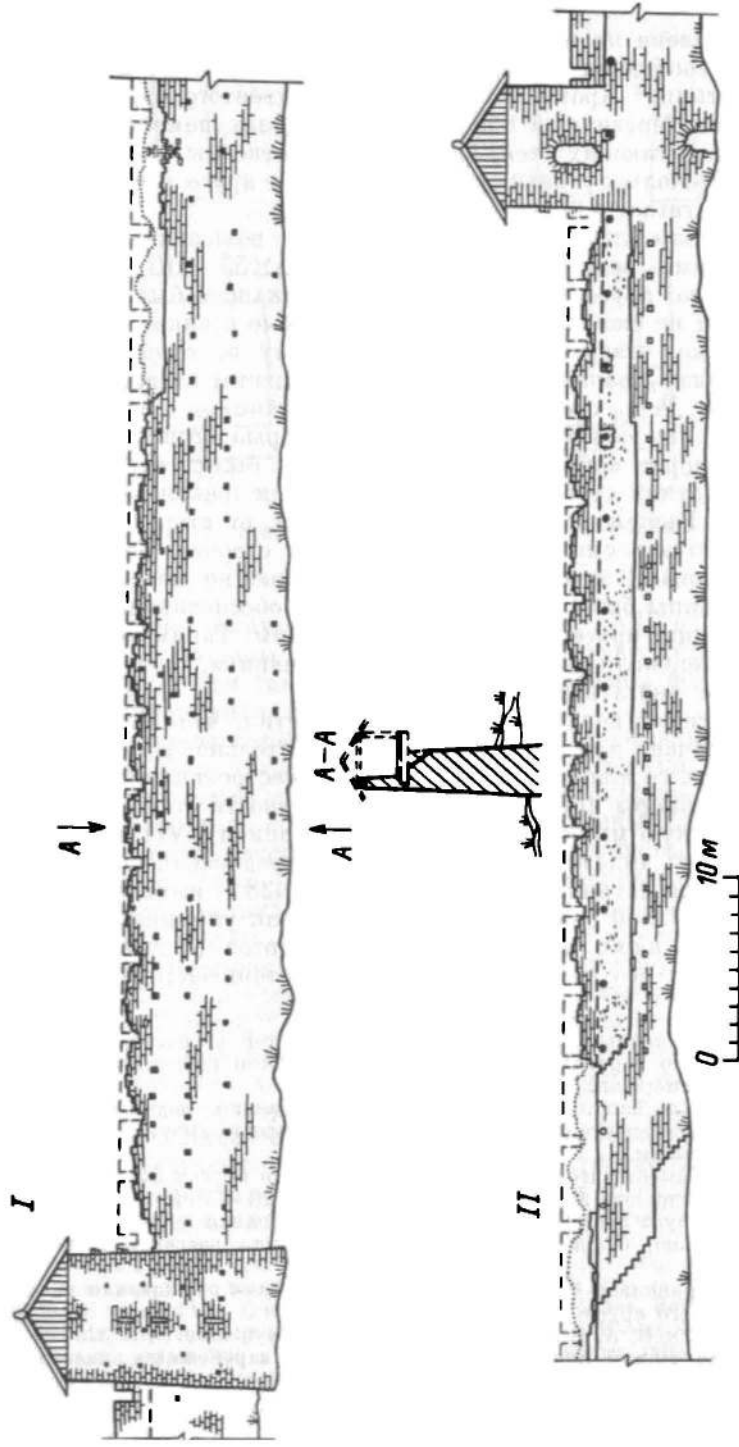

Рис. 124. Малая башня с прилегающими стенами. Внешний (I) и внутренний (II) фасады и разрез по линии A—A.
Чертеж Г. Васильева, В. Козлова (ПСНРПМ) и автора.

оружение было только повреждено в верхних частях и, конечно, вскоре починено. То обстоятельство, что Малая башня обладала отчетливо выражаемыми фланкирующими свойствами, а также и то, что она находилась перед заболоченным островком, который не мог использоваться в качестве основного плацдарма для наступающих, и сохранило ее от последующих перестроек.

К Малой башне примыкают уцелевшие в первоначальном виде пряслы (рис. 124). Как и башня, они сложены из серых и коричневатых известняковых плит на известковом растворе с небольшой примесью цемента.⁵⁹ Камни не отличаются рядностью, однако тщательно притняны друг к другу и сохранили остатки обмазки. О последовательности сооружения кладки свидетельствуют регулярно расположенные на фасаде стены в четыре-пять рядов гнезда от строительных лесов (рис. 125). Стена выше возвышается местами почти на полную высоту (около 8,8 м) и при этом она сохранила редчайшую деталь — увенчание в виде бруска толщиной 0,55—0,6 м, зубцов средним пролетом 3,7—3,8 м и бойниц, равных по просвету в среднем 0,5×1 м (рис. 126). Уровень боевого хода определяется по гнездам консолей, находящихся примерно на 6 м выше горизонта крепостного двора. Полная высота брусвера устанавливается по следам его примыкания к Малой и Никольской башням, она равна 1,8 м. При таком устройстве верха стены кратчайшее расстояние от опоры бойницы до окружающей крепости эспланады 7,5—7,8 м; толщина преграды в основании 2,3—2,5 м, на уровне боевого хода — около 2 м.

Приведенные выше размеры как стены, так и башни имеют эталонное значение для представлений о конструкции крепостных сооружений второй половины XIV в. и к тому же соотносятся с мерами длины того времени. Если представить размеры описываемого участка Порховской крепости в казенных саженьях, то высота Малой башни равна 5 саженьям, ширина — 3,5 саженьям, высота стены достигает 4 саженьей, а ширина — 1 сажени. Все это свидетельствует в свою очередь о том, что при строительстве укрепления на р. Шелони использовались не только правила геометрической разбивки плана, но и определенная система пропорциональных измерений объемов. Характерно, что при этом единицей длины была пажрана не повгородско-исковская сажень, равная 174 см, а общерусская казенная трехаршинная, составлявшая 216 см.⁶⁰

Описанные выше стены Порховской крепости (равно как и их кладка) одинаковы по всему периметру сооружения; боевой ход степ расположен примерно на одном уровне, что создавало наилучшие возможности для горизонтального перемещения бойцов. Перейдем теперь к другим частям первоначального укрепления.

⁵⁹ Размеры плит не унифицируются: 6—23 (чаще 9—16)×17×80 см (чаще 30—50). Поверхность блоков обработана грубым сколом, по внутри башен — киярой. Отметим, что в кладку 1387 г. включено немало плит коричневатого оттенка. Порховская плита поразительна по прочности. С учетом того, что стены крепости с конца XVII в. стояли без крыши, степень их разрушения относительно невелика. Повреждение фасадных поверхностей, насколько это видно, связано с пожарами, так как камень при этом лопается.

⁶⁰ Каменцова Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М., 1975, с. 48.

В 72 м к юго-востоку от Малой башни располагалась Никольская, в первом ярусе которой находились главные крепостные ворота. Пройдя их, человек оказывался в коридорном «пристенке» (длина 21,5, ширина 5 м). Лишь миновав его и еще одни ворота, можно было попасть внутрь крепости. У описываемого захаба со стороны его северо-западного торца была и калитка, обнаруженная раскопками 1974 г. Главная защита захаба — Никольская башня — расположена так, что фланкирует только северо-западный фронт крепости. Восточная стена башни сливалась с прилегающим с юга прислом. Постройка сохранилась на высоту 12,5 м, но по данным чертежей XVIII в. достигала 17,3 м (8 сажень) и насчитывала пять боевых ярусов (не считая нижнего воротного) с 27 бойницами. При этом в пятом и шестом ярусах с целью круговой защиты боевые отверстия размещались на всех четырех сторонах постройки (табл. 3). Верхний ярус Никольской башни, судя по чертежам П. Я. Квашнина-Самарина, был увенчан чередой открытых сверху стрелковых отверстий, несколько меньших, чем таковые же на прислах стен.

В попытке усилить огневые качества башни ее некоторые бойницы сдвинуты к углам. Вследствие этого наружные угловые граппи скруглены. В башне, возможно, существовала подъемная решетка; предположение подкрепляется расположением бойниц второго яруса. Боевые отверстия, проделанные в северо-западной стене, размещены на расстоянии 2 м, а в юго-восточной — 3 м. Иными словами, бойницы, обращенные к воротному проезду, как бы намеренно раздвинуты, чтобы не мешать помещавшемуся между ними механизму подъема герсы.

Никольская башня, судя по патурным наблюдениям и чертежам XVIII в., в своей основе первоначально; по высоте она превышала Малую. К тому же стены Никольской башни в первом ярусе были примерно на 1 м толще, чем у Малой, т. е. рассчитаны на большую нагрузку.⁶¹ Действительно, Никольская башня в 2 раза выше примыкающих к ней стен. Столь внушительные, правда одиночные, «столпы» начали сооружать на Руси во второй половине XIII в., когда возросла действительность ведения огня с высоты, чтобы «бити окрест града».⁶² В период строительства Никольской башни увеличение вертикали крепостных сооружений вновь оказалось необходимым.⁶³ Известно, что по мере подъема вверх возрастала до известных пределов не только достигающая сила арбалетной стрельбы, но и безопасность самого защитника, трудноуязвимость снизу. Таким образом, в многоярусности и высотности Никольской башни проявилась довольно давняя доогнестрельная инженерная традиция.

Вход в описываемую постройку вел по приставной лестнице сразу во второй этаж. На уровне третьего яруса находились проходы, выходящие на прилегающие с северо-запада и юго-востока присла.⁶⁴ Стены

⁶¹ Исследование проездного яруса Никольской башни, к сожалению, ныне затруднено тем, что он почти полностью засыпан.

⁶² Раппопорт П. А. Волинские башни. — МИА, 1952, № 31, с. 202.

⁶³ См. главу о Копорье.

⁶⁴ На стене, подходящей с юго-востока к Никольской башне, находилась двухъярусная колокольня, построенная, вероятно, не позже XVI в.

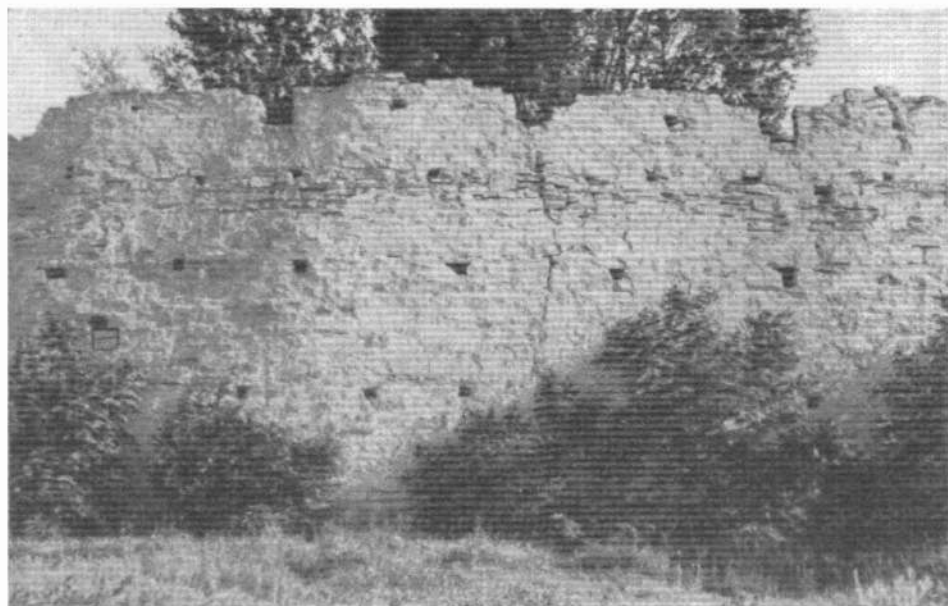

Рис. 125. Участок селерной стены 1387 г.

Рис. 126. Бойницы стены 1387 г. Вид изнутри.

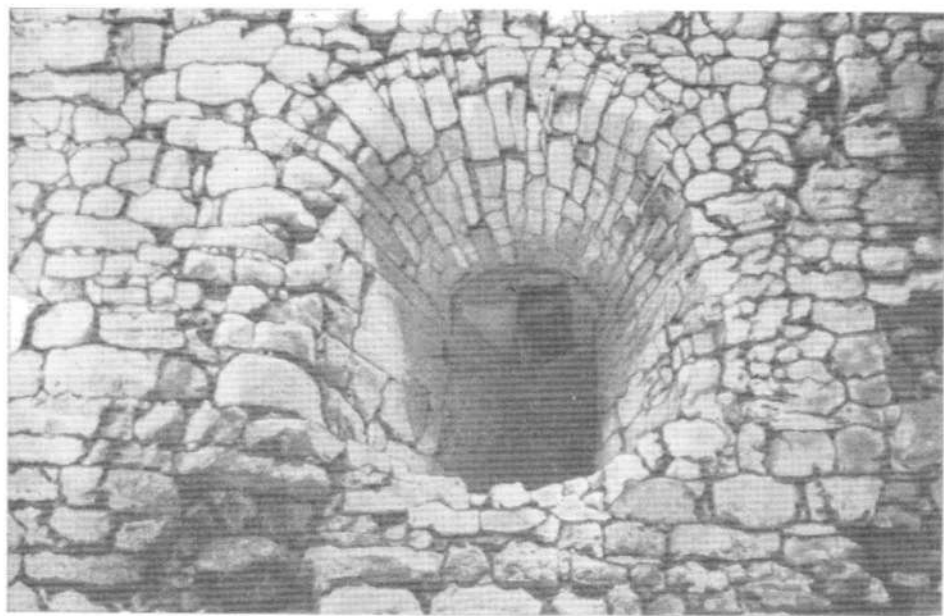

Рис. 127. Бойница третьего яруса северо-восточной стены Никольской башни 1387 г.
Вид изнутри.

Рис. 128. Бойница третьего яруса северо-западной стены Никольской башни 1387 г.
Вид изнутри.

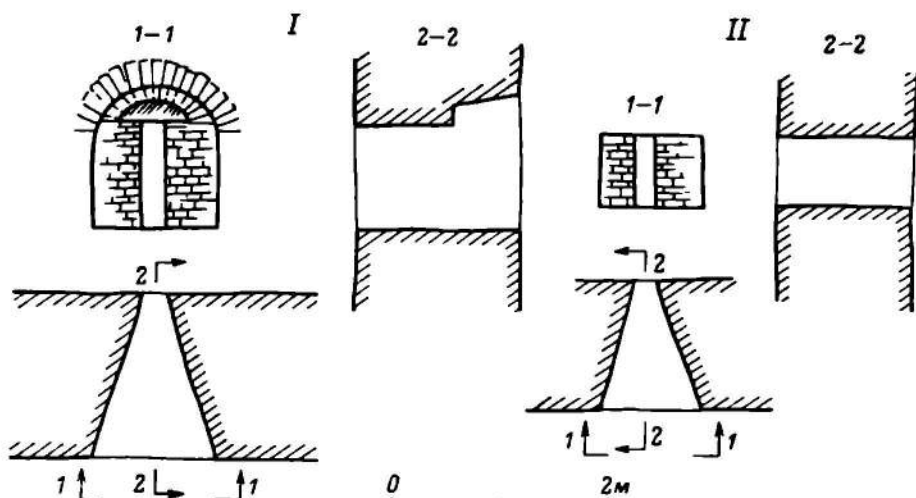

Рис. 129. Бойницы третьих ярусов юго-восточных стен Никольской (I) и Малой (II) башен.

Никольской башни утолщены с наружных сторон на 20—30 см,⁶⁵ что сказалось на конструкции амбразур. В более толстых стенах их стали оборудовать изнутри арочными нишами шириной 1.1—1.3 м (рис. 127, 129, I). Бойницы подобного рода предвосхищают поздние, с печами для огнестрельного использования. В более тонких стенах Никольской башни размещены раструбные бойницы (рис. 128; 129, II), такие же, как в Малой, на просвет они были несколько уже первых (не 20 см, как арочные, а около 15 см).

В 73 м на юго-запад от Никольской находится Средняя башня. Она также насчитывала шесть ярусов и по высоте была около 17.3 м (табл. 3).⁶⁶ Боевой ход (как и в Никольской) пролегал через башню на уровне третьего яруса и в случае необходимости мог быть перекрыт. Толщина стен башни в первом ярусе достигала 2.3 м. По мере подъема они утолщались на 10—30 см в каждом ярусе, а высота ярусов равнялась 3.6—2.8 м; верхний же ярус заканчивался зубцами, его высота 1.8—1.9 м. Передвижение внутри башни осуществлялось с помощью деревянных лестниц.

Боевые отверстия Средней башни начинались с первого яруса.⁶⁷ Из всех башен крепости рассматриваемая отличалась наибольшим количеством ярусов расположенных бойниц. В третьем и четвертом ярусах их было пять.⁶⁸ Из этого ясно, что в огневом обеспечении крепости

⁶⁵ Толщина стен башни в первом ярусе достигает 2.6 м, во втором — 1.7 м.

⁶⁶ Ныне высота сооружения около 15 м. В кладке его верхних частей нет признаков каких-либо достроек.

⁶⁷ Эти бойницы теперь снаружи заливованы, а изнутри засыпаны. На чертежах П. Я. Квашина-Самарина они показаны, и поэтому нет оснований для сомнений.

⁶⁸ Часть этих отверстий сохранила арочные ниши, что свидетельствует об их изначальности.

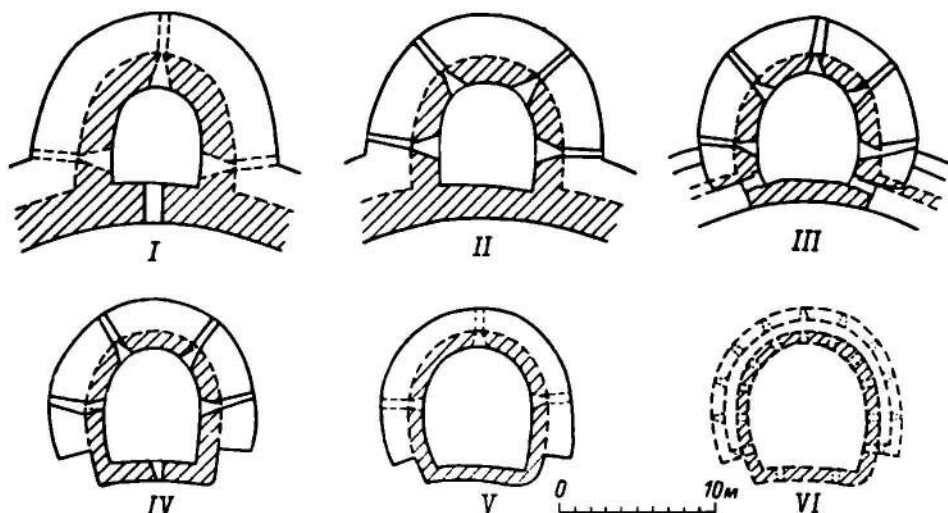

Рис. 130. Средняя башня. План-реконструкция I—VI ярусов. Пушкитр отделяет основу 1387 г. от прикладки 1430 г., показаны два верхних несохранившихся ныне боевых яруса. Чертеж Г. Васильева и В. Козлова (ПСИРНИМ) с дополнениями автора.

Средняя башня выполняла особо ответственную функцию. С нее простреливались подступы двух прилегающих прясел юго-восточного фронта крепости. Благодаря выдвигнутости башни в сторону поля сектор ее обстрела получился увеличенным (223°). В свою очередь вместительные ниши бойниц, достигавшие в поперечнике 125—168 см, обеспечивали при прицеле значительный поворот оружия. Судя по тому, что в четвертом и шестом ярусах имелись бойницы, направленные внутрь двора, башня была приспособлена и для обороны с тыла.

Огневая мощь Средней башни связана с подковообразностью ее плана (рис. 130). Отмеченная особенность вовсе не рядовая; подковообразные и близкие к ним полукруглые фланкирующие башни явились новинкой в северо-европейской военной фортификации третьей четверти XIV в. К примеру, в Дании и Норвегии они начали строиться во времена правления короля Вальдемара IV Аттердага (1340—1375 гг.), в Восточной Пруссии в середине XV в.⁶⁹ В Таллине устройства такой формы датируются 1355—1373 гг.⁷⁰ По мнению А. Туульзе, башни этого типа были заимствованы из Рейнской области, а в странах Балтийского моря еще в начале XV в. считались новацией, связанной отчасти с печальным периодом внедрения огнестрельного оружия.⁷¹ Популярность данной новации еще в предогнестрельную пору обеспечила ее повышенная приспособленность к ведению взаимопересекающего вешного огня. Порховская

⁶⁹ Tuulse A. *Burgen des Abendlandes*. Wien; München, 1958, S. 202.

⁷⁰ Цобель Р. Э. Средневековые оборонительные сооружения Нижнего города в Таллине (XIII—XVI вв.). Таллин, 1971, с. 17, 19; Zobel R. *Tallina linnamüür*. Tallin, 1966, joon 9.

⁷¹ Tuulse A. *Burgen...*, S. 202.

Рис. 131. Псковский захаб. Вид с юго-запада.

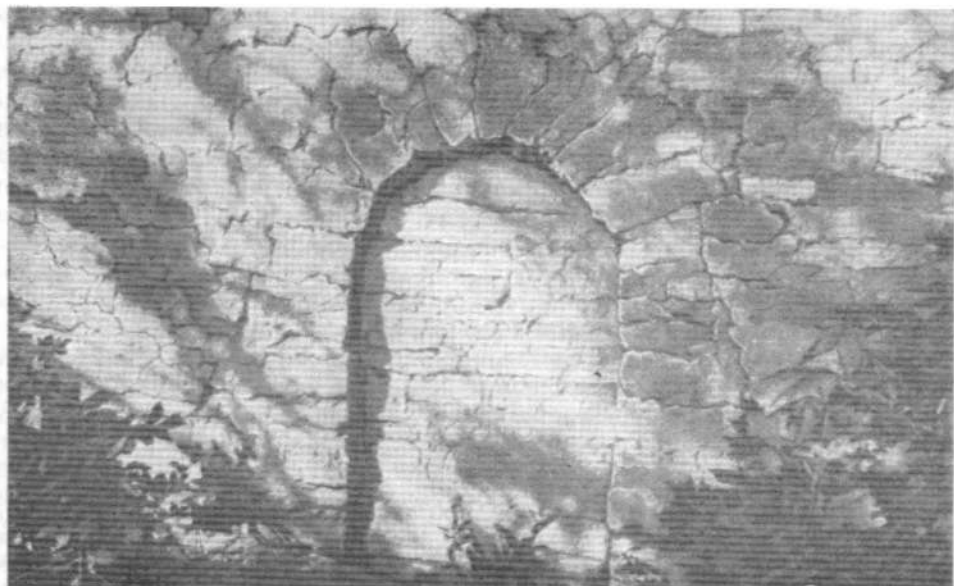

Рис. 132. Наружная арка тайника 1387 г. (после реставрации).

Средняя башня входит в число древнейших североевропейских устройств интересующего нас рода. Ее сооружение свидетельствует о том, что среди строителей Порхова были мастера, знакомые с последними достижениями балтийского военного зодчества.

Юго-западный угол крепости занимает Псковский захаб. Он представлял собой две коридорные стены длиной 35 м, из которых наружная не сохранилась, но приблизительно восстанавливается по планам XVIII в. Основание этой стены, правда в переложенном виде, открыто раскопками 1974 г. Внутренняя стена захаб толщиной 2.5 м изначальна, некогда она была увенчана бруствером с зубцами (рис. 131). Таковой же имелся и на паружной стене. Северный торец захаб замыкался проходной аркой (сохранилась пята ее свода). Другой найденный раскопками проход (он показан и на чертежах XVIII в.) располагался со стороны реки. Таким образом, путь через захаб был как бы зигзагообразным. Главным этот вход никогда не был, и поэтому в описях Порхова XVII в. даже не упомянут. Назначение захаб разгадывается направленною его внешней арки к р. Шелони. Возможно, что здесь существовал причал и была пристань для кораблей, вероятно, совмещавшаяся с переправой на другой берег реки.

Псковский захаб обычно представляют усиленным с южной стороны Псковской башней (разобрана в 1876 г.). В действительности эта башня, судя по остаткам ее нижнего яруса,⁷² возникла в более позднее время (о чем скажем ниже). По аналогии с Никольским захабом Псковский, вероятнее всего, не выступал в южную сторону и, следовательно, первоначально в этой части не имел башни. Такое устройство захаб, очевидно, было продиктовано его местоположением, укрытым речными потоками и потому относительно безопасным.

В заключении коснемся вопроса водоснабжения крепости 1387 г. К исходу XVII в. в ней существовали два тайника к воде. Один, «каменный», пролегал под городской стеной к р. Шелони со стороны воеводского двора. В 1665 г., очевидно, в связи с обмелением реки, тайник стал «водою скудеи, копать больши нельзя, пришла плита».⁷³ В том же году «ис проезжих (Никольских, — А. К.) ворот ис-под роскату по подземелью зделан тайник в Шелоню реку».⁷⁴ Новый тайник был, по-видимому, построен потому, что оскудел прежний, так как «в городе колодезей oprичь того (с воеводского двора, — А. К.) тайника нет».⁷⁵ Этот последний и можно считать первоначальным водоснабжающим устройством крепости. Его местоположение не представляет загадки. Речь идет о небольшой арке, проделанной в прясле между Малой башней и Никольским захабом (рис. 132). Повторяя ошибку военных топографов XVIII в., это место

---

⁷² Раскопки выявили здесь только булыжный фундамент Псковской башни. Весь этот участок ныне понижен, так как размыт водами р. Шелони. Отметим, что археологические изыскания не обнаружили следов существования какой-либо башни и у внутреннего северного торца Псковского захаб. Оказавшиеся в этом месте кладки (об этом см. ниже) примыкали к стене 1387 г. без переизыска, т. е. возникли в более позднее время.

⁷³ Раппопорт И. А. Из истории..., с. 199.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же, с. 197.

считают вылазом,⁷⁶ но вылазная калитка обнаружена, как упоминалось, археологическими изысканиями 1974 г. в северо-западном торце Никольского захаба. Что же касается рассматриваемого проема, то назначение его иное. На плане Порховской крепости П. Я. Квашнина-Самарина отчетливо виден провал длиной около 20 м, идущий от так называемых потайных ворот по склону к руслу реки (рис. 115). Этот провал наверняка фиксирует обрушение сводов подземного туннеля к воде. В 1730-х гг. часть ступенчато понижающихся сводов у стены еще сохранилась. Таким образом, существующая ныне в стене двухступенчатая арка,⁷⁷ по-видимому, является следом тайника, современного первоначальной крепости.

Итак, Порховская крепость 1387 г. демонстрирует комплекс впечатляющих признаков, характеризующих уровень развития фортификации второй половины XIV в. Этой постройке присущи определенный геометризм в разбивке плана, известная соразмерность и соотносительность конструктивных объемов, усложненные входы (захабы), защита, особенно с опасных направлений, с помощью разных по своей мощи башен, многосторонний заградительный огонь, флапкирующая простреливаемость не всего оборонительного кольца, а его отдельных зон, самостоятельность узлов обороны, рассчитанных на ведение высотного, всеерного огня на подступах крепости и отчасти в ее тылу в пределах примерно 50 м. В деталях устройства крепости проявилось стремление к единообразию, что сказалось в одинаковости бойниц (башенных и настенных), последовательной горизонтальности боевого хода вокруг крепости, сходной этажности некоторых башен. Порховская крепость строилась в традициях достигшего зрелости зодчества доогнестрельной поры, по ряд ее особенностей и конструктивных узлов, таких как известная регулярность прямолинейных прясел стен (с северной и восточной сторон), подковообразность в плане одной из башен, бойницы с арочными пирами (переходными к печурам огнестрельных боевых отверстий), простреливаемые сверху входы коридорного типа, наконец, высота стен и башен — все это будет принято и в эпоху развитого порохового оружия. В данном отношении Порховская крепость предвосхищает перемены, которые произойдут в оборонном зодчестве Северной Руси в течение XV в.

Строительство XV столетия

В 1412 г. «поставиша церковь камену святого Николу в Порхове».⁷⁸ Так внутри крепости (точнее, в ее северо-восточном углу) было сооружено первое певоеенное здание. Святой Николa был, очевидно, небесным патроном порховского укрепления. Не случайно во время тяжелой осады города в 1428 г. немецкий пушечник похвалялся, что разобьет из орудия чтимую порховичами святыню: «Церковь святого Николы камен-

⁷⁶ Ласковский Ф. Карты, планы и чертежи..., л. 17, изображение 201, 202; ЦГАВМФ, ф. 3/л, оп. 37, № 11131, профиль 20.

⁷⁷ Эта арка ныне реставрирована (рис. 132).

⁷⁸ Новгородская первая летопись..., с. 403.

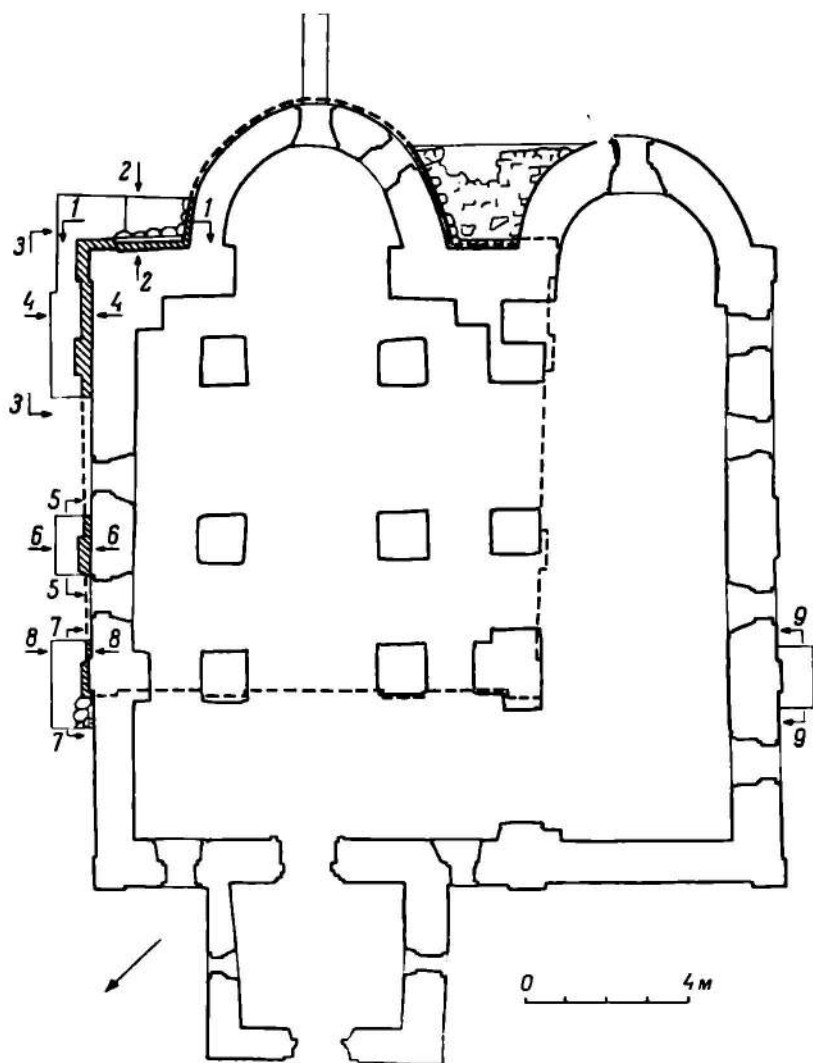

Рис. 133. План Никольской церкви. Заптрихованы части постройки 1412 г. Чертеж Г. Васильева и В. Козлова (ПСНРПМ) с дополнениями автора (см. также рис. 134).

пую в граде раздражу».⁷⁹ Неприятельское ядро повредило храм, когда в нем находился священник, но сооружение оказалось «велим крепко» и уцелело. Воспользовавшись упоминанием о храме, приведем о нем новые данные.

Исторические сведения о крепостной церкви скуны. В 1680 г. она горела, а в 1770 г., как сообщает один современный событию документ, после разборки обветшавшего строения «на старом фундаменте» был

⁷⁹ Никоновская летопись. — ПСРЛ, т. 12, с. 8.

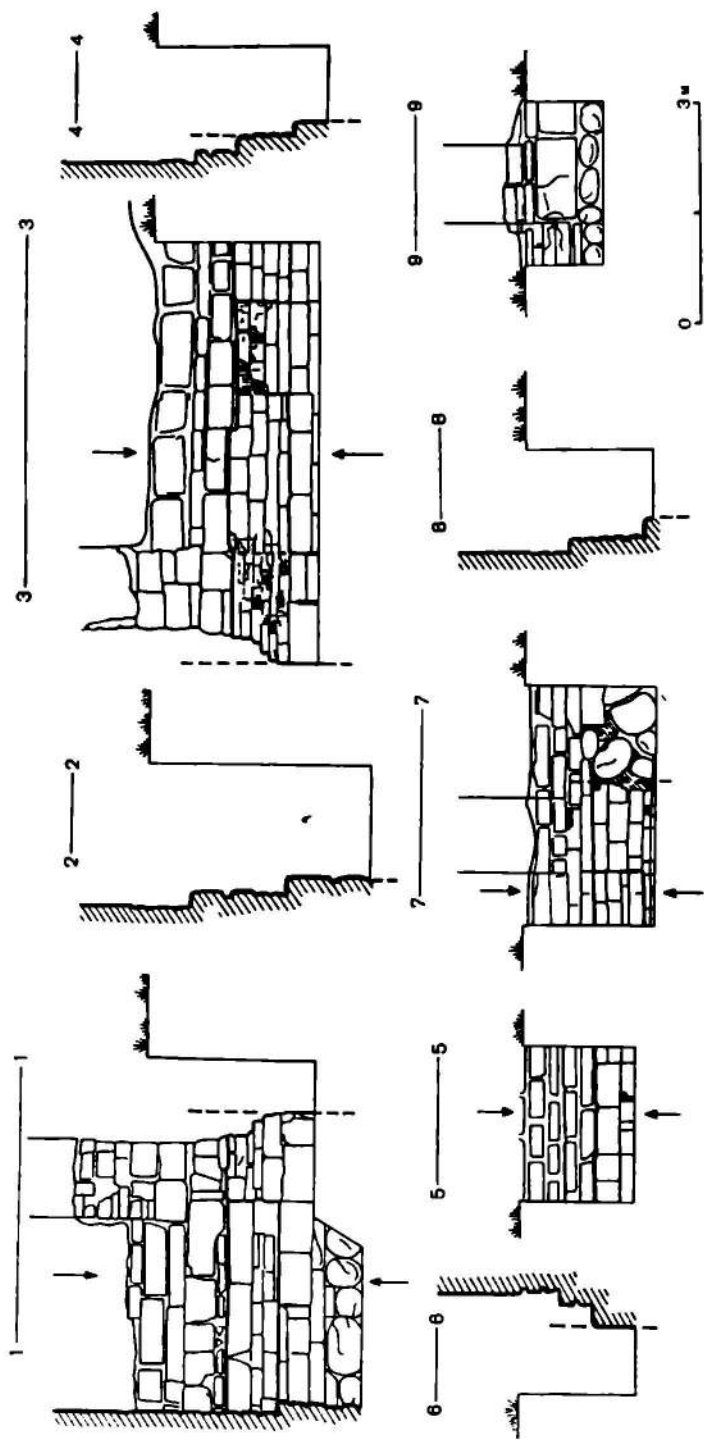

Рис. 134. Фасады и профили деталей нижних частей (обозначены более жирной линией) Никольской церкви 1412 г.

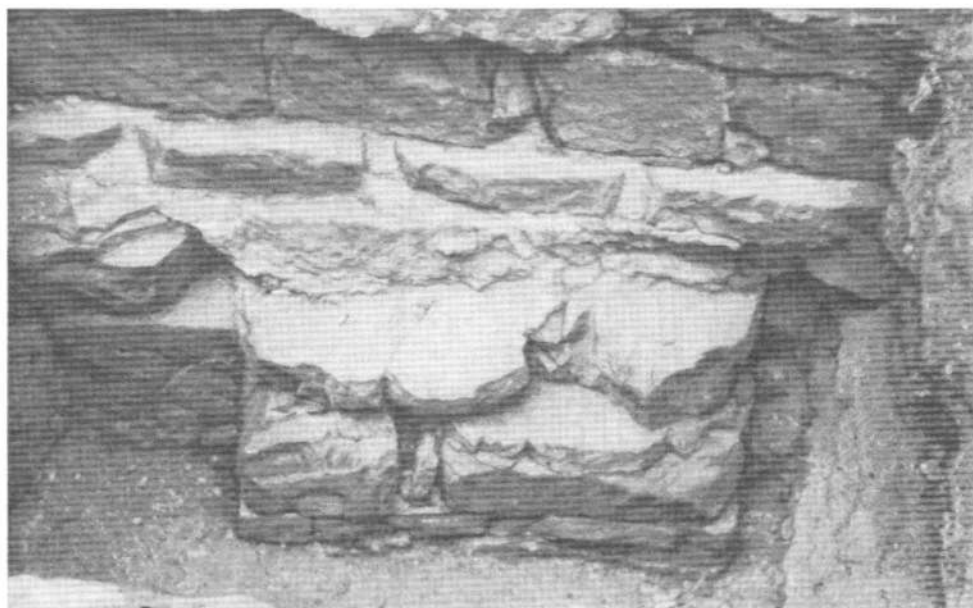

Рис. 135. Никольская церковь. Лопатка северной стены.

вновь возведен храм.⁸⁰ Предполагаемая преемственность двух построек нуждалась в археологической проверке, которая и была осуществлена в 1974 г. (рис. 133). В шурфах, заложенных вокруг существующего здания церкви 1770 г. (ныне краеведческий музей) с северной и восточной сторон, была обнаружена на глубине 0.7 м кладка первоначального здания, состоящая из известняковых квадров размером 8—23×25—50 см на известковом растворе кремового оттенка.

Древняя кладка выявлена на высоту до шести рядов. Она покоилась на валунном фундаменте. На северной стене открыты четыре лопатки (включая две угловые) шириной 0.9 м (рис. 134, 135). Стены собора XVIII в. с северной и восточной сторон,⁸¹ судя по плану, довольно точно повторяют контур первоначальной, как можно заключить, четырехстолпной одноапсидной церкви (размеры по осям 11×14.2 м) 1412 г.

Данные раскопок и совместимость очертаний построек двух разных эпох позволили реконструировать план первоначального сооружения. По словам архитектора Г. М. Штендера, найденная церковь по типу и пропорциям близка новгородским храмам второй половины XIV—середины

⁸⁰ Красноушов А. Церковная летопись о церкви святителя Никола Чудотворца, что в г. Порхове, 1872 г. — ПГОИАХМЗ, Древлехранилище, 188/49, л. 1; см. также: Арх. ЛОИА, ф. I, 1912, № 363 (в деле имеются чертежи церкви); Лебедев Е. Е. Город Порхов... с. 43, 44.

⁸¹ С южной и западной сторон к основному объему здания пристроены придел архистратига Михаила и крылечный тамбур. С этих сторон выявление постройки 1412 г. оказалось невозможным.

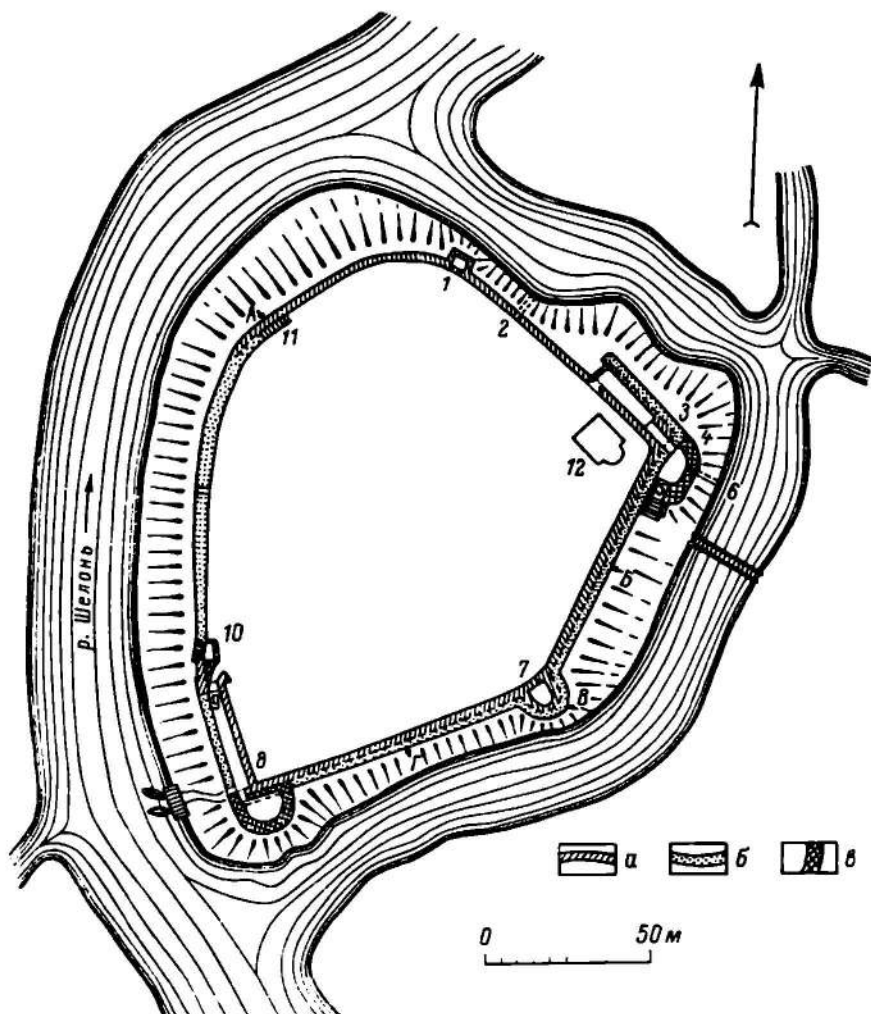

Рис. 136. Порховская крепость в 1430—1475 гг. План-реконструкция.

1 — Малая башня; 2 — тайник 1387 г.; 3 — Никольская башня и захаб; 4 — раскат; 5 — Тайничные ворота; 6 — тайник 1885 г.; 7 — Средняя башня; 8 — Псковская башня и захаб; 9 — внутренние ворота захаба; 10 — камера с подошвенной бойницей (здесь предполагаемая лестница на стену); 11 — лестница на стену; 12 — Никольский собор. А—Г — места настоящих крестов; а — кладка 1387 г., б — 1430 г., в — 1445—1475 гг.

XV в.⁸² Встречаются подобные произведения и на Псковщине (например, почти тождественный порховскому по размерам основания собор Николая в Изборске).⁸³ Сходного же облика храм конца XV—начала

⁸² Благодарю Г. М. Штендера за консультацию относительно архитектурных особенностей новообнаруженной церкви.

⁸³ Косточкин В. В. Тропой легендарного Трувора. М., 1971, с. 72 (рис.).

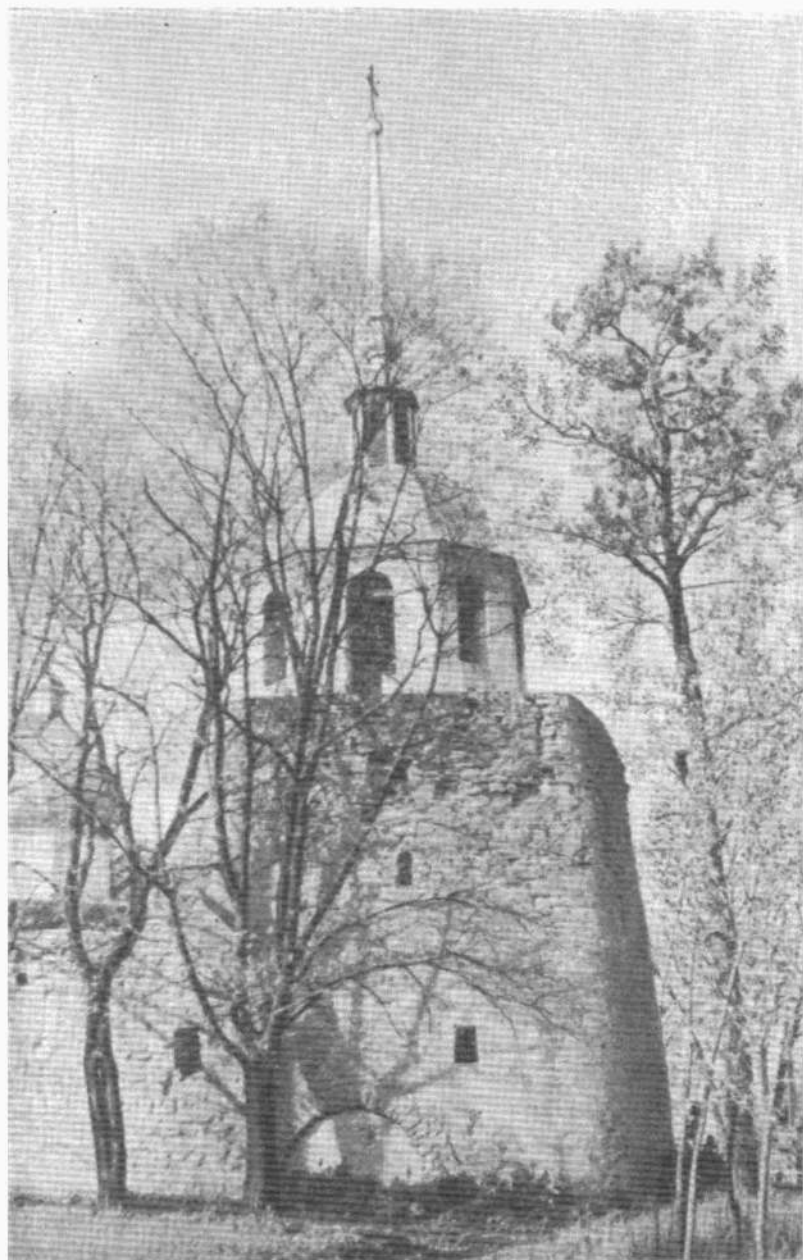

Рис. 137. Никольская башня. Вид с юго-востока.

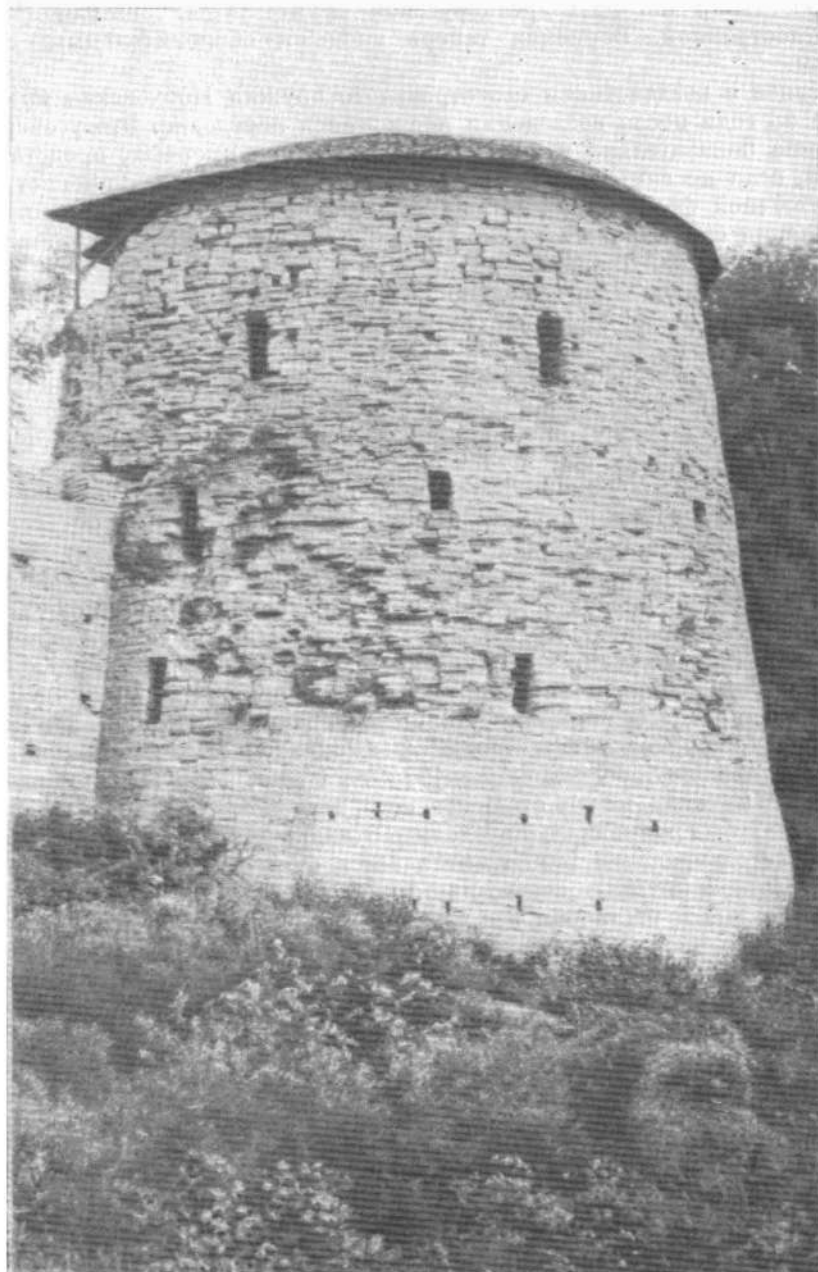

Рис. 138. Средняя башня. Вид с юго-запада.

XVI в. обследован недавно в Копорье.⁸⁴ Таким образом, раскопки в Порхове обогатили историю древнерусской архитектуры еще одной культовой постройкой. Вернемся теперь вновь к оборонительным сооружениям.

В связи с воздействием огнестрельного оружия Порховская крепость спустя 43 года после возведения подверглась переделке. Это усовершенствование показательное в том отношении, что, во-первых, представляет ранний, если не самый первый, в Новгородской земле случай постройки антипушечной фортификации, во-вторых, показывает постепенность приспособления существовавших архитектурных форм к новым требованиям военной техники. Строительные работы в Порхове в 1430 г. знакомят нас с теми приемами, с помощью которых мастера стремились усилить свои «города», чтобы защитить их от быстро развивавшегося порохового оружия.

Главная цель работ 1430 г. — усиление антипробойной прочности прежних укреплений, т. е. их утолщение (рис. 136). В летописи это сформулировано так: «Приставили к Порхову другую стену камену».⁸⁵ Обращенные к западу, югу и востоку стены крепости были прикрыты на протяжении 208 м⁸⁶ дополнительной кладкой (в поперечнике 2,3—2,6 м). При этом толщина стен в основании 5 м,⁸⁷ а в их брустверном увенчании — 1,2—1,3 м. Усилению (в основании на 2,6—3,2 м) подверглись Никольская и Средняя башни (рис. 130, 137, 138), наружные стены которых в первом ярусе достигли в поперечнике 5—5,5 м (табл. 3). Таким образом, результат произведенной в Порхове работы заключался в том, чтобы, усилив преграду, воспрепятствовать ее брешированию и тем самым предотвратить прямой штурм укрепления.

Обращает на себя внимание утолщение сравнительно укрытой (кроме папальной) западной стены, расположенной вдоль берега Шелони. При этом, как показало обследование 1974 г., 85-метровый участок данной преграды (начиная почти от Псковского захоба по направлению к Малой башне) был полностью переложен. Кладка этого отрезка, а равно и других частей крепости 1430 г., отличается от первоначальной наличием большего числа крупных серого цвета облицовочных блоков плиты (18—22×40—60 см) и раствором без цемьянки, но с включением непромошенных комочков чистой белой извести. Усиление западной стороны крепости можно объяснить рядом причин. Во-первых, при увеличившейся пробивной силе артиллерии р. Шелонь уже не являлась таким, как прежде, препятствием для нападающих. Во-вторых, рассматриваемая сторона укрепления периодически нуждалась в обновлении из-за деформаций во время разливов реки.⁸⁸

⁸⁴ Кирпичников А. Н., Овсянников О. В. Древнерусский храм в Копорье. — В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 139 след.

⁸⁵ Новгородская первая летопись..., с. 415, 416.

⁸⁶ Утолщенный обвод стен и Средней башни составил 340 м.

⁸⁷ Толщина стен на уровне боевого хода равнялась 4,5—4,6 м.

⁸⁸ Отметим, что 25-метровый участок данной стены, расположенной к северу от сделанных здесь речных ворот, судя по грубоватой кладке и отсутствию обычных на фасаде гнезд от строительных лесов, был еще раз переложен где-то в пределах XVI—XVII вв. Вероятно, и эта чинка объясняется близостью основного русла р. Шелони (ср.: Раппопорт П. А. Из истории..., с. 155).

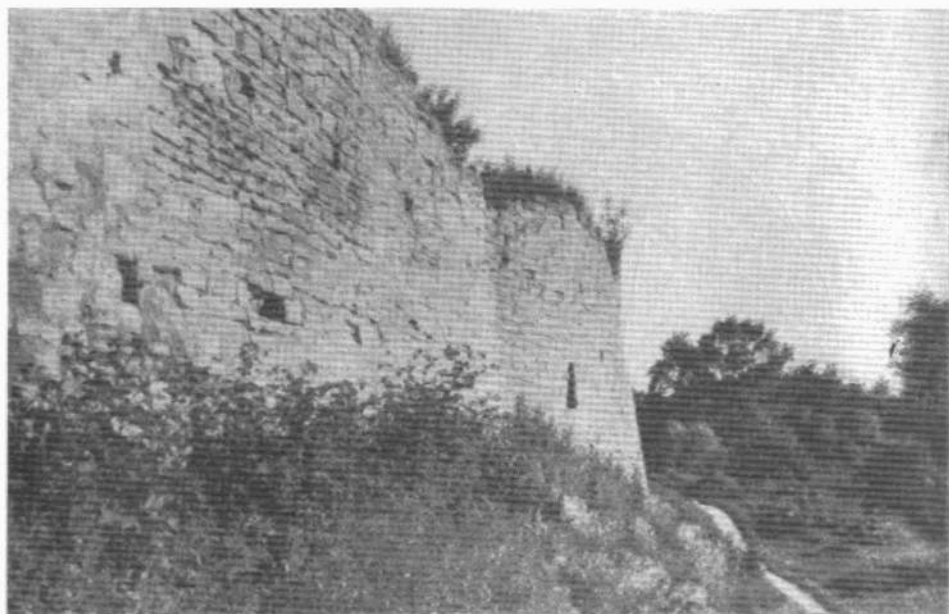

Рис. 139. Выступ стены с бойницей «подопиженного боя» у Псковского захаба. Вид с северо-запада.

При сооружении береговой степы с внутренней стороны, видимо, устроили каменные лестничные всходы,⁸⁹ а неподалеку от места ее примыкания к Псковскому захабу — пилон (в плапе 1.25×2 м) для поддержки настенного боевого хода. Вероятно, почти полной перекладке подвергалась внешняя стена Псковского захаба (рис. 139). Стремилась сделать ее достаточно надежной в случае атаки со стороны реки.⁹⁰ Зато внешнюю стену Никольского захаба (ширина 1 м) утолстили в 2.5 раза без сломки старой основы.

Перестройка 1430 г. не коснулась Малой башни, прилегающих к ней прясел, внутренних стен Никольского и Псковского захабов и тыловых сторон Никольской и Средней башен.⁹¹ Исключив перечисленные объекты, можно установить, что во время работ 1430 г. у более $\frac{2}{3}$ наружного обвода стен и башен Порховской крепости была удвоена толщина. Высота же фортификации, насыщение ее настенными и башенными бойницами почти не изменились.

Работы 1430 г. по усилению крепости не сводились только так сказать к физическому парации кладки, а привели к переоборудованию

⁸⁹ Оба всхода упомянуты в описях Порховской крепости XVII в. Характерно, что одна из лестниц, находящаяся в 55 м к западу от Малой башни (ныне реставрированная), устроена на ширину прикладки 1430 г.

⁹⁰ Усиление наружной стены Псковского захаба было сопряжено и с инженерными трудностями, поскольку этому препятствовал склон к реке. Утолщение стены изнутри сузило бы и без того неширокий проход захаба.

⁹¹ Общая длина по фронту построек 210 м.

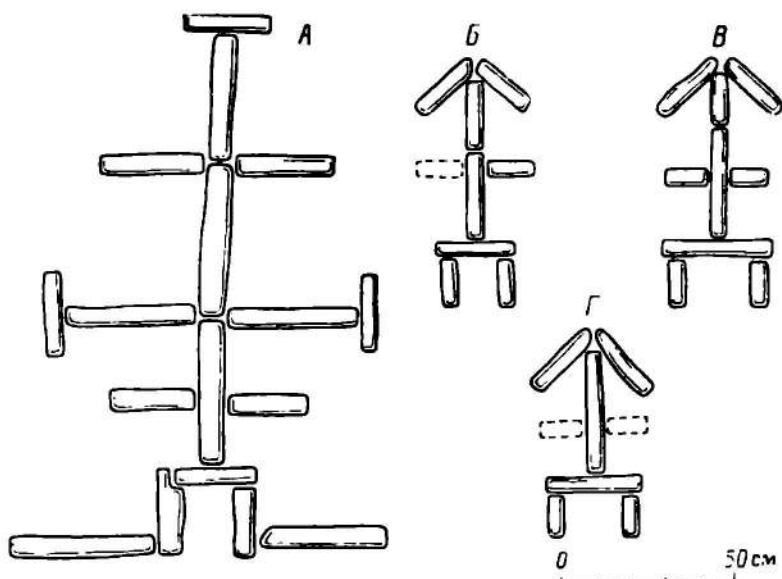

Рис. 141. Настенные кресты Порховской крепости (см. также рис. 136).

и усложнению некоторых деталей крепостного устройства. Например, в толще прикладки первого—третьего ярусов Никольской башни была смонтирована опускающая решетка с камерой для подъемного механизма.⁹²

Пожалуй, наиболее заметной особенностью работ 1430 г. было создание пушечных амбразур — в ту пору на севере Руси, вероятно, одних из первых. Если имелись ранее пастенные и верхнебашенные боевые отверстия, подошли для стрелков из ружей практически без переделки, то внутрибашенные оказались слишком узкими, поэтому наружные прорезы их были растесаны до 40—50 см и выведены в продолговатые (длина 2.2—2.7 м, ширина 0.5 м, высота около 1 м: рис. 140)⁹³ отверстия, сделанные в прикладке. Новоустроенные пушечные бойницы стали в плане воронкообразными, как бы составленными из двух неравных частей. С паружной стороны эти отверстия напоминали уже не щели, а небольшие окошки. Только в тех местах, где утолщения преграды не произошло, как в Малой башне и в тыловых стенах Никольской и Средней башен, прежние бойницы остались без изменений.

Новые пушечные амбразуры были приспособлены для небольших пушек калибром не более 6 весовых гривенок и затипных пищалей. По данным описей Порхова XVII в., в Псковской, Средней и Никольской башнях располагалось по одному орудию калибром 3—6 гривенок.⁹⁴ Впрочем, сведения XVII в. о количестве артиллерии в Порхове явно недостаточны для представления о крепостном арсенале XV в. В то новго-

⁹² Отверстие для решетки длиной 3.6 м, шириной 0.55 м, а также камера сохранились (ср.: Раппопорт. Из истории..., с. 159, рис. 18).

⁹³ Измерения даны по бойницам второго яруса Никольской и Средней башен.

⁹⁴ Раппопорт. Из истории..., с. 197 след.

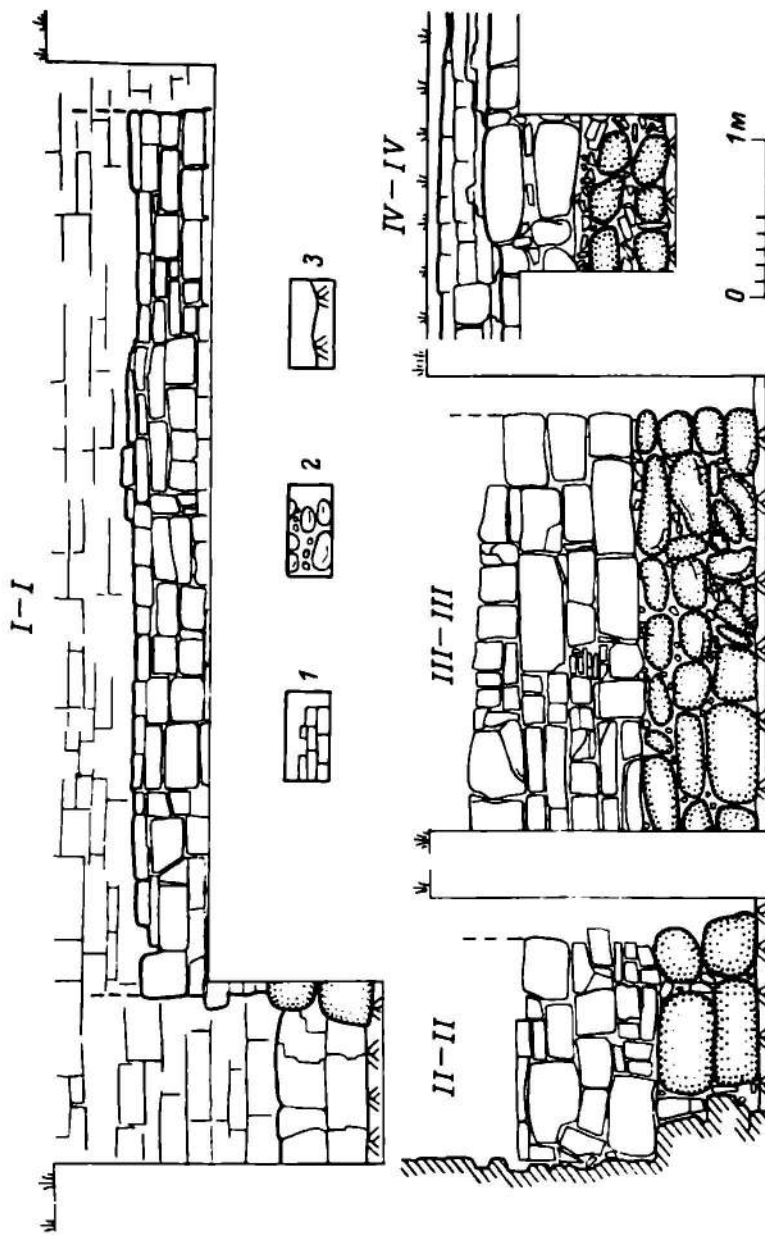

Рис. 142. Висады нижних частей Таймырских ворот и раската (по раскопкам 1974 г.; см. также рис. 140).
 1 - кладка на известковом растворе; 2 - фундамент из валунов на глине; 3 - матрикованная глина.

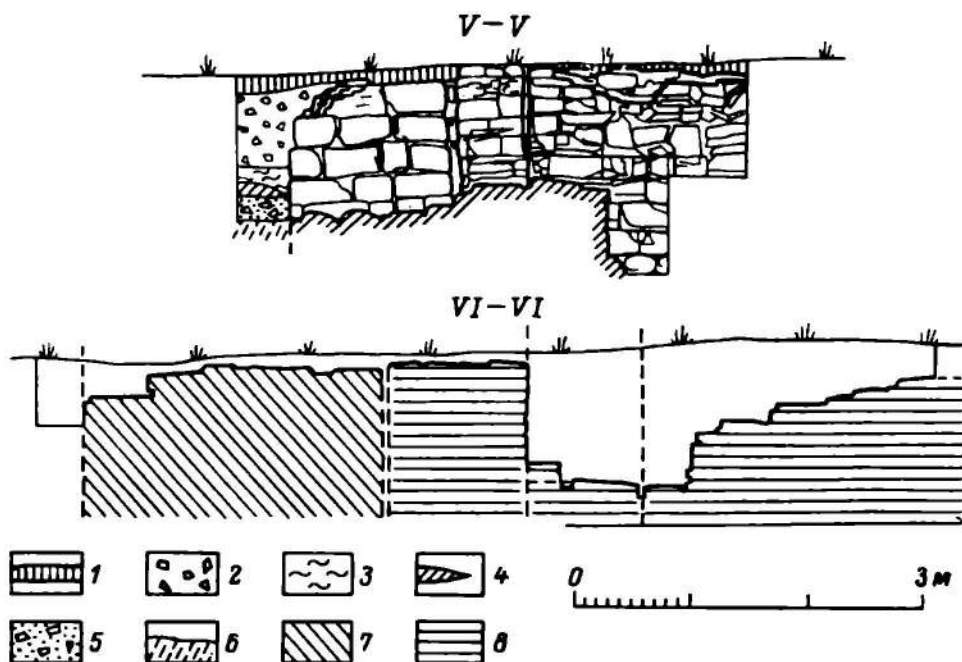

Рис. 143. Северо-западный торец Никольского захоба. Фасад и профиль нижних частей стен (по раскопкам 1974 г.; см. также рис. 140).

1—5 — переотложенные поздние слои; 6 — культурный слой XV в.; 7 — кладка 1430 г., 8 — кладка 1387 г.

родское время насыщение Порхова огнестрельным оружием, вероятно, было более значительным. Об этом свидетельствует число боевых отверстий. В Никольской башне имелось 15 пушечных и 14 ружейных бойниц, в Средней — соответственно 20 и 13 (табл. 3). Всего в Порховской крепости 1430 г. насчитывалось, как показывают примерные подсчеты, 36 пушечных и около 200 ружейных бойниц. Последние могли использоваться и для оставшихся еще в употреблении арбалетов и луков. Соотношение пушечных и иных бойниц приближалось к 1:5. Эти цифры в какой-то мере указывают на пропорции легкого ручного и тяжелого станкового огнестрельного оружия в арсенале крепости.

Штак, после 1430 г. на вооружение Порховской крепости поступили пушки, значительно увеличившие ее обороноспособность. В описываемое время Порхов казался грозной твердыней. Своими размерами, монументальностью каменных масс, объемами башен крепость, вероятно, производила сильное впечатление. Архитектура укрепления, обладая строгостью и ясностью линий, не отличалась декоративными элементами. Исключением являлись выложенные плитой настенные кресты. Один из них, особо представительный 8-конечный крест на ступенчатом подножии, украшал шелонскую стену 1387 г. (рис. 141, А); три других, более простых по начертанию, выложены в 1430-х гг. на Средней башне и

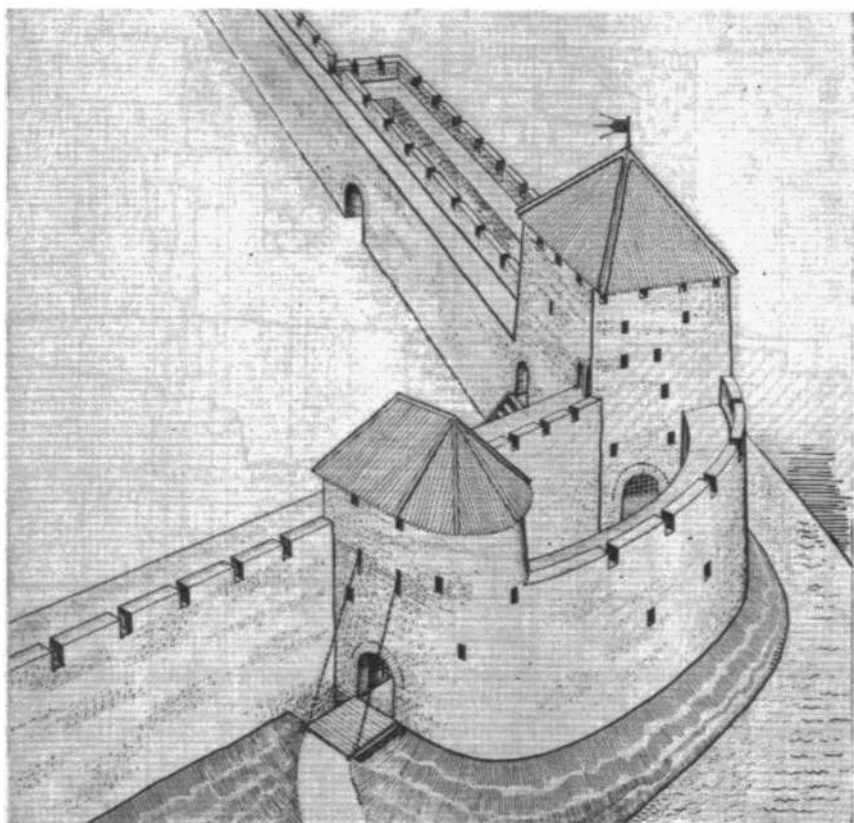

Рис. 144. Никольский захаб к 1445—1475 гг. Вид с юго-востока. Реконструкция Е. Г. Араповой и автора.

примыкающих к ней пряслах стен (рис. 141, Б—Г). Возможно, что в древности таких крестов было больше, они отмечали и другие части укрепления.⁹⁵ Кресты эти не только имели религиозно-охранительное и орнаментальное значение, но и, очевидно, служили в известной мере геральдическим символом новгородской государственности. Недаром изображения крестов присущи печатам новгородских владычных наместников, являясь эмблемой, соединяющей христианский символ и знак власти.⁹⁶

⁹⁵ До реставрации крепости остатки одного из них отчетливо замечались на стене между Средней и Никольской башнями, ближе к последней.

⁹⁶ Янип В. Л. Актовые печати Древней Руси. М., 1970. т.2, № 478 след. — Государственную эмблематику парадных настенных крестов на крепостных постройках подтверждают и сопровождающие их надписи. Например, в Смедеревской крепости в Югославии на одной из башен такая надпись сообщает о заложении в 1430 г. «града» деспотом Георгием Бранковичем (Дерюко А. Средневековые крепости на Дунае. Београд, 1964, рис. 47—49).

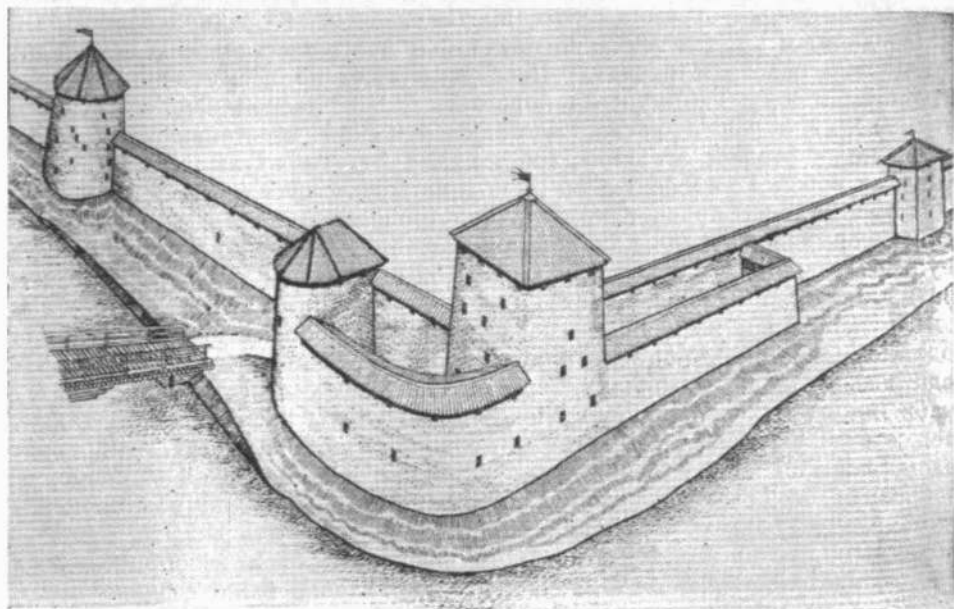

Рис. 145. Никольский захаб к 1445—1475 гг. Вид с северо-востока. Реконструкция Е. Г. Араповой и автора.

Примерно в середине или третьей четверти XV в., скорее всего после «стояния» под Порховской крепостью псковичей в 1441 г.,⁹⁷ она претерпела еще одно, удостоверенное археологическими исследованиями 1974 и 1981 гг. усовершенствование. Речь идет о новом укреплении городских захабов.

У юго-восточной стены Никольской башни были раскопаны остатки разобранного в конце XVIII в. подковообразного в плане укрепления длиной 22 м, средней шириной 10,5 м (рис. 140, 142). Стена, равная в поперечнике 3,7 м, сохранилась на высоту около 0,8 м. Она облицована плитняковыми квадрами обычного размера (14—23×40—50 см), сложенными на известковом растворе коричневого оттенка и покоится на фундаменте из двух-трех рядов крупных валунов, скрепленных глиной с примесью мелких камней. Здесь же выявлено и основание воротной башни с проходом длиной 6 м, шириной 4 м.⁹⁸ Юго-западный пилон башни и торец стены укрепления без перевязки примыкали к Никольской башне и смежной с ней стене, утолщенной в 1430 г. Из этого можно заключить, что раскопанное сооружение возникло после 1430 г. Эта постройка соответствовала целям усиления Никольского захаба и со-

⁹⁷ Псковские летописи. М.: Л., 1941, вып. 1, с. 45.

⁹⁸ Высота фундамента стены 0,55 м, башни — 0,8 м.

Рис. 146. Гнезда балок раската в стене Псковского захаб.

XVI в. Исследователи разных стран ищут протооригиналы данных инженерных сооружений.

Видимо, к числу таких смелых начинаний можно отнести и описанное порховское предвратное укрепление.¹⁰²

Пристройка середины XV в. превратила Никольский захаб в сложное, труднопреодолимое устройство. Проходивший его человек делал на трассе 80 м четыре поворота, минуя мост через реку, трое ворот, три герсы, раскат и «коридор смерти». В случае осады этот воротный комплекс с многочастной эшелонированной обороной был рассчитан на борьбу как на своих подступах, так и внутри.

Предусмотрительность, с которой укрепили главный въезд в крепость, наталкивает на мысль, что и Псковский захаб не остался неизменным. О работе такого рода, с моей точки зрения, свидетельствуют прямоугольные гнезда (30×30 см) от пяти балок, существующие на восточной внутренней стене захабного коридора примерно на уровне второго яруса боя (рис. 146). Гнезда эти (им, конечно, были парные на противоположной, не сохранившейся стене) проделали в преграде 1387 г., но не изначально, так как рядом с ними открылись регулярные углубления от строительных лесов, устроенные на некогда гладком фасаде. Балочное

techn. Wrocławskiej, 1975 r., № 9. Studia i materiały, t. 3. Bastejowe fortyfikacje w Polsce, s. 138, 139.

¹⁰² В целях музейной демонстрации Никольского, а также Псковского захабов целесообразно законсервировать их разрушенные стены накладкой высотой 1 м.

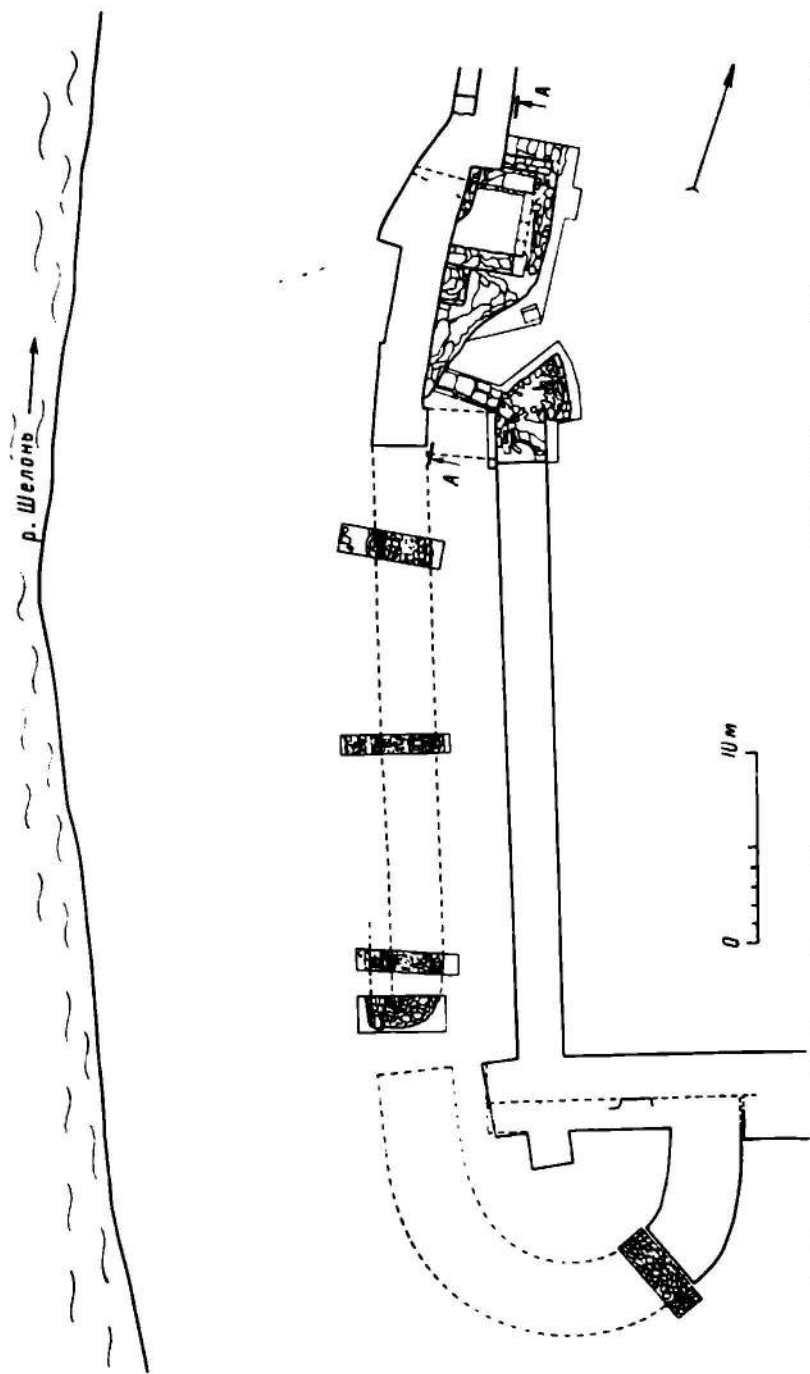

Рис. 147. Псковский закаб и башня. План с обозначением раскопанных в 1974 и 1981 гг. частей (см. также рис. 148).

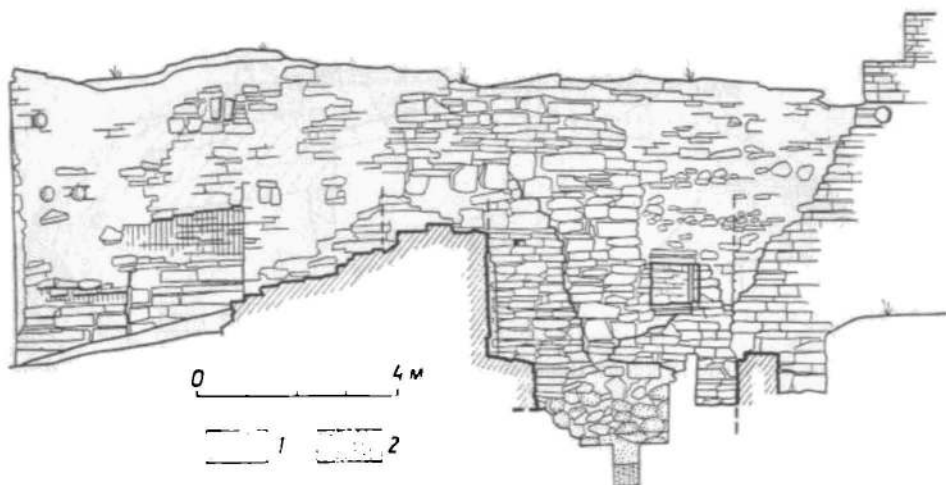

Рис. 148. Внутренний фасад стены у Псковского захаба (по А—А).

1 — светлый песок; 2 — темно-коричневый.

перекрытие предполагает помост (ширина 7.5 м) п, очевидно, несколько амбразур во внешней стене захаба, направленных в сторону реки. Описанное устройство напоминает о раскатном помосте у Никольских ворот, оно располагалось приблизительно посередине высоты захаба и наряду с бруствером внутренней преграды могло использоваться тоже для стрельбы сверху вниз по противнику, проникшему внутрь через приречные ворота. Таким образом, захабный коридор, имевший первоначально один верхний ярус боя, был, видимо, дополнен вторым.

У южного торца Псковского захаба скорее всего одновременно с Никольским раскатом была сооружена¹⁰³ похожая на утолщенную Среднюю башню, но несколько более крупная и отличающаяся по ряду деталей Псковская башня¹⁰⁴ (высота 17.3 м, а количество ярусов — 6; ср. рис. 119, 120). Все ярусы были боевыми; они снабжены 15 пушечными и 11 стрелковыми бойницами. Через башню на уровне ее третьего

¹⁰³ Ныне от Псковской башни частично уцелели тыловая стена и фрагмент ее восточного полукружия. Сооружение возведено на сложенном из булыжников насухо фундаменте. Обнаруженном раскопками 1974 г. Разрушение башни и соседней с ней внешней стены захаба началось еще в 1728 г. и было связано с повреждением этого участка крепости во время ледохода и поднятия воды р. Шелони (ЦГАДА. ф. 248, № 457, л. 35; ср.: Раппопорт П. А. Из истории... с. 151). При изучении руин башни (ныне частично законсервированы) выяснилось, что ее сохранившееся в нижней части полукружие без перевязки было прислонено к прикладке 1430 г., которая пачинала примерно со второго яруса оказалась разобранной, а башня своей тыльной стеной непосредственно примыкала к преграде 1387 г. Восточный край башни на уровне второго яруса и выше имеет стыковочный шов с торпом прикладки 1430 г. Таким образом, строительство башни сопровождалось частичной разборкой в этом месте прикладки 1430 г. Тогда же, возможно, была переделана южная торцовая стена Псковского захаба 1387 г.

¹⁰⁴ Отличия Псковской башни от Средней заключались также в строгой полукруглости ее плана и меньшем количестве бойниц.

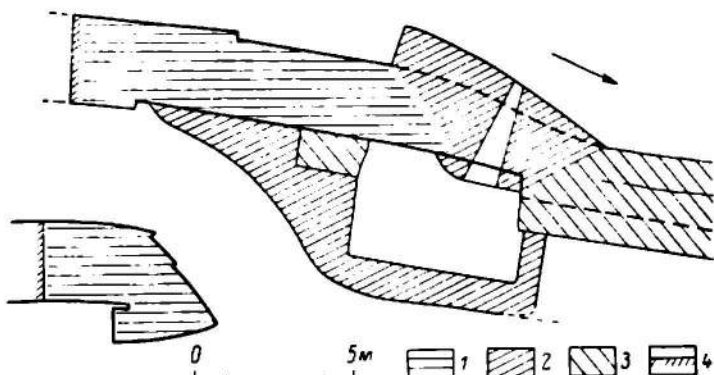

Рис. 149. План внутренних ворот Псковского захаба с обозначением разновременных частей.

1 — кладка 1387 г., 2 — 1445—1475 гг., 3 — 1430 г. (частично реставрирована в 1978—1979 гг.), 4 — реставрация 1962—1968 гг.

яруса пролегал соединяющий прясла настенный ход. Еще один ход вел в первый ярус башни со стороны захаба. Возведение Псковской башни, так же как и комплекса Тайничных ворот, способствовало укреплению всего юго-восточного фронта крепости дополнительными к Средней башне фланкирующими сооружениями. Вместо растянутых оборонительных линий здесь появились простреливаемые с двух сторон почти одинаковые по длине (73—75 м) прясла стен. Строительство Псковской башни, кроме того, усилило оборону смежного с ней захаба.

Выше упоминалось о возведенном в 1430 г. пилопе для поддержки боевого хода у внутренних ворот Псковского захаба. В дальнейшем это место подверглось значительной перестройке. Раскопками 1974 и 1981 гг. здесь обнаружено основание боковых устоев косорасположенного прохода внутрь крепости (рис. 147, 148, 149). Кладка западного устоя сохранилась на высоту до 3,3 м; она сделана из плит размером 8—23 × 16—50 см на известковом растворе и покоится на мощном фундаменте (высота до 1,7 м) из плитного камня и валунов, уложенных на песчаный грунт.¹⁰⁵ Между устоями оказался замощенный проход длиной около 6 м, шириной не менее 3 м. Он был перекрыт, как показывает штроба в прилегающей с запада стене, сводом. Иными словами, здесь следует представить арочный проем, ведущий внутрь крепостного двора. Над аркой, судя по плану 1734 г., находился также идущий наискось бруствер. Западный устой ворот служил одновременно стеной камеры (размер внутри 3 × 5,4 м), устроенной у раструбной в плане бойницы подошвенного боя.¹⁰⁶ Заметно, что бойница и окружающая ее кладка

¹⁰⁵ Восточный устой, по-видимому, сооружен одновременно с западным. Однако во время раскопок не удалось найти шва между этим устоем и смежной с ним стеной 1387 г.

¹⁰⁶ На чертежах П. Я. Квашинна-Самарина бойница показана частично заложеной, а внутри к ней примыкала, как сказано в экспликации плана, «караульная подле сходу первого на стену». Для караульной использовалась бойничная камера. Возможно, что в XVII в. здесь помещалась тюрьма.

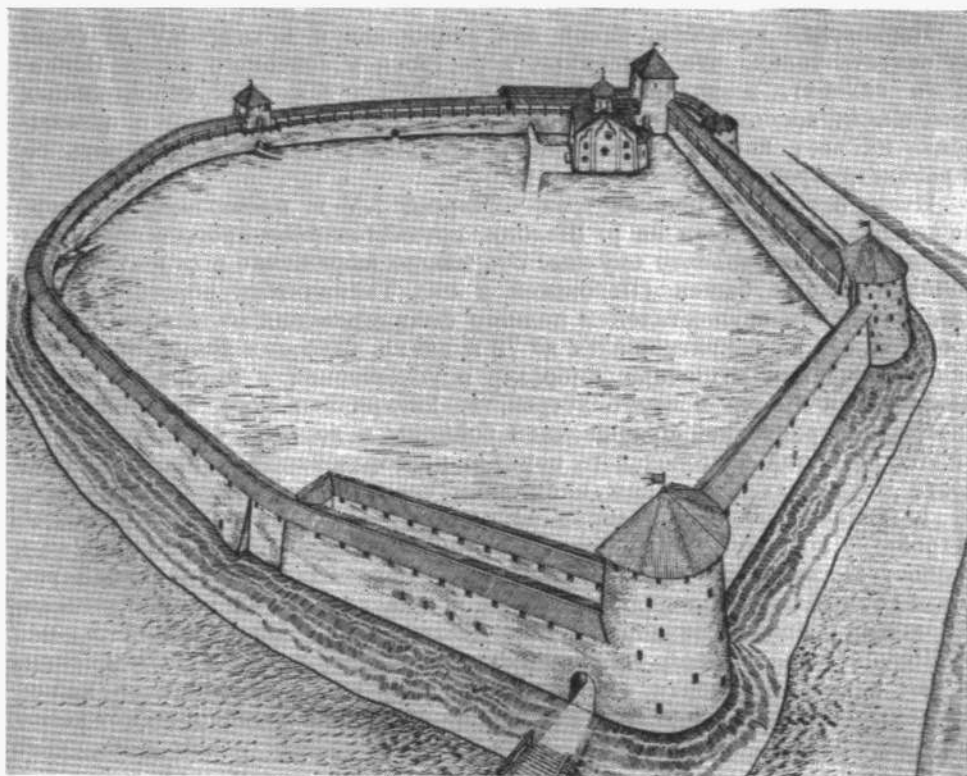

Рис. 150. Порховская крепость в 1430—1475 гг. Реконструкция Е. Г. Араповой и автора.

врублены примерно на стыке береговых (вдоль р. Шелони) стен 1387 и 1430 гг. (рис. 148, 149). Из этой, кстати сказать, древнейшей в северорусских крепостях амбразуры подошвенного боя могли обстреливать противоположный Псковскому захабу берег р. Шелони.¹⁰⁷ Возможно, что с севера к упомянутой камере примыкала лестница входа на стену. Остатком лестницы является обнаруженное в раскопках фундаментное основание из четырех рядов валунов шириной не менее 2,3 м. Своды камеры и прохода образовывали довольно значительную, расположенную над ними боевую платформу, что несомненно служило целям лучшей защиты входа в крепость. В целом археологические исследования помогли разобраться в последовательности перестроек, произведенных у внутреннего прохода Псковского захабана, где в третьей четверти XV в. существовала своеобразная двухъярусная внутризаклабная башня-раскат с верхней боевой платформой и ведущей на нее лестницей.

¹⁰⁷ Бойница, равная на просвет 25×97 см, устроена в обращенном к р. Шелони выступе стены. Этот выступ выполнял еще и функции контрфорса, так как поддерживал наклонившуюся к реке и примыкающую к нему с юга стену 1387 г.

Порховская крепость, какой она сложилась к исходу XV в. (если не считать только что описанных перестроек у северного торца Псковского захаба), в дальнейшем не претерпела заметных строительных изменений; воспользовавшись уникальным обилием сведений и основываясь на всех изложенных выше наблюдениях можно представить ее в реконструированном виде (рис. 150).

Итак, в течение первых трех четвертей XV в. происходило усовершенствование крепости на р. Шелони, продиктованное прогрессирующим влиянием огнестрельного оружия. Это нашло выражение в строительстве дополнительных башен (Псковской и над Тайничными воротами), последовательном осуществлении полного фланкирования napольных отрезков степ при их сократившейся до 75 м длине, удвоении толщины стен и башен, создании пушечных амбразур и усложнении в интересах сопротивляемости входов и ворот, устройстве двухрядных герс. захабных раскатов, внутрискстенной подошвенной бойницы и лестниц. Происходившие вплоть до конца новгородского периода преобразования Порховской крепости показывают, с каким вниманием следили в Новгородской земле за развитием осадной техники. Каменный Порхов отразил в своем устройстве конструктивные перемены, происшедшие как раз до того, как полностью сформировалась пушечная фортификация. Этот великий революционный акт был подготовлен не всегда заметными напряженными исканиями предшествующих десятилетий. Изучение крепости на р. Шелони с рельефной отчетливостью раскрыло, в каком направлении и как развивался почти столетний инженерный эксперимент, в конце концов приведший к резкому изменению эволюции древнерусского военного зодчества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование средневековых северо-западных городов, построенное на комплексном использовании письменных, археологических, графических и других отечественных и иностранных источников, позволило прийти к результатам, касающимся как военного, так и гражданского развития этих населенных пунктов.

Общее представление об оборонительных сооружениях Новгородской земли существенно углубилось благодаря новым археологическим находкам. Практически в каждой из изученных крепостей, несмотря на все перестройки и разрушения, сохранились каменные и иные сооружения новгородского периода их истории. В Ладоге, Орешке, Кореле, Копорье, отчасти в Порхове и Ямгороде открыты неизвестные вовсе или предполагаемые, но исчезнувшие с лица земли оборонительные сооружения конца IX—начала XVI в. При этом полностью или фрагментарно удалось выявить и реконструировать как отдельные постройки, так и целые архитектурные ансамбли эпохи зрелого русского средневековья и детально представить развитие доогнестрельной фортификации Северной Руси.

Во время архитектурно-археологических изысканий были обнаружены, зафиксированы и опознаны неизвестные ранее башни, стены, лестницы, проходы, камеры, приспособления для опускаемых решеток, боевые площадки стен, брустверы, бойницы, торговый люк, тайники, а также определена система полубутовой кладки и скрепляющие растворы. При установлении плана крепостей, насколько это оказалось возможным, рассмотрены их застройка и заселенность, подъездные пути. Отмечены градостроительные особенности рельефа местности и геометрические начала, которыми в ряде случаев руководствовались при разбивке оборонительных линий тех или иных укреплений. В отношении своей плановой структуры изучаемые города-крепости подразделялись на мысовые (Ладога, Копорье, Орлец, вероятно, Ямгород) и островные (Орешек, Корельский город, Тиверский городок, Порхов).

При изучении крепостей Новгородской земли в какой-то мере прояснено не только их оборонительное, но и хозяйственное, транспортно-торговое и, так сказать, волостное значение. В Орешке, Копорье, Кореле, Ямгороде, Порхове открыты остатки домов, иногда каменных храмов,

а также части улиц и дорожные мостовые, до некоторой степени позволявшие судить о внутренней планировке укрепленных пунктов, дорогах, торговом судоходстве, культовой архитектуре и строителях крепостей.

Изделия, происходящие, как оказалось, из надежно датированных городских слоев (Ладога, Орешек, Копорье, Корела, Тиверский городок, Ямгород), позволили определить занятия оставивших их людей — рыболовов, лодочников, мелких землевладельцев. В качестве нового хозяйственного и правового источника охарактеризованы меченые берестяные полавки — рыболовные знамения. В Орешке прогнозировано существование городского дипломатического архива.

Материальная культура северо-западных городов, как удалось заметить, последовала традиции ремесла домонгольской Руси. Посуда, оружие, некоторые украшения XIV—XV вв. по своим формам частью восходили к предшествующим временам. На первый взгляд кажется, что речь идет о замедленном развитии производства, консервативном бытовании архаических образцов, но такая оценка была бы односторонней. Исторически северо-западный регион в условиях монгольского ига выступал на протяжении XIV—XV вв. как хранитель и продолжатель традиций ремесла XII—XIII вв.

Если теперь обратиться к истории оборонительных сооружений, то можно отметить ряд общих наблюдений.

Строительство системы каменных крепостей на северо-западных рубежах Новгородской земли не было заранее предусмотренным одноактным предприятием. Этот процесс был длительным и происходил в большой мере под давлением внешнеполитических факторов. Возведение северорусских каменных «городов» должно быть оценено как крупнейшее технико-культурное явление своего времени. Военное строительство осуществлялось в крайне неблагоприятной обстановке общего упадка каменного дела на Руси вследствие монголо-татарского нашествия. Каменное строительство — чуткий показатель экономического состояния страны. Характерно, что оно началось в Новгородской земле, как только немного стабилизировалась военная обстановка и было отбито несколько следовавших с севера и запада волн иноземных завоеваний.

Войны XIII в. обожгли новую для Восточной Европы того времени захватническую сущность противников Руси. В этих изменившихся условиях изменилась и пассивная военная роль городов. Фортификация тогда впервые поднялась на уровень военных задач, которые ранее решались в полевых сражениях. Укрепление северного и западного рубежей страны, начавшееся с конца XIII в., отражало новую стратегию в оценке и назначении городов-крепостей как защитников и охранителей земли и дорог. Строительство городов оказалось дальновидным актом Новгородского государства, ибо на века закрепило за русскими выход к Балтийскому морю и предотвратило расхищение северорусских земель немецкими и шведскими феодалами в наиболее трудную пору русской средневековой истории — период монгольского порабощения. Возведение каменных фортификаций явилось признаком стабилизации границ и восстановления Руси, поднявшейся из пепла монгольских пожаров к продолжению борьбы с агрессией извне.

С самого начала крепостное «градоделение» было преимущественно делом

государства; это обеспечивало лучшую инженерную подготовку и целенаправленность работ, их финансирование, обеспеченность трудовой силой, гарнизонами и снаряжением. Создание новых и укрепление прежних форпостов сопровождалось массированным сельскохозяйственным освоением края, притоком полувоенных колонистов, учреждением местного военного контингента из «городчан» и своеземцев. Стратегия военного строительства заключалась в создании не линий крепостей (хотя тенденция к тому иногда обнаруживалась; пример — случай с городцами в Пешелонье), а отдельных опорных пунктов — военных и хозяйственных центров районов. Защищая свой край, свою волость, эти центры одновременно обороняли пути, ведущие к столице. География обороны Новгородского государства, неодинаковая на северо-западе и юго-востоке, строилась с таким расчетом, чтобы в интересах безопасности и выигрыша времени для мобилизации затруднить продвижение потенциального противника к Новгороду, с какой бы стороны он ни ожидался. Северо-западное направление считалось самым опасным, требовавшим для защиты наибольших усилий.

Выступив инициатором в достаточной мере нового для своего времени каменного военного строительства, Новгород, с одной стороны, опирался на достигнутый в XIII в. общерусский опыт (Ладога, города Юго-Западной Руси), с другой — использовал данные об укреплениях в Центральной и Северной Европе. Строители новгородских крепостей были несомненно хорошо осведомлены о новинках европейской фортификации, что всегда дополнялось всесторонним знанием местных условий. Новгородское крепостное дело при его выраженном местном своеобразии не было изолировано от общеевропейского, в особенности это касалось отдельных конструктивных деталей.

Каменное строительство концентрировало наивысшие достижения инженерной мысли народа; выработался свободный, чуждый консерватизму взгляд на произведения военной архитектуры, которые по формам и деталям могли быть совершенно необычными. Неудивительно, что в такой обстановке возникали опережающие свою эпоху инженерные феномены, к тому же не имевшие географически близких оригиналов. Здесь мы вправе прогнозировать находки, не укладывающиеся в привычные рамки эволюционного развития. В этом отношении средневековая фортификация сближается с боевой техникой.

Каменные укрепления возводились в расчете на тяжеловооруженного западного противника, оснащенного «градобойными хитростями» и способного на длительные осады. Напротив, деревоземляные сооружения с успехом оказывали сопротивление летучим конным дружинам, обходявшимся луком и стрелами как главным дальнобойным средством. Различие способов ведения боя и фронтов борьбы сказывалось и на крепостном строительстве. Как каменные, так и деревоземляные сооружения строились в Новгородской земле в течение всего зрелого средневековья. Однако постепенно каменные укрепления, более надежные и прочные в защитном отношении по сравнению с деревоземляными, обнаруживали свои прогрессирующие преимущества: они были лучше приспособлены к противостоянию штурмам, их труднее было разрушить или поджечь. Для возведения каменных стен потребовались мастера особой квалифи-

кации. Градоделцы, имевшие дело с землей и деревом, здесь, очевидно, не подходили. Возникла нужда в военных инженерах и артелях каменщиков (последние, конечно, в Новгороде были, но обслуживали преимущественно нужды культового и боярского строительства). К сожалению, источники ничего не сообщают о городских мастерах каменного дела. Несомненно, однако, что естественной реакцией таких умельцев было обращение к накопленному опыту, использованию «праотческих» образцов. Примером доповгородской каменной фортификации является Ладога. В ней существовала крепость 1114 г., которая в отношении размеров стены и подробностей устройства на два-три века опередила свое время. Ладожская крепость, сооруженная в период киевского единодержавия как северный оплот государства, могла послужить высоким образцом для подражания последующим поколениям мастеров, впрочем, и военным стратегам (такой случай, возможно, имел место при постройке первого каменного Копорья в 1280 г.).

Военное строительство Новгородской республики эпохи зрелого средневековья прошло несколько этапов, характеризующихся некоторыми типичными чертами.

1239—1280-е гг. Наряду с Галицко-Волынской Русью Новгородское государство не прекращало оборонительного строительства и в условиях монгольского завоевания. Такие крепости, как Порхов (1239 г.; здесь и далее в скобках год постройки сооружения или его обновления) и Копорье (1279 и 1280 гг.) возводились, по-видимому, в традициях, восходящих к домонгольской Руси. Новостью последней четверти XIII в. явилась цельнокаменная крепость в Копорье, возможно, подражавшая Ладоге 1114 г. Хотя Копорский замок не просуществовал и двух лет, он означал переход к строительству каменных укреплений.

1297—1348 гг. Начало периода сопровождалось созданием второго каменного Копорья. Около 1300 г. была заново оценена военно-стратегическая роль пограничных опорных пунктов — охранителей земли и дорог. Выработывается прием аврального основания государственных гарнизонов полувосенных поселений на путях шведского, датского и немецкого противников (Копорье — 1297 г., Корельский городок — около 1300 г., Орехов — 1323 г.). В новооснованные форпосты (Копорье, Корельский городок) привлекается наряду с русским и финское население, а в сельской округе допускается строительство племенных городков и убежищ (Тверский городок, Кайболовское и Воропинское городища в районе Копорья). Создание новых и укрепление старых поселений останавливает отторжение окраин, ранее находившихся в данической зависимости от Новгорода. Что касается устройства крепостей, то предпочитается их основание на островах (Корельский городок, Орехов) и оснащение одной башней. Изгибы стены используются для флакирующего огня. Характеризуемый период отличается широким внедрением каменного оборонного строительства, охватившего и такие города, как Новгород и Псков.

1350—1425 гг. Северорусская доогнестрельная фортификация достигает высшей фазы развития, что стимулируется переменчивыми внешними обстоятельствами. Как никогда ранее с момента существовавшей феодальной Руси, в градоделении отмечается обилие непрерывных усовершенствований общеевропейского класса. В это время завер-

иается создание фронта северо-западных крепостей. Другим направлением обороны Новгородской земли отводилось не столь первостепенное значение. Защитные качества укреплений резко возрастают. Возникают крепости с фланкирующими башнями (Орешек — 1352 г.), падстраиваются степы (Копорье — после 1361 г.). Огневое обеспечение укреплений концентрируется на наиболее опасных участках, особенно на обращенных в наполицую сторону углах. С принятием «многобашенности» прежняя равномерная круговая защита укреплений разделилась на отрезки, оснащенные кроме фронтального и фланговым огнем. Строительство как воротных, так и средистепных башен привело к широкому использованию боковой и косоприцельной стрельбы. При создании крепостей применяются геометрические построения плапа, возводятся прямолнейные прясла стен, труднопреодолимые въезды-захабы, башни, по очертанию не только прямоугольные, но и подковообразные, специально предназначенные для версного огня. Для рассматриваемого периода свойственно усиление дальнобойных осадных средств, в одних боевых порядках с камнеметами и арбалетами используют и новозобретенное, но еще недостаточно эффективное огнестрельное оружие.

1425—1475 гг. Характерно постепенное внедрение конструктивных компонентов огнестрельной фортификации, начавшееся с приспособления уже существовавших форм к новым. Изменения в военной архитектуре все более зависят от быстрого прогресса артиллерии. Вытесняются доогнестрельные средства штурма и защиты — камнеметы и самострелы. Внедрение порохового оружия привело в 1430—1460 гг. к частичной реконструкции крепостных сооружений, и прежде всего увеличению их антипробойной прочности. Характерным становится утолщение степ и башен, использование таких узлов пушечной обороны, как раскаты-баштей, полукруглые башни. Тогда же начали делать внутрестепные амбразуры полошвенного боя и камешные лестницы. Устанавливается взаимосочлеппое фланкирование вокруг если не всей крепости, то ее напольных частей. Воплощением новшества явились укрепления, уязвимые стороны которых были снабжены систематически расставленными башнями; из них полностью простреливались смежные прясла стен. Вследствие военной необходимости оборона крепостей становится все более эшелонированной, разделенной на самостоятельные укрепленные цитадели п охаби. В целом фортификации второй и третьей четвертей XV в. заметно преобразовались, но не настолько, чтобы сделаться полностью «артиллерийскими», однако очевидные предпосылки к такому превращению сформировались.

Усилия новгородцев по укреплению своей земли достигли необходимой цели. Разительна хотя бы тот факт, что до самого конца существования феодальной Новгородской республики ее столица — Новгород Великий — ни разу не подверглась осаде и штурму иностранных войск. От попыток захватить и подчинить «восточные» территории западным противникам пришлось отказаться. Отдельные нападения и даже войны вплоть до ликвидации самостоятельности Новгородского государства не смогли изменить политической карты севера Восточной Европы.

Эскизно памятив периодизацию военного строительства Новгородской земли, отметим его некоторые особенности. В «градоделеи» периода зре-

лого средневековья, как известно, отсутствовали строгая регламентация и единообразная планировка. Да и крепости в зависимости от времени основания заметно различались по своей плановой структуре. Творения XIII в., такие как Копорье, Ладога и Тиверский городок, следовали традициям домонгольской поры. Направление стен этих сооружений отвечало когтуру холма или мыса. Иным оказалось расположение укреплений, заново построенных в течение XIV в., планы которых имели прямоугольные или трапециевидные очертания (Орешек, Орлец и, возможно, Ямгород); использовались и полигональные построения (Порхов). Геометрическая проторегулярная планировка отдельных новгородских укреплений (Орешек, Орлец, Ямгород?) роднит их с орденско-балтийскими замками-кастеллами.

Накапливается все больше данных о некоторой общности в развитии военной архитектуры (и боевой техники) стран Прибалтики, а также владений Новгорода. Однако при известном сходстве планов и конструкций крепостей соседящих стран очевидны и различия, не в последнюю очередь продиктованные социальными особенностями. Орденские кастеллы, служившие пристанищем сообщества братьев-рыцарей, строились как своего рода военные лагеря с помещениями, распланированными определенным образом. В русских крепостях подобная система феодально-общественной регламентации неизвестна. За исключением каменных храмов, в них отсутствовали и каменные постройки. Таким образом, сходство русских и иноземных крепостей не затрагивало их внутреннего содержания, а касалось лишь оборонительных конструкций. Сказанное относится и к однобашенным крепостям, воздвигавшимся в Новгородской Руси в первой половине и середине XIV в. (Орешек — 1323 г., Корельский городок — 1364 г., а также отчасти Орлец — 1342 г.). Опыт сооружений этих построек, очевидно, был заимствован из Юго-Западной Руси и отчасти Эстонии. Воспринятые в северной части Руси, они оказались, однако, недолговечными. В 50—70-х гг. XIV в. их вытеснили многобашенные укрепления.

Плановая структура и огневое обеспечение крепостей менялись значительно медленнее, чем отдельные элементы сооружений. Особенно заметно различные инженерные усовершенствования внедрялись в течение XIV в. К их числу следует отнести воротные башни с герсами (Орешек, Порхов), внутрстенные лестницы, камеры, подошвенные бойницы (Копорье, Орешек, Тиверский городок, Порхов), трапециевидный в плане кастер со скругленной наружной стеной (Корела), последующие ему подковообразные и полукруглые башни (Порхов), захабы, бастей-раскаты, бойницы с нишами.

Развитие каменных укреплений было обусловлено изменениями тактики осады и обороны и главным образом прогрессом в осадной технике. Здесь следует выделить несколько этапных периодов: середина XIII в. — выдвигание кампметов; вторая половина XIII в. — арбалетов; вторая половина XIV в. — массированное применение дальнобойных и других осадных средств; вторая четверть XIV в. — прогрессирующее использование огнестрельного оружия. Если основание северных крепостей объясняется преимущественно военно-политическими причинами, то их последующее усовершенствование все более зависело от развития военной тех-

шки, особенно артиллерийской. Влияние последней с течением времени оказалось настолько ощутимым, что изменило весь характер защитных сооружений. Однако вплоть до конца периода новгородской самостоятельности оборона крепостей, как правило, была непреодолимой для штурмующих, возможно, потому, что инженерные усовершенствования преимущественно во второй половине XIV и второй четверти XV в. опережали эволюцию осадных средств.

Со всей определенностью следует подчеркнуть, что первые, наиболее значительные в средние века преобразования крепостного строительства наступили еще до того, как огнестрельное оружие произвело переворот в военном деле. Правда, в осадном деле пороховое оружие (преимущественно небольшого калибра) начало использоваться с 80-х гг. XIV в., но в первое время самостоятельно не применялось и к тому же являлось недостаточно эффективным. Поэтому вал преобразований второй половины XIV в. нельзя объяснять влиянием только нового оружия. Здесь действовали разнородные факторы. Период характеризуется частыми военными столкновениями, общим наращиванием военной техники и активным строительством укреплений. Приметы названных десятилетий XIV в. заключались в появлении многобашенных крепостей, усилении их напольной (следовательно, подверженной штурму) стороны, надстройке стен и башен, устройстве захабов и бойниц с нишей, возведении полукруглых башен, которые лучше, чем прямоугольные, соответствовали целям ведения всеобщего огня и в применении фланкирующего огня в наиболее ответственных местах напольной обороны. Большинство из отмеченных новшеств будет унаследовано и развито фортификацией пушечной поры. Относится это также к размерам стен и башен.

Уже в доогнестрельную пору толщина стен в основании составляла 2,2—3,3 м (чаще около 3 м), высота ступы с бруствером — 7,5—8,8 м¹ (Копорье, Ладога, Порхов), высота башен — 11—17,3 м (Порхов). Стены и башни по мере подъема обычно несколько утолщались (Ладога, Порхов). Толщина стены обуславливалась сопротивляемостью к ударам и соизмерялась с шириной бруствера (не менее 55 см) и боевого хода, позволявшего беспрепятственно разойтись двум вооруженным воинам, идущим навстречу друг другу,² т. е. равного не менее 1,5—2 м. Данные требования определяют, что стена крепости в ходовой части в доогнестрельную пору не должна была быть тоньше 2 м и толще 2,5—3 м; эти размеры судя повсему на практике и предпочитались; последнее объяснялось еще и тем, что подобная преграда не требовала консольного выпоса для расширения боевого хода. Стена же, достигавшая в поперечнике 2,3 м (как в Порховской крепости 1387 г.), такой консольный выпос имела и, следовательно, была менее долговечной (например, в случае пожара, уничтожавшего не только крышу, настил хода, но и деревянные консоли).

Вспредрение огнестрельного оружия больше, чем какое-либо другое техническое событие, отразилось на развитии оборонительных преград. Новое оружие ускорило процесс изменения защитных сооружений и, кроме того, придало этому процессу резкий, временами даже скачкооб-

¹ В Копорье стена после надстройки, по-видимому, в 1370—1390 гг. достигла 9,6—10,8 м.

² Ср.: Витрувий. Десять книг об архитектуре. М., 1936, т. 1, с. 32.

разный характер. Последствия оказались столь значительными, что привели в конечном итоге к ломке всей прежней системы долговременной фортификации. Здесь обозначается малопозученный совпадающий с последним столетием новгородской самостоятельности переходный период от доогнестрельных инженерных систем к победившей пушечной фортификации. Полного разрыва с предшествующей инженерной традицией по ряду причин не произошло. Во-первых, в крепостных сооружениях пред- и раннеогнестрельной эпохи появились принятые в дальнейшем усовершенствования (например, захабы, подковообразные башни, бойницы с нишами, соразмерность и известная регулярность присел стен, стремление к систематической расстановке башен со стороны приступа, многоярусность и высотность башенного огня). Во-вторых, преобразование оборонительных преград проходило в рамках, ранее установленных и учитывающих защитные свойства рельефа местности, так сказать, на старой основе (усиление стен, башен и захабов, добавление к уже сделанному тех или иных деталей). Одним словом, происходило постепенное накопление изменений, породивших новое качество, что вполне соответствовало примерно столетнему периоду становления «проломной» осадной артиллерии и ее сосуществованию с камнеметами (до 1440-х гг.), арбалетами и луками (до 1470—1480 гг.).³

Влияние огнестрельного оружия на укрепления становится ощутимым с того времени, когда оно оказалось в состоянии действовать самостоятельно, без помощи других дальнобойных средств. Это время определяется в соответствии с летописными датами перестроек крепостей — 1430—1460 гг. В тот период внедрение в боевую практику пороха и пушек приняло необратимый характер и сопровождалось рядом очевидных инженерных усовершенствований. К их числу можно отнести устройство специальных артиллерийских узлов обороны с огнестрельными бойницами (башни, включая и воротные), утолщение стен и башен, создание построек, отвечающих преимущественно целям сосредоточенного и верного огня (полукруглые башни и раскаты), увеличение регулярных начал в строительстве укреплений, осуществление полного взаимосочлененного фланкирования, в особенности с опасных направлений, наконец, строительство повышенной огневой защиты воротных въездов и раскатов-бастей.

Общее усиление мощи укреплений началось в 1370—1380 гг., применение пороха и пушек еще более активизировало этот процесс, что отразилось и на социальной планировке городов, и на их размерах. Первоначальные поселения были, как правило, малы — они не превышали (например, в первоначальном Порхове, Орехове и Корельском городке) 0.4—0.9 га. В дальнейшем вокруг Ямгорода и Орешка образовались укрепленные посады, а Порхов был перенесен на довольно вместительный остров. К середине XV в. нормальная площадь провинциального новгородского города составляла не менее 2—2.5 га.⁴ Потребности обо-

³ Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси XIII—XV вв. Л., 1976, с. 70, 74.

⁴ Следует заметить, что создание второй линии обороны и ограждение посадов в новгородское время еще не стало обязательной необходимостью. Предградья Лядогл, Корелы, Копорья, Порхова так и не были укреплены в течение всего рассматриваемого периода.

роны привели к тому, что на смену прежним дотепам приходят чисто гарнизонные цитадели-вышгороды, а вместо укрепленных посадов появляются не всегда равнозначные им охаби. Кремль-цитадели остаются прибежищем военных, гражданских и церковных руководителей, по выражению в домонгольский период социальная расчлененность площади городов к XV в. вытесняется военной потребностью иметь вторую линию обороны (Орешек, Ямгород). Это явление отражало возникновение в крепостях постоянных военных гарнизонов, а также обученных своему делу и охранявших ворота и башни «огненных стрельцов». Пехотинцы и всадники, вооруженные огнестрельным оружием, сформировались на Руси в качестве отдельных подразделений войска не позже последней четверти XV в.⁵ «Огнестрельная» стража крепостей появилась, видимо, много раньше — в первой трети XV в.

Средневековый писатель Ульрих фон Гуттен, оплакивая упадок рыцарства, писал, что в крепостях слышались грубые голоса наемных кнехтов и дурно пахло порохом и собаками.⁶ Отмеченное здесь консервативное отношение к новому оружию и его плебейским посетителям было совершенно чуждо Великому Новгороду (как затем и Московскому царству). Государство, в собственности которого находились осадный парк и главные крепости земли, не знало сословных ограничений в использовании огнестрельного оружия; оно же, очевидно, выступило организатором артиллерийского охранения своих укреплений.

Вплоть до 1470 гг. оборона каменных «городов» была, как правило, сильнее атаки. Положение начало меняться в тот период, когда артиллерия достигла такой силы, что стала пробивать стены крепостей не выстрелами уникальных гигантов-бомбард, а батарейным огнем проломных пушек. По темпу развития боевая техника впервые за долгие десятилетия стала обгонять усовершенствования фортификации. К тому же преобразования военно-нижнего дела второй четверти и середины XV в. носили незавершенный, подчас компромиссный, характер. Неизвестно, как бы дальше развивались эти преобразования, если бы не поворот политических событий. Возникновение Московского государства с его единой общерусской армией и пушечной мануфактурой привело к ускоренному созданию и полному торжеству пушечной фортификации. В последней четверти XV в. развернулась невиданная по размаху тотальная перестройка северо-западных крепостей, включая сам Новгород. Почва к тому была достаточно подготовлена начинаниями предшествующих десятилетий. Небесполезно поэтому в общих чертах коснуться «огнестрельной» реконструкции новгородских крепостей.

Такой перестройке (с 1484 г.) подвергся Новгородский детинец, затем Ладога (1490-е гг.), Ямгород (после 1496 г.), Орешек (1514—1525 гг.) и Копорье (около 1520—1525 гг.). Надо полагать, что активное преобразование упомянутых крепостей наступило после постройки в начале XVI в. второй линии укреплений Ивангорода. Предложенная хронология строительных работ установлена археологически и дендрохронологически, а в целом соответствует приездам в Москву итальянских и

⁵ Ср.: Кирпичников А. Н. Военное дело... с. 94.

⁶ T u l s e A. Burgen des Abendlandes. Wien; München, 1958, S. 206.

греческих «стенных и палатных» мастеров, впервые появившихся при царском дворе вместе с Софьей Палеолог в 1472 г. Пасколько можно уловить по летописным и другим источникам, массовые приезды иностранцев и строителей относятся к 1485, 1490, 1494, 1504, 1513, 1525 и 1528 гг.⁷ Первые значительные крепостные работы были начаты в 1484—1485 гг.⁸ в Москве и Новгороде, а затем распространились и на пограничные города. Блестящий отчетненности строительство достигает в 1510—1520 гг. Оно осуществлялось под руководством «фрязинов», переселившихся в Москву, по-видимому, в основном при приемнике Ивана III — Василии III. Иностранцы зодчие обогатили русскую строительную культуру достижениями западноевропейской техники, но при этом и сами испытали могущественное влияние русской культуры и местных условий. Построенные ими крепостные сооружения наследовали русские традиции, а возведенные тогда на севере государства и образующие единый стилистический ряд постройки из плитного камня не имеют аналогий в других странах, в том числе и на родине их творцов. Строители приспособили повички западноевропейской инженерной мысли к русской действительности. Они, к примеру, придерживались заветной от предшествующих времен свободной планировки крепостей с их высокими башнями (пять-шесть ярусов) и разными по мощи фронтами обороны. При всем том произведение, построенные в конце XV—первой четверти XVI в., знаменовали революционный скачок в истории фортификации, и не только русской. По размаху, темпу и качеству военнотехнических работ Московская Русь выдвинулась на уровень передовых европейских государств своего времени.⁹

Необычайно быстро на всем севере страны сформировалась тогда новая школа крепостного зодчества. Постройки этого класса по толщине примерно в 2—2.5 раза превосходили им предшествующие. Однако не только увеличались физические объемы сооружений, но и изменился весь их строй. Севернорусским пушечным фортификациям рубежа XV—XVI вв. были присущи стандартные каменные конструкции, систематически расставленные, в основном круглые башни, артиллерийские бойницы с печурами и внутрибашенные лестницы, заглубленность до уровня дна рва нижнего яруса башен, устройство в стенах бойниц подожженного боя, полное фронтальное и фланкирующее огневое обеспечение укреплений, основанное на сочетании пушечной и оружейной стрельбы, особая по тщательности кладка с использованием сводчатых перекрытий. В толще стен

⁷ Даты приведены на основании материалов ПСРЛ; см. также: Багер В. Сопоставление России с германскими императорами в конце XV и начале XVI в. — ЖМНП, 1870, март, с. 71 след.; Пирлинг П. Россия и Восток. СПб., 1892, с. 24 след.; Хрептович-Бутенев К. А. Аристотель Фиораванти — строитель Успенского собора. — Старая Москва, М., 1914, вып. 2, с. 47 след.; Шмурло Е. Ф. Курс русской истории. Прага-Чешская, 1933, т. 2, вып. 1, с. 241 след.; Рутенбург В. И. Итальянские источники о связях России и Италии в XV в. — В кн.: Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964, с. 455 след.; Лазарев В. П. Искусство средневековой Руси и Запад. М., 1970, с. 46 след.; Тихомиров М. Н. Российское государство XV—XVII вв. М., 1973, с. 345 след.

⁸ Косточкин В. В. Русское оборонное зодчество конца XIII—начала XVI в. М., 1962, с. 51.

⁹ Ср.: Tuulze A. Burgcn..., S. 205.

у башен помещались печуры, из которых простреливались подступы к последним.¹⁰ Сооружения данного класса строились с равновеликими по толщине стенами и опоясывались валиком цокольного откоса. Детали конструкции возводились с учетом модульных размеров и соразмерности частей. Использовались типовые конструктивные узлы, такие как башни, бойницы, лестницы, вылазы, подъемные решетки, мосты и т. п. По своим признакам эти укрепления, однако, чужды строгой регулярности и шаблонного геометризма в разбивке плана и расстановке башен. Каждой из крепостей (включая и построенную в начале XVI в. в Нижнем Повгороде)¹¹ свойствен набор индивидуальных черт, не исключающий тем не менее их общего архитектурного родства.

При строительстве новых твердынь мастера московской поры не щадили работ предшественников, особенно в тех случаях, когда они казались полностью устаревшими. Так были сломаны стены Орешка, частично Копорья и, возможно, Ямгорода (по поверхности крепостных дворов был рассыпан неиспользованный строительный материал упомянутых сооружений). Однако как ни велика была разница между крепостями новгородской и московской поры, полной смены строительной традиции не произошло. Новгород, Ладога, частично Копорье и, вероятно, Ямгород были перестроены по «старой основе» с включением в новую конструкцию фрагментов старых стен и даже целых оборонительных линий с сохранением контура древней планировки. Строители не только экономили собственные усилия и материалы, они явно считали, что укрепления предшествующей поры иногда могли бы выстоять и в условиях пушечной борьбы. Нашли здесь продолжение многовековой опыт и навыки каменщиков, имевших дело с плитным камнем и полубутовой кладкой.

Совершенные для своего времени творения новой русской «огнестрельной» фортификации означали конечный рубеж развития прежних новгородских крепостей.¹² Но опыт новгородцев по приспособлению укреплений во второй и третьей четвертях XV в. к пороховому оружию не прошел бесследно, он был использован в постройках пушечной эры. Наступившая эпоха «огнестрельных» крепостей контрастно оттеняла свершения предшествующего времени. Каменные стражи Новгородской земли, как бы фрагментарно они ни сохранились, предстают незаурядным свидетельством векового умения и мужества народа, отстаивавшего свою землю в героическую эпоху борьбы за выживание и независимость.

---

¹⁰ Агафонов С. Л. Некоторые особенности сложения русского каменного оборонного зодчества первой половины XVI столетия. — В кн.: Проблемы сиптсца искусства и архитектуры. Л., 1976, вып. 5, с. 60.

¹¹ Агафонов С. Л. Нижегородский кремль. Горький. 1976, с. 20.

¹² Кирпичников А. Н. Каменные крепости Северной Руси. По данным новых архитектурно-археологических исследований. — Вестн. АН СССР. 1982, № 5, с. 95—108. Kirpičnikov A. Steinfestungen Nordrusslands aus der Sicht der neueren bautechnisch-archäologischen Forschungen — Burgen und Schlösser. 1983, H. 2. S. 66—79.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия. М.
БАН	— Библиотека Академии наук СССР.
ВВ	— Византийский временник. М.
ВИ	— Вопросы истории. М.
ГМИЛ	— Государственный музей истории Ленинграда.
ГПБ	— Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ГРМ	— Государственный Русский музей.
ИГАИМК	— Известия Государственной академии истории материальной культуры. М.; Л., Л.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР. М.
КСИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М., Л.
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова.
ЛЗАК	— Летопись запятой Археографической комиссии. Пг.
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР.
ЛОИИ	— Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
ЛООВООПНИК	— Ленинградское областное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.
МАР	— Материалы по археологии России. СПб.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М., Л.
МОИДР	— Московское общество истории и древностей российских.
ПГОИАХМЗ	— Псковский государственный объединенный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.
ПСНРИМ	— Псковские специальные научно-реставрационные производственные мастерские.
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей. СПб., Пгр., М., Л.
СА	— Советская археология. М.
ЦГАВМФ	— Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР.
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов.
ЦГВИА	— Центральный государственный военно-исторический архив.
ЦГИА	— Центральный государственный исторический архив СССР.
SMYA	— Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление	3
Оборопа и военное строительство Новгородской земли	8
Ладога	20
Укрепление Олега Вещего	23
Крепость Мстислава Великого	42
Фортификация времен Ивана III	67
Орешек	92
Новгородский форпост	93
Оборонительные постройки	102
Корела и Тиверский городок	119
«Корельский город»	122
Укрепления средневековой Корелы	128
Тиверский городок	144
Копорье	150
Оплот Водской земли	150
Оборонительные стены	159
Ямгород	180
Черты летописной истории	180
Крепостные сооружения	185
Порхов	210
Исторические сведения	210
Изучение крепости	218
Укрепление 1387 г.	226
Строительство XV столетия	241
Заключение	263
Список сокращений	274

**Анатолий Николаевич
КИРПИЧНИКОВ**
**КАМЕННЫЕ КРЕПОСТИ
НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ**

*Утверждено к печати
Институтом археологии
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Г. И. Грехова*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *С. В. Добрянская, Л. Б. Наместникова*
и *О. В. Олендская*

ИБ № 20698

Сдано в набор 1.08.83. Подписано к печати 23.04.84.
М-18422. Формат 70 × 90^{1/8}. Бумага для глубокой
печати. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 20.18+0.87 вкл. Усл. кр.-отт. 22.80.
Уч.-изд. л. 21.53. Тираж 3600. Тип. зак. 644.
Цена 2 р. 50 к.

Издательство «Наука». Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

